С.П.ЖИХАРЕВ

1

С. П. ЖИХАРЕВ

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ТЕАТРАЛА

С. П. ЖИХАРЕВ

I

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА

ДНЕВНИК СТУДЕНТА

«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1989

ББК 85.443(2)1
Ж75

Вступительная статья М. А. Гордина
Комментарии Л. Н. Киселевой
Указатели А. Г. Кожиной
Подбор иллюстраций И. В. Селивановой
Рецензент — кандидат филологических наук В. П. Степанов
Художник Э. Д. Кузнецов

На фронтисписе:
С. Жихарев.
К. Гампельн.
Миниатюра на кости. 1830-е гг.

Ж $\frac{4907000000-025}{025(01)-89}$ 102-88

ISBN 5-210-00437-6
ISBN 5-210-00438-4

ИСКУССТВО ТЕАТРАЛА

Наши представления о русской жизни начала XIX века, особенно о жизни театральной и литературной, были бы гораздо беднее и бледнее без этих записок. Московский студент, потом петербургский чиновник, светский молодой человек Степан Петрович Жихарев оказался свидетелем и участником многих важных событий на заре «золотого века» русской культуры. В его рассказе, удивительно живом и правдивом, есть то главное, что отличает прозу сочинителя от прозы протоколиста,— читатель Жихарева смотрит на эпоху его глазами, не со стороны, а изнутри видит тогдашние светские гостиные, литературные салоны и закулисные коридоры. Ближе всего автор записок знакомит нас с театральным миром и великими людьми театра, потому что эти люди в его жизни — на первом плане. Он мог бы сказать о себе словами своего знаменитого современника и тоже страстного любителя сцены Сергея Тимофеевича Аксакова: «Почти весь наш круг был составлен из людей, служащих при театре, пишущих для театра и театралов по охоте».

1

Многое из того, что в конце XVIII века казалось нарушением общественных приличий, в начале следующего столетия уже выглядело позволительным и даже входило в обыкновение.

Вельможа екатерининской эпохи не только в службе, но и в частной жизни ощущал себя начальником надо всеми, кто был ниже его чином. И что еще важнее — мало кто не чувствовал себя подчиненным, даже гуляя в саду или сидя в театре. В те времена, к примеру, пожилой и почтенный генерал Олсуфьев посреди оперного спектакля мог в бешенстве вскочить с места и заорать в партер: «Молчите, ослы!» — когда после арии итальянской примадонны восхищенные молодые люди вздумали кричать «фора!». Генерал и в театре ощущал себя государственным человеком и возмутился, что в его присутствии актерами и публикой смеет командовать неведомо кто. По той же причине император Павел особым указом предписал, чтобы зрители не смели аплодировать актерам в тех случаях, когда он сам находился в театре и не рукоплескал.

Но как раз подобные приказания партеру сидеть смирно, не допускавшие и вполне невинной резвости, больше раздражали публику, чем все вахтпарадные бесчинства. Павла сгубила не столько взбалмошная строгость, сколько назойливость: круглосуточная мелочная опека произвела ту всеобщую дворянскую ненависть, что пересилила и страх, и преклонение перед царским величием и расчистила дорогу в спальню Павла «убийцам потаенным». В середине марта 1801 года внезапно изменилось вековое дворянское ощущение жизни. Двенадцатого числа не только вдруг явились повсюду запретные накануне круглые шляпы и сапоги с отворотами, но в единый миг потускнело и начало постепенно гаснуть само это чувство ежеминутной подотчетности начальству.

Партикулярный обиход перестал быть делом государственным.

Дворянский дом сделался особняком. Дворянская повседневность отделилась от государства.

Время текло почти в том же русле, что и в прежние десятилетия, но текло уже иначе: не величественно, не державно, а попросту, без церемоний, приватным образом. Бывшее до того казенной собственностью, оно стало теперь собственностью личной. И в дворянском отношении к жизни появилась чуждая ему прежде свобода и легкость. Поколение, вступившее в круг большого света в начале нового

века, смотрело на жизнь не снизу вверх и не со стороны, но разглядывало ее лицом к лицу — то задумчиво, то насмешливо.

Именно это поколение узаконило в светском быту очки и лорнеты. Можно подумать, что у всех людей XVIII столетия было соколиное зрение,— на портретах того времени не найти человека в очках. На самом же деле и тогда многие страдали близорукостью и надевали очки, но только дома или за работой. Явиться в очках на люди, в общество казалось неприличным. И в павловские времена, по утверждению современника, дошло до того, что все, кто не мог обойтись без очков, должны были оставить службу, потому что очки были строго воспрещены. Взгляд сквозь увеличительные стекла на старшего по чину или положению, либо на даму считался дерзостью: глядеть так значило глядеть нарочито пристально, это отзывалось нескромностью, намерением выискать изъян. Тут чудился вызов, критика, ирония. И вот когда между зоркими стариками и дамами замелькали молодые люди, вооруженные «окулярами», старики возмутились. Рассказывают, что уже в александровское время суровый московский главнокомандующий фельдмаршал граф Гудович продолжал запоздалую войну с очками. Мало того что никто не смел предстать перед ним в очках у него в доме или в канцелярии — даже в посторонних домах, завидев «очконосца», главнокомандующий посылал слугу сказать нарушителю благопристойности, что ему-де нечего тут так внимательно разглядывать и чтобы он немедля снял очки.

Гонения, однако, не помогали. Старый фельдмаршал умер, а титулярные советники все смелее пялились на генералов, а повесы бессовестно лорнировали красавиц. И вскоре уже никого не удивлял светский фат, который, войдя в театральную залу, на виду у всех

Двойной лорнет, скосясь, наводит
На ложи незнакомых дам.

Театральная публика стала вести себя так, как прежде не смела. «Я сидел в кресле и не могу отдать отчета в том, что со мною происходило...— рассказывает восемнадцатилетний чиновник Степан Петрович Жихарев.— То я плакал навзрыд, то аплодировал изо всей мочи, то барабанил ногами по полу — словом,

безумствовал, как безумствовала, впрочем, вся публика... Все особы высшего общества, разубранные и разукрашенные как будто на какое-нибудь торжество, помещались на ложах бельэтажа и в первых рядах кресел и, несмотря на обычное свое равнодушие, увлеклись общим восторгом и также аплодировали и кричали „браво!“ наравне с нами». Таков был дух времени: титулярные советники и генералы оказались уравнены в своих зрительских правах, те и другие могли одинаково громко поощрять или порицать актеров и пьесу. Вельможе, надумавшему грубо осадить не в меру разгорячившийся партер, теперь определенно не поздоровилось бы. И не оттого, что исчезло уважение к начальству,— просто начальство утеряло привилегию устанавливать и диктовать общественные приличия.

Когда в начале 1811 года было основано литературное общество «Беседа любителей русского слова», в его списках имена писателей привычно расставили не по алфавиту, а по чинам. Молодежь возмутилась этим внедрением казенной иерархии в литературу, область сугубо светскую. Избранный в члены «Беседы» поэт Гнедич, приятель Жихарева, написал Державину: «Отдавая справедливость и уважение заслугам по службе, я тогда только позволю себе видеть имя свое ниже некоторых господ, после каких внесен я в список, когда дело будет идти о чинах». Этот гордый жест вызвал одобрение в обществе, копии письма ходили по Петербургу и Москве.

Дворцовый переворот, устранивший Павла I, ничего не изменил в мире чиновном, но произвел революцию в мире светском. Манера светского поведения уже не насаждалась сверху, свет перестал во всем тянуться за двором. И верховным судьею нравов стало общее мнение. Оно не было независимым и смелым. В нем звучали странные, смешные, порою раболепные и зловещие ноты. Но этот голос светской толпы выражал ее собственную добрую или злую волю. Светский круг сделался домашней республикой. И это-то республиканское своеволие и придало тогдашнему дворянскому обиходу изящную беззаботность, которая у молодежи, особенно военной, нередко превращалась в бесшабашность, удальство и разгул. Тут речь пока не шла о высоких идеях или о политике. Речь шла о повседневных привычках и мелочах быта. Небрежная манера

поведения, веселое волокитство, шумные забавы, свирепые дуэли — вот с чего начинало новое дворянское поколение, которому предстояло в молодости пережить эпоху наполеоновских войн, а в зрелых летах 1825 год.

В одной из первых записей «Дневника студента» юный Жихарев без малейшего смущения рассказывает о том, как, поспешая на обед к знакомым, едва не угодил в полицию: «...я наехал на какую-то женщину и совершенно смял ее, так что она очутилась под санями. Вопли и крики! Ехавший мне навстречу частный пристав соскочил с саней, остановил лошадей моих и высвободил беднягу, которая продолжала кричать без памяти. Он спросил меня, кто я таков, и объявил, что хотя по принятым правилам должен бы был отправиться со мною в полицию, но что он не хотел бы мне сделать эту неприятность и потому предлагает дать женщине сколько-нибудь денег на лекарство и тем предупредить ее формальную жалобу. Я бы рад был дать все, что угодно, но со мною не было денег, и когда я объявил о том приставу, то он заплатил женщине 5 рублей своих, с тем чтобы я после возвратил их ему, а впредь старался ездить осторожнее. 〈...〉 Вот какие люди служат в здешней полиции!»

В этой истории, как и во многих других жихаревских записях, самое существенное, что говорит автор о себе и об эпохе, высказано не в словах, а звучит в интонациях, просвечивает между строк. Рассказывая о случившейся с ним неприятности, Жихарев не считает нужным распространяться о ее причинах и, похоже, ему нет дела до ее последствий. На описание самого происшествия хватило двух строк. Затем идет подробный, на полстраницы, рассказ о полицейском приставе. Быть может, впервые в жизни Жихареву пришлось столкнуться с полицией. Он, владелец выезда и кучера, должен был ответить перед законом за слишком быструю езду и понести соответствующее наказание. И что же? Полицейский пристав, вместо того чтобы тащить его в часть, сам предложил ему миром уладить дело тут же на месте. Мало этого, пристав еще и ссудил его деньгами, лишь бы избавить от дальнейших хлопот и неприятностей.

И все-таки приведенный рассказ — это не рассказ о благородстве частного пристава. Смысл его в ином и

угадывается за словами: «Он спросил меня, кто я таков». Для Жихарева ясно, что поведение пристава объясняется прежде всего тем, «кто таков» нарушитель порядка. Пристав делается любезен и предупредителен, когда узнает, что перед ним отпрыск известной в столицах, «хорошей» фамилии. Жихарев, конечно же, с детства привык сознавать свою принадлежность к кругу избранных. Он это свое положение принимает как нечто само собой разумеющееся. Но тут, внезапно попав в затруднительную ситуацию, нечаянно сделавшись героем уличного скандала («вопли и крики»), вынужденный держать ответ перед полицейским чиновником, растерявшийся и раздосадованный («я бы рад был дать все, что угодно»), молодой барин вдруг с новой радостью видит, как в зеркале, в преувеличенной любезности полицейского чиновника отражение собственной природной значительности и достоинства. Понятно, и высокое происхождение не давало права вполне безнаказанно давить прохожих. Но от полицейских придирок и происков, столь опасных в недавнее павловское время (тогда быстрая езда по городу была тяжким преступлением и строго каралась), столбовое дворянство теперь решительно избавилось.

«Записки современника» писал человек, глядевший на мир без опаски. Более того — глядевший на мир с удовольствием.

Речь не идет о мальчишеской восторженности. Юный Жихарев умен, рассудителен, трезв и скорее насмешлив, чем наивен. Хотя он поклонник Карамзина и Шиллера, хотя он много слышал об изначальном несовершенстве мира, а кое-что уже успел испытать на собственном опыте (несчастная любовь), хотя в глубине души (куда читателю его записок нет доступа) он, может быть, немало страдает, но при все том у него явно нет и тени сомнения насчет своей уместности в уготованной ему жизни. На улице, в университете, в гостях у приятелей или на приеме у большого барина — везде он на своем месте. Он здесь как дома, где не слишком тесно и он не чувствует себя ущемленным и где не слишком просторно и он не кажется себе потерянным и одиноким. И потому к людям и к вещам у него отношение свойское и дружелюбное.

Именно этим чувством своего равенства с жизнью, этим легким присвоением себе всего мироздания начи-

ает всякий поэт. И Жихарев в свои семнадцать — девятнадцать лет, то есть в то время, когда он ведет известную нам часть «Записок современника»,— уже стихотворец, драматург, переводчик и к тому же заправский декламатор и актер.

Нередко поэту, мысленно властвующему над миром, приходится осуществлять эту свою власть, сидя тихо и смирно в каком-нибудь жалком закутке. Но что касается тех молодых дворян «хороших фамилий», с которыми явился в литературу Жихарев, они не только в мечтах, но и на деле были с жизнью «на ты». Они жили напропалую, запоем, взахлеб. И в самом умении быть — дышать, осязать, видеть и слышать — Жихарев куда талантливее, чем в своих стихах. Его меткое детское любопытство и высокая страсть наблюдать, запоминать и рассказывать невзначай проглядывает на каждой странице «Записок современника». И пожалуй, самое сильное чувство, возникающее при чтении записок,— зависть к этому бесхитростному умению ощущать прелесть жизни, которым от природы был наделен их автор.

2

Молодость Жихарева выпала на то время, когда словесность сделалась салонной страстью. Литературные занятия (а больше забавы) стали необходимой принадлежностью дворянского обихода.

«Мне подарили маленький кошелек своей работы,— записывает Жихарев,— а я должен был написать что-нибудь в альбом и написал стихи». Конечно, мадригалы девицам сочиняли и прежде, и после, но жихаревское время примечательно тем, что письма, дневники, «альбомная словесность» вдруг оказались важнее и интереснее печатной литературы. Жихарев рассказывает, как «серьезный» писатель и ревнитель прежней литературы, да к тому же еще попечитель Московского университета, чтобы поддержать честь мундира, должен был на пари со спорщицей-девицей сочинять в гостиной стишки на заданные рифмы.

Салонные стычки были авангардными боями литературной войны. И поражение добропорядочной словесности выглядело тем удивительнее, что она отступала под напором легкомысленных буриме, шарад

и, конечно, мадригалов. При всей непритязательности доморощенного сочинительства у него было то существенное преимущество перед высоким творчеством, что автор, пишущий для себя, не претендующий на парнасские отличия, оставался при этом вполне свободен от каких-либо обязательств, неизбежно налагаемых любым служением — и государственным, и литературным. Соблазн независимости от любых литературных приличий — и старых, и новых — оказывался так силен, что порою люди, наделенные недюжинными писательскими способностями, с головою уходили в наивную домашнюю словесность.

Сверстник и впоследствии близкий приятель Жихарева, князь Вяземский, ссылаясь на ходовое суждение, гласящее, что литература есть выражение духа общества, восклицал: «А еще более сплетни. Тем более у нас. У нас нет литературы, у нас литература изустная, стенографам и должно собирать ее». Развивая и детализируя теорию литературного фольклора, Вяземский подчеркнуто противопоставлял досужие рассказы и житейские анекдоты узаконенным литературным жанрам, причем именно самым высоким жанрам. «Сплетня,— утверждал он,— это всеобщая история человека и человечества в малом виде». Слово «сплетня» тут употребляется в значении «гласная повесть», «общая молва». Это, как правило, вовсе не ложь и не сказка, и потому честная «сплетня» в большей степени служит зеркалом общества, чем подцензурная, скованная ученическими понятиями и еще не ставшая для страны жизненной потребностью литература (есть писатели, но еще «нет литературы»). Положенные на бумагу слухи и вести получают значение исторического документа. И эта неофициальная — в малом виде — история эпохи обладает своей, особенной, недоступной «большой» истории достоверностью.

В начале XIX века такая домашняя история создается не менее деятельно, чем домашняя поэзия. Возникает мода на дневники-хроники, дневники-письма — дневник пишется уже не для себя, а для друга. В этом жанре сохранились образцы, замечательные своими литературными достоинствами и значительностью сообщаемых известий: например, многотомные записные книжки того же Вяземского или многотомные заграничные письма — «Хроника русского» — другого

жихаревского приятеля, А. И. Тургенева. Есть и образцы, замечательные прежде всего своей непринужденной болтливостью и обилием мелочных подробностей: скажем, многолетняя переписка-хроника братьев Булгаковых, из которых один был петербургским, а другой московским почтдиректором, профессиональных светских вестовщиков, не стеснявшихся, между прочим, сообщать друг другу сведения, почерпнутые из проходивших через их руки чужих писем.

По-своему замечательны и поденные записки Жихарева, автор которых обнаруживает незаурядный литературный дар и вместе с тем, передавая множество фактов и наблюдений, весьма важных для истории отечественной культуры, тут же с веселой непосредственностью дворянского юнца забрасывает читателей массой самых легкомысленных светских пустяков.

Публикуя свои дневники через полвека после их написания, Жихарев выбрал для них заглавие «Записки современника». Заглавие и точное, и уточняющее. Дневник — разговор с самим собой. Жихаревские записи — дневники-письма, обращенные к читателю. Отсюда — «записки». Но записки могут быть и рассказом о прошлом, тогда как жихаревские воспоминания — о происходящем, о только что случившемся или еще длящемся. То есть это записки с натуры.

Как всякие письма, жихаревские корреспонденции рассчитаны на отклик, как всякие дружеские письма — на сочувствие. Но речь, собственно, идет не о письмах, а об одном бесконечном письме, растянувшемся на многие годы. Разговор затеян не затем, чтобы услышать собеседника, а затем, чтобы самому высказаться перед другом. Юного Жихарева явно одолевает потребность запомнить, закрепить и удержать на бумаге захлестывающий его поток впечатлений. Очевидно, что для него ежедневные ощущения бытия: все эти важные и неважные происшествия, разговоры, анекдоты, слухи — сама плоть жизни — так дороги, что он хлопочет о сбережении их усерднее, чем о сбережении родового имения. Потому что без имения он как-нибудь проживет, а без них его просто нет, они — это он сам.

Оправдываясь перед адресатом письма-дневника в том, что докучает ему своим мараньем, Жихарев рассказывает о встрече с чудаком-барином, который всю

жизнь переводит французских классиков, и переводит очень недурно, но не печатает своих переводов. Жихарев передает разговор с ним: «Я пишу и перевожу сам для себя, потому что люблю труд. Будто, не имея в виду известности, и писать нельзя!» — «Так; однако ж эта известность служит поощрением таланту».— «Это, батюшка, могут думать одни праздные люди, которые не понимают, что есть наслаждение в самом процессе труда. ⟨...⟩ Вот, батюшка, вы, молодой человек, если хотите быть неизменно счастливым во всех превратностях жизни, то любите труд, как любят любовниц,— бескорыстно. ...В одном только труде заключается вся н а у к а счастья, то есть уменье наполнить пустоту жизни...». Жихарев не опровергает утверждений старика, но дополняет их, поскольку он принадлежит к иному поколению, для которого слова «лень» и «праздность» созвучны словам «независимость» и «свобода». Эта молодежь и в безделье, и в забавах, и в светском рассеянии умеет ощущать полноту жизни. Бескорыстная любовь к ходу жизни — вот как мог бы сам Жихарев определить свое понятие о счастье. И недаром тут же речь заходит о свойственном Жихареву неумеренном любопытстве, о его пылкой страсти к театру и вместе с тем о его «ежедневном журнале всем случающимся с ним происшествиям». И в этом разговоре юноша исчерпывающе и кратко определяет смысл своего дневника — эту фразу он потом возьмет эпиграфом к запискам: «...если нам так приятно встречать давно знакомых людей, то еще приятнее некогда встретиться с самим собою в прежней мысли, в прежнем чувстве и в прежнем происшествии».

Это написано в шестнадцать лет и с оглядкой не на прошлое, а на будущее, то есть с намерением не дать пропасть зазря ничему существенному в жизни, а всем этим завладеть и сделать все это навечно своим достоянием: мысли, чувства, происшествия. Для того чтобы появилось такое желание, чтобы появилась эта новая жадность к жизни, необходимо было остро осознать обособленность своей личной жизни от жизни всеобщей. И жихаревский дневник — именно попытка зафиксировать эту обособленность, отгородить свою маленькую Историю от большой истории.

В шестнадцать лет Жихарев начинает вести

Летопись. Речь идет не о самонаблюдении, это не отчет о своей личности, о своих поступках, но отчет о течении жизни. («Ты хочешь, чтоб я писал обо всем без разбора,— обращается Жихарев к своему корреспонденту,— но я и так поступаю, как долгоруковская калмычка Чума, которая, по выражению умного дурака Савельича, «все воспевает, на что ни взирает». Кажется, рублю сплеча все, что ни попадается под руку».) Коль скоро частный человек сделался внутренне независим от государства, у него появилась отличная от государственной, собственная домашняя История. И эта малая История вмещала в себя большую историю как частность, как привходящее обстоятельство.

В жихаревских дневниках есть множество упоминаний о происходивших тогда, в 1805—1807 годах, великих событиях в Европе, связанных с наполеоновскими войнами. Вот русский царь издает манифест о формировании земской милиции, и Жихарева очень занимает вопрос: кто сколько пожертвовал на ополчение. Вот приходят вести и донесения о кровопролитных сражениях, и он с жадностью ловит новости и слушает толки военных людей. Вот дворянская Москва чествует генерала Багратиона, и неугомонный студент сообщает все подробности праздничного обеда... Но при этом автор дневника упорно равняет и сближает великие всемирные события с самыми ординарными и заурядными домашними делами. Так, рассказав об ожидании с часу на час вестей о генеральном сражении в Моравии (это было сражение под Аустерлицем), Жихарев тут же с нарочитой настойчивостью возвращается к обыденным происшествиям, к судьбам вполне безвестных обывателей: «А между тем жизнь частных людей идет своим чередом... Вот в соседстве нашем случилось недавно происшествие, драма или роман — как угодно». И следует длинный рассказ о добродушном простаке, который «дом свой обыкновенно называл своею вселенною» и внезапно увидел себя обманутым женой и лучшим другом... По мнению Жихарева, катастрофы в малой вселенной зачастую страшнее катастроф в большой.

От старшего, карамзинского поколения сверстники Жихарева унаследовали вкус к житейским мелочам и психологическим тонкостям. Из этого внимания к пестрой ткани существования рождалось чувство сию-

минутности, неповторимости, единственности собственного бытия. И все происшествия — великие и малые — оказывались одинаково значительны своей уникальностью. И жизнь самого заурядного человека, будучи отдельной, особенной жизнью, уже одним этим получала такое же право на общее внимание, как и судьба прославленного героя.

Но карамзинское поколение ограничивалось тем, что это свое домашнее величие напряжённо ощущало, переживало.

Тогда как последующее поколение, будто играючи, его осуществляло, проживало.

Для карамзинского поколения история была предметом непрестанных дум и волнений.

Для жихаревского — способом существования.

3

Начавший свое литературное поприще в качестве автора нравоучительных комедий, Загоскин однажды для любительского спектакля в доме московского генерал-губернатора князя Голицына сочинил веселую интермедию. Соль пьесы заключалась в том, что почти все занятые в ней «благородные актеры» играли самих себя: сенатор Башилов играл сенатора Башилова, чиновник Данзас — чиновника Данзаса, известный водевилист Писарев — водевилиста Писарева, знаменитый композитор Верстовский — композитора Верстовского и вдобавок актер Щепкин играл актера Щепкина. Театральная условность иронически разоблачалась. Всякий, кто принимал на себя роль в пьесе, тем самым изображал другого, но этим «другим» оказывался он сам. Забавная шутка Загоскина не была романтической бравадой, ниспровержением ненавистных приличий. Загоскинская ирония очень безобидна: автор интермедии лишь посмеивается над домашней близостью актеров и зрителей любительского спектакля (о чем незадолго перед тем писал в большой и несмешной комедии «Благородный театр»).

Эта свойская близость актеров и зрителей и вправду была особенной чертой «благородных спектаклей», по самой сути отличавшей их от спектаклей профессионального театра.

В публичном театре XVIII века зритель был лишь сторонним свидетелем происходящего на сцене, в боль-

шей или меньшей степени заинтересованным представлением, в большей или меньшей степени завлеченным в театральную игру. Уплатив за вход, зритель не чувствовал себя чем-то обязанным актеру, но, напротив, ждал от театра развлечения или урока в обмен на свои деньги.

Совсем иного рода отношения существовали между сценой и залом домашнего спектакля. Зритель и актер здесь с самого начала находятся в некоем заговоре, они сообщники и соучастники в затеянной ими совместной игре. И в этой игре те и другие по взаимному соглашению, из сочувствия друг другу берут на себя роли: один — актеров, другие — зрителей.

И внешний, и внутренний облик значительной части молодых (да и не очень молодых) светских людей начала XIX века во многом определялся тем, что эти люди обладали изрядным навыком актерской игры или декламации на «благородной» сцене. В самых серьезных дворянских учебных заведениях столицы — Сухопутном шляхетском корпусе и Смольном институте благородных девиц — актерское искусство было на протяжении четверти века одним из главных предметов учебного курса. Сценические упражнения приучали свободно и грациозно двигаться, не робеть и не теряться на людях, а также оставляли в памяти множество прозаических и стихотворных цитат, которыми можно было украсить светскую беседу. На протяжении 1780-х и первой половины 1790-х годов существовал совместный театр юных кадетов и юных «смолянок». Спектакли эти нередко посещал двор, руководил же театром премьер петербургской французской труппы Жан Офрен (предания о нем слышал и записал Жихарев), а из русских актеров Петр Плавильщиков, перебравшийся затем в Москву. Жихарев видел его во многих ролях и встречал в свете, например на обедах у мецената князя Долгорукова. В Москве рассадником «благородных» актеров был театр при Благородном пансионе Московского университета, где учился Жихарев.

В первой же записи «Дневника студента» читаем: «Сказывали, что С. Смирнов переводит «Kabale und Liebe», которую разыгрывать будут на пансионском театре. Хотят мне назначить роль Вурма, потому что я смугл и тощ, а главное, потому что ее никто не берет. Благодарен; будет с меня и Франца Моора, кото-

рого отхлестал я, к полному неудовольствию переводчика». Из этой записи можно понять, что Жихареву не далась роль в шиллеровских «Разбойниках», что он, по собственному сознанию, в ней больше декламировал, чем представлял, «отхлестал» ее. К сценическому лицедейству у Жихарева, судя по всему, не было ни больших способностей, ни особой склонности. Зато декламировал он с удовольствием и с успехом. Без конца читая свои и чужие стихи на званых вечерах, он с гордостью сообщает, что, «кажется, заслужил репутацию хорошего чтеца». Сам Державин постоянно поручал ему читать новые свои творения. Похоже, что именно страсть к декламации побуждала Жихарева писать стихи и внушила ему мысль сочинить длинную пятиактную трагедию «Артабан». Трагедия, по расчетам автора, должна была служить ему «билетом для входа в маскарад света; после, пожалуй, хоть в печку — туда и дорога!». И Жихарев не теряет ни сна, ни аппетита и быстро утешается, когда понимает, что трагедия его и вправду никуда не годится. А дело в том, что и его декламация, и его трагедия, так же как и сочиняемые им комические куплеты и арии для чужих пьесок, над нелепостью которых он первый готов смеяться,— это все лишь необязательные следствия его истинного амплуа: он театрал.

Университетские занятия, а потом чиновничья карьера и светские обязанности отходят на второй план под действием неодолимой тяги к театру. «Эта глупая страсть к театру отнимает у меня пропасть времени»,— жалуется Жихарев, а через несколько дней восклицает: «Но как отстать от театра». Он посетитель всех заметных премьер сперва в Москве, потом в Петербурге и на русском, и на немецком, и на французском театрах. Добрая половина его дневниковых записей — замечания о пьесах и спектаклях, весьма подробные суждения об актерской игре, свои и чужие размышления о сценическом искусстве и записи театральных преданий минувшего века. Столбовой дворянин, он водит дружбу с актерами. И это уже не покровительство барина комедианту, возможное в прежние времена. Тут появляется новая черта — сознание молодым дворянином равенства людей искусства: и поэтов, и актеров, и театралов. А рождается это сознание вместе с новой дворянской породой — породой

закулисных театралов, что явились в публичный театр из театра «благородного».

У тогдашних салонных шутников ходовым каламбуром было наименование актеров-любителей «притворными» актерами (тогда как актеров императорских театров называли «придворными»). Но и светские зрители в некотором смысле теперь тоже становились ненастоящими, «притворными» зрителями. Из стороннего наблюдателя такой зритель желал превратиться в равноправного участника спектакля: новомодному театралу нужен был такой профессиональный театр, где, как и в гостиной, ремесло зрителя позволяло бы ему творить совместно с актером «игру в театр». Он желал и здесь установить приятельские отношения зрительного зала и сцены, для чего надо было «театр сочувствия» превратить в «театр соучастия», чтобы зритель не только любовался искусством актера, но забывался благодаря этому искусству, чтобы не только вчуже, со стороны переживал происходящее на сцене, но входил в положение героя, примерял его роль на себя.

Поясняя традиции старого парижского театра, служившего образцом русским театралам XVIII века, Жихарев замечал: «Страстные любители театра посещали его ежедневно не для того, чтоб слышать или видеть пьесу, которую они слышали и видели сотни раз и знали наизусть, но для того, чтоб слышать и видеть, так ли известный актер сыграет известную сцену сегодня, как сыграл ее вчера, или так ли другой актер произнесет такую-то фразу или тираду, как произносил его предшественник. Актеру дозволялось играть таким образом, какой мог быть согласнее с его средствами, то есть с большим или меньшим воодушевлением, с большим или меньшим возвышением или понижением голоса, но он не должен был не только изменять характера представляемого им лица, но и отступаться от усвоенных ему положений на сцене». Подобные строгие, введенные в тесные границы отношения зрительного зала и сцены юного Жихарева никак не устраивают. Говоря с первым трагическим актером эпохи, Яковлевым, Жихарев сравнивает Яковлева с кумиром предшествующего поколения, прославленным Дмитревским, и при этом объясняет свою зрительскую позицию вполне определенно: «Дмитревский... последователь французской театральной

школы, а всякий последователь этой школы почитает не только излишнее увлечение, но даже излишнее одушевление актера на сцене некоторым неуважением к публике... Я — публика и Дмитревский, профессор декламации, мы совершенно противоположного образа мыслей».

Для молодого светского человека старый театр неприемлем своим казенным духом. Это учреждение, где поведение зрителей регламентировано целым рядом узаконений придворного этикета, где игра актеров стеснена рамками канонов и приличий. В силу своей давности и исторической значимости (за ними стоит внушительный ряд великих имен) классические традиции этого театра получили оттенок официозный и даже официальный, государственный.

Молодое дворянское поколение, напротив, желало придать ему характер сугубо светский, а потому общей задачей этой молодежи было ниспровержение казенных приличий как в зале, так и на сцене. Новые театралы, «обожатели очаровательных актрис» и просвещенные ценители искусства, вознамерились стать еще и самозванными преобразователями сцены. Любители сделались учителями профессионалов.

4

Уже на склоне лет, рассказывая в «Воспоминаниях старого театрала» людям совсем иной эпохи — глухих времен Крымской войны — о пристальном и серьезном внимании светского общества начала века к сценическим и закулисным делам, Жихарев пишет: «...все это происходило сорок пять лет назад, когда театральные дела как на самой сцене, так и за кулисами трактовались с некоторою важностью. Тогда существовали еще записные театралы из людей всех сословий и высшего общества; тогда первое представление какой-нибудь трагедии, комедии или даже такой оперы, как «Илья Богатырь» Крылова, возбуждало общий интерес, производило повсюду толки, суждения и рассуждения; тогда всякая порядочная актриса и даже порядочный актер имели свой круг приверженцев и своих недоброжелателей; между ними происходили столкновения в мнениях, порождавшие множество случаев и сцен... Словом, для театра и театралов было золотое время».

Набиравшее тогда силу дворянское своеволие окрашивало и дух театральных партий.

Интеллектуалы предыдущего поколения все больше занимались романами, боготворили «романических» героев и довольствовались меланхолическим погружением в мечты. Жихаревские ровесники желали во всеуслышание выражать свои чувства. Для них на первом месте оказался театр, где можно было уже не в одиночестве, не в узком кругу, но на публике вздыхать, плакать, смеяться, рыдать, неистовствовать — в согласии с единомышленниками и вопреки противникам.

Вкус публики определенно склонялся в сторону чувствительных — «слезных» — драм и меланхолических трагедий, которые не только возвышали чувства, но при этом еще заставляли лить слезы. По словам Жихарева, первой русской трагедией, заставившей публику плакать, была пьеса Озерова «Эдип в Афинах». Несколько раз юный театрал видел ее на московском театре, где заглавную роль исполнял знаменитый Плавильщиков, а затем смотрел и на петербургском, где Эдипом был не менее известный тогда актер Шушерин. Жихарев оставил подробный анализ, примечательный тем, что мемуарист не вспоминает своего ощущения от спектакля, но только действие отдельных монологов, стихов и даже слов. Важнее общего впечатления от пьесы и фигуры героя были минуты непосредственного, внезапного душевного потрясения, слез и содроганий, вызванных самозабвенным растворением зрителя в персонаже.

Такие минуты запоминались театралу как важные события в жизни, запоминались навсегда.

Рассказав об игре актера Яковлева в другой трагедии Озерова — «Фингал», автор дневника четко формулирует свое понимание театра как искусства потрясающих мгновений. Действие всей большой роли актер сосредоточил в одном полустишии, одном ударе, которым заставлял зрителя внезапно ощутить мощный душевный подъем. «Это полустишие сказано было Яковлевым с такою энергиею, что у меня кровь прихлынула к сердцу. За это полустишие, которым он увлек всю публику и от которого застонал весь театр, можно было простить гениальному актеру все его своенравие в исполнении прочих частей роли Фингала».

При таком отношении к сценическому искусству

актер из исполнителя ролей превращался в глашатая откровений. В этой ситуации драматургия становилась всего лишь более или менее надежным посредником между актером и зрителем. Пьеса, даже самая лучшая, оказывалась только поводом, чтобы комедиант и публика встретились лицом к лицу. И вот тут гениальным порывом — точностью, силой и неожиданностью интонации и жеста — лицедей должен был «разбудить» зрителя. Талант актера определялся этой способностью будоражить души, дарить зрителя эдакими душевными вспышками, озарениями. Актерская школа XVIII века, основанная на изображении всеобщих страстей, а не частных чувств, обращавшаяся к людскому духу, а не к душе и потому не учившая зрителей плакать в трагедиях, не могла воспитать подобного актера. Природное чутье Яковлева дано было не каждому. И новую школу сценической игры еще предстояло создать. Молодые дворяне-театралы видели настоятельную необходимость заняться актерским воспитанием...

В начале 1856 года на сцене Александринского театра шла интермедия Жихарева «13 генваря 1807 года, или Предпоследняя репетиция трагедии „Димитрий Донской“. Драматическая быль в 2 картинах (из записок чиновника)». Престарелый театрал попытался вывести на подмостки любимцев своей молодости. Знаменитости середины века представляли Яковлева, Шушерина, а также самую блистательную трагическую актрису прежней поры — Екатерину Семенову. Сюжет интермедии состоит именно в том, что заведовавший репертуаром русской труппы князь Шаховской устраивает репетицию новой трагедии Озерова нарочно для ветерана российского театра, великого «трагедианта» екатерининских времен, оставного актера Дмитревского. Жихарев изображает нечто вроде символической передачи власти над театром из рук актера-профессионала в руки актера-любителя.

Фигура такого фанатика театра, каким был князь Шаховской, недаром оказывалась в центре жихаревских воспоминаний о закулисных делах. Тут князь зачастую играл главную роль. Он вершил судьбами сцены, и сцена распоряжалась его судьбой. Отпрыск знатной фамилии, в свои двадцать два года Шаховской из офицеров лейб-гвардии Преображенского полка

поступил чиновником в театральную дирекцию. Эта служба не была выгодней или почетней прежней, она не сулила доходов либо карьеры и для аристократа выглядела попросту зазорной. Но князя вел не расчет, не честолюбие, а страсть. Приход Шаховского и вправду означал наступление в театре новой эры, потому что возле него толпилась целая дружина театралов.

По своему влиянию на дела сцены с начальником репертуарной части соперничали многие. Прежде всего — сановник, меценат, знаток художеств Оленин. Драматург Озеров, поручая Оленину присутствовать на репетициях своей трагедии, при этом замечает об актерах: «Над сими вы и князь Шаховской имеете большую силу, власть, права и преимущества».

Из записок Жихарева видно, как много значило за кулисами мнение баснописца Крылова. Иван Андреевич в это время сам занимался с актерами, игравшими в его пьесах.

Весьма заметным человеком в театре становится другой литератор — питомец Московского университета, мелкий чиновник и громогласный декламатор Гнедич. В «Дневнике» Жихарева мы видим Гнедича еще только подступающим к поприщу великого театрала. В жихаревской интермедии он выведен скромным зрителем происходящего. Но здесь уже знаменитая Екатерина Семенова говорит:

— Чем больше вникаю в роль Ксении, тем больше мне кажется, что я не так ее понимаю. Александр Александрович с Иваном Афанасьевичем говорят, что они мною довольны и чтобы я старалась играть как только можно проще. Ну, а другие не то говорят.

Александр Александрович — это князь Шаховской, Иван Афанасьевич — Дмитревский, а «другие» — это, конечно, Гнедич.

В «Воспоминаниях старого театрала» Жихарев обозначил тот день и час, когда знаменитая актриса Семенова, оставив своего прежнего руководителя, Шаховского, начала пользоваться наставлениями Гнедича. Не будучи наделен никакими официальными правами — более того, находясь в весьма натянутых отношениях с театральной дирекцией,— Гнедич мог тем не менее в течение многих лет задавать тон русской Мельпомене. И все потому, что предложенный им и принятый Семеновой стиль трагедийной игры был с востор-

гом принят зрителями. Независимость «первых сюжетов» и дерзких театралов опиралась на влияние и поддержку просвещенной публики...

В пьесе «Предпоследняя репетиция трагедии „Димитрий Донской"» Жихарев с полным правом вывел на сцену и самого себя. В числе других отчаянных любителей сцены он немало сделал для славы тогдашнего театра. И только в роли деятеля — не наблюдателя, а участника закулисной жизни — мог он написать эти пристрастные, увлекательно подробные и меткие театральные страницы своих дневников, которые навсегда останутся необходимы и важны для истории актерского искусства в России.

5

Вольная юность автора «Записок современника» проходила на грани двух сфер существования — жизни светской и жизни закулисной. Из объединения той и другой стихии рождался особенный мир театрального салона. Устремления страстного зрителя в течение тех двух лет, что мы следим за Жихаревым по его дневникам, ведут его в совершенно определенном направлении: от периферии к средоточию этого мира. В конце своего неуклонного пути Жихарев оказывается запросто принят у князя Шаховского и перед ним отворяются двери дома Оленина. Он попадает в круг законодателей нового русского театра.

Пристальное внимание и цепкая память Жихарева при первом же посещении квартиры Шаховского запечатлели множество характерных подробностей этого полусветского, полубогемного быта. В прихожей посетителя встретил «довольно-таки засаленный» лакей, а в гостиной — хозяйка дома, но отнюдь не княгиня Шаховская, а простодушно-говорливая комическая актриса Ежова, невенчанная жена князя. Вполне банальная ситуация — актриса на содержании у барина-театрала — в данном случае приняла совершенно новый вид, потому что «очаровательница» оказывалась в то же время и товарищем по профессии своего обожателя. И за чайным столом в гостиной князя Жихарев наблюдает уникальную в своем роде сходку: камергер двора князь Гагарин, граф Мусин-Пушкин, действительный статский советник Арсеньев — завзятые любители театра, ежедневные посетители спектаклей —

принимают в свой круг мелкотравчатого чиновника, чью трагедию в эти дни репетируют на сцене. И тут же вельможный театрал берет на себя роль покровителя восходящего таланта, возле будущего светила драматической поэзии образуется свой маленький мирок. Знакомства, светские связи в этом случае не менее важны, чем литературные пристрастия. Жихарев не упоминает и, верно, не знает, что сочинивший трагедию чиновник Крюковский воспитывался в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, где его покровитель Арсеньев в то время служил офицером.

Воспитанником корпуса и, как многие его однокашники, страстным актером-любителем был и реформатор тогдашней сцены, самый популярный в то время русский писатель Владислав Озеров. Автор «Эдипа в Афинах», «Фингала» и «Димитрия Донского», заставивших светскую публику проливать потоки слез и безумствовать от восторга, превратил театральное событие в чрезвычайно громкое общественное событие. Необычайная популярность озеровских пьес, чувствительные монологи которых наперебой декламировали светские молодые люди, а барышни пели как романсы, объяснялась прежде всего новизною общего тона этих, по определению современника, драматических поэм: они нравились тем элегическим настроем и той изящной простотою чувств, которых требовало от литературы молодое дворянское поколение и которых решительно не принимало поколение уходящее. Именно «несерьезность» озеровских трагедий, и в особенности торжественно-патриотической уже по самой своей тематике трагедии «Димитрий Донской», вызвала резкое раздражение и враждебность ревнителей прежнего театра, тех, кто утверждал, что театр — учреждение отнюдь не салонное, но государственное, общенациональное.

Жихарев дает весьма выразительное свидетельство этого несогласия старых и новых театралов. «Говорили о „Димитрии Донском",— рассказывает он о беседе между Державиным и престарелым Дмитревским,— и на вопрос Гаврила Романовича Дмитревскому, как он находит эту трагедию в отношении к содержанию и верности исторической, Иван Афанасьевич отвечал, что, конечно, верности исторической нет, но что она написана прекрасно и произвела удивительный эффект. «Не о том спрашиваю,— сказал Дер-

жавин,— мне хотелось бы знать, на чем основался Озеров, выведя Димитрия влюбленным в небывалую княжну, которая одна-одинехонька прибыла в стан и, вопреки всех обычаев тогдашнего времени, шатается по шатрам княжеским да рассказывает о любви своей к Димитрию». Державина возмущало, собственно, не столько вольное отношение Озерова с историческим материалом (этим людей XVIII века трудно было удивить), сколько сугубо неприличная, по его мнению, дерзость Озерова, заставившего знаменитого и почтенного великого московского князя ради нежной страсти пренебрегать и собственной славой, и интересами государства, и, наконец, таким важным делом, как освобождение Руси от татарского ига: исход Куликовской битвы оказывался в зависимости от чувств какой-то вымышленной «небывалой» княжны. В стремлении пресечь сентиментальные восторги публики, вернуть ее к прежним мощным державным идеалам и восстановить уважение к возвышенному стилю Гаврила Романович принимается сам писать трагедии — суровые, мужественные и тяжеловесные. Одна из них была поставлена на сцене, но зрителей не увлекла. По поводу другой Жихарев рассказывает в «Воспоминаниях старого театрала» забавный анекдот, рисующий, в ряду прочих, картину совершавшегося на его глазах театрального переворота. Державин, парируя отговорки князя Шаховского, будто у театра нет денег, чтобы должным образом поставить державинскую трагедию, берется ставить пьесу на собственный счет; Шаховской вынужден согласиться; но из уважения к великому поэту он хочет предотвратить неизбежный провал пьесы и оговаривает свое согласие требованием сокращений и переделок в надежде, что Державин таких условий не примет; Державин, однако, не спорит; беда кажется неизбежной, но тут на помощь Шаховскому приходит Дмитревский, который отлично понимает невозможность перечить вкусам новой публики; Дмитревскому удается отвратить Державина от его затеи, убедив его доводами, взятыми из вражеского арсенала. «Я должен вам откровенно доложить, что я полагал бы лучше вашу бесподобную трагедию представить у вас на домашнем театре: ведь издержки-то будут одни и те же, а между тем декорации и костюмы остались бы дома. Театр у вас прекрасный, да и актеры-то,

право, не уступят придворным, хоть бы, например, Петр Иваныч, Степан Петрович и Вера Николаевна с сестрицею и братцами... а то возиться и хлопотать, а пуще обрезывать или переменять сцены у такого сокровища — для неблагодарных!» — «И вестимо так,— подумавши, сказал простосердечный поэт.— Спасибо, Иван Афанасьевич, за совет. Сыграем ее дома, а ты уж, братец, одолжи меня, похлопочи за репетициями».

И как вывернутое, зеркальное отражение этого эпизода выглядит рассказ Жихарева о премьере первой трагедии Озерова — «Эдип в Афинах»: князь Шаховской, прочитав пьесу, хочет тотчас разучить ее с актерами; но театральный казначей заявляет, что постановка обойдется в тысячу рублей с лишком, а в кассе нет денег, да к тому же неизвестно, окупится ли расход; на квартире у Шаховского собирается «комитет» театралов — Оленин, князь Гагарин, граф Мусин-Пушкин, Арсеньев, Дмитревский, Крылов,— чтобы придумать, как обойти затруднение; внезапно Шаховской посылает за театральным казначеем и объявляет, что готов, в случае провала пьесы, расплатиться собственным жалованьем; и таким образом, благодаря энтузиазму Шаховского-театрала, а не служебному положению Шаховского-чиновника, русский театр вступил на новый путь, где первым крупным достижением стал озеровский «Эдип».

Вельможа Державин готов ставить свою трагедию на собственный счет, но публике его пьеса не нужна. Живущий жалованьем Шаховской может позволить себе рискнуть единственным своим достоянием, потому что уверен в поддержке публики. От вкусов и пристрастий театрала — посетителя лож, кресел и партера — непосредственно зависят кассовые сборы. И потому общее направление репертуару и стилю театра теперь задает мнение гостиных. А непосредственно выбор пьес и воспитание актеров берут в свои руки верховоды театральных салонов. Власть оказывается в руках даже и тех людей, которые, не будучи ни театральными чиновниками, ни домашними людьми у директора театров, ни даже драматургами, как будто не могут иметь никакого влияния на закулисные дела, а между тем ставят на театре то, что хотят, и так, как хотят.

Не актер, не драматург, но именно зритель-театрал самая значительная и самая удивительная фигура отечественного театра начала XIX века, потому что преобразование тогдашней сцены было в первую очередь делом его рук,— новый зритель стал создателем нового русского театра.

6

За пять дней до премьеры озеровского «Димитрия Донского» (слухи о котором уже взбудоражили петербургские гостиные) к Державину приехал встревоженный ревнитель старого слога адмирал Шишков и, по словам Жихарева, очень долго толковал о пользе, какую бы принесли русской словесности собрания, куда допускались и приглашались бы молодые литераторы для чтения своих произведений. Шишков предложил открыть еженедельные литературные вечера. Державин с восторгом ухватился за эту мысль, и так получило начало литературное общество, которое позднее оформилось в «Беседу любителей русского слова». Государственные люди екатерининского времени в стремлении поддержать высокое предназначение словесности — а именно, ее гражданственную роль — пустили в ход не только литературный свой престиж, но и связи, и влияние в столичном обществе, чтобы устроить на свой лад литературную жизнь Петербурга.

Ввиду тесной близости к Державину автор «Записок современника» оказался среди активных сотрудников «Беседы». И мы видим его — наряду с самыми одиозными соратниками Шишкова, вроде графа Хвостова,— в числе действующих лиц известной сатиры Батюшкова «Певец в Беседе любителей русского слова»:

Сотрудники

Он нас, сироток, воскормил!

Потемкин

Меня читать он учит.

Жихарев

Моих он «Бардов» похвалил!

Шихматов

Меня в Пиндары крючит.

Однако, участвуя в «Беседе», Жихарев при этом оставался поклонником легкого, светского литературного стиля и по-прежнему водил дружбу с карамзинистами.

Острое чутье хроникера, страстное любопытство историка безошибочно вели его в гущу назревавших литературных конфликтов. И на первом представлении комедии Шаховского «Липецкие воды», ставшей поводом к яростному столкновению двух лагерей словесников, Жихарев оказывается в креслах Большого театра рядом с Жуковским и Уваровым, которые в тот вечер увидали на сцене свои карикатурные изображения. Присутствовавший когда-то при зарождении «Беседы», Жихарев сделался свидетелем появления на свет и союза ее веселых врагов — Общества арзамасских безвестных людей, коротко — «Арзамаса». А тот же Батюшков, который осмеял Жихарева-беседчика, готов был приветствовать Жихарева-арзамасца. «Жихареву мой поклон. Что делает он у вас? — спрашивает Батюшков князя Вяземского в письме из деревни в Москву.— Его бы в члены: он не ударит в грязь лицом». Жихарев и в самом деле был принят в «Арзамас», а так как по заведенному арзамасцами ритуалу всякий вступивший в общество должен был произнести похвальное слово одному из «живых покойников» «Беседы», то Жихареву пришлось говорить заупокойную речь самому себе...

Средоточие духовной жизни жихаревского поколения постепенно перемещалось в области все более серьезных интересов — из сферы театральных страстей в сферу широкой литературной борьбы и, наконец, в сферу борьбы общественной. И линия житейского поведения Жихарева со строгой неуклонностью следует за переменами в политико-общественных настроениях эпохи: до 1812 года он почти не занимается службой и поглощен лишь театральными заботами, в начале войны он поступает в канцелярию Комитета министров, затем находится при петербургском главнокомандующем и председателе Комитета министров генерале Вязмитинове, а после войны получает заметное место в Собственной его императорского величества канцелярии. Перед Жихаревым открывалась весьма заманчивая карьера. Но в это же самое время он сближается с лидерами левого крыла «Арза-

маса», будущими вождями тайных декабристских обществ — Михаилом Орловым и Николаем Тургеневым. И в конце 1818 года — в момент резкого разочарования молодых либералов в политике Александра I, в момент разрыва мыслящей дворянской молодежи с правительством (именно тогда возникли первые планы цареубийства) — Жихарев, подобно многим тогдашним Чацким, сам внезапно обрывает свою карьеру и выходит в отставку. Несколько лет живет он то в Москве, то в деревне.

14 декабря 1825 года монархия взяла реванш за 11 марта 1801 года — дворянская независимость была раз и навсегда обуздана императорской властью. Для Жихарева, как и для большинства его сверстников, жизнь наглухо закрыла все дороги, кроме одной — дороги чиновника. Жихарев двинулся по ней и преуспел: дослужился до сенаторского звания и чина тайного советника...

«Записки современника» и дополняющие их «Воспоминания старого театрала» освещают лишь небольшой и очень ранний период в долгой биографии их автора. Однако дошедший до нас фрагмент жихаревского дневника, внешне никак не завершенный и внезапно обрывающийся, обладает внутренней завершенностью, поскольку здесь достаточно четко намечено направление будущей судьбы и самого Жихарева, и его поколения.

М. Гордин

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Записки современника» остались после покойного князя Степана Степановича Борятинского в письмах к нему близкого его родственника С. П. Жихарева, с которым, несмотря на разность в летах и на обстоятельства, их разлучавшие, он соединен был, сверх уз родства, искреннею и безусловною дружбою до самой своей кончины.

Князь Борятинский еще при жизни своей успел пересмотреть все эти письма и сделать им строгий разбор: из одних многое, по разным отношениям и уважениям, исключил, другие совсем уничтожил, остальные приведены им в периодический порядок двух «Дневников»: а) Студента, с 1805 по 1807 год, и б) Чиновника, с 1807 по 1819 год, к которым объяснения и замечания сделаны прежде князем, а впоследствии самим С. П. Жихаревым.

Эти «Дневники», кроме собственных приключений писавшего, заключают в себе живую панораму большей части тогдашних современных лиц и происшествий. Трудно настоящим образом судить о степени теперешней их занимательности, ибо самое занимательное в них большею частию уничтожено; но кажется, что и в настоящем виде они не лишены интереса, который, по мере продолжения «Записок», возрастает, точно так же как возрастает неопытный, откровенный и словоохотливый студент в наблюдательного и деятельного чиновника, познакомившегося короче с жизнью и ее превратностями.

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДНЕВНИК СТУДЕНТА

---

*...Если нам так приятно встречать
давно знакомых людей,
то еще приятнее некогда встретиться
с самим собою в прежней мысли,
в прежнем чувстве
и в прежнем происшествии.*

Дневник, 13 мая 1805 г.

1805-й год

2 января, понедельник.

Не беспокойся, любезный брат, я не перестану быть твоим неизменным Гриммом. Писать к тебе обратилось мне в привычку. Благодарю за присылку денег; теперь, вероятно, не одна красненькая запечатывается в пакет для подарка новому студенту. Звание мое не безделица и порадует моих домашних. Ожидаю непременно экстраординарной благостыни. Правду сказать, если б кто шесть месяцев назад вздумал предрекать мне, что в нынешний новый год я поеду поздравлять родных и знакомых моих в синем мундире с малиновым воротником и при шпаге, я бы принял это за обидную насмешку. Однако ж это сбылось. Конечно, прилежания, трудов и хлопот было немало, но что значило бы все это без помощи и содействия доброго моего Петра Ивановича? [1] Он об успехах моих заботился более меня самого. Математика мне не очень далась; но на нее не обратили внимания, и Алексей Федорович [2] — дай бог ему здоровья — сильно поддерживал меня.

Вчера ездил с поздравлением к графу Ивану Андреевичу [3], Ивану Петровичу Архарову, к тетке Вишневской, к брату Ивану Петровичу [4], к Аксеновым и к

---

[1] Магистр Богданов.

[2] Мерзляков, адъюнкт-профессор.

[3] Остерман, государственный канцлер.

[4] Поливанов, впоследствии сенатор.

Кудрявцевым; разумеется, заезжал и к Лобковым — как хорошеет Арина Петровна! Нельзя довольно налюбоваться ею; что за глаза! И эту красавицу, к общей досаде нашей, мать зовет Орюшкою! Звали вечером танцевать; танцами распоряжать будет Иогель. Танцы не по моей части, но как не полюбоваться олицетворенною Терпсихорою!

Граф Иван Андреевич добивался, сколько мне лет и куда я намерен определиться в службу. Не хотел верить, что мне только 16 лет. Не советовал служить в архиве, но ехать прямо в Петербург и определиться в коллегию, сперва на черную работу; обещал дать к кому-то письмо; обласкал, однако ж не посадил. Старик чем-нибудь огорчен или угрюм по природе. Зато как обнимал меня Иван Петрович Архаров! Созвал все семейство смотреть на мой мундир и чего-чего не наговорил: называл милым, умницею, родным и проч. Заставлял насильно завтракать, приглашал обедать, хотел пить шампанское за мое здоровье — словом, я не знал, куда деваться от его нежностей. Говорят, что он со всеми таков и чем малозначительнее человек, тем больше старается обласкать его. Это мне растолковала тетка, которая, бог знает почему, называет эту приветливость кувырканьем; иначе я мог бы возмечтать о себе и бог знает что! Между тем я сегодня попал туда, куда бы и ездить не следовало. Кудрявцев, в великой заботе о моих знакомствах, возил меня к графу Михаилу Федотовичу Каменскому, бог весть зачем, разве только для того, чтоб похвастаться своими связями и что он некогда в кадетском корпусе преподавал графу немецкий язык. Граф, бесспорно, знаменитый полководец и недаром фельдмаршал, но мог бы и не уничтожать меня своим приемом: «В какой это ты, братец, мундир нарядился? В полку бы тебе не мешало послужить солдатом: скорее бы повытерли». И только. Не посадил; простоял больше часу, покамест старики вдоволь не наговорились о прежнем житье-бытье: видишь, в их время будто бы все было лучше. Не мудрено: в их время у них зрение было острее, слух был тонее и желудок исправнее.

Таскался по профессорам: я начал с Страхова и кончил Снегиревым. Добрые, благонамеренные, почтенные люди! все время жизни своей по-

священот другим, в беспрерывных трудах, а с нашей стороны признательности не много. Вот, например, хоть бы взять Никифора Евтроповича . До сих пор как только появится на кафедре, так тотчас наши шалуны и давай повторять третьегоднишную его фразу: «Оное Гарнеренево воздухоплавание не столь общеполезно, сколько оное финнов Петра Великого о лаптях учение есть». Разумеется, конструкция фразы смешна, да зато в ней есть глубокий смысл.

Обнимался с Алексеем Федоровичем и Буринским, который написал превосходные стихи. Сказывали, что С. Смирнов переводит «Kabale und Liebe», которую разыгрывать будут на пансионском театре. Хотят мне назначить роль Вурма, потому что я смугл и тощ, а главное, потому что ее никто не берет. Благодарен; будет с меня и Франца Моора, которого отхлестал я, к полному неудовольствию переводчика [2].

3 января,
вторник.

Обедал у князя Михаила Александровича Долгорукова и время провел чрезвычайно приятно. Князь по-прежнему такой же любитель театра и покровитель русских актеров. Я встретил у него Плавильщикова, Померанцева, Украсова и Злова. Сила Николаевич Сандунов перестал к нему ездить, и о нем не жалеют. Бойкий талант, ума палата, язык — бритва, но неуживчив. За обедом много рассуждали о театре и театральном искусстве. Ораторствовал Плавильщиков. В качестве действительного студента позволил я себе некоторые возражения, что нашему Росциусу, кажется, было не по нраву, особенно когда я упомянул о петербургских актерах Шушерине и Яковлеве. «Шушерин еще и так и сяк,— сказал он,— но Яковлев неуч. Я не видал их, следовательно, защищать не мог. Плавильщиков написал новую комедию «Братья Своеладовы», которая представлена будет в его бенефис. Злов сказывал, что в половине месяца пойдет и моя опера «Любовные шутки», которую переводил я по

---

[1] Профессор Черепанов.

[2] Ник. Ник. Сандунов.

заказу Соломони. Эта глупая страсть к театру отнимает у меня пропасть времени. С завтрашнего числа запрусь дня на три дома, чтобы выиграть прошатанное время.

6 января,
пятница.

Большой бал у Высоцких. Кузины наши показывали мне свои наряды: кружева, кружева и кружева; есть в четверть аршина шириною. Много денег оставлено в магазине мадам Обер-Шальме! достаточно было бы на годовое продовольствие иному семейству. Недаром старики эту Обер-Шальме переименовали в Обер-Шельму. Мы с Петром Ивановичем ездили взглянуть на освещенные окна дома Высоцкого. Вся Басманная до Мясницких ворот запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерам раздавали по калачу и разносили по стакану пенника. Это по-барски. Музыка слышна издалече: экосез и а-ла-грек так и заставляют подпрыгивать.

8 января,
воскресенье.

Были на пирушке у Гаврилы Ивановича Мягкова [1]. Домик на Мясницком Валу прехорошенький, жена красавица в полном смысле слова. Счастливец! Домик и жена приобретены трудами; тем более они для него драгоценны. Пили пунш и слушали игру хозяина на арфе — прекрасно! Как находит он время заниматься музыкою! Геометрия и музыка, арфа и фортификация как-то не гармонируют между собой. Все были несколько навеселе, и Алексей Федорович острил беспрестанно. Нет человека любезнее его, когда он нараспашку. Я все смотрел на хозяйку: какой бы этюд для Тончи! Завтра приглашает нас И. И. Дмитриев на вечер. Петру Ивановичу нельзя: у него вечерние уроки у Скульских и графинь Гудовичевых. Поеду один.

---

[1] Преподаватель фортификации.

9 января,
понедельник.

У Ивана Ивановича никого из записных охотников читать стихи свои не было. Зато сам хозяин заставил меня прочитать послание его к Державину в ответ на присланные стихи без подписи нашего Пиндара.

Бард безымянный, тебя ль не узнаю?
Орлий издавна знаком мне полет,
Я не в отчизне, в Москве обитаю,
В жилище сует!

Вот так стихи! Иван Иванович владеет языком мастерски. Платон Петрович Бекетов толковал все о своей типографии. Это истинный ревнитель отечественного просвещения; при больших способностях он был бы другим Новиковым, и особенно теперь, когда нет ни одной отрасли наук, которой бы правительство не поощряло. Иван Иванович, которому Бекетов близкий родственник, говорит, что он не щадит ничего для учебных и литературных предприятий и даже расстроил на них свое состояние. Иван Иванович жалеет, что пособия Платона Петровича падают большею частью на бездарных писателей, довольно назойливых. Дождит на злыя и благия!

12 января,
четверг.

Наконец вот письмо из дому с деньгами: 300 р. от матушки, 5 золотых империалов и 10 червонцев от батюшки и тетки княжны Марьи Гавриловны очень, очень кстати. Отец посылает мерлушек на два тулупа для обоих нас с Петром Ивановичем и ему особенно пару лошадей. Эти пегасы также очень ко времени, потому что уроки Петра Ивановича умножаются; одной моей пары становилось для обоих нас недостаточно; теперь, когда я перешел Рубикон, некоторые лишние выезды не могут быть для меня предосудительны; я успел уже заказать Занфтлебену пюсовый фрак из лучшего сукна и синие панталоны,

с узорами по бантам à la hussard[1], за 40 р.— дорого, да мило. Между тем, по случаю радостного события, едем завтра к отцу Иоанну[2] на вечеринку. Там будет и Василий Иванович[3], которого слово в институте так всем понравилось. Как удачно он умел выбрать текст к этому слову: «иныя не имам радости, да вижду чада моя во истинне ходяща». Для преподавателя закона божия нельзя было отыскать текста приличнее.

Говорят о назначении И. И. Дмитриева сенатором. Дай бог! Кроме таланта, нелицеприятен и не подвержен ничьему влиянию.

16 января,
понедельник.

Сегодня у Антона Антоновича встретил Жуковского. Чуть ли не будет он сотрудником Каченовского в издании «Вестника Европы»; по крайней мере, Антон Антонович этого желает. Как удивился Жуковский, когда я прочитал наизусть новые стихи его, которые нигде еще не напечатаны и никому не были читаны, кроме самых его близких. Антон Антонович очень забавлялся этим, и «вот (сказал) каковы-та у нас студенты-та; все-та на лету ловят; а кабы поменее-та по театрам шатались, так бы и в математике-та не отставали». Я сгорел: не в бровь, а прямо в глаз; да, впрочем, за дело, за дело: что за бессчетный студент! Однако ж не теряю надежды: Андрей Анисимович[4] вдолбит что-нибудь в бедную мою голову во время вакаций. Но как отстать от театра?

---

[1] По-гусарски (*франц.*).

[2] Отец П. И. Богданова, умный и благочестивый старец, бывший диаконом в приходе архидиакона Евпла и отказавшийся добровольно от священства.

[3] Старший брат Петра Ивановича, священник и законоучитель института со времени его учреждения. Скончался в запрошлом году.

[4] Сокольский, преподаватель арифметики и геометрии.

17 января,
вторник.

Поспешая сегодня на обед к Лобковым во всю прыть моих каурок, я наехал на какую-то женщину и совершенно смял ее, так что она очутилась под санями. Вопли и крики! Ехавший мне навстречу частный пристав соскочил с саней, остановил лошадей моих и высвободил беднягу, которая продолжала кричать без памяти. Он спросил меня, кто я таков, и объявил, что хотя по принятым правилам должен бы был отправиться со мною в полицию, но что он не хотел бы мне сделать эту неприятность и потому предлагает дать женщине сколько-нибудь денег на лекарство и тем предупредить ее формальную жалобу. Я бы рад был дать все, что угодно, но со мною не было денег, и когда я объявил о том приставу, то он заплатил женщине 5 рублей своих, с тем чтобы я после возвратил их ему, а впредь старался ездить осторожнее. Этого почтенного человека зовут Иван Петрович Гранжан, и Петр Тимофеевич за обедом сказывал мне, что он бывает с семейством у них, принят в лучших домах и уважаем начальством. Вот какие люди служат в здешней полиции! Николай Петрович Аксенов также был здесь несколько лет, еще при Эртеле, частным приставом; а какой человек, что за душа и обращение и как вообще уважаем всеми, несмотря на недостаточное состояние! Правду говорят, что не место красит человека, а человек — место.

19 января,
четверг.

Любовные мои шутки — вовсе плохие шутки. Опера не понравилась публике, а еще более мне: холодно, вяло и скучно. Бедная Соломони пела хорошо, голос у ней огромный, да как-то все не ладилось. Лизавета крестьянка, а она представляла какую-то барыню, хотя и брала уроки у Сандуновой. Я думаю, без этой наставницы, которая порядочно жеманится, она сыграла бы лучше. Впрочем, в неуспехе пьесы виноват один бенефициант: зачем выбирать такой вздор? Петр Иванович говорит, что я лучше бы сделал, если б не

отказался от предложенных мне Соломони 50 р. за перевод: по крайней мере душа бы не болела.

Балет «Мщение за смерть Агамемнона», во вкусе Новерра, как гласит афиша, прошел так и сяк: какой Эгист, какой Орест и какая Электра! В этой Электре ни искры электричества. Говорят, что она выходит замуж за старика-англичанина Банкса, известного торговца лошадьми. Он большой приятель с Н. П. Аксеновым, который содействием и пособием его развел свой конный завод и свой известный огромностью рогатый скот — единственные теперь источники его доходов.

Старшая Соломони играла концерт на скрипке с полным оркестром. Это лучшая часть бенефиса.

20 января, пятница.

Ай да Freiherr von Steinsberg! Ай да Malteser Ritter! [1] как ухитрился он поставить такую сложную пьесу, какова вторая часть «Русалки», на маленькой сцене демидовского театра, со всеми переменами декораций, полетами, превращениями и бог весть с какими еще затеями, при его ограниченных средствах! Как бы то ни было, «Русалка» прошла весело. Театр ломился от зрителей, несмотря на возвышенные цены: ложа 12 р., кресла 2 р. 50 к., партер 1 р. 50 к., галерея 1 р.— дорогонько! Мамзель Штейн играла русалку, Штейнсберг — Минневарта, Короп — Ларифари, мадам Гебгард — старуху Jungfer Salome, Литхенс — рыцаря Адальберта, Вильгельм — ловчего, мадам Штейнсберг — Берту и проч. Мамзель Штейн принимали прекрасно, кричали несколько раз voraus [2], а Kanon между ею, Штейнсбергом и Вильгельмом: «Nach Regen folget Sonnenschein» [3] заставили повторить три раза. Право, Штейнсберг — волшебник. В продолжение одного года сформировать труппу, в которой одни и те же сюжеты играют сегодня шиллеровских «Разбойников», а завтра «Русалку», сегодня «Kabale und Liebe», а завтра «Die deutschen Kleinstädter» или «Zigeuner», сегодня

---

[1] Мальтийский рыцарь (*нем.*).

[2] Вперед (т. е. к рампе; *нем.*).

[3] «За дождем выходит солнце» (*нем.*).

«Беньовского», а завтра уморительного «Das neue Sonntagskind», и играют очень недурно. Это, право, непостижимо; и между тем из каких лиц составлена эта труппа? Кроме Штейнсберга, который, несмотря на свое баронство и мальтийский крест, может назваться превосходным актером во всех амплуа, все актеры его труппы большею частью Anfänger [1] из петербургских мастеровых. Даровитая мамзель Штейн, играющая русалку, Амалию, Луизу и проч.,— булочница, брат ее — переплетчик, Литхенс — каретный обойщик, Короп — сиделец из винного погреба, Петер — столярный подмастерье, Кан — садовник, Беренс — портной, Вильгельм Гас — писец из конторы нотариуса, после нотный переписчик и, наконец, музыкант, Эме — деревенский эконом, Кистер [2] — золотых дел подмастерье. Подумаешь, какой сброд! и что из него вышло? Все эти актеры — сами декораторы, сами костюмеры, сами машинисты, сами портные, сами копиисты. Штейнсберг не нанимает ни одного постороннего для надобностей своего театра. Удивительное свойство угадывать дарование в людях, привлекать их к своей цели и в то же время заставлять их любить и уважать себя. Сколько ни осторожен пастор Гейдеке в суждении о людях, как он ни проницателен и опытен в сношениях с ними, однако ж утверждает, что молчаливый и задумчивый Штейнсберг имеет способность неотразимо действовать на кого он захочет.

22 января,
воскресенье.

Приходил Ф. П. Граве. Он непременно хочет играть на немецком театре. Сколько мы ему ни возражали и ни указывали на неприличие такого поступка, он стоит на своем. На прощанье объявил, что уже выучил несколько ролей и скоро дебютировать будет в какой-то роли влюбленного башмачника. Завтра же отправлюсь к Штейнсбергу и попрошу, чтоб не допускал такого скандала. Один из лучших воспитан-

---

[1] Новички (*нем.*).
[2] Нынче камергер одного немецкого двора, барон и миллионер.

ников университета благородного пансиона, студент, получивший золотую медаль и которого имя, как отличнейшего воспитанника, осталось на золотой доске, будет играть роль влюбленного башмачника и большею частью перед вовсе не влюбленными сапожниками. Есть от чего с ума сойти!

23 января,
понедельник.

Дело Граве могли уладить только вполовину. Сколько его ни усовещивали, он и в ус не дует. Несет свое, уверяет, что это вдохновение и он чувствует свое призвание. Непонятно, что случилось с ним: ему давно за двадцать, а стал хуже всякого капризного ребенка. Положили покамест на том, что будет по крайней мере дебютировать после пасхи и под другим именем. Он выбрал себе латинское прозвание: Nemo [1]. Теперь, если убеждения на него не действуют, придется прибегнуть к другому лекарству — свисткам: авось они отучат его от паясничества. Добро бы имел настоящий талант или был какой красавец — сердце бы не болело; а то вроде рыцаря печального образа, с присовокуплением огромной сутулины. Впрочем, Штейнсберг говорил — qu'il ne faut rien précipiter [2] и заранее огорчать его, а что дело обойдется само собою.

За хлопотами о нашем Nemo не был сегодня во французском спектакле. Давали оперу «Paul et Virginie» и комедию «Fausses consultations». Может быть, и к лучшему: деньги дома, а мадам Кремон что за Виргиния! Кругленького личика и затянутой талии недостаточно для этой милой роли.

Белавин сказывал, что Савинов, дебютировавший вчера в роли Алексея в драме «Беглый солдат», ниже всякой критики. Это будто бы Прусаков, помноженный на Кондакова.

---

[1] Никто (*лат.*).

[2] Не надо ничего торопить (*франц.*).

26 января,
четверг.

Был в бенефисе Сандуновой, в ложе князя Михаила Александровича. Та же вечная первая часть «Русалки». Княжны восхищались бенефицианткою, а мне как-то грустно видеть эту даровитую певицу в таких ролях, которые вовсе к ней не пристали. Я не смел высказать свое мнение, потому что предвидел обыкновенное возражение: «Небось ваша мамзель Штейн лучше?» Но помилуйте, женщина в летах, небольшого роста, очень, очень полная, чтоб не сказать толстая, прыгает, пляшет или, вернее, хочет прыгать и плясать, как 18-летняя хорошенькая, безыскусственная, веселая немочка, у которой роль русалки в ее природе, ибо эта роль составлена большею частью из вальсов, национальных немецких песен и танцев и проч. Что же тут хорошего? Удивительно, как люди мало знают свои средства! Сандунова не играет в «Волшебной флейте», предоставляет прекрасную роль Памины Бутенброковой и ломается в «Русалке»! Настоящие роли талантливой Сандуновой, как певицы и актрисы, в операх итальянских: в «Molinara», в «Дианином древе», в «Cosa rara», в «Венецианской ярмарке», в «Serva padrona» и проч. и проч. Пусть играет и Наталью в «Старинных святках»: тут ей можно пощеголять своим пением в куплетах: «Слава богу на небе» и проч., пусть поет в «Водовозе», в «Элизе, или Путешествии по ледяным горам» и проч., слова нет: это не амплуа; но русалка — ах, господи! Полунагая, вертлявая нимфа с ее фигурою и формами и с ее итальянским жеманством!.. Лицо до сих пор сохранило свою приятность, физиономия игрива, но нет натуры, как утверждает и сам Штейнсберг, а он непогрешительный и беспристрастный судья в этом деле. Отчего русалки не играет Насова, хорошенькая, веселенькая актриска и премиленькая певичка с верным голоском? Я редко в ком видал столько натуры, при совершенном отсутствии всякого жеманства. Говорят, танцевать не умеет; да у кого ж ей, бедняге, было и учиться?

Штейнсберг говорит, что в Петербурге русалку бесподобно играет Черникова [1], воспитанница театраль-

[1] Впоследствии Самойлова.

ного училища, и что такой актрисы в роли русалки никогда не бывало, по крайней мере видеть ему не случалось ни в Вене, ни в Берлине. Как бы хотелось взглянуть на этот феномен! Говорит, что и Воробьев, ученик Мартини, или Маркетти, отлично играет Тарабара и хотя спал с голосу, но умеет управлять им так, что этого почти не заметно.

Я слышал от А. А. Арсеньева, что управляющий театром от воспитательного дома князь Волконский посылал Волкова, играющего здесь Тарабара, нарочно в Петербург поучиться у Воробьева — как он выражается — тарабарской грамоте и Волков точно усвоил будто бы манеру своего образца; может быть; только, кажется, пересолил и вместо пения лает по-собачьи.

28 января,
суббота.

Сегодня, в бенефис мадам Дюпаре и Mérienne, давали мелодраму «Le Jugement de Solomon» и оперку «La Danse interrompue». Первая пьеса, несмотря на пространное и высокопарное объявление о ее высоком достоинстве, о господствующей в ней с первой до последней сцены нравственности и проч., есть такое литературное уродство, которому и названья придумать не умею, и, сверх того, так скучна, так скучна, что мочи нет! Это древняя мистерия вроде той, «как Олоферну царю Юдифь отрубила голову». Рыжая m-me Duparai играла Соломона, а m-me Mérienne — настоящую мать ребенка. Охота же французам давать такой вздор, а нам платить за него деньги! Зато «La Danse interrompue» — премиленькая пьеска и прошла весело.

Николай Иванович Кондратьев разгадал мне, отчего в афишах перед фамилиею некоторых актеров и актрис ставится буква Г., то есть господин или госпожа, а перед другими нет. Это оттого, что последние из крепостных людей, например Уваров, Кураев, Волков, Баранчеева, Лисицына и проч., и что когда они зашибаются, что случается нередко, то им делается выговор особенного рода. Однако ж носятся слухи, что русский театр присоединится к театральной дирекции, от которой назначится особый директор, и что все эти не-господа приобретутся в принадлежность дирекции, с присвое-

нием им буквы Г. Дай бог! Нет сомнения, что казенное управление исправит теперешнюю неурядицу и обратит внимание на некоторые отличные таланты, не имеющие покамест будущности.

Завтра опера «Иван-царевич». Непременно еду; а на днях у французов «L'Amant-statue» — опера, в которой Сандунова играет роль Селимены по-французски. Вот еще новость!

29 января,
воскресенье.

Под шляпку-невидимку
Скрою белую личинку.
Сапожки-самоходы
Отслужат мне походы,
и проч.—

кажется вздор, а так и поется. Очень понимаю, отчего немцы любят пьесы, составленные из их национальных Märchen [1] и преданий. Все родное как-то шевелит сердце, и, несмотря на нелепость вымысла, тарабарский язык и варварские стихи, нарочно подобранные из сочинений Тредьяковского, пьеса смотрится и музыка слушается с большим удовольствием, чем какой-нибудь «Суд Соломона» и подобные ему пьесы, от которых да избавит Аполлон всякого посетителя русского театра! Дело в том, чтоб только не умничать и не искать премудрости там, где ее быть не должно. Опера «Иван-царевич» — сказка в действии, и действие расположено просто и не сбивчиво: начало и конец на своих местах; напевы нехитрые, без заморских вычур, но как-то давно знакомые, затверженные в детстве. Кому не нравятся эти напевы, тому придется воскликнуть вместе с Карлом Моором: «O meine Unschuld, meine Unschuld!» [2]. Петр Иванович смеется, что я езжу в такие пьесы, в которых нет пищи ни для ума, ни для сердца. В этом мы никогда не согласимся с ним: он воспитанник города, а я выкормок деревенский.

Мочалов — Иван-царевич хоть куда, играл и пел очень порядочно: разумеется, Уваров был бы превос-

---

[1] Сказок (*нем.*).
[2] О, моя невинность! (*Нем.*).

ходнее Мочалова во всех отношениях, но как быть! сравнения в сторону: они убивают наслаждения. Comparaison n'est pas raison [1]. Сцена леших шла уморительно: Волков и Кураев оба на своих местах.

4 февраля,
суббота.

В эту неделю много кой-чего насмотрелся и наслушался. Во французском театре даны были «La Petite ville» и «Le Calif de Bagdad». Мне кажется, первая пьеса есть не очень удачное подражание комедии Коцебу «Die deutschen Kleinstädter», но вторая — очень миленькая опера, и музыка прекрасная. Мы смеялись от души, когда пел хор: «C'est ici le séjour des Graces» [2], тогда как сцена наполнена была преуродливыми французскими харями. Видел Сандунову в роли Селимены в «L'Amant-statue». Французы пригласили ее играть для сбора, точно так же как в прошлом году приглашали они здешнего французского каллиграфа Le Maire, урода и дурака, читать на сцене оду его первому консулу с посвящением пука перьев своего очина. Ле-Мер принят во всех домах, служит общим plastron [3], и потому театр был полон: все хохотали, когда при громком завывании всех бывших на сцене французов: «Allons, enfants de la patrie!» [4] стали поднимать Ле-Мера на воздух, будто бы в храм славы, в виде гения, в прическе á la Louis XIV. Все это могло идти к Ле-Меру, но Сандуновой не следовало бы входить в эту французскую аферу. Пощеголять французским языком могла бы она и не на сцене, хотя, впрочем, и щеголять нечем: болтает так себе, как и все наши барыни.

Третьего дня в бенефис Плавильщикова театр был полон. Чтоб судить о комедии его «Братья Своеладовы», надобно прежде ее прочитать, а то я не очень ее понял. Мне показалось, что она не так-то понравилась, хотя публика после и аплодировала, и особенно — горячие друзья бенефицианта не сидели поджав руки. Жаль,

[1] Сравнение — не довод (*франц.*).
[2] «Вот здесь обитают Грации» (*франц.*).
[3] Шут (*франц.*).
[4] «Сыны отечества, вперед!»
(*Франц.*, начальный стих «Марсельезы»).

что и первый наш трагик, наш Гаррик и Лекен, как называет его князь Михайло Александрович, прибегает к паясническим средствам для привлечения публики. Заставили плясать какого-то карло, которого в афише называют **маленьким карло**, как будто карло может быть большой!

Ездили с Хомяковым к М. И. Ковалинскому, бывшему при покойном государе нашим рязанским губернатором. Я видел его в малолетстве и теперь рад был познакомиться с ним покороче. Очень умный, приятный и приветливый человек, хотя в бытность его губернатором и не то о нем говорили; но другие времена — другие нравы. Он, кажется, немного мистик. Обещал со временем ссудить меня сочинениями Сковороды, который был его наставником. Манускрипт этих сочинений беспрестанно у него на столе перед глазами. Я просил дозволения пробежать несколько страниц в то время, как он разговаривал с другими, и напал на какую-то статью под названием «Потоп Змиин». Ничего не понял. Петр Иванович говорит, что это оттого, что в голове m-lle Stein «Русалка». На этот раз не угадал: то, да не то.

8 февраля,
среда.

Рассказывают об остроумном ответе главнокомандующего графу Хвостову, который в разговоре очень негодовал, что Ив. Ив. Дмитриеву присвоили в Москве название русского Лафонтена. Чтобы утешить графа, Александр Андреевич сказал ему: «Ну так что ж? Пусть Дмитриев будет нашим Лафонтеном, а ты — нашим Езопом».

Как неприятно разочарование! Еще намедни вечером у Прасковьи Михайловны Толстой слушал я премилое послание к ней князя Ивана Михайловича Долгорукова, читанное самим автором. Некоторые другие стихотворения его я уже знал и всегда любовался ими как отголоском нежного и любящего сердца. Но вот вчера доставили мне старую запачканную тетрадь, которая оказалась копией с определения пензенского верхнего земского суда 20 июля 1795 г. о побоях, причиненных прокурором Улыбышевым вице-губернатору князю Долгорукову за привлечение жены его, Улыбышева, к рас-

путству. Что кн[язь] Долг[оруков] человек весьма нежных чувств, в том нет сомнения; что он влюбился в Улыбышеву, то это весьма естественно; но чтобы мог писать такие пошлые любовные письма, какие находятся в этом определении, я никогда бы поверить не мог. Вот небольшой образец слога обоих любовников. Он: «Нет, не страшись! Отдай мне больше справедливости: не только на театре, но в собраниях целого света скажу, что ты мне не только мила, но ниже какая женщина в силах будет отвлечь мое сердце от тебя и скинуть те легкие и дорогие цепи, кои ты одна в моем нынешнем положении могла и умела накинуть; тебе дано было судьбою все сердце мое себе присвоить, отняв его даже у тех, кои от начала мира имели право по всем законам (!!); так не страшись ничьих прелестей: никакие красоты Лизаньки моей в глазах моих не превзойдут. Ах, друг мой, в естестве нет сильнее моей страсти; душа моя, будь здорова!!! Матушка, жизнь моя! бог мой! как воображу, что я в твоих объятиях, то я вне себя» и проч. Она: «Ах, на что вы дали повод открыть мои чувства? Знай, что я тебя люблю; если тебе надобно, я всему свету оное сказать готова. Ах, что вы делаете, какое вы пронзаете сердце! Меня все в страх и трепет приводит; по крайности из жалости выведите меня из сего адского положения». Или: «Там... жизнь моя, кинувшись на шею к тебе, прижимая тебя к груди моей, попрошу одного слова, одно, что меня любишь, сделает меня счастливою! Скажи это, друг мой, скажи, утешь свою подданную, воскреси рабу твою, дай жизнь вашей любовнице,— ах, как я вас люблю! или научи, как выдрать пламя из недра моего сердца», и проч. Он: «Я, любовь и природа нас соединяет, потому что не свечи влекут нас и никакие клятвы богу, пред престолом брачным воссылаемые от супругов, но любовь и глас природы, то есть связь и сила чувств природы, в сердца наши влагаемые, нас соединяют тесными узами, кои никогда не разорвутся» и проч.

Из этого следует, что сочинять прекрасные стихи и писать хорошо любовные письма — не одно и то же. Suum cuique [1]. Видно, при всяком начинании необходимо иметь в виду латино-греческий девиз Аретина Арецкого: «Nosce te ipsum» [2].

---

[1] Каждому свое (*лат.*).

[2] Познай самого себя (*лат.*).

10 февраля,
пятница.

Кузины мои Семеновы и княжны Борятинские возили вчера меня на бал к Петру Тимофеевичу Бородину, откупщику и одному из московских крёзов. Я охотно поехал — не для танцев, которых по застенчивости моей терпеть не могу, а так, из любопытства. Что за тьма народа, что за жар и духота! Прыгали до рассвета. Много было хорошеньких личик, но только в начале бала, а с 11 часов и особенно после ужина эти хорошенькие личики превратились в какие-то вакханские физиономии от усталости и невыносимой духоты; волосы развились и рассыпались, украшения пришли в беспорядок, платья обдергались, перчатки промокли и проч. и проч. Как ни суетились маменьки, тетушки и бабушки приводить в порядок гардероб своих дочек, племянниц и внучек, для чего некоторые по временам выскакивали из-за бостона, но не успевали: танцы следовали один за другим беспрерывно и ни одна из жриц Терпсихоры не хотела сойти с паркета. Меня уверяли, что если девушка пропускает танцы или на какой-нибудь из них не ангажирована, то это непременно ведет к каким-то заключениям. Правда ли это? Уж не оттого ли иные mamans беспрестанно ходили по кавалерам, особенно приезжим офицерам, и приглашали их танцевать с дочерьми: «Батюшка, с моею-то потанцуй». Многие не раз подходили и ко мне, но меня спасала кузина Александрина с Ариной Петровной: «Il ne danse pas, madame. C'est un campagnrad qui ne vient au bal que manger des glaces» [1]. Проказницы! В кабинете хозяина кипела чертовская игра: на двух больших круглых столах играли в банк. От роду не видывал столько золота и ассигнаций. На одном столе банк метали князь Шаховской, Киселев, Чертков и Рахманов попеременно; на другом — братья Дурновы, Михель и Раевский; понтировало много известных людей. Какой-то Колычев проиграл около пяти тысяч рублей, очень хладнокровно вынул деньги, заплатил и отошел как ни в чем не бывалый. Я думал, что он миллионер, но мне сказали, что у него не более 200 душ в Вологде.

---

[1] Он, мадам, не танцует. Это сельский житель, а на балы он ходит только для того, чтобы поесть мороженого (*франц.*).

Как удивился я, встретив Димлера с мелом в руках, записывавшего выигрыш вместо банкомета! Говорит, что он в части у Дурновых: видно, это выгоднее, чем давать уроки на фортепьяно.

Угощение было на славу. Несмотря на раннюю пору, были оранжерейные фрукты; груш и яблок бездна; конфектов груды; прохладительным счету нет, а об ужине и говорить нечего. Что за осетр, стерляди, что за сливочная телятина и гречанки-индейки! [1] Бог весть чего не было! Шампанское лилось как вода: мне кажется, более ста бутылок было выпито. Хозяин подходил к каждому и приглашал покушать; сам он был несколько навеселе. Хозяйка не показывалась: она не выходит в дни больших собраний. Дам принимала хозяйская дочь, молодая княгиня Касаткина, недавно вышедшая замуж.

Я возвратился домой разбитый и усталый, не делав ничего, с обремененным желудком, евши без аппетита и вкуса, и с головною болью от шампанского, которое глотал без жажды. Ничего не вывез я с этого бала, кроме воспоминания о прекрасных глазах Арины Петровны; но и это ведет к одной бессоннице; следовательно, время потрачено напрасно. Чесо ради гибель сия бысть?

11 февраля,
суббота.

Рождение мое ровно чрез неделю. Мы сговорились с П. И. обедать в этот день дома и пригласить Гаврила Ивановича, Андрея Анисимовича, Афанасия Михайловича и старого учителя моего Хр. Ив. Кейделя. Угостим их чем бог послал. Деревенской провизии у нас вволю, а кухмарник авось не ударит лицом в грязь; наливки почти не початы и варенья еще много. Приглашу также Граве и кого-нибудь из немецких актеров für die Übung der deutschen Sprache [2]. После обеда, может быть, отправлюсь в немецкий театр, на котором дают Беньовского. Поехал бы вместо театра к Л., потому что у них вечер, но, право, за себя страшно: эта А. П. того и

[1] То есть откормленные грецкими орехами.

[2] Для упражнения в немецком языке (*нем.*).

гляди что с ума сведет: велит себя звать не иначе, как ma tante, потому что двумя годами меня старше, а мне так иногда совсем не то приходит в голову.

12 февраля,
воскресенье, вечер.

Ездили в голицынскую больницу к обедне. Певчие очень хороши, но все не то, что колокольниковские у Никиты-мученика. Из числа последних тенор Самойлов взят на петербургский театр. Отлично также поют у Дмитрия Солунского. Черномазый Визапур — не знаю, граф или князь,— намедни пришел в такой восторг, что осмелился зааплодировать. Полицеймейстер Алексеев приказал ему выйти. После обедни смотрели мы картинную галерею. Какие сокровища собраны покойным князем! и все предоставлены на подвиги человеколюбия. Поучение священника было на текст из Евангелия: «Не скрывайте сокровищ ваших на земли, иде же тля тлит и татие подкопывают и крадут». В голицынской больнице это чрезвычайно кстати. Из картин больше всех мне понравились «Благословение Иакова слепцом Исааком» Риберы и «Снятие со креста» Каведони [1]. Какая натура и какие лица! Сказывали, что эта неоцененная галерея когда-нибудь поступит в продажу, ибо считается мертвым капиталом. Многие охотники до картин острят зубы.

Из больницы заезжали мы по соседству на бег графа А. Г. Орлова. Герой чесменский, в бархатной малиновой шубе, сам несколько раз принимался ездить на любимых рысаках своих Любезном и Катке. Охотников было много, и все щеголяли друг перед другом, кто на рысаках, кто на иноходцах. Я заметил обоих Всеволожских, Чемоданова, Савелова, Муравьева, братьев Яковлевых-Собакиных, Мосоловых и многих первостатейных купцов.

---

[1] Обе эти картины куплены впоследствии братьями Мосоловыми. Первая из них принадлежала старшему, Федору Семеновичу. (*Позднейшее примеч.*)

16 февраля,
четверг.

Как ни красивы бабушкины империалы и теткины червонцы, а пришлось разменять их. Лаж на золото вздорожал: империал отдал по 12 р. 90 к., а червонец — по 3 р. 85 к. сер. Рубль принимают в 1 р. 29 к.

Проезжая по Ильинке, купил у Соколова десять бутылок отличного цымлянского, по 40 коп. за бутылку.

19 февраля,
утро.

Рождение мое вчера отпраздновали славно: по письму матушки, утром был у Всех скорбящих и, по собственному побуждению, служил молебен при раке своего патрона у Спаса-на-бору. Обед хоть куда! Щи с завитками, сальник из обварных круп, окорок ветчины, белужья тешка, жареный индык и бесподобные оладьи с бабушкиным липовцом. Наливкам досталось, а цымлянского как не бывало. Все объедались. Я так рад, что гости наши были чрезвычайно довольны и веселы! Гаврила Иванович играл на клавикордах, а Граве с Сокольским плясали. За столом, при питье моего здоровья, П. И. прослезился. Кейдель мой очень обиделся, когда Гаврила Иванович спросил его: долго ли он был у меня дядькою? «То есть учителем, хотите вы сказать?» — отвечал Кейдель. Странно, каким он прежде казался мне мудрецом, а теперь как будто поглупел. Короп пел немецкие песни и, между прочим, одну: «Der Kuss» [1], которая так и просится в душу. Это история поцелуя от колыбели до могилы. Если сумею, непременно переведу ее. Пировали до 11 часов. Ехать мне никуда не хотелось, и лошадей употребили на развозку гостей.

Сегодня утренний маскарад в Петровском театре. Вчера не был в вечернем, так должно бы ехать проститься с масленицею и взглянуть на глазки ma tante, да берет раздумье. Нет, лучше поеду обедать к князю Михаилу Александровичу, а туда на вечер. Нынче день прощеный; простим друг друга. Что, если б пришло ей в голову сказать мне: «Возлюбим друг друга!»

---

[1] «Поцелуй» (*нем.*).

20 февраля,
понедельник.

Превесело кончил я вчера день свой. У Лобковых было много гостей. Старик С. А. Всеволожский, человек распремилый, настоящий камергер двора Великой Екатерины, говорил без умолку. Как он мастерски умеет найтись с барышнями, которых с дюжину его окружало! всякой из них сказал он ласковое и приветное слово. Сказал бы что-нибудь и я — только одной, да недостает смелости и во рту каша. Говорится: «от избытка сердца глаголят уста»; а у меня напротив, от избытка сердца уста немотствуют. Были адъютант государя П. А. Кикин и капитан Лукин, известный силач. Первый говорил со мною о литературе и профессорах, и очень дельно; кажется, очень ласковый и внимательный человек; а последний — тихий и скромный моряк: все сидел и молчал у карточного стола; сколько молодой Всеволожский ни заговаривал с ним о силе и ни рассказывал ему о прежней чудесной силе графа А. Г. Орлова, у которого Всеволожские домашние люди, Лукин ни слова о себе и за ужином говорил только о посторонних и самых обыкновенных предметах, например что Москва обильна красавицами и богата радушием.

Обед у князя М. А. был прекрасный: простой, вкусный, всего вдоволь. В доме говорят, что за старшую княжну сватается жених, только князь покамест слышать не хочет и говорит, что прежде двух или трех лет не выдаст. За обедом в почетном месте опять сидел Плавильщиков, а Злов подле меня и важно потягивал мадеру. Князь приказал поставить ему особую бутылку, примолвив: «Никому, братец, своей порции не давай». Плавильщиков признался, что комедия его была худо вырепетирована и разыграна и оттого не могла иметь успеха, но что в следующий раз она пойдет лучше, тем более что он сократит ее. Может, так, а может, и не так — увидим.

После обеда заставили Злова петь арию из «Волшебной флейты»: «In diesen heiligen Hallen» [1]. Перевод этой арии показался мне похожим на мой перевод хора в опере «Элиза», которую мы переводили вшестером, за 50 руб. Сенбернарские отшельники, найдя живопис-

---

[1] «В этих священных чертогах» (*нем.*).

ца, засыпанного снежною лавиною, звонят в колокол и трагически поют:

Хоть висит недавно,
А звонит исправно!

Как ни мало внимательна публика к оперным стихам, но мой хор заставляет ее всякий раз смеяться, хотя положение действующих лиц и очень печальное. Зато Злов без умничанья и с чувством пропел на голос: «Freut euch des Lebens» [1], подражание песни Коцебу: «Es kann ja nicht immer so bleiben» [2]. Последние куплеты в пении недурны:

И прежде нас много бывало
У жизни веселых гостей,
И вот мы, на память почившим,
Бокал осушаем, друзья!
И после нас будет немало
У жизни веселых гостей:
И также, нам в память, счастливцы!
Они опорожнят бокал.

Да, да, круговая порука! Злова заставили повторить, и он повторил куплеты и потроил запамятный бокал.

Немецкая масленица во всем разгаре. Завтра 2-я часть «Русалки» и после бал. Штейнсберг прислал билеты на спектакль и на бал, но я возвратил: как-то совестно, а чувствую, что на бале не обойдется без потех и взглянуть бы не мешало. Приносивший билеты Петерс сказывал, что Штейнсберг ожидает Гальтенгофа и Гунниуса с семейством. Один — славный тенор, а другой — бас, знаменитый в Германии. Потом будут репетировать большие оперы: «Волшебную флейту», «Дон-Жуана», «Die Entführung», «Аксура», «Оберона» и проч. и проч. Приятельница моя, меньшая Соломони, поступает в труппу примадонною, и нет сомнения, что с ролями доны Анны, Констанции и Памины справится лучше, нежели с ролью вертлявой Лизеты. Простить ей не могу эту Лизету: из чего я трудился?

---

[1] «Радуйтесь жизни» (*нем.*).
[2] «Навсегда так не может остаться» (*нем.*).

23 февраля,
четверг.

Неожиданно посетили меня Максим Иванович и общий дедушка Василий Алексеевич [1]. Первый приходил узнать, говею ли я. Что за умный и добрый человек этот Максим Иванович, каких гонений не натерпелся он за свою резкую правду и верность в дружбе! Как искренно прощает он врагам своим и как легко переносит свое положение! При всей своей бедности, он не ищет ничьей помощи, хотя многие старинные сотоварищи его в несчастии, как, например, Иван Петрович Тургенев, Лопухин и Походяшин, принимают в нем живое участие и желали бы пособить ему. Ходит себе в холодной шинелишке по знакомым своим, большею частью из почетного духовенства, и не думает о будущем. Говорит: «Довлеет дневи злоба его».

С дедушкою всё оказии: потерял последний свой зуб и жалуется, что ноги лениво ходят. Не мудрено: недавно стукнуло полные 78, а между тем какая удивительная память! Все пьесы, какие суфлировал он в продолжение 45-летней бытности своей суфлером в Петербурге и Москве, помнит наизусть; а биографии и закулисные похождения актеров и актрис его времени рассказывает во всей подробности, как по книге читает. Преинтересный старичок! Теперь живет у Николая Петровича Аксенова, который призрел и успокоил старика, а сверх того добывает несколько и сам перепискою бумаг у знакомых и пишет хотя медленно, но четко, жемчужком. Для меня он сущий клад: вот два года, как я пользуюсь его досужством хорошего переписчика и анекдотиста — живой ходячий театральный архив, а к тому же имеет настоящее понятие об искусстве. Любопытны рассказы его о прежних придворных французских актерах и сравнение их с нашими русскими. Когда-нибудь запишу все его анекдоты. Он оживляется за бутылкою хорошего пива — это одна его прихоть; а за пивом дело не станет. Надобно пользоваться памятью старика, которого время «близь есть и дни изочтени суть».

---

[1] Булов, отставной суфлер.

26 февраля,
воскресенье.

Отговели, как следует христианам. Я отдохнул и освежился. Кажется смешно, чтоб в 17 лет нужно было освежение, однако ж это так: в продолжение года насмотришься, наслушаешься и наберешься невольно такой дряни, что чувствуешь себя гораздо легче, когда смоешь ее с себя банею покаяния. Теперь только я начинаю понимать, как полезно было для меня это русское деревенское воспитание, над которым так издевались соседи,— эти ежедневные утрени, молебны и всенощные, в которых я исправлял должность дьячка: читал словословие, кафизмы, паремии, пел ирмосы, кондаки, антифоны и проч.: все это пригодилось мне не только в нравственном, но и в общественном отношении. Нашлись добрые люди, которые оценили это воспитание и обратили его мне в с р е д с т в о; а прочее, чего, по мнению великолепных В * и велеумных М * и Б *, мне недоставало, пришло само собою, так что я успел не только догнать, но и перегнать пресловутых товарищей моего детства, старейших меня летами, которых мне всегда в образец ставили. Но вот, кажется, я и превозноситься стал, а давно ли еще повторял молитву: «Дух целомудрия, смиренномудрия и любви даруй ми, рабу твоему!» Таков человек!

У французских актеров затеялась история по случаю перемещения актера Бальи в петербургскую придворную труппу на трехтысячный оклад по одному его письму к А. Л. Нарышкину и без ведома его товарищей. Вся труппа в большой суматохе и посылала депутатов Дюпаре, Белькура и Мериенна жаловаться главнокомандующему, который это дело от себя отклонил. Делать нечего: они, то есть актеры, хотят публиковать в газетах о поступке Bailli, а с тем вместе и объявить публике, что, по принятым ими мерам, таких случаев больше не будет. Смирнов переводил им объявление.

Кстати о французах. Венюков приносил какую-то вышедшую на днях повесть или сатиру «Француз на дрожках, или Забавное приключение m-r Petit Diablette в Москве». Охота же покупать такой вздор! Где он его откапывает?

28 февраля, вторник.

Завтра именинница А. С. Небольсина. Вероятно, весь город, по обыкновению, будет у ней. Нельзя не поздравить хромую, ласковую соседку, которая в такой связи со всеми боярами.

Насилу, насилу мог добыть «Четвероевангелие», изданное нашим Харитоном Андреевичем и посвященное государю. Все издание в 600 экземпляров разошлось в два года. Что за необъятный, почтенный труд! Ни одного слова не упущено, ни одного не прибавлено, а между тем все происшествия евангельской истории и все поучения Спасителя следуют в хронологическом порядке и читаешь их как будто писанные одним человеком. Митрополит чрезвычайно уважает Харитона Андреевича за этот труд, и преосвященный викарий Августин отзывается о нем с чрезвычайною похвалою. Непременно послал бы эту книгу к матушке, да боюсь бабушки: пожалуй, старушка почтет франкмасонскою книгою и прогневается. Досталось же от нее и покойному М. В. М. за то, что в приделах великолепной церкви своей устроил печи! С тех пор перестала ссужать его деньгами, а прежде отказа не было.

2 марта, четверг.

Вчерашним утром ездил с поздравлением к имениннице, но она не принимала, а швейцар объявил, что покорнейше просят на вечер. «А много у вас будет гостей?» — «Да приглашают всех, кто приедет утром, а званых нет: тихий бал назначен».

Нечего сказать, тихий бал: вся Поварская в буквальном смысле запружена была экипажами, которые по обеим сторонам улицы тянулись до самых Арбатских ворот. Кажется, весь город втиснут был в гостиные А. С. Чужая душа — потемки, но принимать гостей мастерица: всем одинаковый поклон, знатному и незнатному, всем равное ласковое слово и приглашение на полную свободу. Играй, разговаривай, молчи, ходи, сиди — словом, делай что хочешь, только не спорь слишком громогласно и с запальчивостью; этого хозяй-

ка боится. Кого тут не было, начиная с главнокомандующего до нашего брата, студента, от альфы до омеги! Гр. Растопчин, кн. Юр. Долгорукий, П. С. Валуев, Обресков, кн. Вяземский, сенатор Алябьев, Мухановы, кн. Голицын, Марков, Кутузов, Волконский, Спиридов, Лопухины, Мамонов, Обольянинов, гр. Салтыков со своим неразлучным Броком и проч. и проч.— словом, почти вся московская знать. Я заслушался гр. Растопчина: что это за увлекательный образ изъяснения — анекдот за анекдотом; одной чертой так и обрисует человека, и между тем о своей личности ни слова. По короткости своей с именинницей он, говорят, сделал ей сегодня пресмешной сюрприз. Заметив, что она любит пастеты, он прислал с Брокером к ней за минуту до обеда преогромный пастет, будто бы с самою нежною начинкою, который и поставил перед хозяйкою. В восхищении от внимания любезного графа, она после горячего просила Брокера вскрыть великолепный пастет — и вот показалась из него прежде безобразная голова Миши, известного карла кн. X., а потом вышел он весь с настоящим пастетом в руках и букетом живых незабудок.

Ужин был человек на сто, очень хороший, но без преступного бородинского излишества. За одним из маленьких столиков, неподалеку от меня, сидели две дамы и трое мужчин, в числе которых был Павел Иванович Кутузов, и довольно горячо рассуждали о литературе, цитируя поочередно любимые стихи свои. Анна Дорофеевна Урбановская, очень умная и бойкая девица, хотя уже и не первой молодости, прочитала стихотворение Колычева «Мотылек» и сказала, что оно ей нравится по своей наивности и что Павел Иванович такого не напишет. Поэт вспыхнул. «Да знаете ли, сударыня, что я на всякие заданные рифмы лучше этих стихов напишу?» — «Нет, не напишете».— «Напишу».— «Не напишете».— «Не угодно ли попробовать?» Урбановская осмотрелась кругом, подумала и, услышав, что кто-то из гостей с жаром толковал о персидской войне и наших пленных, сказала: «Извольте; вот вам четыре рифмы: плен, оковы, безмен, подковы; даю вам сроку до конца ужина». Павел Иванович с раскрасневшимся лицом и с горящими глазами вытащил бумажник, вынул карандаш и погрузился в думу. Прочие продолжали разговаривать. Чрез несколько минут поэт с торжеством выскочил из-за

стола. «Слушайте, сударыня, а вы, господа, будьте нашими судьями».— И он громко начал читать свои bouts-rimés:

Не бывши на войне, я знаю, что есть плен,
Не быв в полиции, известны мне оковы,
Чтоб свесить прелести, не нужен мне безмен.
Падешь к твоим стопам, хоть были б и подковы.

«Браво, браво!» — вскричали судьи и приговорили Урбановскую просить извинения у Павла Ивановича, который так великодушно отмстил своей противнице.

Алексей Михайлович Пушкин сказал, что если кузен его, Василий Львович Пушкин, считающий себя первым докою на bouts-rimés и экспромты, узнает об этих стихах, то с ним сделаются спазмы, если что-нибудь не хуже, тем более что Павел Иванович другой секты в литературе.

Говорят, что гр. Растопчин пишет большую комедию в русских нравах. Вот бы Кудрявцев к кому свозил меня вместо гр. Каменского: полезнее бы для меня было. Но я попрошу обязательную соседку, чтоб она меня ему представила.

4 марта,
суббота.

Дедушка притащил мне мои лекции и вместе сведение о составе русской труппы, сказывал, что она точно присоединяется к императорской дирекции и что некоторые сюжеты перемещены будут на петербургский театр. Между прочим, беседуя о том о сем за бутылкою бархатного, дедушка разговорился о прежних петербургских актерах и, к удивлению моему, осмелился восстать с критикою на великого Дмитревского, который, по мнению его, был человек умный, вежливый и тонкий придворный, но, в сущности, превосходным актером никогда не был и быть им не мог, потому что не имел ни сильных чувств, ни звучного органа, ни чистого произношения; читал стихи и даже прозу нараспев и, за недостатком физических средств, гонялся кстати и некстати за какими-то эффектами... Славу будто бы приобрел он оттого, что императрица изволила его жаловать, что он был муж просвещенный и образованный путешествиями и что в то время другого никого

не было. Но зато актриса Михайлова, которая едва-едва знала грамоте, а писать вовсе не умела, которой всякую роль начитывали, была удивительная актриса. «У, господи боже мой! (дедушка припрыгнул) что за буря! суфлировать не поспеешь, забудешься; рвет и мечет, так и бросает в лихорадку; а сойдет со сцены — дура дурой!» О некоторых тогдашних французских актерах относился он с восторгом. «Вот,— говорит,— например, хоть Флоридор, подлинно было кого послушать и посмотреть в «Магомете» или «Танкреде». На сцене красавец, голос звучный, поступь благородная; что слово скажет — как рублем подарит; или Офрен, кажется, сам по себе и невзрачен, а уж что за актер! Когда, бывало, играет Зопира, Аржира или Августа — так все навзрыд и плачут. Я, грешный человек, по-французски худо маракую, но, стоя за кулисами, от Офрена всегда приходил в душевное волнение и даже плакал. А уж какие благородные люди!» Тут дедушка рассказал мне, как одна знатная и богатая дама после представления «Танкреда» призвала Флоридора и, наговорив ему тысячу вежливостей, просила принять от нее в память доставленного ей удовольствия золотую табакерку со вложением ста империалов, что Флоридор принял табакерку с благодарностью, но от денег отказался, сказав, что актер, имеющий счастье принадлежать театру Великой Екатерины, в деньгах нужды иметь не может и всякая сумма, приобретенная в России мимо высочайших щедрот, для него предосудительна. Разумеется, императрица узнала о том на другой же день, и при первом случае гордый Танкред получил двойное вознаграждение.

8 марта,
среда.

Физические лекции П. И. Страхова час от часу более привлекают публику. Они чрезвычайно занимательны по своим экспериментам. Я не пропускаю и не пропущу ни одной, сколько бы ни было другого дела. Страхов говорит просто, ясно и увлекательно. Из дам обыкновенные посетительницы — княжна Урусова и Полунина. Прекрасно также говорит и Павел Афанасьевич: он основательно изучил свой предмет и предлагает его убе-

дительно. Я не слыхал других эстетиков и потому не могу определить достоинства нашего профессора сравнительно с прочими, но, признаюсь, слушаю его с величайшим удовольствием. Однако ж вот и он, скромный и благородный человек, попал на зубок какому-то зоилу, который сострил эпиграмму на журнал его:

Каков журнал? — не хватский.
Издатель кто? — Сохацкий.
Читатель кто ж? — Посадский.

10 марта,
пятница.

Сегодня наконец я слышал эту знаменитую певицу, которою некогда восхищалась вся Европа. В Вене носили ее на руках, в Дрездене и Берлине в карету ее запрягались немцы, а в Италии сходили от нее с ума. Я слышал эту Мару, от которой теперь с ума сойти нельзя, а взбеситься можно за истраченные без удовольствия на концерт ее деньги. Что славная певица постарела и подурнела — это в порядке вещей; но не в порядке вещей с дребезжалым голосом и фальшивыми нотками давать концерты и собирать с нас по пяти рублей. Добро бы она принадлежала к разряду тех певиц, которые, как описывает их глупейшими стихами остроумный враль Бородулин,

Выводят больно громко трели
Затем, что ничего не ели.

Нет, Мара не в этой категории, а вероятно, поет оттого, что хочется аплодисментов или путешествовать на чужой счет. Говорят: она великая музыкантша. Да что из этого? Это домашнее ее качество (если она ничего не сочиняет), которое ничем не доказывается. Вот Маджорлетти так певица! Тоже немолода и нехороша: зубы хуже зубов всякой московской купчихи, уголь углем, а заслушаешься. Пусть она не музыкантша, да послушав ее, кто может сказать, чтоб она не была музыкантшею?

Однако ж как ни черны зубы г-жи Маджорлетти, но они чуть не были причиною дуэли на пистолетах между двумя немолодыми уже повесами. Демидов, сидя в креслах возле Черемисинова и будучи в восторге от певицы, изъявлял его громким и беспрестанным повто-

рением всех гласных букв русской азбуки: «а! э! и! о! у!». Видно, это надоело Черемисинову, который, вдруг обратясь к дилетанту, сказал: «Да чем восхищаетесь вы! Посмотрите, что за рот и какие зубы!» — «М[илостивый] г[осударь],— отвечал Демидов,— это ваше дело; а мне смотреть ей в зубы незачем: она не продажная лошадь». Слово за слово, и дуэль бы состоялась, если б умный Александр Александрович Волков не помирил противников. Надобно сказать, что Черемисинов когда-то и кому-то продал лошадь с поддельными зубами, а это в матушке Москве не забывается и в свое время отзывается.

13 марта, понедельник.

Мы воспользовались свободною субботою и вчерашним воскресеньем, чтоб съездить в Кусково гр. Шереметева и Люблино, принадлежащее Н. А. Дурасову, взглянуть на пространные оранжереи, наполненные померанцевыми, лимонными и лавровыми деревьями и несметным количеством самых роскошных цветов. Нам сказали, что эти оранжереи в настоящее время года бывают во всей пышности и красоте своей. В самом деле, я никогда не видал ничего подобного: совершенное царство Флоры. Кусковские оранжереи удивляют количеством и огромностью своих померанцевых деревьев и богатством произрастаний, но не так чисто содержимы, как люблинские; последние несравненно приятнее и роскошнее: видно, что за всем бдительно наблюдает сам хозяин, которого, как нарочно, тут и повстречали. Он в продолжение всей зимы имеет привычку по воскресным дням обедать с приятелями в люблинских своих оранжереях. Не предполагая этой встречи, мы было сами хотели завтракать в зелени, для чего и привезли с собою кое-какой провизии, но гостеприимный Николай Алексеевич до того не допустил. Он видал Петра Ивановича в доме родственника своего, бригадира Мельгунова, и тотчас же пригласил нас обедать с ним вместе. Сколько мы ни отговаривались (разумеется, из церемонии), но он настоял, говоря, что отказ наш его обидит. Он очень богат, а еще более, кажется радушен. В два часа приехали

гости: князь Дмитрий Евсеевич Цицианов, князь Оболенский, какой-то красивый француз Моро, две очень хорошенькие и бойкие иностранки, Еф. Еф. Ренкевич, Александр Александрович Арсеньев и доктор Доппельмайер. Всех нас было человек двенадцать, но стол был накрыт кувертов на тридцать. Только что сели за стол — подоспели новые гости: старинный и любимейший учитель пения кастрат Мускети, который дает в Москве уроки дамам и девицам в третьем их поколении, рослый и тучный bon vivant и gourmé [1], и с ним знакомец мой, молодой Нейком [2], капельмейстер и сочинитель музыки, один из любимейших учеников великого Гайдна, живущий у Штейнсберга. Я удивился, увидя их вместе, но загадка скоро объяснилась: Мускети, как истинный и беспристрастный знаток в дарованиях музыкальных, желая удержать непременно Нейкома в Москве, хлопотал об определении его капельмейстером к Дурасову или к Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, которых оркестры считаются лучшими и полнейшими. Я едва мог узнать Нейкома в его огромном жабо, закрывавшем ему всю бороду, и не знаю, как он мог справиться с кушаньем. А серьги? — серьги чуть-чуть не с передние колеса моих дрожек! Бог знает, кто научил его так одеться. Хорошенькие мамзели, смотря на даровитого музыканта, беспрестанно ухмылялись.

Обед был чудесный и, как сказывал хозяин, состряпан из одной домашней провизии крепостною его кухаркою. У него есть и отличные повара, но он предпочитает кухарку, по необыкновенной ее опрятности. Стерляди и судаки из собственного его пруда; чудовищные раки ловятся в небольшой протекающей по Люблину речке; спаржа, толщиною чуть не в палку, из своих огородов; нежная и белая, как снег, телятина со своего скотного двора; фрукты собственных оранжерей; даже вкусное вино, вроде шампанского, которым он беспрестанно всех нас потчевал, выделывается у него в крымских деревнях из собственного же винограда. Необыкновенный хозяин, а к тому же и не дорожит ничем:

---

[1] Кутила и чревоугодник (*франц.*).

[2] Умерший в Германии только в 1857 г. Последующая биография Нейкома чрезвычайно любопытна: он некоторое время был доверенным лицом у Талейрана. (*Позднейшее примеч.*)

«дрянь, совершенная дрянь-с!». Князь Цицианов рассказывал множество случившихся с ним происшествий, которым нельзя было не удивляться. Между прочим, говорил он о каком-то сукне, которое он поднес князю Потемкину, вытканное по заказу его из шерсти одной рыбы, пойманной им в Каспийском море. Каких чудес нет на свете! К числу этих чудес можно отнести и то, что рассказчик, кушая с величайшим аппетитом и все жирное, ничего не пил, кроме полузамороженной воды; говорил, что от роду не отведывал ни вина, ни пива, ни даже квасу, а водки и подавно. Он также сам великий хлебосол и мастер выдумывать и готовить кушанье. Александр Львович Нарышкин, первый гастроном своего времени, когда ни приезжает в Москву, ежедневно почти у него обедает; зато и князя в Петербурге угощают по-барски. После кофе мы хотели было откланяться, но хозяин опять не пустил, прося послушать домашних его песенников, которые, точно, пели прекрасно с аккомпанементом кларнета и рожка; между тем разносили поминутно разных сортов ликеры, домашнего же приготовления, удивительно вкусные: я в жизнь свою таких не пивал. Заметив, что иные наиболее понравились Петру Ивановичу, хозяин приказал несколько бутылок положить нам в сани. Мы уехали поздно; да и как иначе! Не будь дела, а главное, если б я был один, то долго бы еще не уехал. Когда оранжерею осветили, она превратилась в какой-то сад Армиды.

Счастливец! сколько удовольствия и добра он может сделать другим!

16 марта,
четверг,

Неужто же в самом деле в воскресном похождении моем было только наполовину правды? Неужели домашние стерляди и спаржа, дома упитанный телец и домашнее вино и ликеры — словом, все было недомашним? А опрятная кухарка, а сукно из рыбьей шерсти и приключения на Каспийском море — неужто были одни сказки de ma mère-l'oie[1]. Опростоволосился

[1] Моей матушки-гусыни (*франц.*, «Сказки моей матушки-гусыни» — название сборника сказок Ш. Перро).

же я порядочно! Пусть основанием этих сказок и служит искреннее желание угостить, однако ж зачем вводить в такое заблуждение? Мы бы ели с таким же аппетитом и пили с тем же наслаждением и столько же, хотя бы и знали, что за столом, кроме фруктов, ничего не было домашнего. А я, конопляник, давай рассказывать встречному и поперечному за неслыханное диво о знаменитом хозяйстве люблинского владельца, у которого в доме все свое и купленного ничего нет, давай повторять историю о рыбьем сукне, и очень удивлялся, почему без смеха никто меня не слушал, покамест серьезный Петр Тимофеевич и вовсе несерьезный Кондратьев не вывели меня из заблуждения, объяснив мне загадку. Так оно вот что! Впрочем, à tout bien prendre [1], у всякого есть свой конек, и сердечная доброта заставит простить многое. К подобным россказням привыкли: они исчезают в воздухе; но радушное гостеприимство нашего амфитриона и клеврета его остается и вошло в пословицу. Пусть у одного будет все домашнее, а другой носит фраки из выдуманного им сукна, а я бы не прочь водиться всегда с такими людьми. Одна беда: востроглазая Арина Петровна не перестанет теперь преследовать меня рыбьим сукном, а злодей Н. А. Новиков советовал уже мне обратиться, по принадлежности, к Антонскому, как профессору энциклопедии и натуральной истории, за сведениями о рыбьей шерсти.

Но вот мистификация почище. Вчера в Петровском театре смотрели мы искусника Транже, который объявил в газетах, что он, невиданный вольтижер, покажет искусство свое на 50 футах от земли и будет ходить по потолку вниз головой. Как не взглянуть на такое диво! Прежде вертелся он мельницею на повешенном довольно высоко канате, а после, заставив себя раскачать, бросился в повешенный пред ним бумажный тамбур и выскочил из него переодетый старухою. Затем, подвязав к подошвам крючья, начал цепляться ногами, одна за другую, за вбитые в потолок такие же крючья и так перебрался через весь театр. Вот и все тут хождение по потолку; по мнению моему, эти штуки приличествовали бы масленичному балагану, а между тем

---

[1] Если хорошенько рассудить (*франц.*).

Транже[1] собрал не менее 1000 руб. Он открывает манеж и школу вольтижирования в доме князя Дадьянова, на Лубянке.

20 марта,
понедельник.

У Катерины Александровны Муромцевой продолжают собираться по вечерам лучшие музыканты и любители немецкой ученой музыки. Вчера неожиданно приехал угрюмый и строгий преподаватель генерал-баса старик Геслер. Знаю, что Москва любит своих музыкантов, то есть тех, которые в ней долго живут и к которым она привыкла, но таких знаков уважения, какие вообще оказывают этому товарищу и другу Гайдна, я, признаюсь, не ожидал: только что на руках не носят. Геслер, точно, достоин всякого уважения как сочинитель музыки и как человек. Старик очень обрадовался, встретив Нейкома, и дружески пенял за то, что редко его видит; потом, оборотясь к хозяйке, сказал: «Wir sind Kinder des nähmlichen Vaters»[2], разумея Гайдна. Потом сел за фортепьяно и начал разыгрывать турецкий хор и марш сочинения Нейкома из «Sitah-Mani» (Карла XII), которым искренно восхищался; говорил, что время настоящей музыки прошло, что теперь, кроме французских романсов и ученических арий Крейслера и Венцель-Миллера из «Donauweibchen» и «Teufelsmühle», он ничего другого в обществах не слышит и что он всегда сердечно радуется, когда изредка попадаются ему такие сочинения, как Нейкомовы, которые так изобилуют богатством, разнообразием и силою музыкальных идей. Сказывал, что по старости лет он сбирается оставить уроки и желал бы их передать Нейкому, если б он поселился в Москве. Но, кажется, это дело несбыточное: Нейком имеет в виду Веймар, а оттуда, по совету Гете, намерен ехать в Париж. Великий германский поэт покровительствует

---

[1] Этот Транже в 1818 г. состоял в должности главного конюшего у известного в Варшаве конного охотника графа Ржевуского, в присутствии которого застрелился, огорчаясь сделанным ему замечанием. (*Позднейшее примеч.*)

[2] Мы дети одного отца» (*нем.*).

молодому Нейкому за сочинение превосходных хоров к «Фаусту» и снабдил его письмом к петербургскому другу своему генералу Клингеру.

На другом конце города, то есть на Пречистенке, бывают музыкальные собрания в другом роде. У В. А. Всеволожского еженедельно почти по четвергам разыгрываются квартеты, в которых участвуют все лучшие музыканты, какие только находятся в Москве. В прошедшем году первую скрипку держал Роде, а в нынешнем будет играть примо Бальо, альта Френцель и на виолончели по-прежнему Ламар. Есть чего послушать: вся знать бывает на этих концертах. Братец Иван Петрович Поливанов, короткий приятель Всеволожскому, обещал меня ему представить. Нетерпеливо этого ожидаю.

Я и не знал, что комедия «Бот, или Английский купец» переведена молодым князем Долгоруковым. Недаром старый князь так занимается театром, а любимец его Плавильщиков так хорошо играет Бота. Эта роль — его торжество.

25 марта,
суббота.

Колымажный манеж есть покамест лучший манеж в городе для обучения. Старик Кин самый добросовестный немец и мастер своего дела. Граф Орлов-Чесменский покровительствует ему не без причины: Кин этого стоит; он не дает зашаливаться ученикам своим, кто бы они такие ни были: угодно учиться — милости просим, а гонять без цели лошадей не позволяет. Учишься, так езди без стремян, покамест их не заслужишь; когда же дадут стремена, заслуживай шпоры. Что дело, то дело. Со временем все будут ему благодарны, хотя теперь и ропщут. Кроме учеников и молодых людей, кончивших ученье и ездящих на собственных своих лошадях для проездки их, в определенные часы собирается в манеж много известных любителей верховой езды, кавалеров и дам. Последним дает уроки помощник Кина, берейтор Шульц, красивый мужчина средних лет и отличный ездок. Сегодня в манеже были: молодая княгиня Урусова, княжны Гагарины, Щербатовы и Катерина Андреевна Карамзина вместе с

мужем. Последний ездит ежедневно по утрам для моциона. Лучшими ездоками в городе считаются братья Соковнины, князь Дадьянов, младший Алябьев, Иван Петрович Бибиков и Брок, живущий у графа Салтыкова; у них затевается большая карусель, только не условились еще в назначении распорядителя.

Кин особенно расположен ко мне за то, что я кротко обращаюсь с лошадьми. Зато я имею исключительную привилегию ездить на старом белом Фрипоне, фаворитной лошади покойного государя, которая находится в колымажном на пансионе. Мы взаимно друг другу полезны: мне ученье, а ему моцион. Фрипон очень любит сахар, и я никогда не сажусь на него и с него не слезаю без того, чтоб не дать ему по нескольку кусочков. Бедняга отвык от этого лакомства; и когда я его потчую, он смотрит на меня своими большими черными глазами так умно, так умно, что кажется, так и хочет сказать мне спасибо. Непродажному коню цены нет; но что, если бы этот старичок продавался?

Намедни мой Петр Иванович, проезжая мимо манежа, захотел взглянуть на наши подвиги. Вдруг пришла ему фантазия самому поездить верхом — то-то был смех! Он от роду не садился на лошадь. Сделав несколько вольтов, держась то за гриву, то за луку седла, он сошел с лошади, говоря, что это не магистерское дело. Я заметил, что Антонский и профессор, а лето ежедневно катается верхом, даже иногда и с дамами. «Дело другое,— возразил он,— Антонский профессор энциклопедии».

Завтра свободный день. Надобно исполнить комиссию батюшки и потаскаться по англичанам для выбора заводского жеребца. В этом деле мог бы вернее всех руководствовать меня Николай Петрович Аксенов, но у него есть продажные жеребцы своего завода, которые батюшке не нравятся, потому что не того сорта, какие ему нужны; следовательно, Аксенова тревожить некстати. Авось обойдемся и без него.

27 марта,
понедельник.

Ни один из англичан не показал вчера лошадей своих, отзываясь воскресеньем: просили приехать в

простой день. Воскресенье у них то же, что у жидов суббота: полный шабаш для людей и животных. Не спорю, что этого обычая можно держаться в отношении к работе; но разве вывести из конюшни лошадь на показ — работа? Теперь придется ехать не иначе как в субботу или уже на страстной, потому что на этой неделе решительно свободного времени не будет; между тем в субботу утреннее гулянье на вербах; так, видно, до страстной.

Как я рад, что добрый Сокольский становится довольнее мною: я выучил дроби и скоро примемся за тройное правило. Дашков смеется, что я того и гляди заткну за пояс Загорского с его курсом Безу. Нет, поздно! Чтобы успеть в каком-нибудь деле, надобно любить его: а я без отвращения не могу смотреть на этот проклятый цыфирь. То ли дело наша деревенская бирка или конторские счеты?

29 марта,
среда, вечер.

Короп сказывал, что дебют Граве назначен одиннадцатого апреля, то есть во вторник на святой неделе, в какой-то преглупой пьеске «Der Gimpel auf der Messe», то есть «Снегирь на ярмарке», под условленною фамилиею Nemo. На пробах он не показывал ни искры таланта, был очень дурен и смешон и заботился только о том, чтоб целовать мад. Штейнсберг, как предписывала пьеса. Сколько ему ни говорили, что на репетициях этого не водится, но он настаивал на своем, что чрезвычайно забавляло Штейнсберга. Ну, г. Снегирь-Nemo, просим не прогневаться, а мы отделаем тебя ни в строй, ни к смотру. Кажется, малый — душа, а делает глупость, которая может испортить ему всю карьеру по службе его в кремлевской экспедиции. Пострел!

1 апреля,
суббота, вечер.

Вместе с присланным от батюшки конюшим обрыскали мы вчера и сегодня утром всех англичан и даже неангличан, и я успел попасть на гулянье в свое время.

Народу было бездна, но блистательных экипажей и упряжек не было: берегут для святонедельных гуляний. Главнокомандующий два раза проехал со всею свитою. Знакомых встретил мало; но тем, которых встретил, был рад-радешенек и завтра, по приглашению, поеду обедать к ним:

И пусть над мною неизбежный
Судьбы свершится приговор.

А тут и рифма кстати: вздор! Разумеется, вздор! Пообедаем, порезвимся, меня поласкают, надо мной потрунят; спросят, не из рыбьего ли сукна мой фрак? — и только. Да чего же больше? Я уверен, что если б могло быть больше, было бы меньше. Разгадка этой загадки — моя тайна, а другим до ней нет дела.

Такой лошади, какая нужна отцу моему, у англичан не нашли, но у графа Орлова, Загряжского и Давыдова видели несколько лошадей, которых конюший облюбовал и говорит, что именно такого жеребца и приказано купить. Больше всех понравился нам жеребец у Загряжского: бурый в масле, большого роста, широкий, ноги плотные, шея лебединая с зарезом, голова небольшая, уши вострые, глаза навыкате и оскал такой, что в ноздрю хоть кулак суй; хвост и грива жиденькие, но зато мягки, как шелк,— признак породы. Конечно, дорог: меньше 800 руб. не отдадут, да еще придется давать на повод, однако ж делать нечего, купить необходимо: весна на дворе. Дай только бог угодить отцу.

Видели у Банкса: Даппля от Дельпини и Гартоф-Ока от Метеора; у Ив. Смита: Сер-Роуланда от Вальпута и Фопа от Волонтира; у Жаксона: фаворита московских охотников Тромпетера от Трумпатора. Все лошади отличные, но Даппль — царь лошадей. Тромпетер очень красив, но мал и тонок. Да, у Москвы свой собственный вкус. Теперь мода на рыжих лошадей с фонарями, то есть с проточинами. Каковы бы они качеством ни были, цена им вдвое.

6 апреля,
четверг.

Лыковский староста привез от матушки письмо, которым уведомляет о кончине добрейшего Ивана Нико-

лаевича и поручает мне выбрать ему надгробный памятник, на покупку которого крестьяне миром посылают 400 руб. Такая сумма для деревни в 60 душ немаловажна. Приходский священник придумал для памятника и надписи; с одной стороны: «Благодетельному помещику (имярек) от благодарных крестьян», а с другой: «Бе человек послан от бога, имя ему Иоанн». Первую вырезать можно и должно; но последняя ни к селу ни к городу: этот текст пригоден был для надгробного слова Собиескому, но для надписи Ивану Николаевичу, которого христианская деятельность заключалась в кругу весьма ограниченном, он слишком не у места. Прикажу вырезать просто: память праведного с похвалами!

И точно: дядя Ваня, как я называл его в детстве, был совершенно праведный муж, хотя образ жизни его и весь он сам казались непостижимо странными. Уступив женатому брату, по его настоятельной просьбе, из отцовского наследства более 400 душ, со всею почти движимостью, он оставил себе одно небольшое имение в 60 душ и жил в версте от него, в лесу, в сообществе единственной своей прислуги: старого псаря Климыча и брюзгливой старой стряпухи; три борзые собаки и несколько вятских лошадок, за которыми ходил и присматривал сам, составляли все его движимое имущество. Он был или казался страстным псовым охотником и часто приезжал к деду на условленные полеванья. Как теперь вижу его лысую голову, его большие навыкате глаза, его смелый, решительный взгляд и эту вечную добродушную улыбку; как теперь слышу его громкую и отрывистую поговорку и почти беспрерывный хохот, увлекавший к безотчетной веселости всю беседу. Помню синий патенкоровый его кафтан и зеленый с откладными полями картуз, длинный, в серебряной оправе охотничий нож и огромную коренковую, домашнего изделия, с коротким чубуком трубку, служившую ему кистенем и дубинкою; помню неразлучных его спутников — двух больших псовых собак Пожара и Пылая и соловую лошадку, на которую он, старый Немврод, сажал меня, пятилетнего баловня, к ужасу моей няни и прочих приставниц, соблазнявшихся его издевками. Помню, как все домашние всегда радовались его приезду, с которым как будто водворялось благословение божие не токмо в доме, но и в целом

селении, какая-то свобода и миролюбивые между всеми отношения: дедушка не кричал на приказчика, приказчик не тузил мужиков, дворовые люди сидели все налицо безотлучно в передней, девки не таскались по застольным — и все принимало вид какого-то праздничного порядка, как будто бы наступало другое светлое воскресенье. Памятны мне все разговоры домашних, гостей и соседей, когда, проводив Ивана Николаевича, начнут толковать, что другого подобного ему не сыскать, что он, кажись, так, старичонок-непосед, сегодня здесь, а завтра там; собачник и хохотник, без проказ ни на час, а между тем что ни затевает, все к добру и все добром сводит; что он Филатьева помирил с женою и заставил их жить душа в душу; что у князя Одоевского выпросил сыну прощение и ввел опять в дом; что бедному Владычинскому отхлопотал землю, которую отнимали ябедники; что попа, отца Евдокима, которого оклеветали и чуть было не отрешили, отстоял пред владыкою; что макарьевского однодворца, на которого насел голова с волостным писарем и повез без очереди в рекруты, вынес из беды на плечах; что нащокинских крестьян, добивавшихся в суде воли под предлогом, что они из поляков, и не ходивших на барщину, отхлестал поодиночке из своих рук арапником, так что и забыли думать о вольности; а между тем помещику шепнул: «отпусти, брат, людей: ведь они подлинно не твои», и тот отпустил, переведя их прежде, как будто в наказание, в степную деревню. Все эти толки я живо помню — и вот, наконец, этого праведника не стало! Мир праху твоему, почтенный старец, почивший в благословениях!

Едем в собор на умовение ног поучаться смирению. От души помолюсь об усопшем и о себе: что-то давно не было так грустно.

10 апреля,
понедельник, вечер.

Спешу мысленно обнять тебя, любезнейший брат, и поздравить с наступившим праздником. Как бы желал сказать тебе лично обычное, животворящее «Христос воскресе!» и в возврат услышать отрадное «воистину!». Когда-то это сбудется?

Спасибо, сердечное спасибо за все про все. Ты начинаешь уж слишком баловать меня. Для скромного прожитка нам достаточно было бы одного жалованья матушки с присовокуплением домашней ее провизии, а ты непременно хочешь озолотить нашу жизнь! Боюсь, что щедрость твоя приучит меня к мотовству. Впрочем, нет, без пособия твоего я не видал и не слыхал бы много такого, что послужило мне в истинную пользу. Наглядная наука спорее.

Ты и понятия иметь не можешь о той ночи, какую мы провели с страстной субботы на светлое воскресенье в нашем Кремле. «Воистину сия предпразднественная и спасительная нощь и светозарная светоносного дня восстания провозвестница». Мне кажется, что это боговдохновенная песнь св. И. Дамаскина ни в каком другом месте, кроме Иерусалима, не может так сильно и благодатно действовать на все чувства христианина, как в этой священной ограде нашего православия. Мы приехали в одиннадцатом часу, когда только начали освещать соборы, между тем как все безграничное замоскворечье с его храмами и высокими колокольнями горело уже бесчисленными огнями в ожидании благословения с высот священного Кремля к началу благовеста и затем божественной службы. Вскоре раздался первый призывный к молитвословию удар огромного ивановского колокола, и в одну минуту, как будто по какому-то электрическому сотрясению, загудела вся Москва. Я в жизнь свою не забуду этой минуты! Но когда, после получасового благовеста, внезапно начался общий оглушающий звон всех колоколов кремлевских и целого города и в то же время из всех соборов потянулись древние хоругви, златокованые иконы и кресты, духовенство в праздничном облачении с дымящимися кадилами, а за ним тьма-тьмущая народу с зажженными свечами, при громогласном и торжественном пении этой божественной песни: «Воскресение твое, Христе спасе, ангели поют на небесех», то, признаюсь, я пришел в какое-то небывалое со мной положение, какой-то духовный восторг и со слезами повторял в глубине души моей: «и нас на земли сподоби чистым сердцем тебя славити» всегда и повсюду, как здесь в настоящую минуту!

Ну, что бы кн. Горчакову или Карину побывать у пасхальной заутрени в Успенском соборе? Нет сом-

нения, чтоб они вышли от нее другими людьми и, отложив ветхого человека, в нового облеклися.

На днях опишу тебе свои праздничные визиты и завтрашний дебют в «Снегире».

12 апреля,
среда.

Праздничные поздравления мои окончились довольно скоро, хотя я почти всех заставал дома. В продолжение этого идолопоклонства не встретилось ничего такого, что бы заслуживало особенное твое внимание, кроме многознаменательных вопросов Т * и К * о твоем житье-бытье и некоторой пени за твое молчание. Не могу сказать наверное, но, кажется, как будто хотели о чем-то говорить со мною: вероятно, о том же, как тебя любят и жалуют, жалеют и желают. Горе вам, богатым! Вот наша братья — дело другое: нас не жалеют и не желают, а просто христосоваются с нами без церемоний, по-русски: cela ne paut pas tirer á conséquence [1]. Но после необходимого воскресного поцелуя тут же и необходимый вопрос: «А фрак ваш не из рыбьего ли сукна?» О, ma tante, ma tante! [2] Бога она не боится!

Ну ж Федор Павлыч, одолжил? Думаю, что, с тех пор как существует театр, не было актера, которому бы пришлось играть приличнейшую своей фигуре роль. Вот уж настоящий скитающийся башмачный подмастерье! Маленький, толстенький, сутуловатый, грудочка вперед, голова ушла в плечи, физиономия препечальная, голос нищего и ко всему этому серый изношенный сюртук по щиколотку, дырявая шляпа и огромный чемодан за плечами — словом, умора! По случаю праздничных дней театр был битком набит. Едва только появился наш Nemo, публика встретила его общим рукоплесканием, продолжавшимся, конечно, минут пять. Мы было хотели пошикать да посвистать — куда тебе! никто из нас не в состоянии был сжать губ от смеха. Nous avons ri — nous voilà désarmés [3], а мы не то чтоб смеялись, но буквально находились в

[1] Из этого ничего не следует (*франц.*).
[2] Ах, тетушка, тетушка! (*Франц.*).
[3] Мы рассмеялись — и вот мы обезоружены (*франц.*).

припадке истерического конвульсивного смеха. Неистовые крики «браво, браво!», топанье ногами, стучанье палками — словом, все обыкновенные принадлежности театрального восторга сопровождали каждую фразу Снегиря-Nemo и почти не давали ему говорить; все находившиеся на сцене актеры не могли воздержаться от хохота. Но вот кой-как доплелся Nemo до сцены поцелуев; с каким-то бешенством бросился он на бедную мадам Штейнсберг и начал — не то чтоб целовать ее, а просто грызть и повис у ней на шее. Что происходило за сим — я не умею того выразить. Вся праздничная публика вышла совершенно из себя, так что умный и ловкий полицеймейстер Волков, хотя и сам помирал со смеху, принужден был обратиться к публике с просьбою об умерении своего восторга. По окончании пьесы мы отправились за кулисы взглянуть на нового дебютанта и нашли, что мадам Штейнсберг в слезах, а Nemo, приложа руку к челюсти, охает: она только что пред нами отвесила ему прежестокую пощечину. «Что, каково? — спрашивает дебютант.— Ведь я говорил, что произведу необыкновенный эффект!» — «Да,— отвечали мы,— но когда же играешь опять?» — «Нет, довольно: кажется, я в два часа постарел двадцатью годами». Слава богу! А ведь свистков не было и принят с восторгом. Штейнсберг великий знаток человеческого сердца!

Гулянье под Новинским началось блистательно. Время стоит прекрасное: экипажам счета нет и кавалькад много. Из числа первых более всех обратила на себя внимание карета какого-то Павлова: голубая, с позолоченными колесами и рессорами, соловые лошади с широкими проточинами и с гривами по колени, в бархатной пунцовой, с золотым набором, сбруе. Чрезвычайно нарядно! Коренные, как львы, развязаны на позолоченных цепях, а подручная беспрестанно на курбетах. Из кавалькад лучшею показалась мне та, в которой видел я графа П. И. Салтыкова: немногочисленна, но все лошади — прелесть! Иван Петрович Поливанов также отличался в ней, и его старушка Бетси до сих пор считается самою красивою лошадью в Москве.

13 апреля,
четверг.

Гулянье под Девичьим было чрезвычайно многолюдно. Но все это хорошо только для нового человека, а то приглядишься не только к лошадям и экипажам, но даже и к тем фигурам, которые в них сидят и стоят на запятках; все одно и то же — однообразно и скучно, и тем более скучно, что почти в каждой физиономии едущего или едущей напоказ в публику заметно одно чувство: желание блеснуть и возбудить зависть в других своим достатком или вкусом. Я это заключаю, право, не из какой-нибудь мизантропии, в мои лета непростительной и даже невозможной, но из тех самодовольных взглядов, улыбок, киваний головами, маханий руками, которые заметил я у всех почти владельцев раззолоченных экипажей. Какая разница в физиономии щеголей, едущих на гулянье казать себя, и тех, которые едут смотреть других из одного любопытства или по обязанности; говорю «по обязанности», потому что, как мне толковал умный Нил Андреевич Новиков, всякий коренной москвич обязан быть на известных гуляньях во избежание заключений о нем, точно так же как и всякая московская барышня обязана не пропускать на балах ни одного танца. Я не бывал на гулянье 1 мая в Сокольниках, но говорят, что при хорошей погоде это гулянье восхитительно и превосходит все другие. Нынешний год не пропущу его.

По случаю сегодняшнего гулянья под Девичьим во всех домах, находящихся на Пречистенке, начиная с Всеволожского до Хитровых, назначены большие вечера. Это для тебя не новость, потому что так ежегодно бывает; но вот одна достойная твоего любопытства и которой ты не ожидаешь: Катерина Евдокимовна Б-ва, у которой был назначен также вечер, неожиданно в обед разрешилась от бремени, после двадцатичетырехлетнего неплодия. Муж очень доволен тем, что это случилось именно в четверг, когда в ожидании гостей он должен был поневоле оставаться дома; иначе он был бы в отчаянии, потому что такой казус воспрепятствовал бы ему ехать по обыкновению в английский клуб. Крестины новорожденного и празднество серебряной свадьбы родителей назначаются в один день.

18 апреля,
вторник.

Я полагал, что сам князь Одоевский в целый месяц не получит от всех своих корреспондентов столько вестей, сколько получишь ты от одного меня в несколько дней, а ты еще все пеняешь и вопишь! Я описываю тебе только то, что сам слышал и видел, и рассказываю собственные свои похождения; чем богат, тем и рад; не сочинять же мне для тебя романов вроде толстого романа толстейшей барышни Извековой, за который недавно бедняга проглотила такую злую и обидную, хотя и не совсем острую эпиграмму:

И-ой роман с И-ой и сходен:
Он так же, как она, дороден
И так же ни к чему не годен!

Уж не уведомлять ли тебя о двух американцах, муже и жене, которых балаганщики, налощив черным воском, называют гуронскими дикарями и заставляют глотать какую-то мерзость; или о молодом, прекрасном — как опубликовано — мужчине о трех руках? Очень нужны тебе подобные сведения!

Однако ж за гуляньями и другими подобными недосугами я точно не успел рассказать тебе в подробности о праздничных своих визитах. Объездил всех: важных и неважных, угрюмых и приветливых — словом, от аза до ижицы. Нигде не скучал, но от Ивана Петровича Архарова и его семейства просто в восхищении. Пусть толкуют что хотят, а без сердечной доброты невозможно так радушно и ласково принимать людей маловажных и ни на что не нужных. Графа И. А. Остермана случилось мне в первый раз видеть во всех великолепных атрибутах его звания. Настоящий канцлер! До сих пор я видел его не иначе, как в малиновом тулупе и в желтых туфлях. Застал у него множество известных лиц: доброго пузанчика губернатора Аршеневского, с сыном которого я был в пансионе у Ронка; генерала князя Лобанова-Ростовского, такого проворного и живого, как ртуть; Н. Н. Бантыша-Каменского и помощника его А. Ф. Малиновского, автора «Старинных святок» и издателя театральных пьес Коцебу, которые заставлял он переводить молодых людей, служащих в архиве; этим пьесам князь Горча-

ков дал общее название «коцебятины»; были также пастор Гейдеке, старик А. А. Юни, известный своею службою в Сибири и уваженный великою Екатериною за примерное свое бескорыстие, и еще очень замечательное лицо, или, вернее, личико, А. П. Нечаев, крошечный, худенький, на тоненьких, как спички, ножках старичок, такой, что его без затруднения спрятать можно в ридикюль Натальи Дмитриевны Офросимовой, и что ж, эта тщедушная куколка был — как тут рассказывали — в молодости красавец и такой необъятно-огромной тучности, что, будучи адъютантом графа З. Г. Чернышева, имел один из всей свиты исключительную привилегию: сопровождать его в особенной карете или коляске, между тем как другие, по обязанности, должны были ехать верхами. Нечаев подтвердил это с каким-то приятным воспоминанием.

В этот раз старый дипломат обошелся со мною ласковее и даже рекомендовал меня Бантыш-Каменскому, заметив, однако, что в архиве служить не советует, потому что молодые люди в нем балуются и не привыкают к труду. Граф чрезвычайно хвалил историю дипломатических сношений наших с Китаем от самого их начала, собранную Бантыш-Каменским, и советовал всем прочитать ее; но автор заметил, что она не напечатана и что в качестве начальника архива коллегии иностранных дел он без разрешения высшего начальства не считает себя вправе делать свою компиляцию известною.

21 апреля, пятница.

Поручик нашенбургского полка Сементовский, встретив какую-то уличную барышню, хотел тотчас же увезти ее, но не удалось. Начальство узнало об этой проделке: молодец остановлен и посажен под арест. Спрашивают: «Что побудило вас к этому насилию?» — «Понравилась».— «Знаете ли вы коротко эту девушку?» — «Вовсе не знаю». — «Как зовут ее?» — «Не знаю».— «Где и у кого живет она?» — «Не знаю».— «Какое было ваше намерение?» — «Жениться».— «Как же вы хотели жениться, если ее совсем не знаете?» — «Я узнал бы после».— «Но она не хотела ехать

с вами».— «Что мне за дело до ее хотенья, у меня своя воля!» Поручик недель шесть высидел под арестом, забыл о красавице и вышел как встрепанный, а между тем цыгане на этот случай тотчас сложили песню на голос «Пряди, моя пряха», которую записной цыганофил Андрей Новиков ввел в моду под названием «Верные приметы». Мы ездили слушать ее. Степанида, что твой соловей — так и разливается. Вот эта песня:

— Ах, зачем, поручик,
Сидишь под арестом,
В горьком заключеньи,
Колодник бесшпажный?
— Ах, затем я, бедный,
Сижу под арестом,
Что свою милую
Любил очень больно.
— Кто ж твоя милая —
Княжна иль графиня,
Простая ль дворянка,
Фрейлина ль какая?
Дай снесу поклончик!
— Ах, моя милая
Без гнездышка пташка,
Без племени, рода;
Любит свою волю,
Волю удалую.
Узнаешь милую:
Она по бульвару
Все ходит да бродит
Немецким развальцом,
В шелковом наряде;
Талийка с прихватцом;
В вязаных перчатках,
С алым ридикюлем;
Ходит да гуляет,
Головкой кивает,
Себя забавляет,
Народ потешает...
Узнаешь милую —
Так отдай поклончик.

От песни перейдем к элегии. Ты, вероятно, слыхал о Саше Давыдовой, прелестной и преисполненной талантов девушке, которую все так любили; она скончалась в прошлом году, вскоре после бала в Благородном собрании. Неутешные отец и мать поставили в Даниловом монастыре над прахом милой дочери прекрасный памятник, на котором после имени, фамилии и лет ее приказали, вместо эпитафии, вырезать незабудку.

Буринский, по желанию брата покойницы, написал на этот случай экспромтом премиленькие стихи, а Нейком положил их на музыку, исполненную чувства и немецкой мечтательности. Посылаю тебе этот романс: мелодия очаровательна, и все знакомые твои певицы скажут за него спасибо.

На ее могиле есть цветок незримый;
Всюду разливает он благоуханье;
Он цветок заветный, он цветок любимый.
Он воспоминанье!
И вечно душистый, цветок неизменный
Не боится бури, не вянет от зною.
Сторожит сохранно имя преселенной
К вечному покою!

Когда Снегирь-Nemo, переставший мечтать об актерстве, сделал подстрочный перевод этих стихов для Нейкома, то он, обрадовавшись, сказал: «Так и веет Матисоном».

25 апреля,
вторник.

Из университета с лекций завернул я в Хамовники к счастливцу Степану Шиловскому. Он не перестает ковать деньги и третьего дня выиграл еще пять тысяч рублей у генерала Измайлова, который заплатил ему деньги не только без неудовольствия, но еще в придачу подарил ему славного горского полевика. Каюсь, любезный, что мне как будто стало завидно. Я подумал: сколько на эти деньги накупил бы книг и эстампов, каких бы завел лошадей! и проч., а Шиловский вовсе не дорожит своим выигрышем и говорит, что, может быть, сегодня же опять спустит все до последней копейки. Он, по дружбе, предлагал взять меня в маленькую долю без проигрыша. Очень заманчиво, да страшно: будешь только думать о приобретении, а сверх того тяжело войти в обязательство, которое может сделаться гробом независимости. Я не решился, но зато не в состоянии был отказаться от предложения ехать с ним на гусиный и петушиный бой к князю Ивану Сергеевичу Мещерскому. Мне чрезвычайно показалось любопытным взглянуть на это состязание птиц.

Посреди большой залы устроена была арена, обнесенная кругом холстинными кулисами в три четверти

аршина вышины; хозяин и все приглашенные гости сидели вокруг, а другие любопытствующие охотники всякого звания, купцы, мещане и дворовые люди, стояли как и где кто мог поместиться. Прежде пустили в арену белую гусыню, которая тотчас же начала жалобно гагакать. Один из сермяжников обратился с уверениями к хозяину, что «э т о-де редкая самка-с д л я е в т о в а д е л а-с».— «Ну, где же Варлам? — спросил кривошея-князь Д. П. Голицын.— Подавай Ц и ц е р о н а!» И вот огромный гайдук вынул из мешка391 прематерого, белого с сизыми крыльями гуся и пустил его в арену. «Так как же, Петр Петрович,— продолжал горделиво князь Голицын, обращаясь к одному толстому и рябому господину, сидевшему против него,— угодно вам будет спустить охоту вашу или нет?» — «Почему же бы и не спустить, ваше сиятельство? — отвечал рябой господин.— Только как велик будет заклад?» — «Я держу пятьдесят рублей».— «Больше двадцати пяти рублей я не могу».— «Остальные придерживаю я»,— решил хозяин, и партия состоялась. «Манушка, давай Туляка!» — крикнул Петр Петрович, и мальчик в сером казакинчике тотчас же притащил темно-серого гуся и также пустил его в арену. Сначала состязатели около десяти минут ходили вокруг гусыни, которая не переставала гагакать, потом стали мало-помалу вытягивать шеи с каким-то шипеньем и, наконец, после всех этих проделок, бросились друг на друга. Туляк, будучи поменьше и попроворнее, первый поймал Цицерона за правое крыло и начал жестоко его жевать; потом и Цицерон ухитрился ухватить Туляка за правое же крыло и также начал его мять и жевать, кружась около гусыни. В этом обоюдном жеванье и круженье заключалось все единоборство бедных птиц, и только одно гагаканье царицы гусиного турнира да невольные по временам восклицания посторонних охотников, державших заклады: «ну, Цицерон! ну, Туляк!» или «ай да молодец! ай да варвар!» — прерывали однообразие этого жеванья. Кончилось тем, что Цицерон прежде покинул крыло своего соперника и Туляк провозглашен победителем. Владелец Цицерона был неутешен: с сложенными крест-накрест на груди руками и с плачевною миною он обращался к охотникам с уверениями, что он сам всему виноват и что «Цицерона окормили, право окормили, истинно окор-

мили!» и проч. «Ну ж охота!» — подумал я и собрался уехать; но Шиловский просил подождать его и посмотреть на сражение петухов, которое, по уверению его, должно было быть поживее и позадорнее.

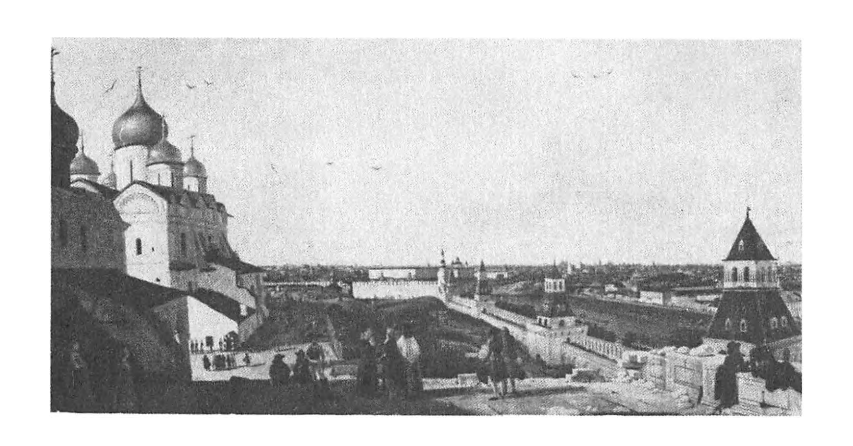
Если первое единоборство есть пошлая глупость, то петуший бой можно назвать сущею жестокостью, не менее отвратительною, как и медвежья травля. Выпущены, предварительно свешанные, два петуха с остриженными и обдерганными шеями и хвостами, так что каждое перышко представляло какую-то иглу. Ноги были вооружены косыми острыми шпорами. Они тотчас же бросились друг на друга с необыкновенною яростью и, несмотря на наносимые друг другу раны, продолжали биться до тех пор, пока у одного не были совсем выбиты глаза и он не ослабел совершенно от истекавшей крови. Бедняга упал и подняться не мог, но соперник не переставал бить и терзать его до тех пор, покамест он не остался без всякого движения. Их не разнимали, потому что условием заклада был бой насмерть.

Сказывали, что за победителя-гуся предлагали рябому господину сто рублей, а триумфатор-петух, принадлежавший купцу их охотного ряда, несмотря на свои раны, был продан за двести рублей.

Прекрасное употребление денег и времени! Впрочем, о вкусах не спорят.

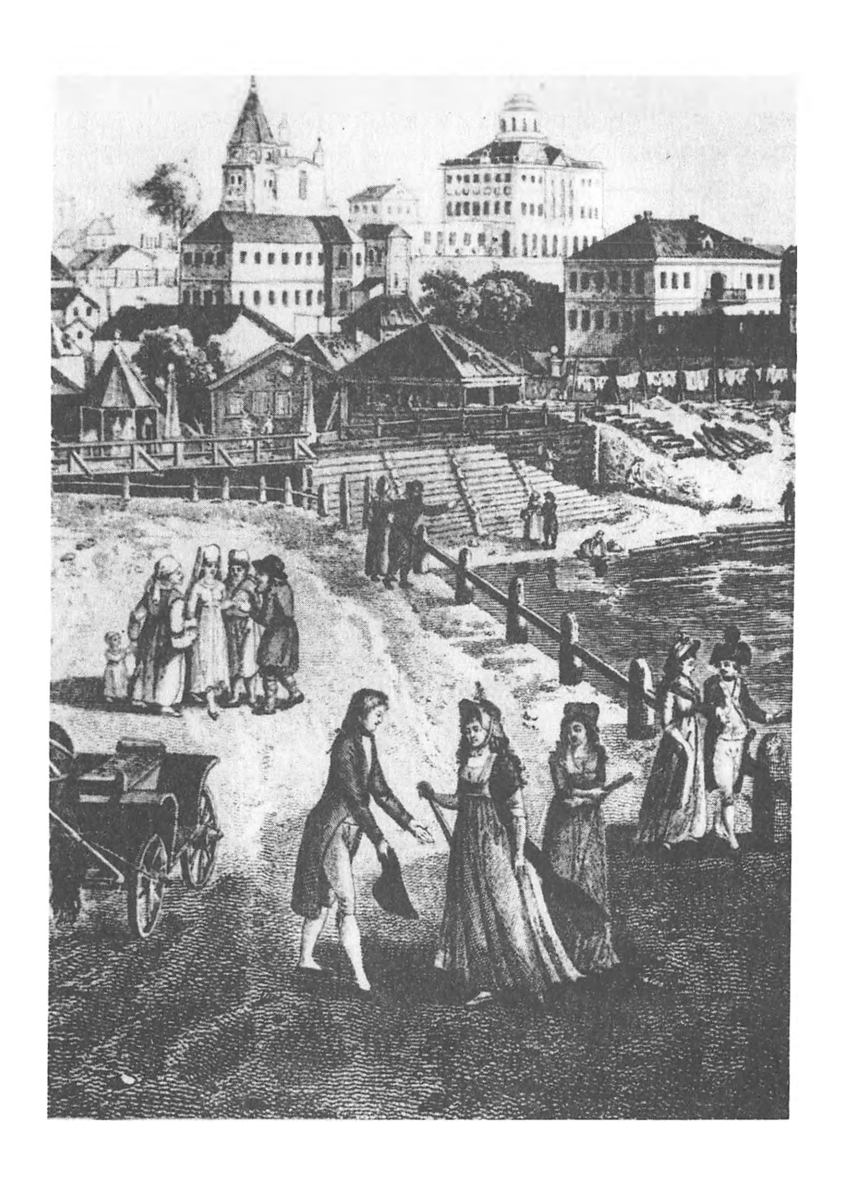
28 апреля,
пятница.

Вот прешарлатанское объявление французских актеров о представленных вчера пьесах: «Les deux soeurs», «Fabrice et Caroline» и «La Cloison». Эти люди считают нас, право, невеждами, что позволяют себе подобные выходки: «De toutes les pièces qui ont été représentés à Moscou, ces deux ouvrages sont sans contredit les mieux écrits et ne peuvent manquer d'obtenir suffrage des véritables connaisseurs et amateurs du répertoire français. Nous nous permettons d'annoncer au public, que «La Cloison» a obtenu samedi dernier un succès complet. Nous regrettons seulement qu'il n'y ait point assez eu de spectateurs pour admirer ce charmant ouvrage digne des connaissances de la noblesse de

Вид из Кремля на Москву.
Ж. Делабарт.
Холст, масло. Конец XVIII в.

Подновинское подворье в Москве во время народного гулянья.
С оригинала Ж. Делабарта.
Гравюра. Конец XVIII в.

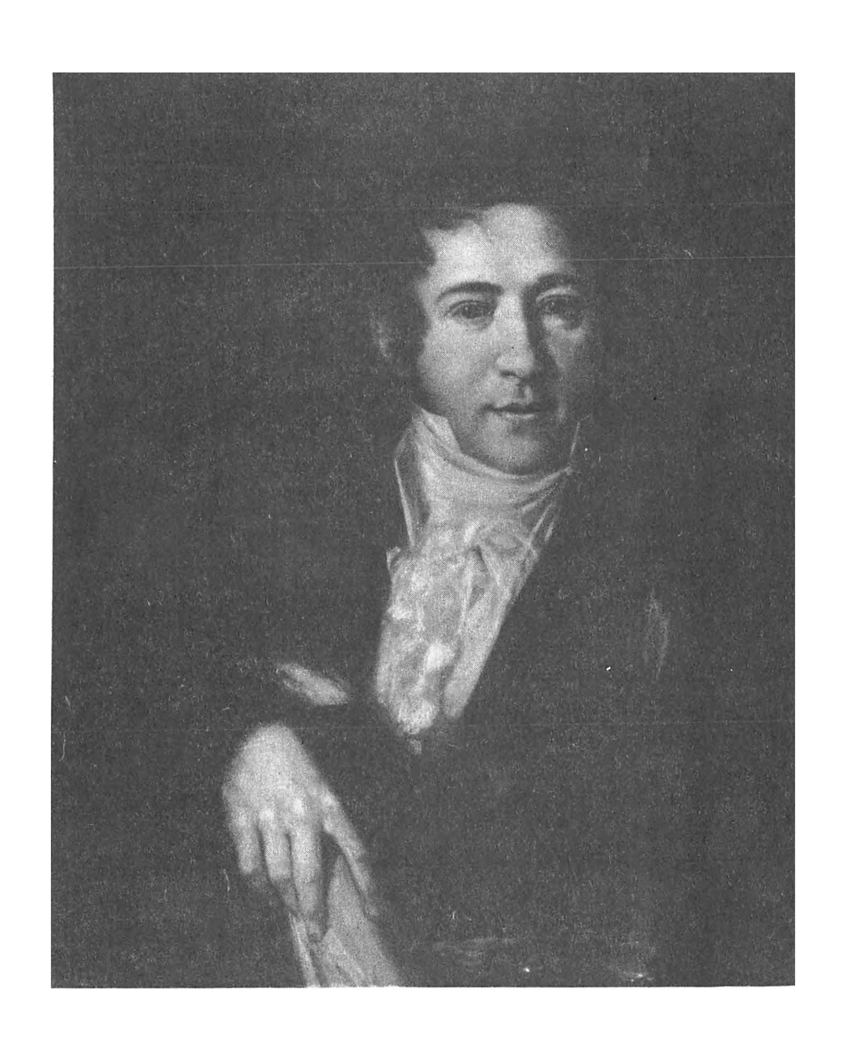

**Вид на Яузский мост в Москве.
С оригинала Ж. Делабарта.
Фрагмент гравюры. 1797**

Петровский театр в Москве.
Неизвестный художник.
Гравюра. Начало XIX в.

П. Плавильщиков.
А. Осипов.
Гравюра. 1817

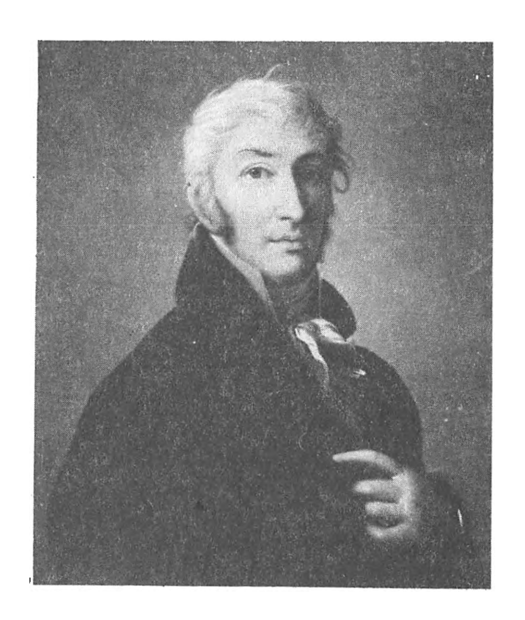
С. Мочалов.
О. Кипренский.
Холст, масло. Первая четверть XIX в.

Е. Сандунова.
Неизвестный художник.
Гравюра. Первая треть XIX в.

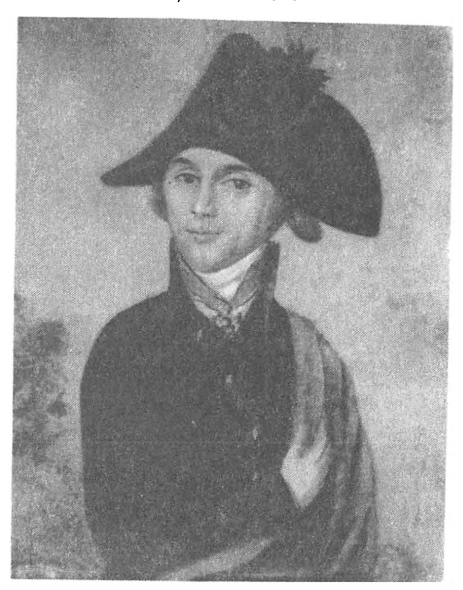
С. Сандунов.
По рисунку Удалова.
Литография. Первая треть XIX в.

И. Дмитриев.
А. Дмитриев.
Слоновая кость, гуашь, акварель. 1797—1799

Н. Карамзин.
Дж.-Б. Дамон-Ортолани.
Холст, масло. 1805

В. Пушкин.
Э. Кенеди.
Физионотрас, гравюра лависом. 1803

А. Мерзляков.
Неизвестный художник.
Кость, гуашь, акварель. 1800-е гг.

П. Шаликов.
А. Орловский.
Карикатура. Начало XIX в.

Ф. Кокошкин.
Неизвестный художник.
Карикатура. Начало XIX в.

Савельич (И. Сальников, шут В. Хованского).
П. Соколов.
Литография. 1820-е гг.

Священник.
К. Батюшков.
Бумага, карандаш. 1800-е гг.

Два офицера.
Неизвестный художник.
Рисунок из семейного альбома Олениных. Начало XIX в.

Танцующая пара.
А. Орловский.
Рисунок из семейного альбома. Начало XIX в.

Две пары танцующих.
Неизвестный художник.
Рисунок из семейного альбома. Начало XIX в.

Сцена из светской жизни.
И. Бугаевский.
Бумага, тушь. Первая четверть XIX в.

Сцена московской жизни.
И. Бугаевский.
Бумага, тушь. Первая четверть XIX в.

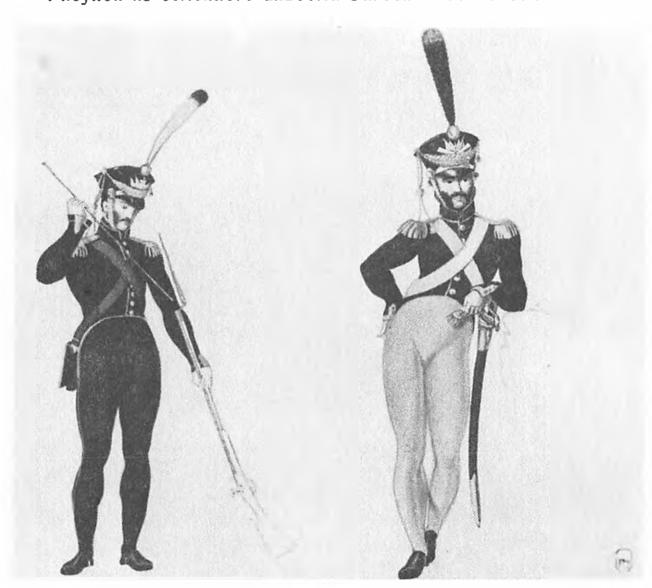
Сцена московской жизни.
И. Бугаевский.
Бумага, тушь. Первая четверть XIX в.

Семейный альбом.
Начало XIX в.

Семейный альбом.
Начало XIX в.

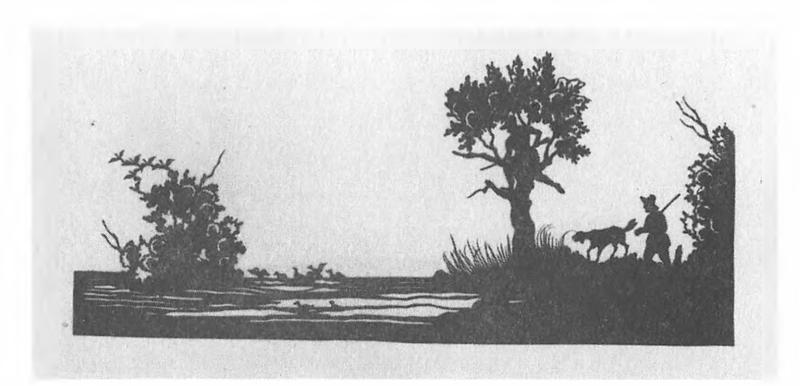
Наполеон у пушки.
А. Орловский.
Бумага, тушь. 1800-е гг.

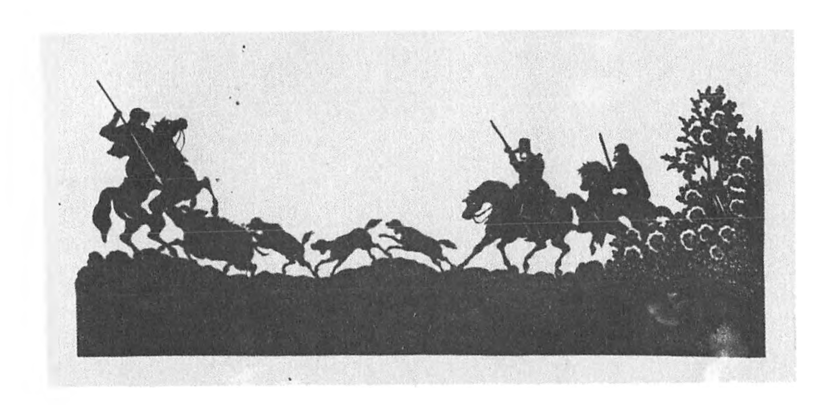
Солдаты.
Неизвестный художник.
Рисунок из семейного альбома Загоскиных. Начало XIX в.

Сражение.
Детский рисунок из семейного альбома Муравьевых-Апостолов.
1800-е гг.

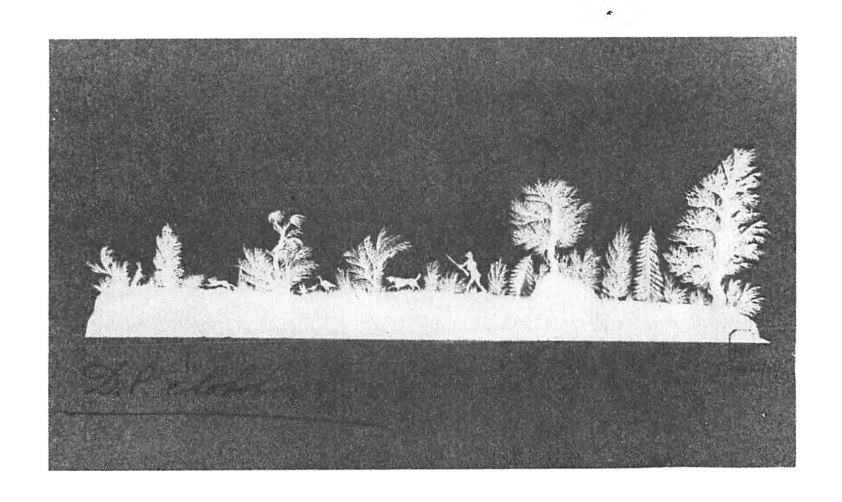
Охота на уток.
Ф. Толстой.
Силуэт. Первая треть XIX в.

Охота на кабана.
Ф. Толстой.
Силуэт. Первая треть XIX в.

Охота.
Д. Львов.
Силуэт. Начало XIX в.

Moscou, et nous l'invitons à honorer le spectacle de sa présence encore quelques représentations avant son départ pour la campagne»[1].

Несмотря на вописуемые похвалы двум первым пьесам, последняя мне лучше нравится и разыгрывается очень мило. Не мудрено, что Duparai в ней хорош: он хорош везде, где ни играет; но странно, что и другие актеры, от первого до последнего, от него не отставали и так же были хороши.

Москва в больших приготовлениях к гулянью 1 мая. В Сокольниках разбиваются пренарядные палатки и устраиваются кавалькады. Скачка назначена на другой день и, говорят, будет блистательна, потому что записано много отличных лошадей. Увидим.

2 мая,
вторник, утро.

Сколько народу, сколько беззаботной, разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, песен, плясок и проч.; сколько богатых турецких и китайских палаток с накрытыми столами для роскошной трапезы и великолепными оркестрами и простых хворостяных, чуть прикрытых сверху тряпками шалашей с единственными украшениями — дымящимся самоваром и простым пастушьим рожком для аккомпанемента поющих и пляшущих поклонников Вакха, сколько щегольских модных карет и древних, прапрадедовских колымаг и рыдванов, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасных лошадей и претощих кляч, прелестнейших кавалькад и прежалких донкихотов на прежалчайших росинантах! Нет, признаюсь, я и не воображал видеть

---

[1] «Из всех представленных в Москве пьес эти две, бесспорно, написаны лучше всех прочих и потому не могут не заслужить одобрения истинных знатоков и любителей французского репертуара. Позволяем себе объявить публике, что в минувшую субботу «Перегородка» прошла с полным успехом. Жалеем только, что не было достаточного количества зрителей, чтобы восхищаться этим очаровательным произведением, достойным внимания московских дворян, и мы приглашаем их, до разъезда по деревням, почтить своим присутствием еще несколько представлений этого спектакля» (*франц.*).

такое многочисленное, разнообразное и живописное гулянье, на какое, наконец, попал я вчера в Сокольники!

Погода стояла бесподобная: теплая, тихая, светлая — настоящий день для праздничной встречи весны. Утренний дождь сделал его еще приятнее, потому что освежил зелень и уложил пыль, столь обыкновенную на песчаной дороге гулянья и столь несносную не только для самих гуляющих, но и для тех, которые в качестве зрителей оградили себя более или менее разными навесами и завесами.

Нас заманил к себе в палатку знакомец и сосед твой, гостеприимный Ефим Ефимович Ренкевич, у которого нашли мы прекрасное общество и роскошное угощение. Палатка его поставлена была на самом бойком месте: несколько наискось против палатки главнокомандующего и других вельмож; отсюда все гулянье на всем его протяжении в обе стороны было видно. Между тем народ, наиболее тут толпившийся, нетерпеливо посматривал к стороне заставы и, казалось, чего-то нетерпеливо поджидал, как вдруг толпа зашевелилась и радостный крик: «едет! едет!» пронесся по окрестности; и вот началось шествие необыкновенного торжественного поезда, без которого, говорили, гулянье 1 мая было бы не в гулянье народу. Впереди, на статном фаворитном коне своем, Свирепом, как его называли, ехал граф Орлов в парадном мундире и обвешанный орденами. Азиатская сбруя, седло, мундштук и чепрак были буквально залиты золотом и украшены драгоценными каменьями. Немного поодаль, на прекраснейших серых лошадях, ехали дочь его и несколько дам, которых сопровождали А. А. Чесменский, А. В. Новосильцев, И. Ф. Новосильцев, князь Хилков, Д. М. Полторацкий и множество других неизвестных мне особ. За ними следовали берейторы и конюшие графа, не менее сорока человек, из которых многие имели в поводу по заводной лошади в нарядных попонах и богатой сбруе. Наконец, потянулись и графские экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четверками одномастных лошадей. Этот поезд графа Орлова, богатого, знатного, тучного и могучего вельможи, с такою блестящею свитою, с таким количеством нарядных служителей, с таким множеством прекрасных лошадей и разнородных экипа-

жей, представляет, точно, необыкновенно великолепное зрелище и не может не действовать на толпу народную. Впрочем, сказывают, что граф Орлов и не одним своим богатством и великолепием снискал любовь и уважение москвичей, что он доступен, радушен и, как настоящий русский барин, пользуясь любимыми своими увеселениями — скачками, бегами, цыганскими песнями, плясками и прочим, обращает их также в потеху народа и как будто разделяет с ним преимущества, судьбою ему предоставленные.

А. А. Чесменский, проезжая мимо палатки Ефима Ефимовича, приглашал всех находящихся в ней дам на сегодняшнюю скачку и предлагал послать за билетами для входа в галерею к какому-то коллежскому комиссару Гавриле Ершову, живущему у графа Орлова. Многие тотчас же воспользовались этим предложением.

4 мая,
четверг, утро.

Скачка была отличная по количеству и качеству лошадей, и погода чрезвычайно ей благоприятствовала. Галереи наполнены были московскою знатью обоего пола, и тут в первый раз мне удалось видеть князя Прозоровского. Вообще молодые люди и много дам были большею частью верхами и ездили внутри скакового круга. На приз в 500 руб., пожертвованный, как публиковано было, одним охотником (вероятно, самим графом или Д. М. Полторацким), скакало девять лошадей: графа Орлова, Полторацкого, Чемоданова, братьев Мосоловых, Савеловых, Загряжского, Муравьева и еще не помню чьи-то две лошади. Дистанция назначена была два круга, то есть четыре версты с перескачкою. Этот приз выиграл г. Муравьева гнедой жеребец Травлер, родившийся в Англии, обскакав двукратно своих соперников; второю лошадью в оба раза приходила лошадь Мосоловых; ездоком на Травлере был крепостной мальчик Муравьева Андрей, достигший цели с оборванным стременем, но не потерявший его; иначе, по недостатку веса, он должен бы считаться проигравшим скачку. Когда взвесили мальчика, многие из присутствовавших давали ему деньги

за мастерское или удачное сохранение веса. Второе состязание было на подписку четырех охотников по 50 руб. с каждого; из четырех лошадей, гр. Орлова, Полторацкого, Савелова и Мосолова, выиграла кобыла Добрая, принадлежащая последнему, оставив прочих весьма далеко, чуть не за флагом.

Засим скакало несколько благородных охотников на кубок в 50 руб. по подписке, ими сделанной. На дистанции одного круга, или двух верст, князь Ив. Ал. Гагарин, скакавший на лошади, купленной им у англичанина Шмита, оставил всех своих состязателей за флагом, и это случилось будто бы оттого, что их лошади не были по-надлежащему приготовлены. Я, право, не понимаю, зачем же было и пускать их в скачку? Это non-sens [1]. После скачки пред беседкою гр. Орлова пели и плясали цыгане, из которых один немолодой, необычайной толщины, плясал в белом кафтане с золотыми позументами и заметно отличался от других. Оттого ли, что он богатым костюмом своим обращал на себя более внимания, чем другие, или точно был мастер своего дела, только этот толстяк показался мне чрезвычайно искусным, даже красноречивым в своих телодвижениях. Он как будто и не плясал, а так просто, стоя на месте, пошевеливал плечами, повертывая в руках шляпу, изредка пригикивая и притопывая по временам одною ногою, а между тем выходило прекрасно: ловко, живо и благородно. После цыганской пляски завязался кулачный бой, в который вступая, соперники предварительно обнимались и троекратно целовались. Победителем вышел трактирный служка из певческого трактира, Герасим, ярославец, мужичок лет 50, небольшой, но плечистый, с длинными мускулистыми руками и огромными кулаками. Говорили, что он некогда был подносчиком в кабаке и сотоварищем нынешних знаменитых откупщиков-богачей Р* и Ч*, которых колачивал напропалую. Этого атлета лет восемь назад отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала графу Орлову.

По окончании всех этих проделок граф сел с дочерью в подвезенную одноколку, запряженную четырьмя гнедыми скакунами в ряд, ловко подобрал вожжи и, гикнув на лошадей, пустился во весь опор по скако-

---

[1] Бессмыслица (*лат.*).

вому кругу, и обскакав его два раза, круто повернул на дорогу к дому и исчез, как ураган какой. Смотря на этого, до сих пор еще могучего, витязя, я вспомнил стихи к нему Державина:

Он в колеснице с гор бедрой
Минервы удержал паденье!

Пусть говорят, что хотят, а граф Орлов лицо очень замечательное.

7 мая,
воскресенье.

Помещик Ивантеев очень хороший, средних лет человек, довольно образованный, то есть говорит по-французски и по-немецки, имеет слабость считать себя поэтом, протежировать каких-то ничтожных музыкантов и казаться аристократом, прибавляя между тем к каждой почти речи совсем неаристократическое слово: катавасия. Этот Ивантеев влюбился в Катеньку Боровикову, небогатую, но милую и умную девушку, живущую с малолетства у Натальи Матвеевны Вердеревской, и предложил ей свою руку. Это было ничего; только он неловко сделал это предложение. В день рождения Катеньки Боровиковой он отправил к ней преогромный букет каких-то пошлых цветов и в нем объяснение в любви с формальным предложением в уморительно напыщенных куплетах. Катя, разумеется, тотчас же отдала то и другое своей благодетельнице, которая, прочитав стихи и не очень понимая их, сказала: «Кажется, сватается. Если не противен тебе, то я не препятствую: не век же сидеть в девках».— «Конечно, maman,— отвечала Катя с живостью,— им пренебрегать не должно, о нем отзываются хорошо; но ведь он мне лично никогда ни слова не говорил, а если положиться на эти глупые стихи и вонючий букет, то может выйти катавасия». Это словцо подцепил зубоскал Мневский, и вот тебе написанные им экспромтом куплеты:

Вот Кате пленительной
Осьмнадцать уж лет;
Такой восхитительной
Другой в Москве нет.
Помещик значительный

Вдруг шлет ей букет,
И в нем объяснительный
Запрятан куплет,
Куплет уморительный,
Любовный привет!
Он ждет утвердительный
От Кати ответ.
Но Катя в претензии:
— В стихах смысла нет;
Из чахлой гортензии
И самый букет.
Пусть автор с талантами,
Как все говорят:
Всегда с музыкантами
И аристократ;
Но мне из согласия
Всех этих даров,
Видна катавасия
Под формой цветов!

Эти куплеты поются во многих домах на разные напевы и дошли уже до сведения нашего помещика. Он очень петушится и угрожает Мневскому, но до дуэли не дойдет, а свадьба состоится.

10 мая,
среда.

Москва начинает пустеть: по улицам ежеминутно встречаешь цепи дорожных экипажей и обозов; одни вывозят своих владельцев, другие приезжают за ними. Скоро останутся в Москве только коренные ее жители: лица, обязанные службою, купцы, иностранцы и наша братья, принадлежащая к учащемуся сословию. Дедушка [1] говорит, что и еще один класс людей не выедет из Москвы: именно, класс должников, которых не выпустят кредиторы. Странно, что одна часть города в Москве не пустеет летом, это — Немецкая слобода: она всегда в нормальном своем состоянии.

Вчера ездил проститься с Лобковыми, у которых провел целый день. Не поверишь, как мне сделалось грустно: право, хоть плакать.

Арина Петровна сказала: «Не грустите: скоро приедем назад».— «А как скоро?» — спросил я. «Да вот папа говорит, что непременно к тому времени, как при-

[1] Упомянутый прежде отставной суфлер Булов.

возят невест,— к рождеству, с поросятами». Я лопнул со смеху. «Почему ж не сказали вы с цыплятами? Тогда бы я отвечал вам, не боясь обидеть вас сравнением».— «А что же бы вы отвечали?» — «Я сказал бы, que les poulets sont aussi bons a croquer que les...» [1] — «Не извольте договаривать, monsieur l'insolent au drap de poisson!» [2] Однако ж, несмотря на эту размолвку, мне подарили маленький кошелек своей работы, а я должен был нарисовать что-нибудь в альбом и написать стихи. Я ничего не мог придумать умнее этой глупости: нарисовал реку и стоящего на берегу человека с растрепанными волосами и с приложенною к сердцу рукою и разинутым ртом; а под рисунком подписал:

Выйду я на реченьку.
Посмотрю на быструю;
Унеси ты мое горе,
Быстра реченька, с собой!

Уж если пошло на пошлости, так, по-моему, они должны быть самые пошлые, и в этом отношении рисунок мой, кажется, вполне удался.

Получил письма от своих: зовут на вакации в деревню. Матушка и отец пишут, что они рады будут, если привезу кого-нибудь из товарищей и еще какого-нибудь немца, позатейливее, для общей компании. Я намерен предложить Снегирю-Nemo-Граве быть моим спутником, а из немцев — чего лучше, возьму Адальберта-Фердинанда-фон-Кибурга-Косинского-Литхенса [3]. Этот бывший обойный подмастерье, а нынешний трагик имеет прекрасный характер, необъятную память и так добродушно болтлив и весел, что с ним не задумаешься. Наши думают провести лето в Липецке, для сестер; девяносто верст от деревни, все равно что в самой деревне, плюс хорошее общество: летом бывает там много приезжающих. Буду рад пожить на родимой сторонке после пятилетнего отсутствия; погуляю, поохочусь, поезжу верхом и попью целительных вод, которые могут быть для меня струями Леты в отношении к известной вострухе, о чем втайне молюся благому провидению.

---

[1] Что цыплят так же приятно грызть, как и ку... (*Франц.*)
[2] Господин нахал с рыбьим сукном (*Франц.*)
[3] Роли, игранные Литхенсом на немецком театре.

13 мая,
суббота.

На днях М. И. Невзоров познакомил меня с Ф. Н. Карцевым. Где он отыскивает таких оригиналов? Видно, пословица справедлива, что рыбак рыбака далеко в плесе видит. Кто в Москве знает о Карцеве, переводчике стольких лучших сочинений Вольтера: «Генриады», «Брута», «Разрушения Лиссабона», «Орлеанской девственницы» и проч., некоторых сатир и эпистол Буало и разных мелких стихотворений других авторов? А между тем этот переводчик, очень недурной, живет на Поварской улице, в собственном доме, приглашает иногда знакомых на вечеринки и даже по временам дает приятельские обеды; этот переводчик, кроме литературного достоинства, необыкновенно умный и добрый человек. Я его спрашиваю: «Читали ли вы кому-нибудь стихи свои?» — «Да,— говорит,— читал жене и еще, отрывками, князю Горчакову и Карину».— «И вы не имели и не имеете намерения их напечатать?» — «А на что, батюшка? Я пишу и перевожу сам для себя, потому что люблю труд. Будто, не имея в виду известности, и писать нельзя!» — «Так; однако ж эта известность служит поощрением таланту».— «Это, батюшка, могут думать одни праздные люди, которые не понимают, что есть наслаждение в самом процессе труда. Знаете ли вы умное слово одного англичанина своему приятелю, который заметил ему, что работа его должна быть (most tedious) очень скучна. (This tediousness is very amusing). «Эта скука очень занимательна»,— отвечал он, и это совершенная правда. Вот, батюшка, вы, молодой человек, если хотите быть неизменно счастливым во всех превратностях жизни, то любите труд, как любят любовниц,— бескорыстно. Я не знаю по-немецки, но мне сказывали, что у вашего Шиллера — я говорю «вашего», потому что он считается теперь любимым автором нового поколения наших писателей,— есть в одном из его стихотворений прекрасный стих: «ты надеялся, следовательно, получил уже свою награду». Этот стих можно применить к труду: «ты трудился, следовательно был уже счастлив». Невзоров, с своим gros bon sens [1], за-

[1] Здравым смыслом (*франц.*).

метил, что едва ли без ясного сознания цели предпринятого труда и убеждения в пользе можно полюбить какой бы то ни было труд. «Вот, например, возьмите четверик маку и считайте, сколько находится в нем зерен,— это будет также труд; но разве можно полюбить его, не будучи сумасшедшим?» — «Это сравнение больше остроумно, чем справедливо,— возразил Карцев,— во-первых, говоря о любви к труду, я разумел любовь к занятиям умственным, c'est notre point de départ [1]; а во-вторых, бывают обстоятельства в жизни человека, когда и ваш четверик с маком может ему пригодиться, если он считать умеет... Когда вы, любезный Максим Иваныч, попали случайно, ни за что ни про что на шесть месяцев в подземелье к Шешковскому, без всякого способа к занятиям, то, верно, обрадовались бы вашему четверику с маком как средству с бо́льшим терпением ожидать вашего освобождения. Вы меня не очень поняли: речь моя клонилась к тому, что в одном только труде заключается вся наука счастья, то есть уменье наполнить пустоту жизни; с этим уменьем — сочиняете ли вы поэму, или считаете маковые зерна — можно легко сносить свою участь, какова бы она ни была, не изменяя малодушным ропотом достоинству человека. Не от нас зависит переменить эту участь, но от нас зависит пристраститься к какому-нибудь постоянному занятию, которое, назло всем обстоятельствам, наполнит нашу душу и будет, как верный утешительный товарищ, как ангел Товии, сопровождать нас до могилы». Максим Иванович шутя жаловался ему на излишнее мое будто бы любопытство, страсть к театру и рассеяниям светским, но между тем, pour dorer la pilule [2], говорил, что я учуся прилежно, люблю заниматься и что постоянно веду ежедневный журнал всем случающимся со мною происшествиям. На это Карцев отвечал, что в мои лета рассеяние даже необходимо, но не должно исключительно посвящать ему все свое время, потому что рассеяния светские не наполнят пустоты, которую чувствует человек в самом себе, а, напротив, увеличивают ее, как соленая вода увеличивает жажду. «Если б вы,— прибавил он,— не захотели писать или переводить, то чи-

[1] Это наша отправная точка (*франц.*).
[2] Чтобы позолотить пилюлю (*франц.*).

тайте больше, только с размышлением: чужие мысли большею частию могут скорее руководить нас к достижению внутреннего спокойствия, чем свои собственные. А журнал ваш — прекрасное дело: он приучает к труду и заставляет вас отдавать отчет самому себе в ваших помыслах, чувствах и действиях. Продолжайте его всегда; со временем слюбится».

Так, поэтому я и не даром докучаю тебе своим мараньем? «Слюбится»,— сказал умный старик, и я тому верю: если нам так приятно встречать давно знакомых людей, то еще приятнее некогда встретиться с самим собою в прежней мысли, в прежнем чувстве и в прежнем происшествии.

17 мая,
среда.

Брат любезный, я лишился Трезора, лохматого моего Трезора, доброго, верного, неразлучного моего товарища и друга в продолжение двенадцати лет, того самого Трезора, над которым все вы некогда так издевались и которого между тем так любили за привязанность ко мне, необыкновенную сметливость и доброту. Он умер от старости, бедный Трезор мой, охранявший меня почти от самой колыбели и бывший моим спутником и стражем во всех переселениях, которым подвергалось мое юношество. Теперь некому будет подать мне так часто забываемый платок, ни отыскать затерянную вещь и неожиданно принести ее мне на колени, тряся мохнатою своею головою, шевеля кудлатым хвостом и посматривая на меня такими умильными глазами. Нет, воля твоя, а долго, долго не забыть мне этих ежеминутных доказательств привязанности и самоотвержения, этих первых утренних «здравствуй», этих последних вечерних «прости» — словом, всего этого домашнего счастья, которое называл я Трезором. Если б ты мог видеть, как умирал он и как за минуту до смерти, несмотря на совершенное изнеможение, он усиливался подать мне, по обыкновению, косматую свою лапу. Не смейся над моим горем: это первая чувствительная утрата в моей жизни. Дай бог, чтоб она не была предвестницею других, более горестных!

20 мая,
суббота.

С горя таскаюсь по прощальным обедам и вчера на одном встретил приехавшего из Петербурга переводчика двух частей «Русалки», Краснопольского, которому назначен за перевод бенефис. Правду сказать, есть за что! Сказали бы нашей компании, и она бы рублей за сто перевела все три части, а если б захотели торговаться, то взяла бы и менее. На такие арии, как:

Отнюдь я не стану грешить,
С чертями чтоб дружбу водить,—

или

Беляночку бы в воскресенье,
Чернавку в понедельник взял,—

мы превеликие мастера и доки и можем всех русалок и с «Чертовою мельницею» перевести вшестером за один присест. Этот бенефис Краснопольского назначен во вторник 23 числа. Желаю ему собрать побольше денег (хотя, судя по времени, это и невероятно), но вкладчиком в кассу его не буду и денежки приберегу на 24 число, чтоб видеть «Рекрутский набор» Ильина, в котором так хороши Померанцев с женою и Сандунов в роли Клима Гавриловича; затем, в пятницу, 26 числа, дебют Кавалерова в роли Семена в комедии «Братом проданная сестра», который видеть должно. Сандунов многие из лучших ролей своих передает начинающим. Это с его стороны благородно и похвально, а для дебютантов совершенное счастье, потому что, по неимению другой сцены, они не могут иметь и случая совершенствоваться в своем искусстве.

Кстати, о Сандунове. Намедни, повстречавшись на вечеринке у Павла Андреевича Вейделя с старшим братом своим, известным переводчиком Шиллеровых «Разбойников» и сенатским обер-секретарем, таким же остряком, как и он сам, они о чем-то заспорили, а как братья ни за что не упустят случая попотчевать друг друга сарказмами, то старший в пылу спора и сказал младшему: «Тут, сударь, и толковать нечего: вашу братью всякий может видеть за рубль!» — «Правда,— отвечал актер,— зато вашей братьи без красненькой и не увидишь». Остро; однако ж в отношении к Николаю Николаевичу несправедливо, потому что он есть

утешительное исключение из категории большей части его сослуживцев и не без причины пользуется общим доверием и уважением.

Я слышал, что он, то есть Н. Н. Сандунов, едет также на лето лечиться в Липецк с молодою женою, совершенною красавицею. Как бы я был рад с ним там встретиться!

24 мая,
среда.

Померанцева можно назвать актером par excellence [1]. Какая натура, какое чувство, какая простота! Абрам — не на сцене: он в своей избе, истый русский крестьянин, патриархальный владыка своего семейства и между тем нежный отец. Хороша и Померанцева в роли матери Алексея. Сандунов превосходен в роли Клима Гавриловича: настоящий подьячий с приписью; однако ж подьячий, который существует только в нашем воображении, которого знаем по преданиям, но которого, конечно, никто из нас не видал: это карикатура и на бывших некогда подьячих. Молодой Орлов в сцене, когда Ипполит бросается к ногам отца и просит благословения идти вместо Алексея в рекруты, был увлекателен и заставил плакать, и самый Кондаков в роли Герасима, великодушного извозчика-резонера, играл с чувством и жаром; словом, пьеса разыграна была бы прекрасно, если б несчастная Караневичева, Варвара, не портила всего хода пьесы. Что за претензии, что за жеманство и отсутствие всякого чувства, что за льдина такая! Вместо этой Варвары, доброй простодушной крестьянки-сироты, чувствующей сиротство свое, мы видели горничную, жеманницу, которая даже и при вопросе, как вас зовут, отвечает: «Извините, мы не из таковских». И вот говорят, что эта же Караневичева будет играть Антигону в «Эдипе», которого разучивают к осени. Что ни говори, а русскую оперу можно смотреть с бо́льшим удовольствием, чем русские трагедии и драмы: ни даровитый Плавильщиков, ни превосходный Померанцев одни, без женщин не могут произвести никакого действия. Как-то

[1] По преимуществу (*франц.*).

случилось мне видеть «Беверлея», где в некоторых сценах так отлично хорош Плавильщиков,— и что же! Как только появлялась на сцене Баранчеева, игравшая роль жены его, то вся иллюзия исчезала. Померанцев в отце семейства превосходен, но лишь появится женщина — прости очарование!

Генерал Сергей Алексеевич Тучков показал Петру Ивановичу свои стихотворения и признался ему, что любит чрезвычайно поэзию и в свободное время только и занимается ею сколько по страсти, столько же и потому, что там, где он обязан постоянно жить по службе, других развлечений нет. В этих стихотворениях нет никаких правил: ни меры, ни ударений — словом, ни складу ни ладу, но между тем есть очень дельные мысли. Петр Иванович заметил автору, что надобно бы прежде узнать правила и тогда уже приняться за сочинение, иначе лучше писать прозою. Генерал пожелал взять несколько уроков тайком, и Петр Иванович в неделю истолковал ему все тайны стихосложения, отказываясь от всякого возмездия, и, в заключение, послал свою пиитику при следующем послании с эпиграфом из Державина: «Учиться никогда не поздно!»

Т....... командир,
Кому маневры и сраженья
Не горький труд, но сладкий пир!
Вот правила стихосложенья:
Прими, учись и будь поэт.
Теперь, исполнив мой обет,
Я ожидаю исполненья
Обета твоего: втеснить
Порывы своевольной музы
Обыкновенных правил в узы.
Тебе легко поэтом быть:
Доступным сделай лишь искусство,
Решась воображенье, чувство
Науке строгой покорить.
Наука лишь талант венчает,
И божий дар без ней — одно
Вечногниющее зерно;
Без ней оно не прозябает
И не цветет в красе оно!

Стихи не гениальные, но в них есть толк. Генерал прислал Петру Ивановичу на память золотую табакерку прекрасной работы.

27 мая,
суббота.

Несколько дней я чувствую себя нехорошо, а между тем не утерпел, чтоб вчера не взглянуть на нового дебютанта в роли слуги Семена в комедии Ефимьева «Братом проданная сестра». К сожалению, должен сказать, что лучше бы сделал, оставшись дома: Кавалеров покамест не из числа настоящих кавалеров, а просто из разряда тех лиц, которых представляет; о будущем не говорю. Между тем прости: голова жестоко болит и чувствую то жар, то озноб. Добрый мой Петр Иванович испугался и послал за Г. И. Доппельмайером. Если б я писать к тебе был не в состоянии, то поручу Петру Ивановичу или Снегирю-Nemo, которому решительно делать нечего. Обнимаю.

24 июня,
суббота.

Вот уж несколько дней, как я начал прогуливаться и дышать чистым воздухом, который, видимо, меня укрепляет. Между тем я так изменился, что не могу ничего делать и даже, мне кажется, тяжело написать к тебе несколько строк. Меня посетила сильная горячка со всею свитою: бредом, пятнами и проч., и если б не старик Доппельмайер, который так меня любит, если б не истинно отеческие попечения Петра Ивановича, то, может быть, переписка наша навсегда прекратилась бы. Нет слов благодарить и Снегиря-Nemo, который мало того что просиживал у моего изголовья целые ночи без сна, но и теперь ссужает меня своей рукою, и потому ты можешь считать на получение обыкновенных моих донесений и всех сплетней, какими они сопровождаются. Начну со вчерашнего вечера. Вместо оперы «Die Zauber-Zitter», которую нам хотелось видеть, мы, не заходя в театр, отправились спозаранку в назначенный после спектакля воксал и уселись у пруда смотреть на ловлю лягушек, которых в этом пруде бездна. Эта ловля гораздо занимательнее уженья рыбы и, видно, входит в моду у немецкослободских обывателей, потому что их человек пятнадцать сидело с удочками, на которых вместо обыкновенной приманки на-

цеплены были кусочки красного сукна. Лягушки беспрестанно подпрыгивали из воды, жадно хватались за сукно и становились добычею ватрахоловов. Эту забаву с месяц назад ввели в моду братья Бранстетеры, для которых она служит не только забавою, но и средством к удовлетворению своей гастрономии: они страстные охотники до фрикасе из лягушек, а потому весь улов этой водяной дичины предоставляется в их пользу.

А знаешь ли, что за люди братья Бранстетеры, Франц и Антон? Это люди исторические и недаром носят свое прозвание. Они находились прежде в услужении князя Потемкина, в качестве фейерверкмейстеров, устроивали потешные огни в Молдавии и Валахии и участвовали в изготовлении знаменитого фейерверка, который был пущен во время известного бала, данного князем в Таврическом дворце; сверх того они механики, землемеры, инженеры, гидрографы и живописцы. Антона Бранстетера я помню еще с детства, когда он расписывал церковь у соседа нашего, генерала Муромцева, и ежегодно в день именин жены его, 24 ноября, пускал фейерверки, на которые съезжались все окружные помещики и в том числе возили меня. Теперь эти Бранстетеры живут на покое, имеют свою лабораторию, снабжают всю Москву и сопредельные губернии потешными огнями и ловят лягушек, употребляя их в продолжение лета в пищу вместо цыплят. Дешево и вкусно!

28 июня,
среда.

Мы непременно выезжаем в воскресенье, 2 июля, и прямо в Липецк, потому что мои домашние должны быть теперь уже там. Болезнь унесла у меня много времени и осадила меня по крайней мере на месяц. Мы едем целою колониею: Снегирь-Nemo, Литхенс и фортепьянист Димлер, которому в Москве теперь делать нечего: у дольщиков его, Дурновых, летом игры нет, а ученики и ученицы разъехались по деревням. Что, если бы ты мог приехать также в Липецк и пожить на свободе? Но это мечта!

Сообщаю тебе последнее из Москвы сведение: табель профессорских лекций на будущий университет-

ский курс, о которой ты так заботился для Верзилина. Предчувствую, что недолго слушать мне добрых моих профессоров. Отец, обрадовавшись моему 12 классу, торопит службою.

Физику	Страхов.
Натуральную историю	Пр. Антонский.
Философию	Брянцев.
Статистику	Гейм.
Эстетику	Сохацкий.
Чистую математику	Аршеневский.
Историю	Черепанов.
Российское право	Горюшкин.
Теорию законов	Цветаев.
Теорию поэзии	Мерзляков.
Приложение алгебры к геометрии . . .	Загорский.

На французском языке

Историю натуральную и сравнительную анатомию	Фишер.
Естественное и народное право	Шлецер.
Химию	Рейс.
Нравственную философию	Рейнгард.
Астрономию	Гольдбах.

На немецком

Высокую геометрию	Иде.
Ботанику	Гофман.
Немецкую литературу	Санглен.

Особенные уроки, lectiones privatae, и особеннейшие, privatissimae, зависят от взаимных условий желающих учиться с профессорами.

Теперь жди от меня писем из Липецка, по-прежнему в ежедневных рапортичках, разумеется если попадаться будут случаи и люди, о которых стоило бы сообщать тебе; иначе о чем писать, разве только о количестве застреленных уток и прочей дичины? Но я решусь и на это, лишь бы только болтать с тобою.

Ты не любишь, чтоб тебя благодарили, а потому я и не хочу говорить, сколько я тебе обязан за все про все. Мне кажется, я никогда не расплачусь с тобою... Да, я забыл, что ты не любишь этого слышать! Извини.

8 июля,
суббота.

Солнышко только что показалось из-за горизонта, и мы все четверо сладко дремали в коляске, когда сидевший на козлах человек мой разбудил нас громогласным: «Вон Липецк виден!» Мы проснулись. Первою нашею мыслью было остановиться и несколько промедлить, во-первых, для того чтоб слишком ранним приездом не потревожить домашних, а во-вторых, чтоб дать время Снегирю-Nemo и Адальберту-Литхенсу оправить туалеты свои, потому что, будучи великими шематонами, они непременно хотели при первом появлении своем произвести благоприятное на незнакомых впечатление. Так и сделали: простояли более часу, потом поехали шагом и к восьми часам ровно явились у подъезда дома Вишневского, в котором наши жили.

Нечего говорить тебе о минуте моего свидания с домашними, слезах матери и сестер и удовольствии отца: подробности этого свидания могут быть интересны только для меня, а для тебя достаточно знать, что вот уже третий день, как я нахожусь в кругу своих, совершенно довольный и счастливый. Отец радешенек, что я привез немца, и щеголяет пред ним немецким языком, когда-то изученным на зимних квартирах в Пруссии, а Литхенс отпускает ему фразы из драматических ролей своих. Матушка не наговорится с Nemo, который поет ей обо мне турусы на колесах; а сестры ухватились за старого знакомца, Димлера, которого, несмотря на усталость, тотчас же засадили за фортепьяно и заставили отколачивать русалочный польский: «На что так чудесить, к чему куралесить?» — словом, кажется, я всем угодил. Слава богу, свои и чужие — все в восхищении! Тотчас же пошли расспросы, кто любит какое кушанье, чтоб всех равно удовольствовать. Литхенс объявил, что он обожает жареных кур с саладом. «А индеек?» — спрашивает отец. «В индейках я вкусу не знаю, потому что никогда их не едал»,— отвечает Фердинанд. Такое признание всех удивило, и теперь рассказывают за диво встречному и поперечному, что у нас в доме есть немецкий трагик, которому никогда в жизни не случалось есть индеек.

Снегирь-Nemo успел уже напутать: матушка под величайшим секретом мне объявила, что ей сказывали

верные люди, будто я очень влюблен в известную особу и оттого занемог, и что если это подлинно справедливо, то со временем можно подумать и о свадьбе. «Ну, а если она не пойдет за меня?» — спросил я. «Ах, батюшка, как же это можно, чтоб за тебя нейти?»

Хорошо, если б все так думали обо мне, как добрая моя мать; а еще лучше, если б я сам о себе так думал! Карамзин говорит:

Блажен не тот, кто всех умнее —
Ах, нет! он часто всех грустнее;
Но тот, кто, будучи глупцом,
Себя считает мудрецом!

Ita est [1].

16 июля, воскресенье.

Я познакомился со всеми почти приезжими больными и нашел, что они, за весьма немногими исключениями, все, слава богу, здоровы и, кроме того, необыкновенно любезны и приветливы. Граф Григорий Иванович Чернышев, старик князь Иван Сергеевич Гагарин, Иван Петрович Тургенев, отец наших студентов,— умные, ученые и добрые люди. Николай Петрович Архаров, бывший некогда московским губернатором или обер-полицеймейстером — право, не знаю, — cordon bleu [2], родной брат Ивану Петровичу, добродушному и ласковому моему патрону. Николай Петрович не похож на брата: тучный, серьезный и, кажется, холодный старик. Камергер князь Голицын, проживший в продолжение весьма короткого времени сорок тысяч душ и вследствие того уступивший жену свою графу Разумовскому и теперь живущий небольшим пенсионом, который производят ему племянники его князья Гагарины,— очень образованный, любезный и веселый человек. Генерал Яков Петрович Лабат де Виванс, бывший при покойном императоре кастеланом Михайловского замка, старинный гасконский дворянин, семидесятилетний юноша, с премилыми добродушными

[1] Верно (*лат.*).
[2] Голубая лента (орден Андрея Первозванного, *франц.*).

и говорливыми, хотя и некрасивыми дочерьми, охотницами до споров и, что удивительно, до возражений; Н. Н. Сандунов с женою-красавицею. Из молодых же людей, приехавших лечиться от здоровья, находятся твои знакомцы: князь С. Г. Щербатов, А. В. Новосильцев, Н. Д. Нарышкин, Зотов и много других.

Директором вод — Ив. Ник. Новосильцев, родной брат статс-секретаря государева, Николая Николаевича, добрый и приветливый человек. Петербургский доктор А. А. Альбини, любимейший ученик знаменитого Франка, находящегося теперь в качестве лейб-медика при государе, состоит официальным при водах врачом. Жена его, дочь известного в Петербурге медика Эллизена, необыкновенная красавица... что я говорю «красавица»! — нет, существо неземное, какая-то гурия, пери!

Все общество по утрам собирается в галерею, устроенную при источнике. Здесь условливаются об обедах, вечеринках и других parties de plaisir [1]. Сад вокруг галереи только что начинает разводиться. Со временем место может быть прекрасное, но и теперь Липецка в сравнении с тем, что он был за пять лет назад, узнать нельзя. Город разрастается и выстроивается не по дням, а по часам.

Много встретил я таких знакомых, которые знали меня в ребячестве, и между прочим старого городничего Петра Тим. Бурцова, живущего теперь лет пятнадцать на покое, отличного человека, у которого дочери такие неблагообразные, но зато добрые и премилые. Старик огорчен поведением единственного сына, гусарского поручика [2], доброго будто бы малого, но величайшего гуляки и самого отчаянного забулдыги из всех гусарских поручиков. Встретил также и доброго Ив. Ник. Лодыгина, прекрасного человека на всякое дело и безделье; с ним неразлучно воспоминание о родном дяде его, Петре Лукиче Вельяминове, друге Николая Александровича Львова и Алексея Николаевича Оленина, одном из ближайших по сердцу людей Г. Р. Державину. В послании своем «К Музе», исполненном очаровательной меланхолии, несмотря на

---

[1] Развлечениях (*франц.*).

[2] Того самого, к которому Денис Давыдов написал известное послание: «Бурцов, йора, забияка» и проч.
(*Позднейшее примеч.*)

жесткость некоторых стихов, певец Фелицы называет его любителем муз и оплакивает его отсутствие в числе четырех друзей своих:

...Где Хариты?
И друзей моих уж нет:
Львов, Хемницер в гробе скрыты,
За Днепром Капнист живет;
Вельяминов, муз любитель,
Согнут горестьми в дугу
и проч.

Наконец, увидел я и еще старого знакомца и баловника моего Ив. Егор. Штейна. Он по-прежнему здесь лесничим, по-прежнему добряк, по-прежнему не выпускает изо рта трубки, по-прежнему воображает себя великим знатоком в музыке и теперь беспрерывно у нас и впился в Димлера. Обязательный человек! Узнав, что у меня нет охотничьей подружейной собаки, он тотчас же подарил меня двумя преогромными польскими легавыми псами, которым кличка: Дурак № 2 и Дурак № 3. Дурак же № 1 у него заветный. Я не утерпел и в тот же день попробовал их в поле. Эти Дураки умнее многих умных: послушны, вежливы, плавают как рыба и чутье диковинное; добротою своею они напоминают мне моего Трезора. Здесь не постигают, как решился Иван Егорович подарить мне таких собак, от которых даже и щенка никто у него допроситься не мог, и не знают, чему приписать такое великодушное пожертвование.

18 июля,
вторник.

Между тем как все общество, прогуливаясь по галерее и около источника, наполняло желудки свои вонючею влагою, большею частью пополам с парным молоком, Н. Н. Сандунов подсадил меня к себе, чтоб потолковать о литературе: стихах и прозе, о поэтах и прозаиках. Я всегда полагал, что Николай Николаевич, несмотря на свое юридическое призвание, любил литературу, и особенно театральную, чему доказательством служат его разные пьесы, которые мы разыгрывали на пансионском театре, не говоря уже о капитальном переводе Шиллеровых «Разбойников», но никогда не думал, чтоб он сам был стихотворцем. Он прочитал

мне свою песню под названием «Денежный мешок». Стихи нехороши, и сверх того есть куплеты de très mauvais genre [1], например:

Чернобровы, белокуры,
Не откажут ни одна:
Денег не клюют лишь куры,
А любовь до них жадна
и проч.

Но со всем тем сенатский обер-секретарь-поэт — явление замечательное и отрадное. Говорят, что при покойной императрице в числе обер-секретарей было много литераторов, и между прочим, Иван Хмельницкий, издавший «Зримый свет в лицах», книгу с картинами, составлявшую отраду детей от 7 до 10-летнего возраста и мою, и Федор Эмин, автор комедии «Знатоки», в которой так смешон астроном, открывший новое созвездие Собаки и так логически и важно отвечающий тем, которые сомневаются в его открытии:

Коль есть в планетах раки,
Так почему ж не быть там и моей Собаки?

У источника и познакомился с одним израненным или, вернее, изрубленным в котлету майором Ф. А. Евреиновым, страстным охотником до книг и литературы, но литературы отсталой, то есть семидесятых годов. Он бредит Вольтером, Дидротом, Гельвецием и прочими энциклопедистами и вне их сочинений не находит ничего заслуживающего внимания и уважения. Пресмешной! Я часто пробовал разуве́рять его насчет этих философов, которых сочинения никогда не наполнят так души и не утешат сердце, как задушевные стихотворения Шиллера и многих других авторов,— куда тебе! Глаза нальются кровью, пена у рта; не даст слова выговорить. «Да читали ли вы что-нибудь, кроме ваших фаворитных писателей?» — «Не читал и читать не хочу и не буду». Изволь с ним спорить!

Нельзя довольно налюбоваться милою докторшею. Что за прелестная женщина — простая, веселая, без всякого жеманства! Она бывает ежедневно у нас, и муж доволен, что она подружилась с нашим семейством и остается у нас иногда по целым дням, потому что ей

[1] Очень дурного вкуса (*франц.*).

не скучно, а может быть, он и рад прятать свое сокровище под крыло матушки. Чужая душа — потемки.

20 июля,
четверг.

Я решительно в восторге от своих Дураков: эта команда, конечно, не слишком вострая и проворная, но умная, терпеливая и верная. Если они уже раз почуяли что-нибудь, то следуйте за ними смело; они приведут вас прямо к птице и стоят на месте как вкопанные. Честь и слава утешителю моему, Ивану Егоровичу! Отец по просьбе матери подарил ему славного верхового донца, в котором он нуждался. Не хотел брать, насилу упросили. Чтоб дать тебе понятие об изобилии дичи в здешних окрестностях, скажу только одно, что вчера в два ружья с охотником Павлом, которого ты знаешь, мы убили более пятнадцати пар разнородной дичи, не считая тех частых пуделей, которые я давал, к великому изумлению и неудовольствию дурацкой моей компании; сверх того, какая приятная охота, нет мокрых, трясинных болот, по берегам огромного озера растут камыш и осока: удобно подкрадываться под птицу; река, кусты и вокруг зелень и ковыль: всякую птицу найдешь, большую и малую, от кряквы до чирка, от кроншнепа до гаршнепа. Дорожные спутники мои не ездят со мною на охоту, говоря, что им и без того весело и что они не хотят сами ни париться, ни жариться, а довольны тем, что по моей милости для них напарят и нажарят.

Завтра граф Чернышев дает un goûter dansant[1] в галерее для всей липецкой публики, пьющей и непьющей. Мне кажется, это один из самых любезных людей в свете,— умный, острый, приветливый; а как образован, какой дар слова! Надобно видеть, как занимаются своим туалетом местные красавицы. Monsieur Lebourg, плутоватый француз, продал почти все свои модные товары, а сверх того, спустил содержателю галерейного буфета Приори для графского goûter рублей на 300 разных вин, которых у Приори не случилось. Стол заказан ему на сто человек; но на столько

[1] Завтрак с танцами (*франц.*).

персон у него недостанет серебра, которое пополнится присылкою из разных домов.

Здесь находится для сбора на какой-то монастырь один иеромонах, отец Павлин, человек весьма замечательный. От роду ему, должно быть, лет 35, но какой ум, какой мастер говорить, какое приличие во всех движениях и поступках, и ко всему этому — совершенный красавец! Он, конечно, стоял бы высоко в своем звании, если б был из ученых, то есть схоластик; впрочем, знаний практических он имеет слишком достаточно. Есть и еще собиратель, но совершенно в другом роде: этот еще не монах и почитает себя недостойным ангельского образа. Он по временам находится как будто в каком-то исступлении и нередко предрекает многим будущее. На днях он сказал что-то матушке, которая очень уважает его.

23 июля,
воскресенье.

Графский goûter dansant был чудесный — без всяких затей, изобильный, веселый. Ели, пили и танцевали с 5 часов до 12; протанцевали бы и всю ночь, если б не запрещали того правила, учрежденные для больных. Немцы мои не сходили с паркета, и особенно германо-русс Nemo вальсировал без устали. Я так увлекся общею веселостью, что, несмотря на свою неловкость, несколько раз вальсировал с мадам Альбини, которая танцевать любит. Что это за женщина — прелесть! Добрейшие mademoiselles Labat, которые с нею давно знакомы, потому что отец ее, Эллизен, был у них домашним врачом, сказывали, что она прежде не была так хороша, но что теперь она так прелестна, что другой подобной они не знают. Сегодня мы едем с ней прогуливаться верхами.

Когда гости уселись за стол, распорядитель праздника, Приори, сделал им сюрприз: с полным оркестром, принадлежащим помещику Дегтереву, он, в качестве итальянца, supposé toujours chanteur [1], пропел или,

[1] То есть обязательно певца (*франц.*).

вернее, проревел арию из оперы «Cantatrice Villane» в русском переводе. Ну, уж ария!

Все женщины — сирены!
Страх любят перемены;
Молоденьки девицы,
Замужни и вдовицы —
Все на один покрой:
И муж глаза закрой.
Мужья! не горячитесь;
А если взбеленитесь,
В ревнивцы посвятят;
А там... не горячитесь,
Рога то возвестят!

Я думал, что это перевод нашего обыденного общества, а вышло напротив: Н. Н. Сандунов сказывал, что это перевод нашего почтенного А. Ф. Мерзлякова, сделанный по заказу смоленского генерал-губернатора С. С. Апраксина, у которого есть домашняя опера и будто бы отличный доморощенный буфф, Иван Гаврилович Гуляев[1], ученик капельмейстера Мориани. Попался же Алексей Федорович! Теперь есть средство отомстить ему за насмешки над нами с Петром Ивановичем. Эта ария так похожа на романс Бородулина:

Все женщины — метресы,
Престрашные тигресы,
На них мы тигры сами
С предлинными усами,—

что, кажется, вылилась с одного пера.

Я, кажется, писал к тебе обо всем и о всех, а забыл упомянуть об одном из замечательнейших персонажей: эта особа — секретарь директора, тит. сов. Иван Кузьмич Киселев, ростом с версту, имеющий притязания на красоту, bon ton[2] и политическое значение, а впрочем, кажется, очень добрый малый. Я часто подслушиваю его в объяснениях с дамами; но третьего дня напал на такие выходки, что из рук вон! Например: одна дама, довольно полная, жаловалась на жар и духоту, и он говорит ей: «Вам жарко, а каково же мне? Вы согреваетесь одним солнцем, а я (глубокий вздох)

---

[1] Гуляев по смерти Воробьева в конце 1808 г. был вызван на петербургскую сцену и занял его роли. Но какая разница! (*Позднейшее примеч.*)

[2] Хорошие манеры (*франц.*).

двумя!» Другая из туземок, также плотная, объявляет, что больше танцевать не станет, потому что очень устала, а он умильно возражает: «Не верю: сильфиды уставать не могут!» Наконец совсем зарапортовался. Подсев к премилой княжне Кат. Иван. Гагариной, у которой буквально пре-красные волосы, хотя, впрочем, длинные, густые и вьющиеся, он начал восхищаться цветом ее лица, выхваляя его белизну, нежность и проч. Та все молчала и только улыбалась; но когда отпустил он фразу: «Вы точно лилия, окруженная золотым, лучезарным сиянием!» — бедная княжна не выдержала. «Ах, Иван Кузьмич! — вскричала она.— Не можете представить себе, как вы нам всем надоели!» И ушла от докучного кавалера.

Давеча, после обедни, которую отправляли в приделе собора, потому что в главном храме ставят иконостас, я зашел посмотреть на работы и познакомился с живописцем Трофимом Федоровичем Дурновым, которому они поручены и который сам писал все образа. Вот оригинал! Он был крепостным человеком графа Воронцова, учился долго в Академии художеств, за успехи в живописи отпущен помещиком на волю и женился на своей натурщице. Сроду не видывал такого бахвала, хотя и знаком со многими псовыми охотниками. Он показал мне запрестольный образ «Снятия со креста», разумеется скопированный с какой-нибудь гравюры, и восхищался им удивительно забавно. Счел ли он меня каким-либо невеждою в живописи или в самом деле убежден в своем превосходстве, только утверждал преважно, что «Рубенс — мазилка, а Карраччи, также писавший «Снятие со креста», в ученики ему не годится». Я слушал разиня рот, не зная, что и отвечать ему; однако ж осмелился спросить: «А что вы скажете о Рафаэле?» — «Ну, Рафаэль,— отвечал он с миною знатока,— конечно, живописец хороший; иной раз пишет хоть бы и нашему брату!» Ах, господи, я полагал, что этот Дурнов пьяница или сумасшедший,— ни того ни другого: решительно ничего хмельного в рот не берет, примерной аккуратности и самый попечительный отец семейства. После поставки иконостаса он едет опять в Петербург писать картину на звание (будто бы) профессора. Если буду в Петербурге, непременно отыщу чудака: это сущее золото!

25 июля,
вторник.

Вчера утром с час сидел я у Н. П. Архарова. Я виноват перед ним: он не так угрюм, как в первый раз мне показался, напротив, довольно разговорчив и сообщителен. Сколько раз я давал себе слово не поддаваться первому впечатлению — и всегда попадал впросак. Старик много видел и испытал в жизни; беседа с ним любопытна и поучительна. У него собралось человек пять посетителей, и он много рассказывал нам анекдотов о себе, о прежних вельможах, о великолепии, которым они себя окружали, о благодетельных распоряжениях правительства касательно эмигрантов во время французской революции, о вспомоществованиях, которые им делали, о способах, какие употреблялись к прекращению необыкновенного распространения фальшивых ассигнаций, и проч. и проч. «Но знаешь ли ты,— спросил он меня,— историю твоего деда с отцовской стороны? Если не знаешь, так я когда-нибудь тебе ее расскажу; а теперь покамест будет с тебя и одного анекдота». Тут он рассказал нам, как, по увольнении графа Румянцева от командования армиею, дедушка, который был одним из любимейших его полковых командиров, попал в немилость князя Потемкина и по этому случаю определен вятским губернатором; а чтоб не было ему с к у ч н о,- то и трое детей помещены в Вятскую же губернию на разные места, и в том числе отец мой определен советником казенной палаты. (Хороша немилость!) Недели через две по прибытии деда на губернаторство в Вятку он как-то случайно узнал, что у одного из богатейших тамошних купцов умерла жена, замучившись родами, но что смертных признаков нет и тело, несмотря на летнее, довольно жаркое время, оставалось невредимым, а между тем церковнослужители и все те, которым назначалась большая сумма денег в раздачу на поминовение и подаяния, спешили пышными похоронами. Дед послал лекаря разведать о том под рукою и осмотреть тело; но лекарь явился к осмотру вооруженный анатомическим ножом, как будто имел приказание анатомировать тело. Все знают отвращение нашего русского народа от этой операции, и потому лекаря одарили, с тем чтоб он удостоверил в действительной смер-

ти усопшей. Он так и сделал, и потому умер шую отнесли в церковь, отпели, заколотили гроб, вынесли и хотели уже опускать в могилу, как вдруг является дедушка со свитою, приказывает немедленно вытащить гроб и отколотить его; сам, к ужасу предстоявших, вскрывает крышку, снимает покрывало, вглядывается в лицо умершей и, призвав всех медиков и лекарей, каких только могли отыскать в городе, объявляет им решительно, что если они не оживят умершей, то он того лекаря, который послан был от него для осмотра тела, как убийцу, самого закопает живого в могилу, а прочих велит судить как соучастников в убийстве, и вместе с тем приказывает городничему приставить к ним караул и не давать им ни пить, ни есть, покамест они не воскрестят умершей. «Что ж ты думаешь? — заключил Николай Петрович, — ведь умершая-то ожила, разрешившись мертвым младенцем! Но с тех пор деду твоему житья не было; кто бы в губернии ни умер — к нему гонец с просьбою от родных умершего: «Прикажи лекарям оживить покойника». Кто просит о родителях, кто о детях; не случалось только, чтоб мужья просили о воскрешении жен; а что всего страннее, что отказ твоего деда не считали отказом по невозможности исполнения, но по нежеланию. С тем он и вышел в отставку, что не мог разубедить в своем всемогуществе. А если пошло на воспоминания о твоих стариках, то знаешь ли, что за человек был прадед твой, Абрам Иванович Спешнев, которого данковское имение теперь принадлежит твоей матери и о котором, вероятно, она тебе сказывала? Он был отставной майор и добился этого чина, никогда не выезжая из-за межи своего села Ивановского, в котором и умер, имея более 80 лет от роду. Добрый и честный был человек, но такой чудак, каких теперь и в Англии, земле чудаков по преимуществу, более не сыщешь. У него была, во-первых, страсть крестить детей, которых для того свозили к нему десятками из соседних городов и всех окружных селений, потому он был довольно щедр на дары своим крестникам: давал им по рублю денег и снабжал ризками. В особенности же любил быть воспреемником у духовных лиц и каждому крестнику из этого звания жаловал на зубок по десятине земли, так что при кончине его вся дача вашего села Ивановского, как слышал я, изрезана была на сотню участков. К счастью, все это по-

тогдашнему делалось на словах, и бабка твоя, войдя после него в наследство, оставила землю за собою, а владельцев вознаградила небольшими деньгами; но главное-то заключалось в том, что он в уезде всех перероднил между собою до такой степени, что лет 25 спустя после его смерти не находилось женихам невест и невестам женихов. Другую страсть имел он к голубям и белым иноходцам (на которых, однако ж, никогда не езжал), и по этому случаю рассказывали о нем преуморительные анекдоты. Например: конюхи и голубятники его, состоявшие из самой продувной дворни, зная простодушие своего барина, не пропускали ни одного праздничного дня, чтоб не выманить у него или вина, или молока, или пшеничной муки и проч. под предлогом, что все это нужно для его фаворитных животных. «Прикажите отпустить вина».— «А на что, братцы?» — «Да надобно вспрыснуть голубей: что-то запечалились, летать не станут». И отказа не было. «Прикажите отпустить ведра два молока».— «А на что столько?» — «Да надобно вымыть иноходца?» — «А воды-то в Вязовке мало?» — «Да нельзя, кормилец: иноходец белый, так водой замараешь».— «Так бы и сказали; ин возьмите».

У Фердинанда Литхенса завелись шуры-муры: он нашел себе здесь Луизу, которой он очень нравится, и распивает с нею лимонад, разумеется без яду, отпуская преуморительные тирады; а Nemo прикомандировался к сестрам: они не расстаются с ним и делают из него что хотят: выводят ему усы, водят его в бумажном колпаке, одевают в женское платье, а намедни заставили его ездить на конюшенном козле верхом по двору. Все это исполняет он с удовольствием — и совершенно счастлив!

Я продолжаю охотиться только по вечерам, когда спадет жар; утра же провожу в галерее или у когонибудь из знакомых. Время летит быстро, незаметно: того и гляди что меня скоро выпроводят отсюда. Но покамест я здесь, не хочу и думать о грустной минуте отъезда. Мне приходит иногда желание съездить в Задонск, который так близко отсюда: что-то неизвестное тянет меня поклониться гробу преосвященного Тихона, искреннего друга покойных деда и бабки моих и настоящего уврачевателя сердечных и душевных их скорбей и болезней. Мне стоит только заикнуться о

том матушке, так она сама не даст мне покоя и будет торопить отъездом, а между тем не хочется оставить и Липецка. Впрочем, на поездку нужно не более двух суток.

1 августа,
вторник.

Пелеринаж свой кончил я в трои сутки и чрезвычайно им доволен, несмотря на нестерпимый жар и ужасную пыль, которые меня сопровождали во всю дорогу. Как человеку бывает легко, когда он исполнит обязанность, принятую им на себя волею или неволею, точно душа из заперти выпускается на волю.

Во время трехсуточного отсутствия моего в здешнем обществе не произошло никакого изменения, и нового ничего нет, кроме того, что Ив. Куз. Киселева, наконец, короче узнали, и теперь ни барыни, ни барышни не бегают уже от его комплиментов, а, напротив, напрашиваются на них. После лучезарного сияния, которым попотчевал он княжну Гагарину, иначе и быть не могло: «Les sots sont ici bas pour nos menus plaisirs» [1],— говорит граф Gresset — Чернышев. Только воля их, а мой Трофим Федорович, серьезно убежденный и еще серьезнее убеждающий, что Рафаэль живописец хоть бы ему под стать, стоит десятка Киселевых. Я наконец залучил к себе этого Трофима Федоровича и нахожу, что вне круга своего искусства он очень неглупый и дельный человек. К сожалению, он почти не выходит из этого круга; теперь начал говорить, что какой-то новый живописец, Егоров, недавно приехавший из чужих краев, может быть, со временем заменит его.

Ну, не премилые ли люди эти все Лабаты, и старик со старухою, и добрые болтливые его дочери? Как-то услышав от матушки, с которою крепко подружились, что ей бы хотелось записать меня в Иностранную коллегию, они тотчас же поручили зятю своему, Ив. Петр. Эйнбродту, лейб-хирургу императрицы Марии Федоровны, чтоб немедленно хлопотал об определении меня в коллегию, и сегодня, когда я пришел благодарить их

[1] «В этом мире глупцы существуют для того, чтобы нас увеселять» (*франц.*).

и объявил, что я еще не уволен из университета и не имею аттестата, они мне сказали, «что это ничего не значит», что пусть Эйнбродт все подготовит, «et quand vous recevrez vos papiers vous viendrez à Pétersbourg tout droit chez nous et vous serez inscrit au Collége dans l'espace de 8 jours»[1]. Альбини утверждает, что Эйнбродту легко это сделать, но что и он, с своей стороны, желал бы оказать мне услугу и для этого предлагает, по получении мною в будущем марте университетского аттестата, прислать его с другими нужными бумагами прямо к нему; что он уже отдаст их Эйнбродту и вместе с ним похлопочет, чтобы меня определили в службу заглазно, и затем вот что говорит он: «Et comme à la fin du mois d'avril, je devrai probablement revenir à Lipetzk, alors ne serait-il pas possible d'arranger les choses de manière, que vous puissiez partir pour Pétersbourg ensemble avec moi, après la saison des eaux, car je serai enchanté d'être votre Cicerone dans une ville, que vous ne connaissez pas encore et de vous faciliter les moyens de faire des bonnes connaissances»[2]. Боже мой, да это такое счастливое стечение обстоятельств, которого я никогда не смел надеяться и за которое не знаю, как благодарить провидение.

И. Н. Ладыгин недаром племянник П. Л. Вельяминову, «муз любителю», как называл его Державин, и не напрасно он был домашним человеком в поэтическом кругу Н. А. Львова. Он сам пишет недурные стихи, хотя по скромности и не любит всякому читать их; во всех его стихотворениях проявляется мысль и чувство, и эти достоинства могут извинить в них некоторую неопределенность выражений и неправильность в словоударении. Из числа этих стихотворений мне понравилось одно, под названием «Соловей на могиле певицы», написанное вот по какому случаю. Лет двенадцать назад автор был страстно влюблен в К. П. С., милую и образованную девицу, которая лю-

---

[1] «А когда вы получите свои бумаги, вы приедете в Петербург прямо к нам и будете через неделю записаны в коллегию» (*франц.*).

[2] «А так как в конце апреля мне, вероятно, придется вернуться в Липецк, то нельзя ли устроить так, чтобы после лечебного сезона вы могли отправиться в Петербург вместе со мной: мне будет очень приятно быть вашим путеводителем в неизвестном еще вам городе и облегчить вам приобретение хороших знакомых» (*франц.*).

била музыку, как он любил ее, то есть без памяти, имела прекрасный, обработанный голос и пела с большим чувством. К несчастью, эта девица неожиданно умерла и погребена в деревне у церкви, на родном кладбище. Спустя несколько лет после ее смерти Ладыгин, проезжая поздно вечером мимо кладбища, услышал соловья, распевавшего на одной из берез, окружавших церковную ограду, и вот этот соловей сделался сюжетом следующей элегии:

Что так громко, соловей,
Стонешь над могилой,
Где соперницы твоей
Прах почиет милой?
Иль ты хочешь, соловей,
Ночи в час унылой
Звучной песнею твоей
Разбудить прах милой?
Песня сладостна твоя,
Но стократ нежнее
Раздавалась песнь ея,
Слаще и милее!
Песня девы молодой
В сердце западала,
Как воздушной арфы строй,
Душу проникала.
Много, много вас, певцов,
С весною прибудет,
Но весна почившей вновь
К песням не разбудит!
Голос смолк, погаснул взор,
Здесь она отпела
И к певцам бесплотным в хор —
В небо улетела!

«Поверите ли,— говорил мне Ладыгин с слезами на глазах,— что эти стихи вылились у меня из души тут же, в самую минуту, как я проезжал мимо церкви, возле которой погребена первая и последняя любовь моя?» Верю!

6 августа, воскресенье.

Вот сегодня ровно месяц, как мы приехали сюда, а мне кажется, что я здесь только со вчерашнего дня — так незаметно пролетело все это время. Нам и в голову не приходило бы возвращение в Москву, если б не письма Петра Ивановича, которые постепенно приучают

нас к идее оставить Липецк: с 17 числа начнутся курсы профессорских лекций и, по совести, я должен бы поспешить к их началу. Но что делать? Бывают такие обстоятельства, которые разрушают самые благие намерения. Я отвечал П. Ив-чу, чтобы прежде 1 сентября он меня не ждал.

Сегодня разгавливаются яблоками. Из окрестных селений навезли груды этих плодов, так что не знают, куда с ними деваться. Приезжим запасать впрок их нельзя, а у коренных липецких жителей свои сады. Чтоб помочь бедным крестьянам в сбыте их произведений, на который они с такою уверенностью рассчитывали, мы решились собрать подпискою некоторую сумму и скупить привезенные яблоки. Так и сделали: все охотно давали деньги, даже и сам скупой Бологовский предложил пять рублей в коллекту без всякого приглашения красавицы Альбини, которой принадлежит эта филантропическая идея. Но что же делать с таким количеством яблок? Волшебница и тут нашлась: она решила собрать со всех дворов детей, мальчиков и девочек, и также пригласить дворовых людей из свиты приехавших на воды господ и разделить им скупленные фрукты. Исполнителями этого распоряжения были Nemo и Кузьмич, который, утратив имя и оставшись при одном отчестве, решительно делается дамским фаворитом и несет такую гиль, что перещеголял и самого Бородулина. А что ты скажешь про милую коллектрису? Как добрая душа пользуется всеми случаями, чтоб сделать доброе дело!

Один из здешних старожилов, горный чиновник Матвеевский, у которого теперь в заведовании небольшие остатки бывшего здесь некогда огромного чугунного завода, желая удивить нас своим хозяйством, принес огромное яблоко, около двух фунтов весом, и рассказывал способ, какой употреблял он для произведения плода такой чудной величины. Для этого он выбирал молодое и сильное деревцо во время его цвета и, не допуская цвет до завязи, общипывал его весь, кроме трех или четырех цветочков, которые и оставлял цвести до тех пор, покамест сделается в них завязь. Из этих трех или четырех завязей он уже выбирал самую полную и сочную и, оставляя ее одну, уничтожал другие. Этим способом производил он всех родов плоды необыкновенно крупные. Матушка не хотела отстать

от опытного садовода и снабдила его огромным домашним арбузом, с лишком в пуд весом, прекраснейшего вкуса.

На вопрос мой: откуда брали дрова для чугунного завода, когда вокруг Липецка я не видал ни одного крупного дерева, Матвеевский мне сказал, что все пространство за озером, которое с горы теперь представляется пустынею и простирается верст на 20 до самого селения Ольшанки, было некогда непроходимым бором, в котором водились медведи и росомахи, и что он сам даже запомнит много лесов по ту сторону озера; что причиною истребления этих лесов в такое непродолжительное время была прежде неумеренная, сплошная рубка дров для завода, без разделения на лесосеки, а после неограниченное попущение всякому рубить сколько душе угодно. Жаль! Какой, думаю, великолепный был прежде вид с горы, когда это бесподобное озеро окаймлялось густым лесом и эта теперешняя липецкая Ливия отенялась зелеными рощами!

12 августа,
суббота.

Во вторник назначен в галерее танцевальный пикник. Это затеи графа Чернышева, к величайшему удовольствию всей липецкой публики, молодых людей и стариков, из которых редкие, вопреки общему мнению, не рады чужой радости и не веселы чужим весельем. Между тем этот пикник нас не очень занимает. У нас ежедневно свои домашние танцы под фортепиано Димлера: сестры, несколько их приятельниц, очаровательная Альбини, беспечный Nemo, веселый трагик Логомах-Кузьмич, двое молодых застенчивых соседей, вальсирующих мастерски, и я на подставу; бал хоть куда; а затем — кто во что горазд!

Но в этих беспрерывных семейных удовольствиях по временам восстает предо мною угрожающий призрак — мысль о приближающемся отъезде. Что ж! нельзя, чтобы счастье было продолжительным: иначе оно не было бы счастьем. Однако ж кто знает? для меня в Липецке открылась какая-то новая перспектива: не знаю, куда приведет она, но я исполнен отрадных надежд и твердо решился идти по ней.

Сейчас я получил твое письмо. Ну не грешно ли церемониться и не сказать прямо: «пришли мне Дурака». Чтобы угодить тебе как можно скорее, отец нынче же посылает нарочного в твое Никольское за Гаврилою, по прибытии которого он немедленно отправлен будет к тебе на почтовых с Дураком № 2.

16 августа,
среда.

Я так недолго здесь пробуду, что надобно забыть об охоте, и потому решился послать к тебе оба №№ моих Дураков, с тем что если б на будущий год мне случилось опять сюда приехать, то ты пришлешь мне одного из них на то время, которое я здесь пробыть могу. Отец снарядил тебе славного верхового горца, которого подарил ему Л. Д. Измайлов в припадке излишней щедрости. Уведомь, когда и с кем велишь прислать его. Мне кажется, что тот же Гаврик может исполнить и это поручение. Вероятно, ты спросишь: отчего я полагаю быть опять здесь в будущем году? Вот отчего: матушка имеет доверенность к Альбини и чувствует себя лучше здесь, чем в Ивановском; сестрам веселее, а в прожитке большой разницы нет: также все почти свое — деревня под руками.

Пикник удался как нельзя лучше: время благоприятствовало; танцевали много; полдник был преизобильный; в заключение пускали небольшой фейерверк. При первой ракете я вспомнил Бранстетеров и любимое их лакомство — лягушек, которых в здешнем озере бездна. Кстати, об озере: как жаль, что здесь вовсе нет никаких средств для прогулок по воде: не только шлюпки, но и простой порядочной лодки найти нельзя!

Историк Гиббон и медик Тиссот имели склонность к какой-то красавице, помнится, леди Фостер, и ревновали ее друг к другу. Разумеется, при каждом их свидании у предмета их страсти не обходилось без взаимных колкостей. Однажды, когда Гиббон, по желанию леди, читал ей отрывки из своей истории, Тиссот сказал ему: «Господин историк, когда леди Фостер занеможет от скуки, слушая вас, я ее вылечу».— «Господин медик,— отвечал Гиббон,— когда леди Фостер умрет от вашего леченья, я сделаю ее бессмертною».

Нечто подобное случилось со мною.

Гиббон-Лабат и Тиссот-Альбини, в порывах своего доброжелательства ко мне, заспорили вчера о той карьере, которую я избрать должен, и о средствах выйти в люди. Альбини говорил, что вообще для успехов в службе мне полезнее будут занятия серьезные и что я должен продолжать учиться; а Лабат утверждал, в качестве француза de la vieille roche[1], что все это вздор и что для успехов по службе мне скорее нужна благосклонность общества и особенно женщин. «Но знаете ли вы, генерал,— возразил Альбини,— что ваши советы могут вскружить ему голову, и тогда мне придется лечить его от рассеяния!» — «А знаете ли вы, доктор,— отвечал живой старик,— что когда от ваших советов он будет в чахотке, тогда я, мимо вас, вылечу его рассеянием».

24 августа,
четверг.

Вот тебе последнее мое донесение из Липецка. Мы выезжаем послезавтра или, наипозже, в воскресенье 27 числа, прямо в Москву, не заезжая в деревню. Мои остаются еще здесь на неделю. Все мы, отъезжающие и остающиеся, грустны до того, что даже прогулки наши прекратились. Сегодня сделал я несколько церемониальных прощальных визитов, а завтра сделаю остальные, нецеремониальные.

Н. П. Архаров сказывал, что война с французами у нас неизбежна, потому что государь, по милосердию своему, верно, захочет помочь немцам; иначе они пропали. Старик читает иностранные газеты и постоянно следит за политическими происшествиями в Европе, а сверх того и по положению своему имеет случай знать больше других; следовательно, ему можно верить.

С нами по пути едет до Лебедяни отставной мичман Андреев, довольно бодрый старик и чудак преуморительный. По мнению его, вся природа изменилась теперь к худшему, а люди стали обезьянами. «Господи, воля твоя, что это за господа бывали в старину! —

[1] Старого покроя (*франц.*).

говорит он.— Вот, например, хоть бы взять покойника деда твоего, князя Гаврила Федорыча Борятинского — царство ему небесное — уж подлинно был настоящий барин: человек серьезный, тучный, грузный, бригадир; ходил всегда с натуральною тростью с золотым набалдашником; сюртук носил светло-зеленый с красными лацканами и обшлагами — что твоя риза: нынешних три выкроить можно. Бывало, кто хочет ему кланяйся, а он только что кивнет головою; а как задумает в гости к воеводе либо к какому соседу на храмовый праздник, так сборы-то и пойдут еще с вечера: призовет дворецкого да при нем и учнет приказывать кучерам: под такой-то лакипаж такую-то шестерню, а под такой-то такую-то. Сам, бывало, сядет с княгинею в линею на шестерке пегих... А теперь что? ничего, так, стрень-брень. Вот я тебе расскажу, как он встречал из похода сынка своего, князя Михайла, что опосля с ума сошел...»

Эту историю я не дал рассказывать мичману, потому что мне теперь некогда слушать, да надобно же и приберечь что-нибудь для дороги.

Если рассказ о нашем дедушке покажется мне сколько-нибудь занимательным, то сообщу его тебе из Москвы. Прости!

3 сентября,
воскресенье.

Мы приехали третьего дня. Петр Иванович обрадовался мне, как родному брату. Он не понимает, что меня могло задержать так долго и как столько времени я мог оставаться в совершенной праздности, и всю вину сваливает на моих товарищей. Я уверяю, что, напротив, всему причиною один я; и это совершенно справедливо, потому что насчет отъезда мои товарищи были всегда в моем распоряжении.

Между тем говори что хочешь, а у меня тоска по Липецку; авось не разобьют ли ее лекции, на которые начну ездить с завтрашнего дня. Я пропустил их немного и, при небольшом прилежании, в неделю войду опять в свою колею.

Говорят, что на роли старухи m-me Lavandaise, игравшей любовниц и даже «Федру» (!!), приехала новая актриса. Надлежало бы взглянуть на нее, но я дал

себе слово нынешний месяц не заниматься театром, и разве съезжу посмотреть «Эдипа в Афинах», которого скоро давать будут. Правда, надобно однажды побывать и у немцев, чтоб они не думали, что я их забыл. Роли m-lle Stein заняла m-lle Schröder, тоже очень приятная и миловидная актриса, с хорошим голосом.

Нетерпеливо жду от тебя писем: хочется знать, доволен ли ты мною.

А знаешь ли, что недорассказанная история о сиятельном предке не без интереса? В этой встрече, которую сделал старик проказнику-сыну, много характеристического. Когда-нибудь я передам ее словами самого рассказчика.

7 сентября,
четверг.

Весь город толкует о войне: ненависть к Бонапарте возрастает, между тем как любовь к государю доходит до обожания и доверенность к нему беспредельна. Не умею выразить тех чувств, которые одушевляют каждого при чтении указа от 1 сентября о рекрутском наборе, в котором государь изволит говорить, что «не может равнодушно смотреть на опасности, угрожающие России, и что безопасность империи, достоинство ее, святость союзов и желание, единственную и непременную цель государя составляющее,— водворить в Европе на прочных основаниях мир — решили его двинуть ныне часть войск за границу и сделать к достижению намерения сего новые усилия».

Ну как при этом случае не вспомнить пророческих стихов вдохновенного Державина о государе:

Не на словах ты милосердье
Покажешь — на делах твоих;
. . . .
Посадишь Мудрость ты с собою,
Велишь ей научать себя,
Пройдешь с народною толпою —
Проникнет правда до тебя;
Ты в мире брань готовить станешь,
Войну обымешь тишиной.

Наконец, вот и письмо твое! Сердечно рад, что ты мною доволен, но зато я не очень доволен собою: зани-

маюсь прилежно, чтоб управиться с пропущенными лекциями, да туго идет — избаловался.

Вчера утром ездил я к П. И. Бородину с письмом от М. А. Устинова для получения 300 руб. в числе денег, следующих отцу за вино.

Меня ввели в тот самый кабинет, в котором зимою во время бала происходила такая ужасная игра в банк. Откупщик, как видно с похмелья, сидел в кресле, и какой-то домашний эскулап-немец щупал у него пульс: «Фам натать принимаит лекарство. Я пропишет фам габли».— «А как принимать их? — «На сахар».— «Дурак, брат, немец: я ведь не ребенок».— «Ну, на вода».— «Совсем, брат, дурак. Пей воду сам».— «Пошалуй с водка».— «Ну, так бы и сказал, любезный друг!»

Хорош пациент, да и лекарь недурен!

Штейнсберг говорит, что желал бы сдать свой театр, потому что не хватает здоровья и сил на исполнение двоякой обязанности: директора и актера. Кажется, А. М. Муромцеву хочется попасть в театральные султаны: он крепко увивается около Штейнсберга; но с таким директором театр уйдет недалеко, так же как и он сам недалеко уйдет с театром: все утверждают, что состояние расстроится непременно.

12 сентября,
вторник.

На вопрос Ив. Ив. Дмитриева у приехавшего из Петербурга г. Максимовича, служащего в комиссии составления законов, что делают тамошние литераторы и в особенности Державин, Максимович отвечал, что, «по слухам, он сочиняет какую-то оперу, вроде Метастазия...». «Разве вроде безобразия»,— возразил Дмитриев.

Иван Иванович не может скрыть своего сожаления, что величайший лирический поэт нашего времени на старости лет предпринимает сочинения, совершенно не свойственные его гению: пишет и даже переводит трагедии, комедии и оперы в подрыв своей славе, которою Иван Иванович, как старинный его приятель и усердный почитатель его таланта, так дорожит, что желал бы видеть ее неприкосновенною для критики.

Англоман Н. М. Гусятников много рассказывал о покойном графе Федоре Григорьевиче Орлове, который, по его словам, был человек большого природного ума, сильного характера, прост в обхождении и чрезвычайно оригинален иногда в своих мыслях, суждениях и образе их изъяснения. Например, он никогда не предпринимал ничего, не посоветовавшись с кем-нибудь одним, но терпеть не мог советоваться со многими, говоря: «ум — хорошо, два — лучше, но три с ума сведут». Он уважал науки и искусства, но называл их прилагательными; существительною же наукою называл одну фифиологию, то есть уменье пользоваться людьми и своевременностью, равно как и важнейшим из искусств — искусство терпеливо сидеть в засаде и ловить случай за шиворот.

Получено известие, что государь выехал уже из Петербурга. Общие усердные молитвы и благословения сопровождают нашего ангела во плоти, как величает его Москва.

На днях провожали мы в С.-Петербург П. С. Молчанова. Вот распремилый-то человек! Иван Иванович говорит, что он непременно будет статс-секретарем, о чем сказывал ему граф Н. П. Румянцев, который рекомендовал его государю. Князь Александр Борисович Куракин и Александр Андреевич Беклешов любят его, как душу, Иван Иванович советует мне держаться этого знакомства, которое может со временем быть для меня чрезвычайно полезным.

16 сентября,
суббота.

Сегодня на французском театре дебют Девремона в пяти пьесах: «Le marquis par hasard», «Le galant Savetier», «M-r et m-me Fatillon», «Le remouleur et la meunière» и «La Dinde des mains». И следовало бы поехать, но не поеду: в будущем предстоит слишком много удовольствий, а может быть, и счастья. Потерпим, reculons pour mieux sauter [1]. Я теперь бы с удовольствием съездил к Троице-Сергию помолиться угоднику —

[1] Отступим, чтобы лучше прыгнуть (*франц.*).

вот куда меня тянет! Никогда не чувствовал я такой полноты сердца, как теперь: знаю, что без молитвы его не опорожнишь, а для молитвы здесь я как-то рассеян. Непременно в будущую субботу поеду.

Добрейшие Лабаты приехали из Липецка и завтра отправляются в Петербург. Они сказывали, что Альбини будет сюда к 1 октября и, по желанию матушки, остановится у нас в доме, чего сами они не могли сделать, потому что не хотели пробыть здесь более суток; просили прислать как можно скорее нужные бумаги для определения в службу.

Говорят, что какой-то Ламберт нашел средство управлять воздушным шаром и обещает произвести опыт в Париже. Он намерен отправиться из Тиволи, спуститься на купол инвалидной церкви и потом отправиться в Версаль и проч. П. И. Страхов уверяет, что это не что иное, как шарлатанство и состояться не может; но Андрей Чеботарев, великий физик, химик и алхимик, который ни в чем не сомневается и почитает все возможным, утверждает, что он сам добирается уже до этой тайны. Желаю успеха!

Москва наполняется помаленьку: на улицах заметно больше движения; но из моих коротких знакомых почти никого еще нет.

19 сентября, вторник.

А. А. Беклешов получил известие, что граф Платон Александрович Зубов имел счастие 11 числа сего месяца угощать государя в витебском имении своем Усвяте, в самом том доме, в котором останавливалась императрица Екатерина Великая в 1780 и 1786 годах. Граф Зубов так был восхищен пребыванием в его доме государя, что воздвигает памятник, в виде обелиска, с надписью, которой я добыть не мог, хотя она и ходит в английском клубе по рукам. Говорят, что 17 числа государь назначил быть в Пулаве, у князя Чарторижского, который сопровождает его в путешествии. В Пулаве соберется вся польская знать и все известные красотою и любезностью женщины тамошнего края. Государя всюду носят на руках. Отрадно и весело слышать!

Дедушка видел репетицию «Эдипа» и уверяет, что такой трагедии на русском языке не бывало. Он в восхищении от стихов и от самого содержания трагедии; но игрою актеров не очень доволен. Говорит, что, «кажется, не понимают ролей своих, а вразумить некому: кто в лес, кто по дрова». Представление назначено 27 числа. Очень любопытно видеть Воробьеву в греческом костюме. Слава богу, что играет не Караневичева!

Теперь уж нет сомнения, что русский театр в будущем году поступит в ведомство императорской театральной дирекции, от которой и назначен будет директор. Актеры чрезвычайно довольны; к довершению их благополучия им объявлено, что все время бытности их в звании актеров будет зачтено им в срок, назначенный для получения пенсионов; следовательно, прежние труды их не пропадут. Драматические авторы также радуются. Я видел Н. И. Ильина и В. М. Федорова, которые утверждают, что теперь драматическая литература в Москве очень оживится и получит настоящие, свойственные ей размеры, потому что всякий сочинитель будет знать, с кем иметь дело.

21 сентября,
четверг.

Вместо субботы отправляюсь к Троице завтра и пробуду там до понедельника, то есть 25 числа, потому что это день праздника преподобного Сергия и митрополит будет отправлять службу собором. Буньковский ямщик подрядился свозить меня взад и вперед за 15 руб., с тем чтоб ехать на тройке, останавливаться в Пушкине для корма не долее двух часов, от Троицы съездить в Вифанию и, наконец, возвратиться в Москву во вторник, не позже 8 часов утра. Дорого, да по крайней мере покойно и без хлопот.

Воздушные путешествия входят у нас в моду. Вот и еще новый воздухоплаватель, какой-то Кашинский, объявляет о своем полете и приглашает с собою попутчика; но если с самим Гарнереном никто из москвичей лететь не решился, то кто же вверится малоизвестному человеку? Сказывали, что в Петербурге с Гарнереном летал генерал Сергей Лаврентьевич Львов, бывший

некогда фаворитом князя Потемкина, большой остряк, и что по этому случаю другой такой же остряк, Александр Семенович Хвостов, напутствовал его, вместо подорожной, следующим экспромтом:

Генерал Львов
Летит до облаков
Просить богов
О заплате долгов,—

на что генерал, садясь в гондолу, ответствовал без запинки такими же рифмами:

Хвосты есть у лисиц, хвосты есть у волков,
Хвосты есть у кнутов —
Берегитесь, Хвостов!

Я достал надпись, которая должна быть вырезана на обелиске, сооружаемом графом Зубовым в память пребывания государя в Усвяте. Вот она:

«Великий государь император Александр I присутствием своим сентября 11 дня 1805 года ознаменовал память двукратного присутствия 1780 и 1786 годов великия государыни императрицы Екатерины II, на сем месте облаготворившей присоединением под державу свою жребий народов отторженных, ныне блаженствующих».

Чувства и мысль есть; но мне кажется, что, по важности случая, надпись требовала бы выражений сильнейших в слоге лапидарном.

26 сентября,
вторник.

Трои сутки на ногах, почти не отдыхая. Вчерашнюю ночь всю в дороге, сегодняшнее утро проболтал, рассказывая Петру Ивановичу свои похождения, и — ничего, не устал: бодр и здоров, как говорят немцы, ganz munter. А отчего? оттого, что все делал по влечению сердца. Чувствую себя довольным и счастливым; на сердце легко. Бог весть, продолжится ли только это состояние сердечного блаженства!

У Троицы насмотрелся, наслушался и намолился вдоволь. А сколько воспоминаний! Четыре года прошло с тех пор, как при вступлении моем в пансион Ронка́ матушка возила меня к Троице за благословением преподобного чудотворца. В теперешнюю поездку мне хоте-

лось непременно совершить пелеринаж мой по прежним следам моим. Приехав в пятницу, я начал с молебна, прикладывался к раке угодника, удостоился прикоснуться губами к деревянному гробу его и затем, в субботу, ездил в Вифанию — словом, все исполнил точно так же, как и в первую поездку, по матушкиному указанию. В Вифании встретил митрополита во время его прогулки. Он часто останавливался, подзывал к себе проходящих, раздавал какие-то приказания, вероятно по случаю наступающего в лавре праздника, и долго разговаривал с семинаристами. Преосвященный Платон показался мне древним Платоном, беседующим в афинской академии с своими учениками; только я уверен, что языческий Платон не был так бла́гообразен и не имел такой силы убеждения, как наш Платон, христианский. Про него, не обинуясь, сказать можно: поучает — яко власть имеяй.

В лавру преосвященный переехал в воскресенье ко всенощной, а вчера, в день праздника, служил литургию и говорил поучение, которого я, стоя, за теснотою, далеко, расслушать не мог. Стечение поклонников было чрезвычайное: настоящий христианский праздник.

Эпоха первого переселения из деревень в столицу наступила: многие возвратились уже из подмосковных, теперь потянутся помещики из степных деревень; на днях ожидают Лобковых. Очень желаю видеть востроглазую Арину Петровну: перестанет ли она издеваться надо мною? Едва ли. Впрочем, теперь пусть забавляется: угар проходит, если уже не прошел совсем.

28 сентября, четверг.

Дедушка прав: такой трагедии, какова «Эдип в Афинах», конечно, у нас никогда не бывало ни по стихам, ни по правильному расположению. Последнее достоинство соблюдено в ней от первой до последней сцены — а это главное; стихи бесподобные; действующие лица говорят все свойственным им языком, без чего, впрочем, стихи не были бы и хороши; мысли прекрасные, чувства бездна; есть сцены до того увлекательные, что невольно исторгают слезы; никакой напыщенности: все

так просто, естественно — словом, «Эдип» такое произведение, от которого нельзя не быть в восхищении. Театр был полон — ни одного пустого места, и восторг публики был единодушный. Плавильщиков, игравший роль Эдипа, был большею частью хорош, а в некоторых сценах даже превосходен: в 1-м явлении второго действия, когда он узнает, что находится близ храма Эвменид:

Храм Эвменид! Увы, я вижу их: оне
Стремятся в ярости с отмщением ко мне
и проч.—

он, кажется мне, слишком горячился, но зато с каким высоким чувством печального воспоминания сказал он следующую тираду:

Гора ужасная, несчастный Киферон,
Ты первых дней моих пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извлек меня родитель
и проч.

или:

Видала ль ты, о дочь, когда извергнут волны
Обломки корабля?
Вот жизнь теперь моя! —

но верхом совершенства игры его была сцена с Полиником, в которой он точно выказал дарование необыкновенное и был преимущественно превосходен:

Зри руки ты мои, прошеньем утомленны,
Ты зри главу мою, лишенную волос:
Их иссушила скорбь и ветер их разнес,—

или:

...Тебя земля не примет:
Из недр отвергнет труп и смрад его обымет!

Я не мог хорошо запомнить стихов, потому что плакал, как и другие, и это случилось со мною в первый раз в жизни, потому что русская трагедия доселе к слезам не приучала.

Зато какой Креон — Колпаков, какой Полиник — Прусаков, какая Антигона — Воробьева и какой Тезей! Правда, Тезей — Злов туда и сюда: немного холоден, немного на ходулях, по крайней мере не смешон. При следующих стихах, которые произнес он недурно:

...Мой меч союзник мне
И подданных любовь к отеческой стране,
Где на законах власть царей установленна,
Сразить то общество не может и вселенна,—

театр поколебался от рукоплесканий и криков «браво» и проч. Спасибо нашей публике, которая какова ни есть, не пропускает, однако ж, ничего, что только может относиться к добродетелям обожаемого нашего государя.

Матушка пишет, что послезавтра должен приехать Альбини и чтоб я приготовил им спокойное помещение и угостил их как можно радушнее и лучше. Об этом мне напоминать нечего: мы с Петром Ивановичем не занимаем и половины дома; следовательно, все остальные комнаты к услугам любезного доктора и распремилой его подруги. Что же касается угощения, то об этом я также давно позаботился: от кислых щей до разных медов и наливок — всего приготовлено вдоволь, а о кушанье нечего и говорить: одних разве фазанов не будет. Сколько бы ни пробыли здесь они, не почувствуют решительно ни в чем недостатка; даже снарядил для них и карету. Итак, милости просим, желанные гости!

1 октября,
воскресенье.

Всюду толки об «Эдипе», и странное дело, есть люди из числа староверов литературных, которые находят, что какая-нибудь «Семира» Сумарокова или «Росслав» Княжнина больше производят эффекта на сцене, чем эта бесподобная трагедия. Мне кажется, что можно безумствовать так из одного только упрямства. Все лучшие литераторы: Дмитриев, Карамзин, Мерзляков — отдают полную справедливость автору; да и нельзя: труд его достоин не токмо хвалы, но и уважения: до него никто у нас на театре не говорил еще таким языком, и те, которые показывают вид, что предпочитают ему Сумарокова и Княжнина, действуют не весьма добросовестно, потому что хотя и запрещается спорить о вкусах, но это запрещение относится скорее к огурцам и арбузам и прочему, нежели к произведениям ума. Впрочем, и то сказать: если человек иногда может быть вещественно-близорук, косоглаз и даже слеп, то почему ж ему не быть близоруким, косоглазым и слепым и в нравственном отношении? А если допустить это, пословица выйдет справедлива: о вкусах не спорь.

Как жаль, что Озеров при сочинении прекрасной тирады проклятия Эдипом сына не имел в виду превосходных Дантовых стихов, которые так были бы кстати и так согласовались бы с положением самого Эдипа, испытавшего на себе все бедствия, им сыну предрекаемые:

Tu proverai si come sà di sale
Il pane altrui и проч. и проч.—

то есть:

«Ты испытаешь, как солон чужой хлеб и как жестки ступени чужого крыльца, но что еще более для тебя будет тягостным — это скучное и развратное общество, в которое ты впадешь и которое, несмотря на свою гнусность, неистовство и безбожие, обратится, однако ж, против тебя и посмеется над тобою». В этом сухом и плохом переводе нет и тени тех красот, которые заключаются в строфе божественного Данта, но гений Озерова умел бы облечь этот скелет в надлежащий образ и вдохнуть в него жизнь и движение.

Сегодняшний спектакль на Петровском театре, несмотря на воскресенье, отменен, по причине — так гласит афиша — «воздушного путешествия г. Кашинского, предпринимаемого им во второй раз». Хороша причина!

3 октября,
вторник.

Альбини приехали сегодня к обеду и пробудут до 7 числа. Комнатами и устройством помещения чрезвычайно довольны. Обед был превкусный, а с дороги после трехдневной голодухи показался им еще вкуснее. Петр Иванович в восхищении от петербургской красавицы, да иначе и быть не может. У Альбини здесь много дел, и он должен выезжать беспрерывно. Не знаю, буду ли уметь занять милую гостью, которая все это время должна оставаться одна, но во всяком случае, постараюсь и даже приглашу Снегиря-Nemo летать к нам почаще: он знаком уже с нею и бывает забавен.

5 октября,
четверг.

Вчера ездили в немецкий театр, а сегодня возил гостей смотреть «Эдипа». Милая докторша находит, что мадам Шредер играет русалку не токмо приятнее, нежели в Петербурге мамзель Брюкль [1], которая хотя имеет и огромный голос, но зато неловка и дурна собою, но даже лучше самой мадам Кафка. От Штейнсберга в восхищении: говорит, что лучше Минневарта видеть невозможно и что он и в Петербурге отличался в этой роли, несмотря на то что Линденштейн, который в фарсах почитается несравненным, играл Ларифари. Между прочим, они сказывали, что главною причиною удаления Штейнсберга из Петербурга было соперничество его с Линденштейном, потому что директор немецкого театра, Мире, передал Линденштейну половину ролей, занимаемых Штейнсбергом. Я никак не предполагал, чтоб Альбини посещали русский театр и видели «Эдипа» уже в Петербурге. Они находят, что Плавильщиков в «Эдипе» превосходнее Шушерина, но что все прочие роли играются в Петербурге гораздо лучше, и особенно роль Антигоны, которую исполняет воспитанница театральной школы, Семенова, с необыкновенным талантом.

Мне хотелось бы свозить гостей моих во французский спектакль в субботу посмотреть две очень хорошие пьесы: «La Femme comme il y en a peu» и «Les Folies amoureuses»; но, к сожалению, они в этот день намерены выехать.

Получено известие, что талантливая мамзель Штейн вышла замуж за отличного актера Гебгарда и принята на петербургский немецкий театр, на котором муж ее занимает амплуа первых любовников. Говорят, что она с каждым днем видимо совершенствуется и что публика принимает ее лучше, нежели мамзель Брюкль в операх и холодную красавицу мамзель Леве в комедиях и драмах. Пастор Гейдеке уверяет, что если семейные хлопоты и заботы не воспрепятствуют ей, она может сделаться первою актрисою Германии.

---

[1] Впоследствии мадам Линденштейн.

Здоровье Штейнстберга чрезвычайно расстроивается, а между тем он всякий раз играет. Сдача театра Муромцеву решена. Хорошо будет управление!

6 октября,
пятница.

Сегодня посещали Альбини многие из здешних почетных медиков. Странное дело! Никто лучше их не знает, что делается в свете, оттого ли, что они, рыская беспрестанно по разным домам, имеют случаи узнавать вообще о всех происшествиях, или имеют какие-нибудь особые источники, из которых могут почерпать новости; только им все известно лучше и обстоятельнее, нежели самому князю Одоевскому, который тратит такие большие суммы на содержание своих городских и загородных корреспондентов. Между прочим, гг. медики рассказывали, что вообще во всех сословиях одна речь: «благословения государю и что по одному его слову все бы готовы были — старый и малый, знатный и простолюдин — не токмо жертвовать своим состоянием, но сами лично приняться за оружие и стать в ряды воинов на защиту престола и отечества». Как теперь кстати стих Дмитриева:

Речешь — и двигнется полсвета и проч.

Между тем как гости мои были заняты докторами, я воспользовался свободным временем и сделал несколько необходимых визитов, которые должен бы сделать несколько дней назад. Был у тетки Прасковьи Гавриловны, был у твоих Семеновых. Милые кузины наши Вишневские и твои сестры добреют и полнеют, но не молодеют: пора, пора! Но я боюсь, чтобы пора уже не прошла. Заезжал к Лобковым: востроглазая Арина Петровна так же хороша, так же весела и так же насмешлива по-прежнему; и нельзя не любить ее; но четырехмесячное отсутствие и серьезные размышления много меня изменили. К чему могла повести меня эта исключительная привязанность?

8 октября,
воскресенье.

Гости мои выехали из Москвы совершенно довольные мною, дав честное слово в проезд свой через Москву в будущем апреле опять остановиться у нас, а осенью ехать вместе в Петербург. Мы с Петром Ивановичем провожали их до Всесвятского, где роспили бутылку шампанского за здоровье ненаглядной Schwester Dorchen [1], как она мне под сурдиною велела называть ее, говоря, что это название klingt besser in die Ohren [2]; а я прибавил: und lautet noch besser im Herzen [3].

Только что распростились мы с ними и они хотели садиться уже в карету, как, обернувшись, увидели мы над Москвою преогромное зарево пожара. Долго-долго стояли мы в недоумении, что такое так жарко гореть могло, пока едущий из Москвы почтальон не объяснил, что горит Петровский театр и, несмотря на все усилия пожарной команды, едва ли она в состоянии будет отстоять его.

Наконец мы расстались не без взаимного горя:

Jede zarte Blume der Bekanntschaft
Pflanzt der Trennung Dorn ins Herz [4],—

сказали они, и справедливо: бог весть, удастся ли опять встретиться в жизни? Столько непредвидимых случаев, столько неожиданных бедствий! Державин прав:

Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра что ты, человек?
. . . .

Петру Ивановичу очень хотелось заехать на пожар, но я решительно отказался: из огня да в по-

[1] Сестры Дорочки (*нем.*).
[2] Приятнее для слуха (*нем.*).
[3] И еще приятнее звучит в сердце (*нем.*).
[4] Нежный цветок знакомства всегда насаждает в сердце тернии разлуки (*нем.*).

л ы м я! Приехал домой, и вот несколько гекзаметров на немецкую тему Schwester Dorchen:

Смертные в жизни подобны былинкам, брошенным в море:
Ярые волны их разлучают, там соединяют внезапно,
Там разлучают опять, и кто знает, на долгое ль время?
Мило знакомство, но тяжко мгновенье разлуки. Ах! буря
Жизни может унесть за могилу минуту свиданья!

Не дай бог случиться последнему!

9 октября,
понедельник.

Петровского театра как не бывало: кроме обгорелых стен, ничего не осталось. Жаль, очень жаль! Что теперь будут делать актеры? Куда деваться публике? Время спектаклей только что наступило. Теперь один ресурс — немецкий театр, но к сожалению, Штейнсберг хиреет не на шутку, и хотя есть новые, очень хорошие сюжеты, особенно в опере, но все эти господа без Штейнсберга, как тело без души.

Чего иногда не выдумает народ? Многие находятся в полном убеждении, что театр сгорел оттого, что в в о с к р е с е н ь е назначено было представление «Русалки», в которой столько чертовщины, что христианину смотреть страшно и в будни, не токмо в праздник. Самые жаркие последовательницы этого мнения две наши соседки; старухи Бушуева и знаменитая башмачница, известная под прозванием р а с к о л ь н и ц ы. Первой эту глупость простить можно за миловидность дочки ее, Настасьи Васильевны, но другую извинить нечем, потому что работницы ее все как на подбор одна другой безобразнее.

Кстати, о Настасье Васильевне. Чем кончится страсть Петра Петровича Свиньина, которую он слишком неосторожно обнаруживает к этой бедной девушке? Она вовсе невинно пострадать может во мнении своих знакомых: наш околоток — царство сплетен. Не раз посылал он ей записки, а наконец, я встретил несчастного воздыхателя под ее окошком: уверял, что дожидается ее появления, чтоб послать ей поцелуй. Что-то уж чересчур глупо! О матери говорить нечего: под носом ничего не видит, но братья могут узнать, и дело не обойдется без истории.

Намедни какой-то помещик Перхуров, отставной прапорщик и громогласный толстяк, в великом раздражении на французов кричал в Английском клубе: «Подавай мне этого мошенника Буонапартия! Я его на веревке в клуб приведу». Услышав грозного оратора, Иван Александрович Писарев, только что приехавший из деревни, скромный тихоня, спросил у Василья Львовича Пушкина: не известный ли это какой-нибудь генерал и где он служил? Пушкин отвечал экспромтом:

Он месяц в гвардии служил
И сорок лет в отставке жил,
Курил табак,
Кормил собак,
Крестьян сам сек —
И вот он в чем провел свой век!

Иван Иванович говорит, что Пушкин и не воображает, какая верная и живая биография Перхурова заключается в его экспромте.

С удивлением рассказывают, с какою малою свитою государь изволит путешествовать. Его сопровождают не более восьми человек: обер-гофмаршал граф Толстой, князь Черторижский, генерал-адъютант князь Долгорукий, граф Ливен и Уваров, лейб-медик Вилье, статский советник Убри и камергер принц Бирон.

11 октября,
среда.

Вот что рассказывал генерал Бардаков, находившийся некогда в главной квартире князя Потемкина-Таврического.

Князь обложил какое-то турецкое укрепление и послал сказать начальствовавшему в нем паше, чтоб сдался без кровопролития; между тем, в ожидании удовлетворительного ответа, приготовлен был великолепный обед, к которому приглашены были генералитет и все почетные особы, к свите князя принадлежащие. По расчету светлейшего, посланный парламентер должен был явиться к самому обеду, однако ж он не являлся. Князь сел за стол в дурном расположении духа, ничего не ел, грыз, по обыкновению своему, ногти и беспрестанно спрашивал, не едет ли посланный. Обед

приходил к окончанию, и нетерпение князя возрастало. Наконец вбегает адъютант с извещением, что парламентер едет. «Скорей, скорей сюда его!» — восклицает князь, и чрез несколько минут входит запыхавшийся офицер и подает князю письмо; разумеется, в ту же секунду письмо распечатано, развернуто... Но вот беда: оно писано по-турецки — новый взрыв нетерпения! «Скорее переводчика!» Переводчик является. «На, читай и говори скорее, сдается ли укрепление или нет?» Переводчик принимает бумагу, читает, оборачивает письмо, вертит им перед глазами туда и сюда, пожимает плечами и не говорит ничего. «Да говори же скорее, сдается укрепление или нет?» — восклицает князь в величайшем порыве нетерпения. «А как вашей светлости доложить? — прехладнокровно отвечает переводчик.— Я в толк не возьму. Вот изволите видеть, в турецком языке есть слова, которые имеют двоякое значение: утвердительное и отрицательное, смотря по тому, бывает поставлена над ними точка или нет; так и в этом письме находится именно такое слово. Если над этим словом поставлена точка пером, то укрепление не сдается, но если эту точку насидела муха, то на сдачу укрепления паша согласен».— «Ну разумеется, что насидела муха!» — воскрикнул светлейший и тут же, соскоблив точку столовым ножом, приказал подавать шампанское и первый провозгласил тост за здравие императрицы. Укрепление точно сдалось, но только чрез двои сутки, когда паше обещаны были какие-то подарки; а между тем донесение государыне о сдаче этого укрепления послано было в тот же день, когда светлейший соскоблил точку, будто бы мухой насиженную.

Вот какие дела прежде сходили с рук! Впрочем, князю Потемкину многое извинить было можно за веру его во всемогущество русского народа и премудрость Екатерины. Он был именно тот человек, который, по словам Державина:

...взвесить смел
Мощь Росса, дух Екатерины,
И, опершись на них, хотел
Вознесть их гром на те вершины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал!

14 октября,
суббота.

Шурин Г. Р. Державина, Н. А. Дьяков, показывал несколько его писем и, между прочим, собственноручное его послание, в котором наш бард делает намеки на увольнение Дьякова от должности московского прокурора и как будто утешает его в невзгоде:

Коль с невинных снял железы,
Ускорил коль правый суд,
Коль утер сиротам слезы,
Не брал лихвы, не был плут,
Делал то, что делать должно —
И без чина ты почтен и проч. и проч.

Прочие стихи не припомню, только Иван Иванович говорит, что Дьяков совсем не из разряда тех людей, которые бы могли внушать поэтические послания. И точно, мне показался он не более как прокурором, но прокурором зажиточным и наторелым в хорошем обществе. Между прочим, к слову, о Державине. Наблюдательный Иван Иванович рассказывал, что Гаврила Романович по кончине первой жены своей (Катерины Яковлевны, женщины необыкновенной по уму, тонкому вкусу, чувствам приличия и вместе по своей миловидности) приметно изменился в характере и стал еще более задумчив, и хотя в скором времени опять женился, но воспоминание о первой подруге, внушавшей ему все лучшие его стихотворения, никогда его не оставляет. Часто за приятельскими обедами, которые Гаврила Романович очень любит, при самых иногда интересных разговорах или спорах, он вдруг задумается и зачертит вилкою по тарелке вензель покойной, драгоценные ему буквы К. Д. Это занятие вошло у него в привычку. Настоящая супруга его, заметив это ежедневное, несвоевременное рисованье, всегда выводит его из мечтания строгим вопросом: «Ганюшка, Ганюшка, что это ты делаешь?» — «Так, ничего, матушка»,— обыкновенно с торопливостью отвечает он, вздохнув глубоко и потирая себе глаза и лоб как будто спросонья.

18 октября,
среда.

Москва находится в каком-то волнении по случаю объявленной войны с французами. В обществах о ней

только и говорят; ожидают чего-то чрезвычайного. Многие, кажется мне, чересчур уже храбрятся и презирают французов, говоря, что первою схваткою все должно окончиться и что мы непременно поколотим этих забияк; а другие думают, что одно выигранное сражение еще не решит дела; вообще же все надеются на государя, и очень мало находится таких людей, которые не уверены были бы в успешном окончании кампании, тем более что армиею командует генерал Кутузов. Намедни у князя Несвицкого П. С. Валуев рассказывал, что Кутузов соединяет все качества настоящего военачальника: обширный ум, необыкновенное присутствие духа, величайшую опытность и ничем не поколебимое мужество — и что он был чрезвычайно уважаем самим Суворовым, который называл его правою своею рукою.

Вот обещанный список русских, французских и немецких актеров и актрис с обозначением их амплуа. Сведения о первых двух труппах, которые теперь, по случаю пожара театра, находятся без всякого дела, притащил мне дедушка, а о немцах я позаботился сам. Как жаль, что не успею передать тебе и всех закулисных сплетен, которых у меня, по милости дедушки, порядочный запас! Разве удастся только сообщить историю о том, отчего из двух актрис, сестер Лисицыных, старшая сделалась госпожою Бутенброк и почему она перед самым венчанием была высечена розгами. История очень интересная, только извини, до будущей недели не скажу ничего.

Русский театр

1) Плавильщиков — в трагедиях, драмах и некоторых комедиях, что называется, первые роли.
2) Померанцев — в драмах и комедиях роли благородных отцов. Высокий талант, которому цены не знают.
3) Колпаков — поступил на роли благородных отцов, а покамест играет иногда роли и не своего амплуа.
4) Кондаков — играет что велят, а по-настоящему резонер и порядочный Тарас Скотинин.
5) Прусаков — герой и первый любовник в трагедиях, драмах и операх: всюду на ходулях.
6) Украсов — несмотря на преклонные лета, остался

на амплуа вертопрахов и, надобно отдать справедливость, играет отлично, хотя иногда ему изменяет орган: хрипит.

7) Мочалов — малый видный; играет везде: в трагедиях, комедиях и операх и нигде, по крайней мере, не портит.

8) Жебелев — в трагедиях и драмах первый любовник, но, говорят, хочет поступить на комические роли. И хорошо сделает.

9) Зубов — очень хороший актер всюду, а вместе и певец. Голос удивительный. По смерти Уварова пел принца Тамино в «Волшебной флейте», и даже лучше, чем его предшественник. Жаль, что для таких ролей не очень взрачен собою. Отлично хорош в «Клейнсбергах» Коцебу, в роли волокиты старого графа.

10) Орлов — в ролях молодых людей, а иногда и слуг в драмах и комедиях. Талант есть.

11) Злов — играет в трагедиях, драмах и операх. Всюду хорош, где горячиться не нужно. В драме «Сын любви», в роли пастора бесподобен. Славный собеседник.

12) Сандунов — по амплуа своему слуга отличный, но теперь большею частью любит играть гримов: Клима Гавриловича, голодного поэта в комедии «Черный человек» и проч.

13) Волков и 14) Кураев — первые комики в одном и том же амплуа. Оба с талантом, но последний умнее и натуральнее, хотя и не так любим публикою.

15) Соколов — молодой человек с хорошим голосом: игра непринужденная. Путь будет.

16) Лисицын — любимец райка. Гримаса в разговоре, гримаса в движении — словом, олицетворенная гримаса даже и в ролях дураков, которых он представляет.

17) Кавалеров — недавно поступил на роли слуг из учеников Сандунова.

18) Медведев — бесподобен в роли Еремеевны в «Недоросле», которую, по каким-то преданиям, играют всегда мужчины; даже и на петербургском театре играет ее актер Черников.

19) Сандунова — об этой и говорить нечего.

20) Померанцева — старуха, каких мало. В драмах за-

ставляет плакать, в комедиях морит со смеху. Играет и в операх. Талант необыкновенный.

21) Воробьева — в трагедиях и драмах роли первых любовниц. Иногда бывает недурна.
22) Баранчеева — роли благородных матерей и больших барынь в драмах и комедиях.
23) Караневичева — роли молодых любовниц превращает в старых.
24) Насова — премиленькая оперная актриса и была бы еще лучше, если б кто-нибудь занялся ею. Чистая натура; жеманства ни на грош и прекрасный голос.
25) Бутенброк — певица недурная. Баба плотная, белая и румяная, но зубы уголь углем.
26) Лисицына — сестра ее; недавно поступила на роли старух. Есть талант. Играет в комедиях и операх, только стихов читать не умеет: рубит их с плеча, не соблюдая ни цезуры, ни ударений. Охотница повеселиться.

Nota bene: Волков, Кураев, Баранчеева и Лисицына — крепостные люди: первый князя Волконского, а последние Столыпина, которому принадлежала также актриса Бутенброк, бывшая Лисицына, недавно выданная замуж за немца, и покойный Уваров, отличный певец, красавец собою и прекрасный актер. Вот был настоящий принц Тамино! Жаль его!

Французская труппа

1) Дюпаре — отличный актер во всех амплуа. Это другой Штейнсберг, разумеется на французский лад.
2) Белькур — благородный отец. Прекрасно играет аббата Лепе и Фенелона.
3) Мерьеннь — недурен в ролях, что называется, financiers: Оргонов, Сганарелей и проч.
4) Брюне и
5) Девремон — любовники в драмах и комедиях.
6) Арман — гримов.
7) Роз — слуг.
8) Кремон — тоже слуга и, говорят, еще покорный жены своей, у которой шашни с графом Салтыковым. Сверх того, дирижирует оркестром и дает уроки на скрипке.

9) Мадам Дюпаре — первая любовница вроде Караневичевой.
10) Мадам Сериньи — первые роли в драмах и комедиях. Поступила вместо мадам Лавандез.
11) Мадам Мериеннь — играет старух и дуэнь.
12) Мадам Роз — служанка.
13) Мадам Брюне — амплуа благородных матерей.
14) Мадам Кремон — красивенькая актриса. Недурна в оперетках, напр. в «Арестанте», мило поет «Lorsque dans une tour obscure»[1], но совсем не Виргиния, роль которой непременно присвоивает себе.

Остальные сюжеты не стоят того, чтоб упоминать о них: простые подносчики писем.

Немецкая труппа

1) Штейнсберг — абсолют.
2) Литхенс — Карл Моор, Фердинанд и проч.
3) Кистер — любовник, злодей и проч.
4) Нейгауз — роли благородных отцов и комических стариков.
5) Короп — комические роли.
6) Эме,
7) Кюн,
8) Беренс и
9) Петер — куклы, которыми двигает по произволу Штейнсберг.
10) Вильгельм Гас — хороший певец и актер в ролях стариков.
11) Гальтенгоф — отличнейший тенор и музыкант, но спадает с голоса.
12) Гунниус — известный в Германии бас и отличный певец и актер. В ролях Лепорелло в «Дон-Хуане», Осмина в «Похищении», Хорамзина в «Обероне», Зороастра в «Волшебной флейте» и Аксура в «Аксуре» Салиери удивительно хорош.
13) Актрисы Шредер и
14) Кафка — поступили на роли мамзель Штейн в драмах, комедиях и операх. Обе хороши, но первая

[1] «Когда в темной башне» (*франц.*).

лучше; обе русалки, только последняя второго разряда: eine gemeine coquette[1].

15) Мамзель Соломони — первая певица в бравурных партиях.

16) Мадам Гунниус — огромная и толстая женщина с превысочайшим сопрано; только и годна что для роли царицы ночи в «Волшебной флейте».

17) Мамзель Гунниус — милая певичка, Церлина, крестьянка.

18) Мадам Штейнсберг — молодая любовница в драмах и комедиях.

19) Мадам Гебгард — роли старух в драмах, комедиях и операх.

20) Мадам Гальтенгоф — буквально на всякое употребление.

21) Маленькая Шредер — удивительный, премилый ребенок. В роли Лили в «Русалке», право, чуть ли не лучше матери.

22 октября,
воскресенье.

Государь пробыл в Берлине несколько часов и отправился в Потсдам, где пробудет несколько дней, и после поедет в Веймар к великой княгине Марии Павловне. Москва мысленно следует за ним повсюду, и я никогда не замечал в обществах такой жадности к политическим новостям, как теперь. Князь Одоевский нарочно нанимает на Мясницкой, против почтамта, маленькую квартирку, чтоб видеть, когда приходит почта, и чтоб первому получать известия, с которыми тотчас и отправляется по своим знакомым или в Английский клуб, где вокруг него всегда собирается кружок нувеллистов. Говорят, наши войска находятся в необыкновенном одушевлении, от которого ожидают многого.

Как бы хотелось мне попасть в этот клуб, а возможности нет: ни служащих в Москве, ни учащихся, ни домовладельцев гостями не пускают, а в члены попасть нашему брату очень трудно, да, признаться, как-

[1] Рядовая кокетка (*нем.*).

то и страшно: разом попадешь в шалопаи, к чему, между нами, я, кажется, имею великую наклонность.

Бедный русский театр, бедная французская труппа! Со времени пожара все актеры без дела и повесили головы. Что же касается актрис, то Сила Сандунов говорит, что их жалеть нечего, потому что они имеют свои ресурсы. Селивановский заметил, что жена его также актриса. «Так что ж? — возразил Сандунов.— Жена сама по себе, а актриса сама по себе: два амплуа — и муж не в убытке».

Уж подлинно, как говорит о нем князь Юрий Владимирович, настоящий Сахар Медович Патокин; никому нет пощады.

Немецкий театр пользуется безвременьем театров русского и французского и беспрестанно усиливает свои представления. Посетителей много, и Штейнсберг делает хорошие сборы. Так-то бывает на свете: несчастье одного составляет благополучие другого.

Вот хоть бы и наш Альберт Великий, физик и химик, Андрей Харитонович Чеботарев, прочитав в какой-то иностранной газете, что двум механикам, Полю и Лемерсье, удалось наконец разрешить задачу управления полетом воздушных шаров, находится в величайшем отчаянии, уверяя, что эта тайна давно уже им открыта и что он «обокраден, кругом обокраден, даже фигура шара самая та, какую изобрел я (говорит он); форма птицы в пропорциях 10 сажен ширины и 3 сажен вышины с крыльями по бокам!». Страхов, читавший также об этом в журнале «Публицист», решительно удостоверяет, что все это просто мистификация, не заслуживающая никакого внимания.

26 октября,
четверг.

Целый день таскался с поздравлениями по именинникам. Я, право, не думал, чтоб у меня столько было знакомых Дмитриев; и все они, на беду мою, живут в противоположных частях города: одни в Лефортове, другие на Пречистенке, третьи у Серпуховских ворот, а Цицианов на Поварской. Околесил, конечно, пол-Москвы, покамест добрался до Газетного переулка к чудаку Митро Хотяйнцеву. Накормил, напоил, или,

лучше, окормил и опоил. Он сделался еще оригинальнее: так потолстел, что кубарь кубарем, и стал плешивее полного месяца. Недели три гуляет напропалую и теперь только и знается, что с земским судом, от секретаря до последнего подьячего. Шампанское льется как вода, и когда компания упьется, задерет хором козелка: «Как пошел наш козелчик в лесочек гулять: зум-зум, зум-зум и проч.».— «Да помилуй, Митро,— говорит ему брат,— что тебе за охота водиться с этим пустым народом?» — «Как что за охота? Ну, а неравно под следствие попадешь».— «Да ведь ни у тебя, ни у меня дел никаких нет».— «Теперь нет, да могут случиться».— «Именья также у нас в Московской губернии, кроме дома, нет».— «Теперь нет, да быть может: надо думать о будущем». Толкуй с ним! А ведь у молодца больше тысячи душ.

Между тем с этими поздравлениями и бражничаньем, кажется, я далеко не уйду. Еще слава богу, что прошлого года успел перейти Рубикон; иначе чувствую, что пришло бы мне плохо: бог весть отчего теперь мне стоит такого напряжения быть внимательным. Намедни Антонский заказал для предстоящего акта стихи, и до сих пор ничего не лезет в голову. Зато добрый мой Петр Иванович оседлал Пегаса и корпит над одою под названием «Гений», в которой вовсе незаметно присутствие гения. Мерзлякову заказаны стихи на благость, Грамматину «Гимн Истине» и Соковнину стансы «На счастье». «Все-т а предметы-т а нравственные,— говорит Антон Антонович,— вот и ты-т а написал бы что-нибудь „На невинность“-т а, а то все актерки-т а на уме».

Брани, Антон, ругай меня!
Что стою брани — сам я знаю,
И за нее, поверь, тебя
Еще я больше уважаю:
Ты хочешь мне добра, и я —
В театр немецкий уезжаю!

Всё так, а чуть ли Антонский не прав! Мне кажется, я просто не оправился еще от июньской моей горячки. Иначе быть не может.

Между тем за что ты щуняешь меня? Где это умничанье, которым ты мне попрекаешь? Ты хочешь, чтоб я писал обо всем без разбора, но я и так поступаю, как долгоруковская калмычка Чума, которая, по выра-

жению умного дурака Савельича, «все воспевает, на что ни взирает»: кажется, рублю с плеча все, что ни попадется под руку. Неблагодарный!

30 октября,
понедельник.

Вчера после обедни отправились мы с Колычевым за Тверскую заставу на садку и как раз попали на драку двух охотников, смешную и жалкую. Вот как происходила баталия: полупьяному содержателю садки вздумалось похвастаться перед многочисленным собранием охотников, что к нему доставлены какие-то отличные бойкие степные русаки, которых он предлагает сажать на уход, с тем, что если русак затравлен будет, то за него денег не платить, а если уйдет, то он, содержатель, получает с охотника, пускающего свою собаку, 10 руб. Предложение принято единодушно, и двое из самых отчаянных охотников и, к несчастью, старинных по охоте соперников, Лихарев и Похвиснев, приказали начать садку. Надобно сказать, что вчера целый день моросил дождик, а к ночи сделался мороз, и Ходынское поле покрылось тонким и ровным слоем льда, так что собаки должны были непременно разъезжаться и перепортить ноги, что, кажется, хитрый пьянюга и имел в виду. Сначала пущена была собака Н. А. Лихарева, какая-то знаменитая Акушка, которая довольно скоро приспела к русаку, дала несколько угонок, но, разъезжаясь, не успевала захватить его и, ослабев, начала мало-помалу отставать, а наконец и совсем остановилась. У Лихарева заметно побагровело лицо и напружились жилы. «Что, батюшка, Никита Андреич,— сказал Похвиснев,— видно русачок-то не по силам вашей собачке». Лихарев промолчал, но бросил на Похвиснева такой ужасный взгляд, что у меня замерло сердце. Вот посадили собаку Похвиснева. Была ли она лучше собаки лихаревской, или второй русак был тупее первого — право, не знаю, только после нескольких угонок похвисневская собака мастерски вздернула на щипец зайца, к великому огорчению содержателя травли и торжеству своего владельца. «Браво, браво!» — вскричали охотники. «Какое тут браво,— завопил Лихарев,— это просто

стачка между двумя подлецами: один сажает полумертвого русака, другой пускает на него свою полудворнягу, чтоб только сделать мне афронт!» При этой выходке Похвиснев бросился на Лихарева с арапником, но тот предупредил его сильным ударом кулака в лицо, так что разбитые вдребезги очки почти врезались в глаза Похвисневу, и — тут уже пошло сущее кровопролитие. Многие из охотников, общих знакомых воителям, бросились разнимать их; но все известные и почетные люди, как то: Алябьев, Мясоедов, Всеволожский, князь Голицын, Поливановы, Новиковы и проч.— тотчас же уехали, что сделал и я, человек неизвестный и непочетный, поспешая на обед к князю Михаилу Александровичу. Храбрецов отвезли к обер-полицеймейстеру Балашеву.

У князя обедали несколько литераторов: князь Шаликов, Макаров и какой-то Иванов, о котором я не слыхивал, и обычные его посетители Плавильщиков и Злов. Очень дельно замечание Плавильщикова насчет нынешних молодых людей обоего пола, которые являются с желанием поступить на сцену. «Вы не поверите,— говорит он,— что это за народ: у одних ни рожи ни кожи; у других вместо голоса какое-то гортанное шипенье; третьи едва читать умеют — и все ссылаются на страсть свою к театру; а наши старшины тотчас и заголосят: талант! и мы же виноваты, что не хотим, будто бы из зависти, заняться претендентами. Ой уж мне эти протекторы! В мое время для поступления в актеры являлись люди, которые соединяли в себе хотя какие-нибудь условия для актерского звания, например порядочную фигуру, довольно звучный орган и некоторую образованность, приобретенную если не ученьем, так некоторою начитанностью: с такими способностями и посредственные актеры могут быть сносны для публики. Вот хоть бы взять нашего Кондакова: он из семинаристов и, по-настоящему, плохой актер, но публика его терпит, потому что он читает внятно, слова нижет как жемчуг, ни одного не проронишь. Такой человек если не оттенит своей роли, то и не проглотит ее, но передаст публике верно, что̀ хотел сказать и написать автор. Если имеешь орган и чистое произношение, то есть и возможность заставить слушать себя. Другой пример — Караневичева: у ней один тон, что на сцене, что за кулисами, о движенье стра-

стей понятия не имеет, о пластике не слыхивала, актриса вовсе плохая, а читает хорошо, и, будучи на месте зрителя, я предпочел бы ее многим пресловутым актрисам, с которыми мне играть доводилось и которые только что шептали свои роли, потому что сцену почитали пьедесталом, на котором могли поломаться пред публикою. Разумеется, я говорю о Кондакове и Караневичевой только по отношению к недостатку у нас хороших актеров и актрис, выбирая из худого лучшее; потому что если б у нас все были Крутицкие, Померанцевы и Шушерины, а в женщинах Синявские, Померанцевы и Рахмановы, то Кондакову и Караневичевой никогда бы не бывать на сцене».

Князь Шаликов так и расстилался перед княжнами в комплиментах, которые напомнили мне липецкого Ивана Кузьмича. Он намерен издавать с нового года журнал под заглавием «Московский зритель», о чем хочет публиковать в газетах, а между тем напечатал особое объявление, которого экземпляры носит с собою для раздачи их знакомым и незнакомым, встречным и поперечным. Вот тебе эта чушь: «Будут словесность русская и иностранная, отрывки, повести, анекдоты, басни и стихи. Хороший вкус и чистота слога, тонкая разборчивость литераторов (почему не литературы?) и нежное чувство женщин будут одним из главных предметов моего внимания. Будет статья и для критики — не брань, но критика здравая и беспристрастная должна быть в журнале такого рода непременно: она служит светильником в путях искусства, занимает читателя, еще более артиста и научает самого критика — польза важная и неоспоримая! Иногда журнал будет заключаться смесью!!»

А вот и мадригал его старшей княжне, как нарочно написанный для твоего сборника курьезных сочинений:

Как светит сладостно прекрасная луна
　　На мрачную небес безбрежность,
И на тревожный мир лиет с высот она
　　Спокойствие и безмятежность:
Так в мрак моей души и сердца в безнадежность
Ты льешь покой и свет, прелестная княжна!

2 ноября,
четверг.

Все наши столбовые москвичи находятся в ожидании чего-то чрезвычайного. У главнокомандующего ежедневно большой приезд, и он принимает во всякое время. Всюду какая-то ажитация, а об Английском клубе и толковать нечего: говорят, что это настоящий воскресный базар; все хотят непременно что-нибудь узнать, а за недостатком верных известий верят всяким небылицам. С одной стороны, смешно, а с другой — извинительно. Граф Иван Андреевич говорит, что это любопытство, в каком бы виде оно ни представлялось, доказывает искреннее участие в судьбах отечества и его славе и преследуемо быть не должно.

Вот прекрасные стихи, которые ходят везде по рукам; иной и не знает по-немецки, а все-таки непременно хочет иметь их. Яков Иванович де Санглен сказывал, что будто бы они взяты из берлинских газет. В наших ведомостях таких не ожидай. Чудо, какая энергия!

Die Ehre ruft! die Pflicht gebeut!
Zum Schwerte zuckt die Hand —
Und jedes Kriegers Herz erneut,
Durchfeammt von Gluth der Tapferkeit
Den Schwur: «fürs Vaterland!» [1].

Наконец нашли какой-то балаган в доме князя Волконского на Самотеке, который обращают в театр. Сказывают, что человек двести поместиться могут. Но покамест все это одни разговоры; а когда откроются спектакли — знают лишь про то першие.

5 ноября,
воскресенье.

За обедом у Ростислава Евграфовича Татищева видел я Дмитрия Ардальоновича Лопухина, бывшего калужского губернатора, непримиримого врага Державину за то, что этот, в качестве ревизующего сена-

---

[1] Честь зовет, долг велит! Рука хватается за меч,
и сердце каждого воина, пылающее жаром отваги,
заново повторяет клятву: «За родину!» (*Нем.*)

тора, сменил его за разные злоупотребления. Лопухин не может слышать о Державине равнодушно, а бывший секретарь его, великий говорун Николай Иванович Кондратьев, разделивший участь своего начальника и до сих пор верный его наперсник, приходит даже в бешенство, когда заговорят о Державине и особенно если его хвалят. Этот Кондратьев пописывает стишки, разумеется для своего круга, и, по выходе Державина в отставку, спустил, по выражению, кажется, Сумарокова, свою своевольную музу, аки цепную собаку, на отставного министра и выразил удовольствие свое следующим стихотворным бредом:

Ну-ка, брат, певец Фелицы,
На свободе от трудов
И в отставке от юстицы
Наполняй бюро стихов.
Для поэзьи ты свободен,
Мастер в ней играть пером,
Но за что стал неугоден
Министерским ты умом?
Иль в приказном деле хватки
Стихотворцам есть урок?
Чьи, скажи, были нападки?
Или изгнан за порок?
Не жена ль еще причиной,
Что свободен стал от дел?..

Далее, слава богу, не припомню. Кроме неудовольствия слышать эти гадкие, кабачные стихи, грустно видеть в них усилие мелочной души уколоть гениального человека, который, вероятно, никогда и не узнает об этих виршах. Просто: кукиш из кармана.

Тут же повстречал я симбирского помещика, старика Степана Степановича Кроткова с молодою женою. Он известный богач, владелец шести тысяч душ крестьян, и богатство его имело источником совершенно романическое приключение. Кротков был прежде очень бедный дворянин, обремененный семейством. Бунтовщик Пугачев, во время разгрома Симбирской губернии проезжая мимо деревушки Кроткова, полюбил местоположение этой деревушки и обратил ее в главное свое становище, а из гумна, риги и овинов поделал магазины и кладовые для всего награбленного им в губернии имущества. Когда налетевшие отряды войск выгнали самозванца из его становища, Кротков, следовавший за отрядами, немедленно возвратился в свое

именьице и нашел в риге, овинах и даже, говорят, в хлебных скирдах множество всякого добра и, между прочим, несколько баулов с деньгами, серебряной посудой и другими разными драгоценными вещами, всего тысяч на двести. Тут накупил он имений и, будучи хорошим хозяином, год от году приобретал более и более, зажил, что называется, паном и век свой изжил бы паном без горя, присовокупя еще столько же тысяч душ, сколько уже имел, если б не позамотались служившие в Петербурге сынки. Один из них, видно понаходчивее и поудалее других, имея нужду в деньгах, вздумал продать отцовское имение и в числе крестьян в главе подворной описи поместил в продажу и самого родителя своего под скромным званием бурмистра Степана Степанова сына Кроткова. Разумеется, пошло дело, и купчая уничтожена; однако ж старик, для избавления сына от преследования уголовных законов, принужден был помириться с покупщиком, заплатив ему едва ли не двойную цену против той, какую получил за имение сын. Но в наказание мотоватых деток, он женился на бедной девушке и лучшее имение свое, подмосковное село Молоди, укрепил уже за молодою женою.

Это добрая заметка для тех, которые полагают, что человек может быть постоянно во всем счастлив.

7 ноября,
вторник.

На ловца зверь бежит. Петр Иванович привез мне от Селивановского только что оттиснутый проект любопытного объявления об издании «Дамского журнала», которое будет напечатано и в газетах. Это просто объеденье, что твой князь Шаликов!

«Из уважения к почтеннейшим российским дамам (!) в следующем — 1806 — году будет издаваться ежемесячное издание под названием «Дамский журнал». В нем помещаться будут пьесы разных родов в стихах и прозе. Главным предметом будет: нежная чувствительность, сопряженная с моралью. Иногда помещаемы будут статьи о модах, переводимые из иностранных журналов. Критика и политика исключаются. Издатель поставит себе за особливую честь, если удостоен будет от почтенных российских поэтов присылкою их произведений».

Я непременно хочу попасть в число почтенных российских поэтов и пошлю издателю некоторые из моих произведений. Не поместит ли он моих куплетов из переводных пьес, например хоть из оперы «Братья-охотники», в которой меньшой брат поет:

Заячьи ножки
Больно востры,
Все их дорожки
Страх как пестры.

Средний отвечает:

Заяц больно чуток,
Нам тут не клад;
Станем лучше уток
Становить мы в ряд.

Старший замечает:

Ваши зайцы, ваши утки —
Все одни пустые шутки.
Вот как волка приберем —
Не рублем тогда запахнет:
Вся деревня наша ахнет,
Как десятка два возьмем.

А между тем хозяйка постоялого двора, за которою они приволакиваются, кокетничает перед ними и угощает их:

Вот вам, милые дружочки,
Очень вкусные кусочки,
Вот тебе, Петруша, щи;
Если дурны — не взыщи;
Я варила как умела
И капусты не жалела.
Вот тебе, Иван, мясца,
Кушай до поту лица;
А тебе, Алеша, кашки;
После всем налью и бражки.

Уж если тут мало нежной чувствительности, сопряженной с моралью, так где же искать ее более? Ссылаюсь на умного и милого Мерзлякова, которому показывал я свой перевод и который с тех пор, как узнал я о его переводах итальянских опер, удивительно как снисходителен стал к моему вдохновению и называет меня парнасским люстихом.

12 ноября,
воскресенье.

Нынешний день начались и русские спектакли на театре князя Волконского. Театрик хоть куда: помещается до 300 человек. Давали «Беглого солдата», и пьеса шла не очень удачно. Главный персонаж был в каком-то курчавом, рыжем парике, который безобразил его до такой степени, что сидевший со мною рядом в партере толстый купец, садовод Лебедев, не вытерпел, чтоб не вымолвить: «Ишь, батюшка, точно как у принца со сковороды ушел». Я в первый раз слышу эту поговорку и ума не приложу, откуда она проистечь могла.

В среду, 15 числа, немцы дают в первый раз большую оперу «Der Spiegel von Arcadien», в которой мадам Hunnius играет роль Юноны. Вот уж настоящая Юнона, какую изобразили Гомер и Виргилий! Во-первых, глаза у ней как у быка, и во-вторых, одним ударом широкой длани своей может угомонить какого хочешь Юпитера и все другие олимпийские божества, которые с нею будут на сцене.

Получено известие, что государь пробыл самое короткое время в Дрездене и уже выехал оттуда. Войска наши идут к месту назначения в порядке, и как генералы, так и офицеры горят нетерпением сразиться с французами. Граф Ростопчин говорит, что русская армия такова, что ее не понуждать, а скорее сдерживать надобно и если что может заставить иногда страшиться за нее, так это одна излишняя ее храбрость и даже запальчивость. Он уверяет, что нашим солдатам стоит только сказать: «За бога, царя и святую Русь», чтоб они без памяти бросились в бой и ниспровергли все преграды, но что с французами и немцами говорить надобно умеючи. Так, Генрих IV говорил первым: «Господа! вы — французы и неприятель пред вами»; а с последними генерал Цитен логически рассуждал: «Государи мои! сегодня у нас сражение, следовательно, все должно идти как п о м а с л у». Всякому свое. Suum cuique. Балагур!

15 ноября,
среда.

Иван Владимирович Лопухин сказывал Невзорову, что в Германии встречают нашего государя как защитника и избавителя и что восторг всех классов народа при встрече с государем превосходит всякое описание. Он обворожил всех, от мала до велика, простым и милостивым своим обращением: мужчины бегают за ним толпами, а женщины придумывают разные способы для доказательства своего к нему уважения. Так, в память пребывания его в Берлине дамы ввели в моду носить букеты под названием александровских, которые собраны из цветов, составляющих по начальным буквам своих названий имя Alexander. Без этих букетов ни одна порядочная женщина не смеет показаться в общество, ни в театр, ни на гулянье. Вот из каких цветов составляются букеты, которые разнятся только величиною и ценностью; большие носят на груди, а маленькие в волосах: Anemone (анемон), Lilie (лилия), Eicheln (желуди), Xeranthenum (амарант), Accazie (акация), Nelke (гвоздика), Dreifaltigkeitsblume (веселые глазки), Epheu (плющ) и Rose (роза).

Мило и остроумно! Непременно закажу такой букет и поднесу его востроглазой Арине Петровне, на коленях à la Visapour и при мадригале à la Schalikoff. Кстати же, готовятся по воскресеньям и балы у графа Орлова. При первом хорошем известии из армии пойдет дым коромыслом; но покамест молятся богу о государе и толкуют о новостях.

По милости Невзорова я не попал ни в один театр и не видел ни «Spiegel von Arcadien», ни «Catherine ou la belle Fermière» и сердечно этому рад. Иногда таскаешься по театрам только от скуки, и я не ропщу, когда есть случай посидеть вечером дома, лишь бы не одному.

17 ноября,
пятница.

Почтенный начальник Москвы, Александр Андреевич Беклешов, столь известный своим здравым русским умом, неколебимостью и праводушием своего

характера, есть вместе человек самого доброго и нежного сердца. Кто бы мог это сказать, смотря на угрюмую его физиономию и некоторую жесткость в обхождении? П. И. Аверин, отлично умный человек, находящийся с Александром Андреевичем в самых близких отношениях по службе и пользующийся полною его доверенностью, рассказывал за обедом у Арсеньева такие черты его доброты, которые невольно извлекают слезы. Александр Андреевич очень-очень небогат, даже в сравнении с прочими вельможами может назваться вовсе бедным, а между тем так охотно и с таким радушием благодетельствует всем, кто ни прибегает к его помощи! Не говоря уже о брате его, Николае Андреевиче, которому как отцу многочисленного семейства предоставил он все доходы с небольшого родового своего имения, он все почти карманные деньги свои раздает неимущим. Как-то на днях опять явилась к нему с просьбою о детях вдова надворного советника Федорова, умершего под судом за растрату казенных денег. «Ну, ты опять пришла,— говорит ей Беклешов,— ведь я сказал уж тебе, что муж твой был плут и я за тебя, хоть ты расплачься, государя беспокоить не стану. А вот тебе на бедность от меня еще сто рублей; как проешь их, так добрые люди еще помогут. О старших же ребятишках попрошу губернского предводителя или кого-нибудь из ученых, чтоб поместили в какое-нибудь училище. Ну, теперь пошла!» Учеными называет Александр Андреевич университетское начальство.

А вот и резолюция его на докладную записку Балашева о баталии на садке: «Лихарева с Похвисневым содержать как озорников, под арестом, покуда искренно не примирятся; а примирятся, так тотчас выпустить, сделав нотацию, что благородным людям, к соблазну публики, приходить в азарт и драться стыдно!»

Витязи в тот же день разъехались от обер-полицеймейстера совершенными друзьями.

Вот каков наш добрый начальник, которого наставление московским властям должно бы напечатать золотыми буквами: слабостям снисходи, проступки исправляй, злонамерение преследуй, преступления предотвращай, а раскаянью прощай. Где Беклешов ни служил, какие высокие должности ни занимал — генерала ли

прокурора, генерала ли губернатора,— всюду снискивал он любовь и уважение и всюду был, по словам поэта Петрова,—

Защитник строгого зенонова закона
И стоик посреди великолепий трона!

20 ноября,
понедельник.

22 числа у французов бенефис Брюне: «Portrait de Michel Servantes» и «Heure du mariage» Етьенна, а у немцев бенефис Гунниуса: «Die Luft-Bälle», опера Френцеля. Куда ехать? Я думаю — к немцам, потому что объявление о французском спектакле прекурьезное и не внушает доверия, точно паяцы вопят с балаганного балкона: «к нам, публика, к нам! уж мы для вас постараемся!» — а на поверку вся штука в том, что вместо двух рублей медью они за кресла хотят брать по два рубля серебром, то есть по 2 р. 60 к. Вот их объявление: «Les deux pièces viennent d'obtenir le plus grand succès à Paris tant à cause de leur style agréable, que par la manière ingénieuse dont elles sont traitées. Les acteurs redoubleront de zèle pour que le spectacle soit favorablement accueilli!!!» [1]

От шарлатанства французов мочи нет, но что досаднее всего, что и русские актеры хотят подражать им. Отчего же не делают этого немцы? Оттого, что у Штейнсберга ума палата. Он говорит, что хвастовство завлекает постепенно: прихвастнув немного один раз, надобно — хочешь не хочешь — хвастать в другой и в третий побольше, а там хвастовству меры не будет и, наконец,— caput [2].

Червонцы в цене возвысились до 4 р. 60 к. Серебряный рубль ходит 1 р. 30 к. Говорят, что это плохой знак. Но мало ли что говорят!

---

[1] «Две эти пьесы недавно шли в Париже с огромным успехом как по причине приятного слога, так и благодаря изобретательности в трактовке сюжета. Актеры удвоят старания, чтобы этот спектакль был принят благосклонно!!!» (*Франц.*)

[2] Гибель (*нем.*).

23 ноября,
четверг.

В немецком театре давали вчера оперу «Die Luft-Bälle», которая шла отлично, и мы смеялись до истерики. Бенефициант пел мастерски, а Короп уморительно представлял воздухоплавателя, и если б говорил по-русски, то сказали бы, что на сцене не Короп, а наш премилый чудак Андрюша Чеботарев. Точь-в-точь та же история пускания бумажного шара на Девичьем поле, за которое едва всех нас не забрали в полицию, потому что чуть не сожгли грачевского дома, на который опустился горящий шар.

Видно, уж вышел день такой — une folle journée [1]. Из театра Хомяков увез меня на танцевальный вечер к Веревкиным. Танцевальные вечера не по моей части, однако ж этот балик был превеселый и бесцеремонный. Столько было хорошеньких девушек, начиная с хозяйских дочерей до красавицы Алмазовой [2], что и я соблазнился попрыгать экосез и а ла грек, хотя немножко и медведем. Востроглазая Арина Петровна, qui me cherche noise [3], прислала Белавина спросить меня: у какого танцмейстера я учился, чтоб предостеречь своих знакомых от такого учителя: она забыла, что учился я вместе с ней у Иогеля. Насмешница! Ужин был не пышный, но вкусный. Шампанское не всем подавали, зато ратафий, наливок и шипучек было вволю; а все это, по примеру Петра Ивановича, я предпочитаю всякому вину. После ужина я вздумал было полюбезничать, но не нарочно так громко зевнул, что барышни расхохотались, и я со стыдом отправился восвояси. Вот оно что! Месяцев шесть назад я бы не зевал и никак бы не прозевал, а теперь hin ist hin und alles dahin! [4] Таков человек! Заметка психологам.

---

[1] Безумный день (*франц.*).
[2] Впоследствии — г-жи Шереметевой.
[3] Которая хочет досадить мне (*франц.*).
[4] Все пропало, все прошло! (*Нем.*)

25 ноября,
суббота.

15 числа государь был в Лигнице. Ожидают жестокого боя, но верного никто ничего не знает. Много отцов и матерей находится в великой тревоге за детей своих, служащих в гвардии и армии. Конечно, не беспокоиться нельзя, но мне кажется, что не будь сплетен и пустых толков, поддерживающих это беспокойство, оно уменьшилось бы наполовину. Однако ж между малодушными есть и крепкодушные. Вот, например, Настасья Дмитриевна Офросимова, барыня в объяснениях своих, как известно, не очень нежная, но с толком. У ней в гвардии четыре сына, в которых она души не слышит, а между тем гоголь гоголем, разъезжает себе по знакомым да уговаривает их не дурачиться. «Ну, что вы, плаксы, разрюмились? будто уж так Бунапарт и проглотит наших целиком! На все есть воля божия, и чему быть, тому не миновать. Убьют, так убьют, успеете и тогда наплакаться». Дама презамечательная своим здравомыслием, откровенностью и безусловною преданностью правительству.

26 ноября,
воскресенье.

Рескрипт государя с.-петербургскому главнокомандующему генералу Вязмитинову читают во всех домах, восхищаются им и благословляют провидение, ниспославшее России такого царя-отца. Какие чувства, какая великость души и какая любовь к своему народу!

«Сергей Кузьмич! Со всех сторон доходят до меня известия о неоднократном изъявлении привязанности ко мне публики петербургской и вообще всех жителей сего любезного мне города. Не могу довольно изобразить, сколь лестно для меня сие чувство. Изъявите им от имени моего искреннюю и чувствительную мою признательность. Никогда более не наслаждался я честью быть начальником столь почтенной и отличной нации. Изъявите равномерно всем, что единое мое желание есть заслужить то звание, которое я на себе ношу, и что все мои старания к сему одному предмету обращены».

28 ноября,
вторник.

Кажется, любопытство заразительнее чумы. Так из дома и тянет, чтоб добыть вестей. Мы решительно ничего не знаем, а дóлжно случиться чему-нибудь важному, потому что кареты беспрестанно шныряют по Тверской, останавливаясь у подъезда главнокомандующего, точно как в большой праздник, когда приезжают с поздравлениями. У графа Ивана Андреевича и под Донским у графа Орлова также бывают утренние съезды. Митрополит прибыл из лавры. В Английском клубе заметили, что некоторые notabilités [1], например князь Юрий Владимирович Долгорукий, Петр Степанович Валуев, генерал Марков и другие, как-то все особятся и долго о чем-то втихомолку рассуждают. Многих из ежедневных посетителей Английского клуба вовсе не видно. И. И. Дмитриев, Карамзин и князья Оболенские вечера проводят у князя Андрея Петровича Вяземского; Ю. А. Нелединский и Обресков тоже там. Всеволожские, Мятлев и Давыдовы у графа А. Г. Орлова. Непременно что-нибудь да знают или вскоре узнать должны.

А между тем жизнь частных людей идет своим чередом:

...die ewige Natur
Geht kalt in ihre alte Gleise [2],— и
Буйные страсти кипят и бушуют в сердцах земнородных.

Вот в соседстве нашем случилось недавно происшествие, драма или роман — как угодно,— которое стоит рассказа. Молодой, достаточный помещик Зубарев влюбился в воспитанницу тетки своей, Софью Ивановну Благову (имена и фамилии невыдуманные), девушку бедную, но пригожую и получившую очень хорошее светское образование, и, уверенный в взаимной склонности, решился на ней жениться. Перед свадьбой старуха говорила племяннику: «Жениться вам я не препятствовала, но, повторяю, смотри в оба: девушка

---

[1] Знатные люди (*франц.*).
[2] ...вечная природа равнодушно шествует своим обычным путем (*нем.*).

умная, но скрытная и без намерения и расчета шагу не ступит. Ты добросердечен, доверчив, самонадеян и нехорош собою — берегись!» Такое предостережение для влюбленного — то же, что шелест листьев на кустарнике: мигом забыто. Свадьба состоялась, и молодые жили около четырех лет душа в душу, прижили двух ребятишек и прожили бы век свой спокойно и счастливо, если б горничной Таньке не вздумалось выйти замуж за повара Сергея, принадлежавшего сенатору Мясоедову. Вот Танька и говорит барыне: «Позвольте мне выйти замуж».— «Что ж, выходи, милая, мы дадим тебе приданое».— «Приданое приданым, но прежде надобно жениха выкупить на волю».— «И на это согласна, только у меня денег нет, а муж едва ли на это согласится».— «Знаю, сударыня, да вы можете сказать Петру Андреичу». Барыня вспыхнула, однако ж, подумав немного, отвечала: «Хорошо, я скажу Петру Андреичу».

Петр Андреевич Мошин был молодой, хорошо воспитанный человек, красивой наружности, знакомый Софье Ивановне еще до ее замужества, а после — закадычный друг ее мужа, его советник, его оракул, его душа — словом, другой он сам. Петр Андреевич прежде не имел решительно никакого состояния, но года за полтора до происшествия, о котором идет речь, получил в наследство около сотни душ и тысяч с восемь рублей денег, жил чрезвычайно скромно, никуда не ездил, не хотел иметь никаких знакомств и довольствовался одним развлечением бывать у Зубаревых, с которыми проводил все свое время. Когда Зубарев отлучался куда-нибудь из Москвы по хозяйственным делам своим, он поручал попечению Мошина жену, детей и весь дом свой, которые обыкновенно называл своею вселенною.

Между тем повар Сергей, при деятельном пособии проворной горничной, откупился на волю, заплатив за себя более трех тысяч рублей, и женился на Таньке, которой дали хорошее приданое. Но свободному человеку нужно занятие, а какое может быть лучше занятие для повара, как не завести трактир и не записаться для этого в купцы? И вот Танька опять, пользуясь милостью бывшей госпожи своей, просит о записке мужа в купцы и о ссуде его несколькими тысячами на обзаведение трактира. «Да у меня, милая, право,

денег нет»,— говорит ей Софья Ивановна. «И, сударыня,— отвечает Танька,— вам стоит вымолвить одно слово Петру Андреичу». Барыня горько заплакала, но, подумав, опять сказала: «Хорошо, я скажу Петру Андреичу».

И вот московским купцом Сергеем Ивановым открывается на Солянке съестной трактир город Данциг. В этом трактире с раннего утра по поздней ночи едят и пьют, поют и пляшут, и все дело ведется приказчиком, лихим парнем, который заведует всеми приходами и расходами, а хозяин с хозяюшкою только что приказывают, живут себе барами, нежатся в постели часов до 9, принимают гостей, новых знакомых, распивают с ними чай и кофе, кушают цыплят и телятинку и блаженствуют, как наши праотцы в раю.

Однако ж месяца через три трактирщику приходит плохо: вместо гостей квартира наполняется заимодавцами — одному отдай за сахар и чай, другому за мясные припасы, третьему за дрова и проч. Выручка есть, да расходы вдвое. Итог: тысячи три убытку. Ступай, Танька, опять к Софье Ивановне!

На этот раз сколько ни уговаривала Танька бывшую свою барыню напомнить о ней Петру Андреичу, но Софья Ивановна предпочла отдать ей половину своего гардероба, шаль, часы, цепочки, то есть все, без чего порядочная женщина может только обойтись, не обнаруживая своего недостатка, чем беспокоить Петра Андреича.

Но все эти пожертвования принесли мало пользы и не пособили делу. Некоторые вещи проданы за бесценок, а шаль, часы и цепочки украсили Таньку и ее супруга. Да и как содержателю трактира быть без часов, а жене его без турецкой шали?

И вот Танька, в несколько приемов обобравшая кругом Софью Ивановну и видя, что она не хочет более напоминать о ней Петру Андреичу, отправилась к нему сама и, вооружившись всем бесстыдством, к какому только была способна и которое усовершенствовала в продолжение трактирной своей жизни, выманила постепенно у бедного Мошина все деньжонки, бывшие у него налицо, и, сверх того, он принужден был заложить именьице свое в опекунский совет и полученную за него небольшую сумму также отдать в удовлетворение ненасытной жадности трактирной четы.

Однажды, когда Мошин, истощив все свои средства, принужден был невольно отказать в деньгах Таньке, озлобленная тварь, побледнев, бросилась вон из комнаты, хлопнув дверью и пробормотав: «Ну, так вспомните ж меня!»

На другой день несколько писем Софьи Ивановны к Мошину было в руках Зубарева, а сам он, разбитый параличом, лежал без чувств на диване. В этом положении застал его близкий ему родственник и добрый наш сосед И. И. Затрапезный, за которым посылали. Вскоре приехала и старуха-тетка; но Затрапезный, во избежание соблазна, успел до приезда ее высвободить письма из рук Зубарева и оставил их у себя до времени.

Из этих писем, которые переносила Танька, бывшая единственною поверенною любовников с самого начала преступной их связи, и которые она, вероятно, затаила или украла, обнаруживается, что Софья Ивановна еще до замужества своего имела тайные свидания с Мошиным, что первый ребенок был плодом их любви и что она вышла замуж за Зубарева единственно для того, чтоб скрыть свое бесчестье и иметь какое-нибудь положение в свете, потому что Мошин жениться на ней не мог, ибо решительно не имел тогда никакого состояния, и что вследствие этого намерения она завлекла Зубарева и, видя его привязанность, торопила свадьбою. Некоторые другие подробности слишком отвратительны, чтоб о них рассказывать. Мошин совершенно потерялся, да и есть отчего, а Софья Ивановна...

У Мартына-исповедника во время ранних обеден ежедневно можно встретить молодую женщину, стоящую в углу придела на коленях и обливающуюся слезами со всеми признаками отчаяния. Она молится об исцелении полумертвого мужа и, вероятно, об отпущении собственных ее грехов.

Все люди, все человеки, говорит наш добрый, снисходительный отец Иоанн. Что делать! В свое время все омоется банею покаяния. А к Мошину очень применить можно четыре стиха из бесподобного послания Буринского:

Вот до чего доводят страсти,
И вот как низко ты упал,
Что подчинен лакеев власти
И вдруг краснеть пред другом стал!

29 ноября,
среда.

Ездили с Невзоровым к Карцеву, у которого я так долго не был. Он недомогает и был нам искренно рад. Застали у него князя Гундорова. Этот князь, толстый, громогласный человек, считается одним из лучших наездников на рысаках и за эту способность находится в большом почете у охотников и в милости у графа Орлова; он также известен неугомонностью своего аппетита, которому, однако ж, не всегда расположена служить его натура, несмотря на свою солидность: случается под конец обеда или ужина, что, наложив себе верхом тарелку какого-нибудь кушанья и приготовясь наслаждаться им, он вдруг с глубоким вздохом оттолкнет его от себя с досадою, примолвив: не могу! Невзоров преуморительно передает это отчаянное движение Гундорова.

Карцев читал нам кой-какие стихи и, между прочим, один стихотворный рассказ под заглавием «Цыган», который тут же и дозволил мне списать. Рассказ несколько растянут, но язык хорош и даже лучше многих нынешних пресловутых писателей. Мне кажется, что Карцев метил на какое-нибудь лицо, хотя и не признается в том.

Цыган

(Пословица)

Цыган, барышник лошадиной,
Мужик догадливый, да храбрости гусиной,
Купаяся, попал в водоворот
И стал тонуть; кричит и вопит: «Гей, ребята!
Спасите! Кто спасет, тому уж будет плата:
Отдам последнее — топор отдам!» Народ,
Как водится у нас, ни с места, лишь глазеет:
Народ, вишь, плавать не умеет,
Зато пересужать других собаку съел:
— Зачем попал в реку? Не черт носил купаться!
Знай дома бы сидел, пострел,
Стерег табун да лапти плел,
Так нет, туда ж в реке задумал полоскаться!
По счастью, кум Семен шел мимо, слышит крик.
Бултых в реку, давай барахтаться с волнами
(Он парень ловкий был, не только что с реками —
Он был знаком с морями)
И вытащил утопленника вмиг;
А тот без памяти; однако же очнулся,

Вздохнул,
Зевнул,
Чихнул,
И потянулся,
Затем как встрепанный вскочил
И норовит домой, забывши о посуле:
Он домоседничать любил.
Меж тем Семен стоял на карауле
И куманька остановил.
— Послушай, говорит, и не ворочай рыла;
Ты, кажется, тому сулил топор,
Кто вытащит тебя скорее из бучила!
— Топор? какой топор? Ну, это что за вздор?
— Как вздор! Все слышали. Хоть я с тобой и дружен,
Однако же, признаться мне
Теперь топорик очень нужен.
— Тебе топор? на что? Да в вашей стороне
Им делать нечего; к тому ж ты недосужен.
— Досужен я иль нет — мне следует топор:
Я вытащил тебя. Отдай! к чему тут спор?
— Уж полно, ты ль тащил? Кажися мне, Петруха,
А впрочем, ты иль он — в том нет большой нужды.
Уж коли сделалась с товарищем проруха,
По христианству, должен ты
Его избавить от беды:
Так, слышь ты, писано; к тому ж, признаться,
Куда не хочется мне с топором расстаться!
— Давно б ты напрямки сказал,
Чем проповеди петь, дружище,—
Ему Семен без сердца отвечал:
— Ну, жалко топора, отдай хоть топорище,
Оно и все-то грош, а я его искал...
— Вот это дело, кум, и не одно, а пару
Добуду я тебе, лишь бы господь привел
Мне побывать в лесу, а там бы я нашел,
Хоть бы пришлось таскаться до угару.
Да что! тут нечего напрасно тратить слов,
Уж просто куму верь! — сказал — и был таков.
Недаром говорят:
Как тонут, так топор сулят
И отказать ни в чем не смеют;
А вытащи — попятятся назад
И топорища пожалеют!

На днях, кажется 2 декабря, в круглой зале Зарубина, у Никитских ворот, дает концерт скрипач Бальо, соперник знаменитого Роде, который два года назад обворожил всю Москву волшебным (как тогда говорили) смычком своим. Теперь мнения разделились, и некоторые знатоки отдают преимущество Бальо, в игре которого находят более беглости, силы и энергии, но Всеволожские, Мосоловы и другие дилетанты одного с ними круга утверждают, что хотя Бальо точно отличный скри-

пач и одарен необыкновенною силою, но что Роде превосходит его чистотою, нежностью и певучестью игры. «Так играет,— говорят они,— что невольно плачешь, сердце выскочить хочет и не слышишь земли под собою». Вот как! Но я слышал, что то же говорили и даже писали о Жарновике и помешанном Дице. Чему верить? Мне кажется, что нет лучше того, что нравится, а нравится сегодня одно, завтра другое. Бедные мы люди и бедный я студент!

Непостоянство — доля смертных,
В пременах вкуса — счастье их!

Мало того что Державин великий поэт, он и великий мудрец; а Н. И. Кондратьев, губернский секретарь, пишет на него кабачные стихи! Вот поди ты с ним!

30 ноября,
четверг.

Москва не в плену, однако же:

...Москва уныла
Как мрачная осення ночь!

Ни одни стихи так не были кстати и не выражали лучше настоящего состояния Москвы, как эти стихи нашего Дмитриева. Получено известие, что 20 числа мы претерпели жестокое поражение под Аустерлицем. Подробностей никаких еще не знают, по крайней мере не знаем мы, только эта роковая весть вдруг огласила всю Москву, как звук первого удара в большой ивановский колокол. Я не видел никого из знатных, но много незнатных разного рода людей приходило и приезжало к нам с вопросами: «Не знаете ли чего?» Завтра поеду и я с таким же вопросом по своим знакомым и, вероятно, также ничего достоверного не узнаю.

Мы не привыкли не только к большим поражениям, но даже и к неудачным стычкам, и вот отчего потеря сражения для нас должна быть чувствительнее, чем для других государств, которые не так избалованы, как мы, непрерывным рядом побед в продолжение полувека. Очень, очень хочется знать в подробности о всех обстоятельствах, тем более что знакомые подстрекают своим любопытством. Один мой охранитель-гений, Петр Иванович, корпит над своим «Гением»,

почти не принимая участия в происшествиях политических, да и мне советует не слишком заниматься ими. «Уж поверь, любезный,— говорит он,— что государь знает лучше нас с тобой, что для чего делается, и если нас потрепали, то видно, что так надобно». Может быть, и правда, но правда и то, что из его «Гения» ничего не выйдет. Он мне кой-что из него читал: грустно сказать, но совершенно пустой набор слов.

Сегодня в городе много именинников и все людей знатных и почетных: князь Оболенский, Колокольцов, сосед наш богач Баташев и проч., только вряд ли у кого именины будут веселые: у всякого в сражении был кто-нибудь из ближних, или дети, или родственники, о судьбе которых еще ничего не известно. Вот у нашего Андрея Анисимовича Сокольского родных в походе, слава богу, никого нет, а все безопасно поют на клиросах, и потому пирушка его будет не совсем скучна. Поедем к доброму имениннику!

2 декабря,
суббота.

Известия из армии становятся мало-помалу определительнее, и пасмурные физиономии именитых москвичей проясняются. Старички, которые руководствуют общим мнением, пораздумали, что нельзя же, чтоб мы всегда имели одни только удачи. Недаром есть поговорка: «лепя, лепя и облепишься», а мы лепим больше сорока лет и, кажется, столько налепили, что Россия почти вдвое больше стала. Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас не на одного Бонапарте, как говорят некоторые бородачи-купцы, и не сегодня, так завтра подавится, окаянный. Впрочем, слышно, что потеряли не столько мы, сколько немцы, которые будто бы яшася бегу тогда, как мы грудью их отстаивали.

3 декабря,
воскресенье.

Всюду толкуют о подвигах князя Багратиона, который мужеством своим спас арьергард и всю армию.

Я сегодня воспользовался воскресеньем и объездил почти всех знакомых, важных и неважных, и у всех только и слышал что о Багратионе. Сказывали, что генерал Кутузов доносит о нем в необыкновенно сильных выражениях. Кажется, что мы разбиты и принуждены были ретироваться по милости наших союзников, но там, где действовали одни, и в самой ретираде войска наши оказали чудеса храбрости. Так и должно быть.

Удивительное дело! Три дня назад мы все ходили как полумертвые и вдруг перешли в такой кураж, что боже упаси! сами не свои, и черт нам не брат. В Английском клубе выпито вчера вечером больше ста бутылок шампанского, несмотря на то что из трех рублей оно сделалось 3 р. 50 к. и вообще все вина стали дороже.

Войскам нашим велено возвратиться, и государь скоро будет в Петербург.

А между тем, пока мы деремся с заграничными французами, здешние французы ломают разные комедии и потешают Москву как ни в чем не бывало. Никогда французский театр не видал у себя столько посетителей, сколько съехалось в сегодняшний бенефис мадам Сериньи и мсье Роз. Правда, что театр невелик, но зато был набит битком; давали трехактную комедию «Les Conjectures ou le Faiseur des nouvelles». Эта пьеса как будто нарочно сочинена для настоящей эпохи и представляет довольно верно непобедимую страсть нашего общества к новостям, разным заключениям и пересудам (чтоб не сказать сплетням). Она разыграна была удачно, с большим ансамблем.

5 декабря, вторник.

Рассказывают пропасть анекдотов об удальстве наших солдат в продолжение трехдневной баталии. Между прочим, на одного гренадера фанагорийского полка напали четыре француза и закричали: пардон, то есть сдавайся! Но он выстрелом убил одного, другого повалил прикладом, третьего приколол штыком, а четвертый бежал. Государь приказал представить себе храбреца.

«О чем вы задумались? — шутя спросил я сегодня Петра Ивановича,— кажется, с «Гением» уладили, девицам Скульским стихотворения их исправили, графиням Гудович просодию объяснили и с барышней Баташёвой склонения и спряжения кончили: день ваш наполнен, о чем же думать?» — «А вот, любезный, о чем я думаю,— пресерьезно отвечал мне Петр Иванович,— у какого Николы завтра слушать обедню? У Никола явленного, у Николы дербенского, у Николы-большой-крест, у Николы-красный-звон, у Николы-на-щепах, у Николы-в-столпах, у Николы-в-кошелях, у Николы-в-драчах, у Николы-в-воробине, аль у Николы-на-болвановке, у Николы-в-котелках, или у Николы-в-хамовниках? Ко всем не поспеешь, а поехать к одному, так чтоб другие причты не обиделись: все приглашали на храмовый праздник и угощение».

Вот подлинно душа-то ангельская!

Я так завтра отправлюсь к Николе-на-курьих-ножках: там у Лобковых три праздника: приходский, именины сына и рождение насмешницы ma tante, которой, по уверению отца, минет 19 лет, хотя мать считает ей только 17. Но сколько бы ни было, она точно мила; со временем насмешливость исчезнет, потому что с летами, говорят, чувствуют больше нужды в людях, а веселость и остроумие останутся. Я поеду поздравить ее и повезу ей букет, разумеется стихотворный, или, лучше, смехотворный.

7 декабря,
четверг.

Вчерашний день прошел весело, несмотря на то что мое самолюбие очень страдало. Как быть! Не всякое лыко в строку.

Видел приезжего из Петербурга г. Стратиновича, человека средних лет, с умной физиономией, очень плешивого и очень серьезного. Он служит цензором, говорит как книга, прехладнокровно рассказывает пресмешные вещи и, по-видимому, в связи со многими знатными людьми. Много толковал о графе Головкине, которого признает одним из остроумнейших и образованнейших людей в России, и выхвалял его дипломатические способности, которые были причиною назначения его послом в Китай.

Между прочим, Стратинович, описывая некоторые черты характера графа Головкина, рассказывал, что он не может равнодушно слышать трех русских пословиц: 1) «Все божье да царское», 2) «Хоть не рад, да готов» и 3) «Без вины виноват»; а насчет наших дельцов, или почитаемых такими, отзывается, что все они состоят из людей, которые хотят и не умеют, или умеют и не хотят, или не хотят и не умеют; но что таких, которые бы хотели и умели, он еще не встречал. Любопытно его замечание насчет некоторых особ известного круга. «Они,— утверждает граф Головкин,— при всех добрых своих качествах, имеют такие недостатки, которые уничтожают эти качества; например, много говорят и мало знают; много проживают и мало имеют доходов; много о себе думают, а мало значат». Стратинович прибавил, что все замечания графа заключают в себе какую-то тройственность.

В театре давали оперу «Глупость, или Тщетная предосторожность» — плохой перевод с французского. Эта опера, которая шла как нельзя хуже, называется в оригинале «Une Folie». Кто же видал называть «Folie» глупостью? Содержание пьесы — шалость молодых любовников, и так бы должно назвать ее. Приезжие из Петербурга рассказывают чудеса об игре и пении в этой опере французской актрисы Philis Andrieux, которая производит необыкновенный восторг, о каком здесь и понятия не имеют.

10 декабря,
воскресенье.

Все наши власти и знать в великой ажитации по случаю послезавтрашнего дня. У главнокомандующего огромный обед, а вечером нарядный бал в дворянском собрании. На Кузнецком мосту точно гулянье: в магазинах толпа, а у мадам Обер-Шальме такой приезд, что весь переулок заставлен каретами. Записным танцовщикам нашим Валуеву, Козлову, Демидову с товарищи много предстоит работы; сколько им будет упрашиваний от маменек, тетушек и бабушек, чтоб не обошли их дочек, племянниц и внучек! Этим господам теперь лафа: в городе нет ни гвардейцев,

ни армейцев; есть несколько гарнизонных, отживших свое время офицеров, но кто же из наших барышень решится танцевать с такими кавалерами?

5 числа уехал в Петербург молодой наш ученый Двигубский, недавно с таким отличием возвратившийся из чужих краев,— человек очень умный и ловкий. Он будет здесь профессором. Это новый дар М. Н. Муравьева и новое доказательство его попечений об университете.

Ф. И. Евреинов сказывал, что несколько московских хватов, и в том числе Черемисинов, Зотов и Крюков, вытребованы были к главнокомандующему на головомытье за какую-то болтовню. Думали, что расправа с ними будет, по-прежнему, потаенная, но вышло напротив: Александр Андреевич приказал представить их к себе в приемный день, когда соберется больше публики, да при всех отщелкал их по-свойски, так, что они сгорели от стыда и не знали куда деваться. «Ах вы, негодные мальчишки! служили без году неделю, да туда же суетесь судить и рядить о политике и критиковать поступки таких особ! Знаете ли, что вас, как школьников, следовало бы выпороть хорошенько розгами? И вы еще называетесь дворянами и благородными людьми — беспутные! какие вы, к черту, благородные люди! так, шавель, сущая дрянь!»

Евреинов говорит, что начальник рассердился больше на то, что эта непростительная болтовня происходила в троицком трактире, при большом стечении купцов и простого народа, который с неудовольствием слушал ее, и что из этого мог бы произойти какой-нибудь гвалт, неравно гибельный для самих болтунов; иначе он бы пренебрег этим, зная, что сам государь пренебрегает подобными россказнями и не желает, чтоб их преследовали.

12 декабря,
вторник.

Между тем как наши знатные москвичи праздновали рождение государя и благополучное возвращение его из армии, сперва на большом обеде у начальника столицы, а после на бале в дворянском собрании, незнатный студент праздновал «сей нареченный и святой

день» дома, с несколькими добрыми знакомцами. У нас обедали неизменный Максим Иванович и любезный дедушка. У одного в голове журнал «Друг юношества»; другой до смерти сердит на всех актеров и особенно на актрис. Говорит: «Горничные, сударь, настоящие горничные: никакого священного огня в груди не имеют». Пресмешной! хочет найти священный огонь в груди у Баранчеевой.

Говоря о священном огне, я, к стыду моему, должен признаться, что он и в моей груди погасает: решительно учиться не могу и с нового года прощусь с университетом. Не знаю, тотчас ли поеду в Петербург: это будет зависеть от воли моих домашних; но только наука не лезет мне в голову. Петр Иванович говорит, что это пройдет и что я нахожусь в каком-то переходном состоянии. Я не понимаю этого выражения, но чувствую, что обманывать себя глупо, а других — грешно, и нечего тратить время по-пустому. Невеждою не останусь, а полуневеждою быть — куда ни шло!

Антонский призывал меня и спрашивал: приготовил ли я стихи для акта? Я отвечал, что нет и что написать ничего не могу. «Ну, так и тебе-та ничего не будет-та,— сказал он, серьезно рассердившись,— и ленишься-та и балахрысничаешь-та». Я возразил, что, по уверению Петра Ивановича, я нахожусь в переходном состоянии и потому я не виноват; к тому же он сам написал прекрасную пьесу «Гений», и мне с ним, как со старшим, входить в соперничество непристойно, тем более что мы живем вместе.

Доброжелатель мой засмеялся, et le voilà désarmé [1].

13 декабря,
среда.

Все это время дни мои так же пусты, как и моя голова. Готовимся к акту, а чтоб не совсем огорчить Антонского, который постоянно ко мне так благосклонен, хотя и нередко журит меня, я решился потешить его и написал немецкую речь о пользе изучения иностранных языков, которую де Санглен находит очень хорошею и не требующею многих поправок: «Hoch-

---

[1] И вот он обезоружен (*франц.*).

zuverehrende Versammlung! In unsere Zeiten ist das Studium der lebenden Sprachen ein nothwendiges und wesentliches Stück einer guten Erziehung»[1] и проч. и проч.

Напротив, Тургеневы, воспитанники Лемана и записные немцы, говорят, что это просто какая-то жижа, которую даже и водою назвать нельзя, но что, впрочем, я смело могу читать ее, потому что, кроме их, никто меня не поймет (довольно самолюбиво!). Де Санглен гладит меня по головке, вероятно потому, что мы часто видаемся с ним на вечерах у Катерины Александровны Муромцевой, где я бываю постоянным свидетелем его любезничанья. И в самом деле, он человек хорошего тона и очень веселый в обществе: великий затейник на всякие игры и умеет занять молодых дам и девиц. Все его любят, и все ему рады. Я не видывал человека, который бы так ловко соединял педагогику с общежитием.

В воскресенье открытие нового театра в доме Пашкова на Моховой. Дают «Прекрасную Арсену»: разумеется, прекрасною Арсеною будет Сандунова, а монстром — Прусаков. Постараюсь попасть в этот спектакль, благо свободный день.

18 декабря,
понедельник.

Я слышал вчера, что Петербург встретил государя с таким восторгом, какому не бывало примера. Последствием этой встречи был рескрипт петербургскому главнокомандующему, с которого списки ходят уже здесь по рукам; он скоро должен появиться и в газетах, но покамест еще не напечатан и не дошел до нас. Вот некоторые из него подлинные фразы, достопамятные по чувству и выражению. Государь, поручая главнокомандующему повторить жителям Петербурга признательность его, между прочим, изволит изъясняться так: «Любовь любезного мне народа есть моя лучшая награда и единый предмет всех моих желаний».

---

[1] «Высокоуважаемое собрание! В наше время изучение живых языков есть необходимая и существенная часть хорошего воспитания» (*нем.*).

Наши москвичи, и особенно стихотворцы, в порывах своего усердия и преданности к государю, обыкновенно называют его Титом, Марком Аврелием, Антонином и проч., потому что не могут ступить шагу без древних громких имен, но я спрашиваю: справедливо ли нашего благочестивого батюшку-царя сравнивать с римскими нехристианскими владыками? Те кесари любили триумфы, любили лесть и обожание, а наш император отказывается даже и от тех почестей, которые принадлежат, независимо от сана, его личным заслугам, и вот тому разительный пример. В день рождения государя кавалерская дума поднесла ему, чрез депутатов своих, князей Прозоровского и Куракина, орден св. Георгия 1-й степени, но государь, не приняв его, приказал сказать думе, что «он благодарит ее за внимание к таким деяниям его, которые он почитает своею обязанностью, но что знаки 1-й степени ордена св. Георгия должны быть наградою за распоряжения начальственные; что он не командовал, а храброе войско свое привел на помощь своего союзника, который всеми оного действиями распоряжал по собственным своим соображениям, и что потому не думает он, чтоб все то, что он в сем случае сделал, могло доставить ему сие отличие; что во всех подвигах своих разделял он только неустрашимость своих войск и ни в какой опасности себя от них не отделял и что сколько ни лестно для него изъявленное кавалерской думой желание, но, имев еще единственный случай оказать личную свою храбрость и в доказательство, сколь уважает он военный орден, находит теперь приличным принять только знак 4-й степени».

Стоит только прочитать этот отзыв государя, чтоб вполне почувствовать блаженство быть его подданным и жить под его державою. Князь Одоевский, который вменяет себе в честь, славу и обязанность прежде всех получать все известия — на что употребляет важные суммы — первый распустил этот отзыв государя думе по городу, приказав в своей домашней конторе переписать его в большом количестве экземпляров, и раздал их своим знакомым. Предрагоценный человек этот князь! даром что под векселями и другими деловыми бумагами не иначе подписывается, как действительным камергером и старшиною российского благородного собрания.

Нам сказывали по секрету, что Александр Андреевич также ожидал рескрипта, но, не получив его, очень прикручинился и даже не скрывает своей грусти; говорит, что он бы желал получить доказательство государева внимания не для себя собственно, потому что он век свой отжил, но для Москвы, которой усердие и любовь к государю проявились во всем блеске во время отсутствия его из России.

Новый театр в доме Пашкова ни хорош, ни дурен, а так, ни то ни се. Сделан из манежа и узок не по длине. «Прекрасная Арсена» в том виде, как ее представляют, вовсе не прекрасна. Во время представления я узнал, что товарищ наш, Морозов, без памяти влюблен в Сандунову и ходит потихоньку в театр всякий раз, как она играет. Сегодня мы отрыли у него целую кипу посланий, мадригалов и сонетов к знаменитой актрисе, и все это в прозе. Ну кто видал писать мадригалы и сонеты в прозе? Преоригинальная мысль! Впрочем,

Amis, respectons ses amours
Pour qu'il respecte aussi les nôtres [1].

20 декабря, среда

Завтра экзамен, послезавтра акт, и затем прощайте навсегда пансион и университет! Около трех лет назад я только и бредил, что об университете, и еще в начале нынешнего года думал не оставить его иначе, как с званием кандидата, а может быть, и магистра, а теперь бегу из него без оглядки простым недоучившимся студентом, бегу, не зная сам куда. Видно, по выражению Жуковского, таков человек:

Игралище сует, волнуемый страстями,
Как ярым вихрем лист; ужасный жребий твой:
Бороться с горестьми, болезньми и собой!

Не без сердечного, однако ж, сожаления оставлю многих моих доброхотов и пособников и никогда не забуду их забот и попечений обо мне. Да и как забыть умного, положительного Страхова, ученого, красно-

---

[1] Друзья, уважим его любовные увлечения, чтобы и он уважил наши (*франц.*).

речивого и добродушного Сохацкого, гениального Мерзлякова и даже самого кропотуна Антонского, превосходного наставника и в некоторых отношениях доброго человека, хотя и плохого профессора! Не говоря уже о Петре Ивановиче, с которым еще не так-то скоро расстанусь и который был мне другом и братом и, несмотря на свое педантство, один из превосходнейших людей на свете по качествам сердца и образу мыслей. Не забуду и тебя, милый, беспечный мой Буринский, будущее светило нашей литературы, поэт чувством, поэт взглядом на предметы, поэт оборотами мыслей и выражений и образом жизни — словом, поэт по призванию! Не забуду тебя, скромный обитатель бедной кельи незабвенного нашего поэта Кострова, которого наследовал ты талант, но не наследовал его слабостей.

23 декабря,
суббота.

Экзамены кончились благополучно, и акт прошел как следует, то есть как проходил он двадцать лет назад и проходить будет опять через двадцать лет. Спрашивали известное, отвечали заученное, представляли судебное действие Горюшкина, в котором нет никакого действия; любовались рисунками, рисованными учителем Синявским под видом поправок; играли на клавикордах те же пьесы, которые играли прошлого года и будут играть в будущем году все те же братья Лизогубы; танцевали тот же балет с гирляндами, которым старик Морелли угощает посетителей ежегодно в продолжение почти четверти века; читали «Благость» Мерзлякова, «Гения» Петра Ивановича, «Гимн истине» Грамматина с поправками Жуковского, очень несчастное «Счастие» Соковнина, «Французский диалог» вроде разговора: comment vous portez vous? — très bien, monsieur [1]. Провозгласил и я немецкую речь Hochzuverehrende Versammlung, которую подсказывал мне приехавший в отпуск Александр Тургенев и которой никто не слушал,— словом, все прошло как нельзя лучше. Столичное начальство делало комплименты Антонскому, а он передавал их учителям и некоторым воспитанникам. Все доволь-

[1] Как вы поживаете? — очень хорошо (*франц.*).

ны, но более всех доволен я, потому что все это кончилось.

Однако ж как теперь, на свободе, пораздумаешь, что это значит: мы, действительные студенты, ездим на лекции в университет, а принадлежим еще начальству пансионскому? Согласен, что те, которые живут в пансионе, обязаны считаться от него зависящими, но я и некоторые другие вступили в пансион полупансионерами и никогда в нем не жили: почему ж мы принадлежим пансиону? Вот этого никто не хотел или не умел мне растолковать! А что-то неладно.

Завтра отдых. Постараюсь выспаться хорошенько, чтобы как можно бодрее встретить праздник. Для меня одной рождественской заутрени мало: поеду прежде в Успенский собор, а там поищу, не будет ли где другой и третьей попозже. Готов бы их прослушать хоть десять, лишь бы послужили ноги. Что это за прелесть такая! Этот громкий, торжественный, всепотрясающий клик пророка: с нами бог! этот канон, составленный из таких чудных песен Дамаскина, как, например, жезл из корене Иессеова и проч., эти богородичны и синаксари, право, кажется, что, исключая пасхальной, превосходнее рождественской службы ничего не было и нет. По крайней мере для меня она есть самое высокое и утешительное наслаждение и переносит меня в эпоху моего детства, когда, бывало, я, непременный чтец покойной бабки, прочитав великое повечерие, корифеем восклицал: «с нами бог!» — а за мною уже двухорный клир певчих провозглашал громогласно: «Разумейте, языцы» и проч. Итак, до времени все мирское в сторону.

26 декабря,
вторник.

Все праздничные обязанности мои выполнил я исправно, и совесть моя покойна. У одних был с поздравлением, у других с благодарностью, а к иным заезжал по влечению сердца. У последних оставался долее. Зато как и устал!

Слышал, что градоначальник наконец получил рескрипт и что он очень доволен. Эту медленность приписывают тому, что государю угодно было обрадовать Москву и ее начальника в самый день праздника. Завт-

ра узнаю о содержании рескрипта и о прочем в подробности, а теперь, покамест,

Неодолимый клонит сон.
Спешу в объятия к Морфею:
Пусть мне представит в грезах он
Ту благодетельную фею,
Кому судьбой я обречен,
С кем я соединюсь душею,
С кем буду сердцем обручен!

Что ж! стихи как стихи и не хуже виршей князя Шаликова с товарищи, даром что писаны на сон грядущий, а говорят, что их писать мудрено. Пустяки!

28 декабря, четверг.

Весь рескрипт градоначальнику состоит из необыкновенно сильных и милостивых выражений. Ждали долго, но зато ожидание вознаграждено сторицею. Вот что, между прочим, изволит писать государь:

«Любовь народа составляет для меня единственный предмет, начало и конец всех моих действий и желаний. Я поручаю вам снова удостоверить обывателей московской столицы в совершенной признательности моей к толь приятному для меня их расположению. Удостоверьте их, что покой и счастие народа, мне любезного, считаю я драгоценнейшим залогом, от провидения мне врученным, и важнейшею обязанностью моей жизни».

Я думаю, что едва ли когда-нибудь Москва осчастливлена была подобным изъявлением монаршего к ней благоволения. Вот бы ей случай поусердствовать и ознаменовать радость свою чем-нибудь непреходящим: что бы стоило воздвигнуть монумент или какое-нибудь другое красивое здание, на котором бы и начертать, в память родам грядущим, незабвенные слова: «Любовь народа составляет для меня единственный предмет, начало и конец всех моих действий и желаний!» В этих словах весь Александр I. Не поверишь, как хочется в Петербург! как нетерпеливо желается взглянуть на государя — душу матушки святой Руси!

По случаю этого рескрипта все наши записные стихотворцы приударили в перья. И граф Хвостов, и Кутузов и прочие, чиновные и нечиновные, корпят над вир-

шами и говорят, что не далее как завтра постигнет нас настоящее стиховное наводнение. Но я думаю, что никто ничего путного не напишет, потому что Державина здесь нет, Дмитриев од не пишет, Херасков дряхл, возлюбленный Мерзляков без заказа начальства на торжественный случай писать не решится, а для других предмет слишком недоступен, и все их вирши могут состоять из одного набора громких слов и казенных рифм.

29 декабря,
пятница.

Вот что рассказывают: вскоре по возвращении государя, с.-петербургскому главнокомандующему подали или подложили безымянное письмо с эпиграфом: «now or never» [1], в котором заключались очень здравые мысли, благонамеренные суждения и множество дельных замечаний о настоящей политике нашего кабинета и об отношениях наших к другим европейским державам. Между прочим, неизвестный сочинитель письма изложил также мнение, что, несмотря на победы Бонапарте, не должно оставлять его в покое и давать ему усиливаться, а, напротив, беспрерывно воевать с ним и тревожить его, хотя бы то было с некоторыми потерями; что настоящее время есть самое удобнейшее для того, чтоб соединенными силами иметь над ним поверхность, и что если это время будет упущено, то с ним после не сладишь: now or never.

Генерал Вязмитинов, получив это письмо, представил его государю, который не токмо не прогневался на смелость сочинителя письма, но пожелал даже узнать его и потому приказал обвестить чрез полицию с.-петербургских жителей и вместе публиковать в газетах, чтоб тот, кто обронил бумагу с надписью «now or never», явился к нему, генералу Вязмитинову, без всякого опасения. Премудро и премилосердно! Полагают, что это письмо сочинял какой-нибудь иностранец, потому что некоторые выражения не совсем-то русские.

Сегодня спектакль в пользу актеров и актрис г. Столыпина. Дают «Прекрасную Арсену», а скрипач Элуа

[1] Теперь или никогда (*англ.*).

играет концерт на скрипке. Поехал бы, если б давали не «Арсену». Впрочем, и лучше: отправлюсь с братом Иваном Петровичем Поливановым к Робертсону в фантасмагорию и кинетозографию: ничего этого я еще не видал.

Любезные мои немцы и немки пеняют мне, что я давно у них не был и они не видали меня в третьей части «Русалки», которую третьего дня давали в первый раз. Они думают, что возвышенные цены были тому причиною, и уверяли меня, что я всегда имею свободный вход в театр без всякой платы. Взяли с меня слово, что непременно приеду к ним под новый год в маскарад. Это добродушное их объяснение и приглашение заставило краснеть меня и будет стоить мне недешево.

О самолюбие! ты наших дней отрава.

Штейнсберг болен, и болен опасно, между тем ему не дают покоя. Боюсь, чтоб мы не лишились его: Штейнсберга никто не заменит. Какой актер и какой человек! В последнем отношении если кто наиболее приближается к нему по качеству ума, так это разве трансцендентальный пастор Гейдеке.

30 декабря, суббота.

Представление Робертсона началось кинетозографиею; это крошечный театр, состоящий из нескольких перемен разных видов: то перед вами Зимний дворец с огромною площадью, то Академия художеств с широкою рекою, то селение с церковью и почтовою станциею, то прозрачное озеро с раскинувшимися по берегам его рощами и проч. Но как все это сделано! как освещено и как оживлено! По площади разъезжают разные экипажи, скачут верхами офицеры, идут пешеходы: кто бежит, а кто идет тихо, едва передвигая ноги; по набережной гуляют кавалеры и дамы, встречаются друг с другом, снимают шляпы, кланяются и делают ручкой; вот скачет почтовая тройка и останавливается у станции: выходят ямщики, осматривают повозку и проч.; по озеру плавают лодки, одни на парусах, другие управляются гребцами, а третьи стоят на месте и с них рыболовы удят рыбу; между тем по небу ходят прозрачные

облака, ветерок качает деревцами; наконец, смеркается, и из-за горизонта выплывает полная луна — словом, прелесть! Умники говорят, что это хорошо для детей. Согласен; да все-таки хорошо, и так хорошо, что я хочу быть ребенком. Всякое верное подражание природе есть уже художество, которое причисляется к категории художеств изящных. Послушайте Сохацкого.

Вот вам нечто и неребяческое. Вы в комнате, обитой черным сукном, в которой не видно зги, темно и мрачно как в могиле. Вдруг вдали показывается светлая точка, которая приближается к вам и, по мере приближения, все растет, растет и наконец возрастает в огромную летучую мышь, сову или демона, которые хлопают глазами, трепещут крыльями, летают по комнате и вдруг исчезают. Засим появляется доктор-поэт Юнг, несущий на плечах труп своей дочери, кладет его на камень, берет заступ и начинает рыть могилу. Эта чуха называется фантасмагорией.

Бог с ней, с этой фантасмагорией! Перед самым представлением этого плаксы Юнга такая поднялась в темноте возня, что боже упаси! Там кричат: «ай!», там слышны «ах!», там чмоканье губ, там жалобы на невежество, там крик матушек и тетушек: «Что такое, Маша? Что с тобою, Лиза?», там глубокие вздохи, прерываемые сердитым голосом: «Да перестаньте!» — словом, такая суматоха и такой соблазн, что мочи нет! Зрителей было человек более двухсот и большею частью молодых людей обоего пола, размещенных весьма тесно на скамейках. В такой толпе, и особенно в такой темноте, виноватых не сыщешь: все правы. Опомниться не могу от этой потехи.

31 декабря,
воскресенье.

Услышав поутру о приезде Ивана Александровича Загряжского, знаменитого владельца еще более знаменитого села Кареяна, искреннего друга и сослуживца моего деда, я тотчас же отправился к нему и, к великой моей радости, застал его дома. Все семейство его, два сына и три дочери, находится в Петербурге, а он живет на холостую ногу и, кажется, не упускает случая повеселиться. Он рад был меня видеть, благодарил, что при-

ехал сегодня, а не завтра, потому что наверное не застал бы его дома; спрашивал о старшей сестре, которую отец, после кончины первой жены своей, оставлял у него в доме на воспитании, покамест не женился на моей матери. Он по-прежнему окружен пышностью и не изменяет своим привычкам, приобретенным в штабе князя Потемкина, которого был он из первых любимцев и ежедневным собеседником. Узнав, что я очень знаком с немецким театром, он сказывал, что привез собственную свою балетную труппу и чрез балетмейстера своего, итальянца Стеллато, уже поладил с будущим антрепренером Александром Муромцевым насчет определения своих танцоров к немецкому театру за известную плату, с тем условием, чтоб первая его танцовщица, Наташа, и славный прыгун, Иваницын, отпущенные на волю, получали особое жалованье.

При мне у Загряжского перебывало довольно гостей, старых его приятелей и сослуживцев. Говорили, рассуждали, смеялись, шутили, так что время прошло незаметно, и Загряжский оставил меня обедать. Мне чрезвычайно понравились анекдоты, рассказанные хозяином о Льве Александровиче Нарышкине, отце Александра Львовича, нынешнего главного директора театральных зрелищ. Одного из них не расскажу, потому что он не очень благопристоен, но другие готов сообщить тебе, и вот из них первый. Однажды императрица Екатерина, во время вечерней эрмитажной беседы, с удовольствием стала рассказывать о том беспристрастии, которое заметила она в чиновниках столичного управления, и что, кажется, изданием «Городового положения» и «Устава благочиния» она достигла уже того, что знатные с простолюдинами совершенно уравнены в обязанностях своих перед городским начальством. «Ну, вряд ли, матушка, это так»,— отвечал Нарышкин. «Я же говорю тебе, Лев Александрыч, что так,— возразила императрица,— и если б люди твои и даже ты сам сделали какую несправедливость или ослушание полиции, то и тебе спуску не будет».— «А вот завтра увидим, матушка,— сказал Нарышкин,— я завтра же вечером тебе донесу». И в самом деле, на другой день чем свет надевает он богатый кафтан со всеми орденами, а сверху накидывает старый, изношенный сюртучишка одного из своих истопников и, нахлобучив дырявую шляпенку, отправляется пешком на площадь, на которой в то время

под навесами продавали всякую живность. «Господин честной купец,— обратился он к первому попавшемуся ему курятнику,— а по чему продавать цыплят изволишь?» — «Живых — по рублю, а битых — по полтинке пару»,— грубо отвечал торгаш, с пренебрежением осматривая бедно одетого Нарышкина. «Ну так, голубчик, убей же мне парочки две живых-то». Курятник тотчас же принялся за дело; цыплят перерезал, ощипал, завернул в бумагу и положил в кулек, а Нарышкин между тем отсчитал ему рубль медными деньгами.— «А разве, барин, с тебя рубль следует? Надобно два».— «А за что ж, голубчик?» — «Как за что? За две пары живых цыплят. Ведь я говорил тебе: живые по рублю».— «Хорошо, душенька, но ведь я беру не живых, так за что ж изволишь требовать с меня лишнее?» — «Да ведь они были живые».— «Да и те, которых продаешь ты по полтине за пару, были также живые, ну я и плачу тебе по твоей же цене за битых».— «Ах ты калатырник! — взбесившись завопил торгаш,— ах ты шишмонник этакой! Давай по рублю, не то вот господин полицейский разберет нас!» — «А что у вас за шум?» — спросил тут же расхаживающий для порядка полицейский. «Вот, ваше благородие, извольте рассудить нас,— смиренно отвечает Нарышкин,— господин купец продает цыплят живых по рублю, а битых по полтине пару; так чтоб мне, бедному человеку, не платить лишнего, я и велел перебить их и отдаю ему по полтине». Полицейский вступился за купца и начал тормошить его, уверяя, что купец прав, что цыплята были точно живые и потому должен он заплатить по рублю, а если он не заплатит, так он отведет его в сибирку. Нарышкин откланивался, просил милостивого рассуждения, но решение было неизменно. «Давай еще рубль или в сибирку». Вот тут Лев Александрович, как будто не нарочно, расстегнул сюртук и явился во всем блеске своих почестей, а полицейский в ту же секунду вскинулся на курятника: «Ах ты, мошенник! сам же говорил — живые по рублю, битые по полтине и требует за битых как за живых! Да знаешь ли, разбойник, что я с тобой сделаю?.. Прикажите, ваше превосходительство, я его сейчас же упрячу в доброе место: этот плутец узнает у меня не уважать таких господ и за битых цыплят требовать деньги как за живых!»

Разумеется Нарышкин заплатил курятнику вчетверо и, поблагодарив полицейского за справедливое реше-

ние, отправился домой, а вечером в эрмитаже рассказал императрице происшествие, как только он один умел рассказывать, пришучивая и представляя в лицах себя, торгаша и полицейского. Все смеялись, кроме императрицы, которая, задумавшись, сказала: «Завтра же скажу обер-полицеймейстеру, что, видно, у них по-прежнему: „расстегнут — прав, застегнут — виноват“».

О прочих анекдотах, например как Нарышкин одного посланника, вызвавшего его за шутку на дуэль, оставил на месте и каким образом объявлял он строптивой супруге своей о кончине ее отца, о которой никто объявить ей не решался, сообщу по времени, а теперь навстречу новому году к немцам, в маскарад!

1806-й год

1 января, понедельник.

«С преподобными преподобен будеши и со строптивыми развратишися».

Это богомудрое изречение сбылось на мне в полном значении слова. Благодаря некоторым знакомым повесам, вчерашнюю ночь напролет я прогулял в маскараде, хотя об руку с разными масками двусмысленного поведения, которые все так хорошо замаскированы были, что их можно было бы узнать за четверть версты. Одна из них, Марья Ивановна Козлова, открылась мне, что выходит замуж за берейтора колымажного манежа, Шульца, товарища старика Кина и вместе с ним моего наставника в верховой езде. Поздравляю ее: супружество блистательное. Но, правду сказать, она женщина чудесная, собою красавица и стоит такого мужа. О прежнем говорить нечего: кто старое помянет, тому глаз вон.

Слава богу, что посреди этих соблазнов удержался я еще от пьянственного окаянства! И так сегодня не поспел никуда и визиты справлять придется завтра; а что буду отвечать, если иные прочие спросят: «Où avez-vous été hier, monsieur?» [1] — или отпустят такую фразу: «Vous avez la mine toute bouleversée, monsieur; seriez-vous par hasard malade?» [2] Что же? Сказал

---

[1] «Где вы были вчера?» (*Франц.*)
[2] «На вас лица нет; уж не больны ли вы?» (*Франц.*)

напрямки всю правду, да и в сторону. Признание заставит все извинить.

Маскарад не обошелся без истории; двое закадычных приятелей, Лисенко и Батурин, чуть было не вцепились друг другу в волосы за мадам Кафка, которая одного предпочла другому. Это напомнило мне Лафонтенову басню, которая, кажется, начинается так:

Duex coqs vivaient en paix: une poule survint
Et voici la guerre allumée.
Amour, tu perdis Troye! [1] и проч.

Штейнсберг опасно болен и не сходит с постели. Дирекция театра передана уже Муромцеву, и некоторые актеры и актрисы переезжают к нему в дом в Посланников переулок.

Получил премилое письмо из Петербурга. Пишут о скорейшем доставлении аттестата и просьбы для поступления на службу. Прежде будущего месяца сделать этого не могу, et pour cause [2].

Плохо начал я этот год. Как-то бог приведет кончить его?

3 января,
среда.

Истинная правда: настоящее стиховное наводнение. У кого только я ни был, у всех находил в разных видах и размерах оды по случаю получения всемилостивейшего рескрипта, и в том числе одну, поднесенную градоначальнику, которая, к сожалению, из рук вон плоха: ни одной мысли, ни одного чувства, ни одного выражения! Господи боже мой! Неужели же наш московский Парнас до такой степени обнищал, что для такого важного случая не выставит ни одного достойного песнопевца? Право, такую жижу и посылать к тебе совестно и грустно; разве отправить ее только для приобщения к прочим курьезностям твоей литературной кунсткамеры.

---

[1] Жили мирно два петуха. Явилась курица — сразу загорелась война. Любовь, ты погубила Трою (*франц.*).

[2] И не без причины (*франц.*).

Ода

Градов полунощных царицы,
Седяща на горах крутых,
Почтенна древняя столица
Обширнейшей из стран земных,
Склоня под тяжкими стенами
Главу, покрыту сединами,
Вкушала сладостный покой;
Огромны башни позлащенны,
Одеждой белой покровенны,
Дремали томно над рекой,
Почто по зимней ночи мрачной
Восток зарделся от огней,
И Феб в румяной ризе брачной
Сугубит свет своих лучей,
Снега алмазами блеснули,
Из льдов наяды воспрянули,
И вся природа толь красна,
Что в хладе мертвом и суровом
Она играет под покровом
И жизни радостной полна?

Не звук ли ангельский несется
От норда с невских берегов?
Нет, сладкий голос раздается
Отца в сердцах его сынов;
Его драгое начертанье,
Души небесной излиянье,
Москву и в старости живит.
Имея ангела на троне,
Нам сладко жить в его законе,
Когда он нам любовь дарит.

Живи, наш царь, живи вовеки,
Как ты от нас был отлучен,
В мольбах мы лили слезны реки,
А ныне дух наш восхищен!
Москва горит к тебе любовью,
В сединах старцы, хладны кровью,
Понесши долго службы труд,
Огни почувствовавши новы,
Служить тебе еще готовы
И кровь застывшую прольют.

А ты, с которым мы встречаем
В веселье сладком новый год,
В ком любим мы и почитаем
Славянов древних дух и род:
О! сколько видеть нам приятно,
Что ты за доблесть многократно
Щедротой царской озарен,
Почтен заслугами, душою,
Нещетны годы правь Москвою
И буди в век благословен!

Ух, чего тут нет? Во-первых, есть древняя столица, которая склоняет покрытую сединами главу под тяжкими стенами! есть и позлащенные башни, покровенные белой одеждой, которые томно дремлют над рекою! есть и Феб в брачной румяной ризе, сугубящий свет лучей своих! есть и наяды, воспрянувшие из льдов! есть и хладные кровью старцы, которые, почувствовав новые огни, готовы пролить застывшую кровь! — словом, все тут есть, кроме здравого смысла. Право, через пятьдесят лет не поверят, чтоб эта чепуха была сочиняема серьезно и еще на такой случай! [1]

О Дмитриев, много толку в твоем «Чужом толке»!

5 января,
пятница.

Не журн меня, потому что мне и без того грустно. Беды большой в том нет, что я сказал тебе от искреннего сердца спасибо. Да и как не сказать, когда ты беспрестанно меня выручаешь! «Лучше даяти, чем принимати»,— говорит писание, и если у принимателя отнять одно средство, которым он может расквитаться с даятелем, то есть чувство благодарности, то это значило бы надеть на него вечные кандалы, и потому ты делай свое дело, а мне не препятствуй делать моего. Поступим по тому же писанию, которое слышали сегодня и услышим завтра: «Остави, тако бо подобает нам исполнити всяку правду».

Сегодня выезжал я только в церковь, а после навестить умирающего Штейнсберга, и с тех пор целый день дома. На свободе проглотил, наконец, многохвальный роман «Тереза и Фальдони», перевода Каченовского, и чуть было не подавился. А отчего мне грустно? Не от «Терезы же и Фальдони» и даже не оттого, что Катерину Ивановну Яковлеву-Собакину, девушку-красавицу и наследницу огромного состояния — которую я коротко знаю и с которою случалось мне болтать по несколько часов без умолку, потому что она болтать любит,— кто-то увез из театра. Мать, женщина простая

---

[1] Предсказание студента, сделанное в 1806 г., сбылось в 1856-м: без справки не поверили.

и сама не выезжающая в свет, отпускала ее всюду с француженкой. Я предчувствовал, что это когда-нибудь случится. Барышня девятнадцати лет, богатая, своенравная и своеобычливая, легкомысленная, ежеминутно увлекающаяся, должна была быть жертвою какого-нибудь отчаянного спекулятора. Нет, Катерина Ивановна, не вы причиною, что мне грустно,

И все мне смутное желанье давит грудь,
И что-то все влечет меня к кому-нибудь;
Чего-то хочется, чего — и сам не знаю.
Как ветка по реке, ношусь от края к краю!

Давеча, проходя от Штейнсберга мимо комнаты мадам Шредер, я зашел к ней и застал ее за фортепьяно (у них сочевника нет). Она спела мне по-русски песню Кавелина (одного из старых лучших наших воспитанников, товарища Магницкого и Ханенко), да так спела, что я прослезился. И как выговаривает она слова! совершенно русская, даже милее, чем русская:

На что, с любезной расставаясь,
На что прости ей говорить,
Как будто с жизнью разлучаясь,
Счастливым больше уж не быть?
Не лучше ль просто до свиданья,
До новых радостей сказать
И в сих мечтах очарованья
Себя и время забывать?

А последние куплеты:

В приятну ночь, при лунном свете
Представить счастливо себе,
Что некто есть еще на свете,
Кто думает и о тебе!
Что и она, рукой прекрасной
По арфе золотой бродя,
Своей гармониею страстной
Зовет к себе, зовет тебя!
Еще день, два — и рай настанет...
Но, ах! твой друг не доживет!

Эта полная тихого чувства песня, этот милый, трогательный голос хорошенькой, бесцеремонной женщины почти у самых дверей умирающего приятеля, мысль о моем одиночестве, несмотря на дружбу доброго моего Петра Ивановича, и какое-то непонятное влеченье в Петербург, соединенное с некоторыми воспоминаниями о Липецке,— совершенно возмутили меня, и мне сделалось грустно, так грусто, что я изъяснить не в состоянии.

На ту беду, как нарочно, никого нет. Хоть бы дедушка зашел, так потолковали бы о закулисных происшествиях.

Ну кто бы подумал, что эту песню мадам Шредер выучила и пела еще в Ревеле, когда в Москве о ней и теперь понятия не имеют?

7 января,
воскресенье.

Вчера ездил на иордан, устроенный против кремлевской стены на Москве-реке. Несмотря на сильный мороз, преосвященный викарий собором служил молебен и погружал крест в воду сам. Набережные с обеих сторон кипели народом, а на самой реке такая была толпа, что лед трещал, и я удивляюсь, как он мог не провалиться! В первый раз удается мне видеть эту церемонию в Москве: она меня восхитила. При погружении креста и громком пении архиерейских певчих и всего клира: «Во Иордане крещающуся тебе, господи» — палили из пушек и трезвонили во все кремлевские колокола, и это пение, и эта пальба, и звон, и этот говор стотысячного народа, с знамением креста, усердно повторявшего праздничный тропарь, представляли такую торжественность, что казалось, будто искупитель сам плотию присутствовал на этом обряде воспоминания о спасительном его богоявлении погибавшему миру. Говорят, что в Петербурге эта церемония еще великолепнее; может быть, но сомневаюсь, чтоб она была поразительнее и трогательнее.

По окончании церемонии народ стал расходиться, и Нил Андреевич Новиков повел меня на смотр невест, который у низшего купечества и мещанства бывает ежегодно в праздник крещения и о котором я понятия не имел. По всей набережной стояло и прохаживалось группами множество молодых женщин и девушек в довольно богатых зимних нарядах: штофных, бархатных и парчовых шубах и шубейках: многие из них были бы очень миловидны, если б не были чересчур набелены, нарумянены и насурмлены, но при этой штукатурке и раскраске они походили на дурно сделанных восковых кукол. Перед вереницею невест разгуливали молодые купчики в лисьих шубах и высоких шапках, и все были,

по выражению Новикова, с кондачка, то есть чистенько одеты и прикидывались молодцами. Между тем какая-то проворная бабенка подбежала к нам и прямо обратилась ко мне с вопросом: «А ты, золотой мой, невесту, что ли, высматриваешь?» — «Невесту высматриваем вот с тятенькою,— отвечал я очень учтиво, показав на Новикова,— да только по мысли-то не найдем».— «А вот постойте, мои красавцы, я вашей милости покажу: такая, матушка, жирненькая, да и приданьице есть: отец в Рогожской постоялый двор держит»,— и с этими словами привела нас к одной группе, в которой стояла девушка в малиновой штофной шубе, лет, по-видимому, двадцати пяти, недурная собою, но также намалеванная и такого необъятного для девушки дородства, что она, в сравнении с другими, казалась тыквою между огурцами. «Вот вам, сударики, невеста так уж невеста!» — с самодовольствием сказала сваха. «Коли приглянулась, так скажите, где жить изволите и как вашу милость звать, а я завтра понаведаюсь и о вашем житье-бытье невесте порасскажу». Я объявил на ушко свахе, что невеста нам очень понравилась и что тятеньку моего зовут Нилом Андреевичем Новиковым, а живем мы на Ордынке, в своем доме, и чтоб она не замешкалась явиться к нему для переговоров. Хоть бы этим пронять старого проказника, который не пропускает ни одного случая поднять меня на смешки.

Этот выбор невест показался мне очень похожим на выбор молодых канареек в Охотном ряду: выбирай из сотни любую, покрупнее или помельче, пожелтее или позеленоватее, а которая из них петь будет — бог один весть.

А слыхал ли ты, как этот любезный оригинал, Нил Андреевич, увозил цыганку из Епифани, как весь цыганский табор гнался за ним более ста верст и чем он от него отделался? Это случилось еще до нашего рождения, однако ж происшествие в памяти у многих и так занимательно, что я когда-нибудь тебе его расскажу.

9 января,
вторник.

Кудрявцев рассказывал при мне генералу Дурнову, что граф Каменский получил от государя собственноручное письмо, которым он приглашается приехать к

известному времени в Петербург и, между тем, быть готовым к принятию какого-то важного поручения, что по сему случаю фельдмаршал вчера отправился в свои нижегородские деревни.

Николай Николаевич Сандунов также скоро едет в Петербург. Говорит, что должен там быть к 17 числу. Кажется, он хочет сенатскую службу свою променять на ученую.

Нашего губернского предводителя, Льва Дмитриевича Измайлова, ждут к 18 числу. То-то пойдет потеха! Большая часть из его ассистентов и согуляк, Шиловский, Рославлев, Кобяков и проч., уже здесь. Эти господа очень грозятся на губернатора и говорят, что Измайлов непременно в феврале поедет в Петербург хлопотать о его смене. По всему видно, что этот губернатор не захотел поклоняться рязанскому Аману.

Завтра на бегу большое состязание между некоторыми знатными охотниками. Мы едем смотреть: такого важного случая в жизни москвичей пропустить нельзя.

11 января, четверг.

Пастор Гейдеке утверждает, что Штейнсберг проживет недолго. Жаль! Это был такой человек, каких на белом свете мало бывает. Какою жизнью и какими трудами искупил он заблуждения своей молодости! И вот я думаю, почему он был так увлекателен в первых сценах 4-го действия Шиллеровых «Разбойников». С каким чувством говорил он тираду: «Die Blätter fallen» [1], к которой Карл Моор вспоминает о прежних днях своей невинности: «O meine Unschuld, meine Unschuld!» [2] Пастор Гейдеке сознается, что он прежде имел против Штейнсберга какое-то предубеждение и даже критиковал его в своем журнале, но что после, узнав его короче, он не только стал уважать его, но даже искренно его полюбил. Однако ж я говорю о бедном Штейнсберге, как об умершем, тогда как, может быть, он еще и выздоровеет; у бога милости много! — кроме того, его пользуют лучшие здешние медики, и пользуют безмездно,

[1] «Листья опадают» (*нем.*).
[2] «О, моя невинность!..» (*Нем.*)

следовательно, усердно, с дружеским вниманием и осторожностью.

Вчерашний бег был оживлен необыкновенно и казался каким-то охотничьим праздником. Стечение народа, несмотря на будничный день, было чрезвычайное. У Александра Алексеевича Чесменского был охотничий завтрак, и охотники приехали с него на бег, очень подгулявши. Заклад, предложенный г. Мосоловым за своего Буяна против Катка графа Орлова, не принят, но это не помешало охотникам состязаться между собою из одной славы. Чесменский на Катке, Мосолов на Буяне, Давыдов на Потешном, А. И. Яковлев на каком-то сибирском буланом мерине, князь Гундоров, Исаков и много других пустились на своих рысаках по бегу перегонять друг друга, и вопреки обыкновению они не приостанавливали их на поворотах, но поворачивали круто на всей рыси и таким образом бегали до тех пор, пока лошади их не изнурились и не стали. Один только рысак г. Мосолова не токмо не изнурился и не стал, а, напротив, остальные концы продолжал бежать один с возраставшею быстротою, и г. Мосолов остановил его уже сам, когда все другие съехали с бега. Я очень боялся, чтоб, при такой быстрой езде, не случилось какого несчастья, тем более что охотники были навеселе, однако ж бог миловал. Николай Петрович Аксенов, знающий охотник, сказывал, что мосоловский рысак скаковой породы и оттого так силен, а между тем его не очень уважают, потому что он не так красив и происходит не от лошадей графа Орлова. Этот несчастный esprit de parti [1] мешается всюду и во все, даже и в самую охоту.

12 января,
пятница.

Сию минуту из бенефиса Гальтенгофа. Давали «Дон-Жуана». Сгоряча не могу выразить всего, что я прочувствовал в продолжение представления этой оперы. Какая прелестная музыка! Нейком, в своих огромных серьгах, дирижировал оркестром. Театр был полон. Я никогда не видывал столько дам высшего общества

---

[1] Дух кружковщины (*франц.*).

в ложах немецкого театра, как в сегодняшнем представлении. Все известные любители-музыканты занимали кресла. Я заметил Сандунову и Злова в одной из лож 2-го яруса.

На днях опишу представление во всей подробности, а теперь не до того. Довольствуйся покамест этим заключением недельной моей тетради, которая полетит к тебе завтра.

15 января,
понедельник.

Дон-Жуана играл Гальтенгоф, Лепорелло — Гунниус, дону Анну — мамзель Соломони, дону Эльвиру — прежняя мадам Гебгард, для которой входная ария была выпущена, дона Оттавио — мадам Шредер, Церлину — мамзель Гунниус, Мазетто — Эме, коменданта — Вильгельм Гас. Если говорить о каждом в особенности, то все исполняли дело свое хорошо, но в целом опера была изувечена: партия дона Жуана написана для баса, а ее пел тенор; дон Оттавио — роль тенора, а ее исполняла мадам Шредер — сопрано; Церлина если не совсем контральто, то самый низкий меццо-сопрано, а ее пела маленькая Гунниус, сопрано самый высокий; о Мазетто нечего и говорить: басовую партию пел контральтино. Для всех этих господ Нейком должен был партии транспонировать, и оттого в morceaux d'ensemble [1] произошла некоторая нескладица. Я не музыкант, но у меня хороший слух, а Катерина Александровна Муромцева — мачеха нынешнего директора немецкого театра, великая музыкантша и некогда сама необыкновенная певица — утверждает, что настоящая гармония оперы потеряна. Только трое из действовавших лиц были на своих местах: мамзель Соломони, Гунниус и Вильгельм. Я простил Соломони мою Лизету, которую она исковеркала, за партию доны Анны, которую исполнила она, по уверению Катерины Александровны, согласному с мнением всей публики, совершенно удовлетворительно. Бог даровал ей талант огромный — большой, гибкий и приятный голос, прекрасную наружность и много чувства: стоит только все это усо-

[1] В ансамблях (*франц.*).

вершенствовать ученьем и опытностью, и нет сомнения, что в серьезных оперных партиях она может быть первоклассною певицею и актрисою. Не помню, у Буало или Грессета есть стих:

Tel brille au second rang qui s'éclipse au premier [1];—

но в отношении к Соломони смысл этого стиха до́лжно изменить на следующий:

Tel brille au premier rang qui s'éclipse au dernier [2].

Кто видел Соломони в простой роли Лизеты и после слышал ее в важной партии доны Анны, тот, конечно, заметит эту поразительную разницу в исполнении ею обеих ролей и необыкновенно быстрые ее успехи в области искусства. Не знаю, отчего дирекция русского театра не догадается завербовать ее на свою сцену. Она родилась в России, итальянского у нее один только голос, говорит по-русски как русская и прекрасно образована, играет на скрипке и фортепьяно и танцует прелестно. Вот еще талант, которым публика будет обязана Штейнсбергу, умевшему угадать его.

18 января,
четверг.

Наконец удалось мне побывать у Походяшина, с кем и как — о том знать тебе нет надобности. Это человек тихий, скромный и молчаливый, живет более жизнью созерцательною, однако ж не забывает исполнять и некоторые светские обязанности в своем кружку; ростом не мал, худощав и физиономию имеет бесстрастную. Он принял меня ласково, с любовью, но без излишней доверчивости, как следовало принять недоучку-студента. Делал мне кой-какие вопросы, на которые я отвечал как умел, запинаясь и краснея, потому что ничто так не лишает присутствия духа, как желание внушить о себе доброе мнение и опасение проговориться. Спрашивал, где я служить намерен. Я отвечал, что меня обещали

---

[1] Блистает на втором месте тот, кого затмевают на первом (*франц.*).
[2] Блистает на пе́рвом месте тот, кого затмевают на последнем (*франц.*).

определить в Иностранную коллегию и что я имею полное удостоверение в исполнении этого обещания, как скоро доставлю в Петербург нужные для сего бумаги. «Это служба довольно видная,— сказал Походяшин,— и для молодого образованного человека может быть очень выгодная в отношении к повышению чинами и другим отличиям; сверх того, она дает средства путешествовать и в чужих краях приобресть такие познания, какие нам здесь бывают недоступны, но между тем в этой службе — разумея ее в некоторой высшей степени действования — есть и свое неудобство: надобно уметь более или менее притворствовать, иначе хорошим дипломатом быть нельзя». Здесь он взглянул на образ спасителя старинного письма, стоящий в переднем углу маленького его кабинета на каком-то продолговатом черном пьедестале, и потом, взглянув на меня, продолжал: «Да, к сожалению, нельзя отвергать, что чем человек простее и прямодушнее, тем менее его понимают в свете, а бескорыстную честность почитают каким-то неслыханным дивом, и так как большая часть людей привыкла судить по своим чувствам, своим видам или своим склонностям, то самые простые, благонамеренные поступки всегда приписывают лицемерию, скрытным намерениям и видам своекорыстным, а между тем настоящим лицемерам тепло на свете: и в политике, и в общественных сношениях, и даже — страшно вымолвить — в самой религии они приобретают народность и уважение. Эгоисты и прошлецы действуют мастерски: для них ничего не значат ни лживые уверения в дружбе, ни предложения услуг тогда, когда знают, что в них не нуждаются, ни коварные улыбки кстати, ни изменническое молчание, ни вероломные рукожатия — словом, все эти средства обращают они в свою пользу и похищают незаслуженную благосклонность. Вот отчего, при этом несчастном состоянии нашего общества, трудно сохранить себя от увлечения и не притворяться, когда другие притворствуют, не лицемерить, когда вокруг вас лицемерят другие, вот отчего так трудно исполнить заповедь Христову: будите мудри, то есть осторожны, яко змия и цели, то есть чисты, яко голубие. Согласить осторожность поведения с чистотою сердца: зде премудрость!»

И много еще говорено было кой-чего, о чем долго рассказывать. Странное дело! Походяшин никогда не

говорит иначе, как вдвоем или втроем; при лишних людях он молчит и кажется человеком очень ограниченным, за какого мне его и выдавали. Он из старинного купеческого звания, был некогда очень богат, но призревал нища и убога и отдал все в заем богови. Теперь сам немного разве богаче Максима Ивановича, если не считать капитала, скрытого в небесах.

Петр Иванович испугался, когда я объявил ему, что был у Походяшина. Тотчас пошли расспросы: как, с кем и когда? Но мой Петр Иванович всегда пугается: он испугался до смерти, что мадам Шредер в сочевник пропела мне с глазу на глаз песню; испугался, что я был на смотру невест; испугался немецкого письма, которое получил я из Петербурга, и говорит, что меня в Липецке испортили. Не пугается только он, когда мы бываем у его учениц, девиц Скульских, откормленных двадцатипятилетних пулярдок, которых называет он удивительными невинностями и которые, вопреки своему призванию, хотят непременно попасть в поэтессы или поэтиссы, в Сафо или Дезульер. А сколько бы теперь детей было у этих белых, румяных и дородных поэтесс или поэтисс, если б они похлопотали о своем замужестве! Право, люди не знают настоящего своего назначения!

20 января,
суббота.

В минувший понедельник приехал Николай Петрович Архаров, и я сегодня был у него. Чуть ли старик не сбирается в Петербург. Но зачем? Он человек не нынешней эпохи, в которую милость хвалится на суде, крут, упрям и властолюбив. Сказывал, что встретил старого своего знакомца, смоленского военного губернатора Степана Степановича Апраксина, который в один и тот же день с ним приехал и, кажется, более не возвратится в Смоленск: хочет пожить на покое. Если этот барин поселится в Москве, то можно ее поздравить с добрым обывателем. Богат-пребогат, фамилия не только знатная, но и заслуженная, дом как полная чаша; своя музыка, свой театр, свои актеры, любит жить на большую ногу, приветлив и радушен — гуляй Москва! Николай Петрович спрашивал меня, часто ли бываю у его брата, Ивана Петровича. Я отвечал, что давно не

был. «Дурно,— сказал он,— у него общество всегда хорошее, и тебе полезно бывать там».

Приехавший новый танцмейстер Ламираль в прошедшее воскресенье дебютировал с женою и восьмилетнею дочерью в каком-то турецком дивертисменте. Я их не видал, но те, которые видели, хвалят. Только преудивительное дело: в воскресенье дебютировали, а через неделю, то есть послезавтра, в понедельник, танцуют они в свой бенефис. Мне кажется, что бенефисы должны даваться в награду за некоторое время службы, а не за один раз прыганья в турецком наряде.

Я очень понимаю, что талантом можно возвысить свое положение в свете, и нимало не удивляюсь, если горничная, булочница или швея поступают на сцену, делаются актрисами, певицами или танцовщицами, но чтоб актриса, жена превосходного актера обратилась добровольно в швею — этого постичь не могу. Однако ж пример перед глазами. Проезжая Кузнецкий мост, я заметил на доме Дюмутье новую вывеску: «Nouveau magasin de modes: Madame Duparay, ci-devant actrie du theâtre français à Moscou» [1]. Вот куда спустилась рыжая Ар и с и я! Sic transit gloria mundi! [2]

21 января,
воскресенье.

Добродушный хитрец Антон Антонович в самом деле думает, что я ничем не занимаюсь, кроме театра. Я пришел просить его о выдаче мне студенческого аттестата: а он свое: «А больше учиться-та не хочешь?» — «Не хочу, Антон Антоныч».— «Как Митрофанушка-та: не хочу учиться, хочу жениться» — «Хочу, Антон Антоныч».— «Небось туда же в дармоеды-та, в иностранную коллегию?» — «Туда и отправляюсь, Антон Антоныч».— «Ректора-та попроси, а я изготовить аттестат велю. А новые стихи-та Жуковского знаешь?» — «Знаю, Антон Антоныч».— «Ну-ка, прочитай-ка».

---

[1] «Новый магазин мод госпожи Дюпаре, бывшей актрисы французского театра в Москве» (*франц.*).

[2] Так преходяща мирская слава! (*Лат.*)

...Поэзия, с тобой
И скорбь и нищета теряют ужас свой!
В тени дубравы, над потоком,
Друг Феба с ясною душой
В укромной хижине своей,
Забывший рок, забвенный роком,
Поет, мечтает — и блажен!
И кто, и кто не оживлен
Твоим божественным влияньем?
Цевницы грубыя задумчивым бряцаньем
Лапландец, дикий сын снегов,
Свою туманную отчизну прославляет
И неискусственной гармонией стихов,
Смотря на бурные валы, изображает
И хладный свой шалаш, и шум морей,
И быстрый бег саней,
Летящих по снегам с еленем быстроногим.
Счастливый жребием убогим,
Оратай, наклонясь на плуг,
Влекомый медленно усталыми волами,
Поет свой лес, свой мирный луг,
Возы скрипящи под снопами,
И сладость зимних вечеров,
Когда, при шуме вьюг, пред очагом блестящим,
В кругу своих сынов,
С напитком пенным и кипящим
Он радость в сердце льет
И мирно в полночь засыпает,
Забыв на дикие бразды пролитый пот...

«Полно-та, полно-та! — вскричал мой Антонский, развеселившись.— Уж вижу, что знаешь. Когда успеваешь выучивать-та? все с актерками танцуешь-та!» — «Я стихов не учу, Антон Антоныч, сами в память врезываются».— «Ну, а прозу также помнишь-та?» — «Помню, Антон Антоныч».— «Ну-ка, прочитай что-нибудь, хотя из „Марфы Посадницы“ или из „Вадима“-та!»

«Раздался звук вечевого колокола — и вздрогнули сердца в Новегороде! Безмолвные дубравы, тихие долины, обители меланхолии! к вам стремлюсь душою, певец природы, незнаемый славою: сокройте меня, сокройте!..»

Я отхватал ему пол-«Посадницы» и чуть не треть «Вадима», и мой Антонский давай целовать меня! «Слышал, слышал, что у тебя память-та хороша, а этого не ожидал. Говорят, что и „Пророков“ знаешь, и „Притчи“, и „Иисуса Сираха“».— «Знаю, Антон Антоныч».— «Ну, жаль, жаль, что я прежде-та не знал, а теперь Христос с тобой. Да съезди в Донской и молебен отслужи».

Антонский полагает, что молебны действительнее в Донском монастыре, потому что брат его там архимандритом.

23 января,
вторник.

По милости брата И. П. Поливанова, я наконец, хотя гостем, попал в Английский клуб — и как доволен! Он обещает записывать меня когда только захочу, и я завтра же буду там обедать. Какой дом, какая услуга — чудо! Спрашивай чего хочешь — все есть и все недорого. Клуб выписывает все газеты и журналы, русские и иностранные, а для чтения есть особая комната, в которой не позволяется мешать читающим. Не хочешь читать — играй в карты, в бильярд, в шахматы, не любишь карт и бильярда — разговаривай: всякий может найти себе собеседника по душе и по мысли. Я намерен непременно каждую неделю, хотя по одному разу, бывать в Английском клубе. Он показался мне каким-то особым маленьким миром, в котором можно прожить, обходясь без большого. Об обществе нечего и говорить: вся знать, все лучшие люди в городе членами клуба. Я нашел тут князей Долгоруких, Валуева, смоленского Апраксина, екатерининского генерала Маркова с георгиевскою звездою, трех князей Голицыных, из которых у князя Михайла Петровича такой великолепный дом в Новой Басманной и почти такая же славная картинная галерея, какая была у однофамильца его, знаменитого филантропа; встретил Ивана Петровича Архарова, который очень удивился, увидев меня в клубе; сенаторов: Мясоедова, приятеля некогда славного государственного человека Дмитрия Прокофьевича Трощинского, праводушного Мамонова, Алябьева, Ивана Владимировича Лопухина, столь известного умом и подвигами человеколюбия, Нелединского, умного, острого, любезного куртизана и образцового поэта; встретил также и князя Ивана Сергеевича Гагарина, с которым познакомился в Липецке, Карамзина, И. И. Дмитриева, Пушкиных, А. А. Тучкова, П. И. Кутузова и губернского предводителя дворянства Дашкова, сына столь славной в свое время Екатерины Романовны, угадавшей гений Державина. Некоторые сидели в кружку и много кой о чем го-

ворили и рассуждали; между прочим, услышал я, что герой князь Багратион прибыл 19 числа в Петербург, а в последней половине будущего месяца приедет и в Москву. Толковали, каким бы лучше образом сделать ему торжественный прием. П. С. Валуев предлагал дать ему большой обед в клубе с музыкою и певчими, а Кутузов вызвался написать в честь его кантату, но Иван Владимирович Лопухин и Нелединский были такого мнения, что прежде чем на что-нибудь решиться, надобно переговорить с градоначальником и без его согласия ни к чему не приступать.

Князь Михаил Александрович сказывал, что послезавтра бенефис Померанцева, и приглашал к себе в ложу. Дают драму Ильина «Лиза, или Торжество благодарности», в которой Померанцев, говорят, превосходен. Уж, конечно, поеду, во-первых, потому, что от игры Померанцева запла́чу, а во-вторых, что за нее не заплачу́. Вот и мои concetti! [1] Они стоят державинского, которое ходит здесь по рукам:

О, как велик На-поле-он,
И хитр, и быстр, и тверд во брани,
Но дрогнул, как простер лишь длани
К нему с штыком Бог-рати-он.

Иван Иванович говорит, что ему сгрустнулось от этих стихов, потому что они доказывают, как низко может упасть ге́ний, подточенный старостью, и что приобрести славу легче, чем до конца уберечь ее. Он, шутя, замечает, что из всех человеческих дел самое трудное уметь остановиться вовремя, и ничего так за себя не опасается, как выжить — если не из ума, так из вкуса.

25 января,
четверг.

Сегодняшний спектакль, не в счет годовых лож и кресел, а в пользу актера Померанцева, как нынче печатают в афишах (хорошую выдумали фразу!), был порядочно скучен и никому не принес удовольствия. Даже и строптивая Верещагина, подруга князя Михайла Александровича и записная любительница слезных драм, зевала порядочно. Померанцев точно хорош в

---

[1] Остроты (*итал.*).

своей роли, но что мог сделать он один в этом обществе неблагообразных персонажей? За драмой дана была комедия в одном действии «Слуга двух господ» и разыграна лучше. В ней особенно отличался Сандунов, который, по рассказам, стал с недавнего времени очень гордиться своим происхождением будто бы от древних грузинских владетелей. Охота же умному человеку приплетаться в родню Митридату и подражать татарам-халатникам, которые все считают себя потомками Чингис-хана!

Платон Петрович Бекетов рассказывал в университете, что на пансионском акте 22-го прошедшего месяца какой-то провинциал подсел к графу Хвостову и, желая, видно, польстить ему как сенатору, начал хвалить его сочинения и, между прочим, с подобострастием уверял его, что он наизусть знает все его шуточные оды. На вопрос графа Хвостова, какие же это оды, провинциал прочитал несколько строф из следующей:

Хочу к бессмертью приютиться,
Нанять у славы уголок,
Сквозь кучу рифмачей пробиться,
Связать из мыслей узелок;
Хочу и я сварганить оду
И выкинуть такую моду,
Чтоб был ненадобен Пегас,
Ни Аполлон, детина строгой;
Хочу проселочной дорогой
На долгих ехать на Парнас.

Горшки не боги ж обжигают,
А нам кто не велел строчить?
и проч.

Граф Хвостов сделал прекислую мину, встал и отошел от любителя шуточных стихотворений.

Дело в том, что несчастный льстец принял одного Хвостова за другого и вместо забавного сатирика наткнулся на вовсе не забавного и совсем угорелого лирика и баснописца.

26 января, пятница.

Катерину Ивановну Яковлеву-Собакину догнали, воротили, сдали с рук на руки больной матери, и она — как ни в чем не бывало. Да и в самом деле она была уве-

зена против воли: к подъезду театра подъехала карета, несколько голосов закричало: «Карета Яковлевой-Собакиной!» Она, по обыкновенной своей ветрености не осмотрясь, вскочила в карету, дверцы захлопнули, кучер ударил по лошадям и — похищение совершилось! Только проехав Кузнецкий мост, ветреница заметила, что вместо француженки возле нее сидит какой-то немолодых лет мужчина; хотела закричать, но похититель уверял, что везет ее домой. И точно, он провез ее по Немецкой слободе мимо самого дома Яковлевых, но вместо того чтоб поворотить в ворота, он отправился за Лефортовскую заставу.

3-го числа февраля назначен у графа Орлова большой бал, что называется пир на весь мир. Танцовщиц в виду много, но танцоров, напротив, почти вовсе нет. Некоторые известные дамы, коротко знакомые в доме графа, имеют поручение от молодой графини вербовать хороших кавалеров. Не знаю, почему Катерина Александровна Муромцева считает меня в числе хороших кавалеров и предложила взять меня с собою вместе с старшим ее сыном. «Но я решительно танцевать не умею,— сказал я,— застенчив и неловок». «Et purtant vous avez dansé chez les Werevkines et vous dansez souvent chez les Lobkoff, comme si je ne le savais pas» [1].— «Это правда, но у Веревкиных был бал запросто, а у Лобковых я танцую pour rire [2] в своем кружку, да и не танцую, а прыгаю козлом».— «А у Орловых будешь прыгать бараном — вот и вся разница! Болтай себе без умолку с своей дамой — и не заметят, как танцуешь». Я отнекивался, но мне Катерина Александровна решительно объявила: «Vous irez, mon cher; je le veux absolument: à votre âge on ne refuse pas un bal comme celui du comte Orloff, ni une femme qui vous a vu naître. C'est ridicule!» [3].

Делать нечего, буду снаряжать свой бальный костюм: пюсовый фрак и белый жилет с поджилетником из турецкой шали. Разоденусь хватом!

---

[1] «И все-таки вы танцевали у Веревкиных и часто танцуете у Лобковых; как будто я этого не знаю» (*франц.*).

[2] Для смеху (*франц.*).

[3] «Поедешь, мой милый; я решительно хочу этого. В твоем возрасте не отказываются ни от такого бала, как у графа Орлова, ни от такой женщины, которая видела тебя в пеленках. Это дико!» (*Франц.*)

28 января,
воскресенье.

Сегодня был я у немцев на репетиции «Der Kaufmann von Venedig» Шекспира. Эта пьеса, которую разучивают уже три месяца, так плохо идет, что, кажется, и совсем не пойдет. Шейлока должен был играть Штейнсберг, а теперь вместо него вздумал играть Кистер, которому эта роль не по силам. Отсутствие Штейнсберга заметно и в самой репетиции; какая-то неладица, путаница; бедные актеры и актрисы точно гурт овец без хозяина.

Однако ж что это за пьеса «Венецианский купец» и что она доказывает? Приготовляясь видеть ее на сцене, я прочитал ее и, право, не понимаю, а растолковать некому. Венецианскому купцу понадобились для услуги приятелю деньги, и он занимает их у жида с таким обязательством, что если не заплатит в срок, то жид имеет право вырезать из него фунт мяса. Срок пришел, купец денег заплатить не мог, и жид требует исполнения обязательства. Дело по своей важности перенесено на суд дожа, который не знает, как рассудить его. Является женщина под видом ученого юриспрудента и с дозволения дожа берется разрешить небывалый случай. Она начинает тем, что, по буквальному смыслу обязательства, обвиняет купца и предоставляет жиду вырезать из него фунт мяса, но вместе с тем налагает и на жида обязанность вырезать ни больше ни меньше как только один фунт и совершенно без пролития крови; в противном же случае подвергает его наказанию, какому подлежат жиды за пролитие крови христианской. По мнению моему, это просто подбор под закон: если в обязательстве не означено дозволения при вырезывании мяса проливать кровь, то не означено также и запрещения, а между тем как же можно из живого человека вырезать кусок мяса без того, чтоб при этой операции не было крови? Это несогласно с природою и здравым рассудком; и что ж в этом ложном истолковании смысла и речи обязательства может быть трагического? Разве только ненависть жида против христианина [1].

---

[1] Теперь я совсем не так уже думаю,
но 52 года в жизни человека большая разница.
Я воспретил себе всякую перемену в изложении.
(*Позднейшее примеч.*)

Пожалуй, если пойдет на игру слов в юриспруденции и на превратные толки о действиях подсудимых лиц, то и у нас найдется много случаев, из которых иному русскому Шекспиру вздумается сочинить трагедию, и вот, например, один анекдот, рассказанный П. И. Авериным и слышанный им от Д. П. Трощинского. Какого-то харьковского помещика обокрала дворовая девка и бежала. Барин подал объявление о побеге и сносе разных вещей. Девку поймали, посадили под караул и предали суду. Но девка была смазлива, а судья человек чувствительного сердца и потому непременно хотел оправдать красавицу; для этого он составил следующий приговор: «А как из учиненного следствия оказывается, что означенная дворовая женка Анисья Петрова вышеупомянутых пяти серебряных ложек и таковых же часов и табакерки не к р а л а, а просто в з я л а и с оными вещами не б е ж а л а, а только так п о ш л а, то ее, Анисью Петрову, от дальнейшего следствия и суда, как в вине не признавшуюся и неизобличенную, навсегда освободить».

То ли еще бывает! Да где же тут трагедия?

29 января,
понедельник.

Лапин был очень хороший трагический актер и чрезвычайно любим петербургскою публикою. Он соединял в себе все качества, составляющие отличного трагика: счастливую наружность, звучный и гибкий орган, чистую и правильную дикцию. В игре его много было благородства, и он чрезвычайно напоминал собою Флоридора, которого постоянно брал себе в образец. Одного недоставало в нем: увлечения, что французы называют entrailles [1], и это происходило более от недоверчивости к самому себе и строгого благоразумия, и оттого он преимущественно хорош был в таких ролях, которые этого увлечения не требовали, как то: в Тите, в Рославе, в Гусмане и проч. Лапин перешел на московскую сцену, потому что не поладил с Дмитревским, а не поладил по причине делаемых ему притеснений, чтобы дать ход Плавильщикову, который, в свою очередь,

[1] Нутро (*франц.*).

спроважен в Москву, чтобы очистить место Яковлеву. Это рассказывал мне дедушка, и слова его подтвердили Сила Сандунов, Украсов и Григорий Иванович Жебелев, которые были свидетелями всех этих закулисных проделок. Боже мой! как эти проклятые исчадия ада — зависть, недобросовестность и своекорыстие — умеют проползти всюду, чтобы помешать всякому согласию и уничтожить всякое доброе дело в самом его зародыше! Конечно, мы скудны талантами, но все-таки они изредка появляются, и появлялись бы чаще, если б одних не душила интрига, а других не сбивало с настоящего пути невежество — богопротивное невежество, как называет его Невзоров.

31 января,
среда.

Все наши журналисты взволнованы статьею любезного пастора Гейдеке под заглавием «Карамзин», помещенною во второй книжке периодического его издания «Русский Меркурий», напечатанного в прошлом году в Риге и недавно здесь появившегося. Дошла же весть до глухих! За эту бесподобную статью, которою Гейдеке так благородно отстаивает Карамзина и так хлещет его недоброжелателей, я простил ему жестокую и несправедливую статью на Штейнсберга, писанную тотчас по приезде последнего в Москву, когда он не успел еще сформировать своего театра, ни узнать вкуса публики. Я постараюсь непременно доставить тебе эту статью, хотя и в плохом переводе; стоит прочитать: есть чему порадоваться и о чем попечалиться. Порадоваться, потому что нашлись и в числе иностранцев люди, которые умели оценить нашего гениального писателя, а попечалиться о том, что не нашлось ни одного человека из русских, который бы вооружился за него против его недоброжелателей, и что честь защищать Карамзина похитил у нас иностранец. Правда, этот иностранец — Гейдеке. Он знает Россию, знает русский язык лучше многих русских и в душе русский. Иван Иванович Дмитриев не разумеет по-немецки и потому желал бы прочитать эту статью по-русски. Я понял намек и постараюсь передать ему ее как умею. Хотя бы что-нибудь удалось сделать для него приятное за его приветливость.

2 февраля,
пятница.

Вот что à peu près[1] пишет Гейдеке в своем «Русском Меркурии» о Карамзине:

«Известный в Германии российский писатель г. Карамзин подвергся той же участи, какой подвергаются и все люди, возвышающиеся над посредственностью, то есть он находится между двумя партиями: одною доброжелательствующею и другою ему враждебною. В продолжение нескольких лет большая часть читающей публики нарасхват раскупала все издания, которых заглавия украшены были именем Карамзина, но между тем в числе стольких читателей, жаждущих сочинений Карамзина, находились и такие литературные соглядатаи, которые искали этих сочинений единственно для того, чтоб найти в них какой-нибудь признак якобинских правил, которые можно было бы обратить в предосуждение сочинителю. Провидение, так неусыпно пекущееся о людях добродетельных, разрушило все эти козни, и гений-хранитель провел Карамзина невредимо посреди мытарств цензуры. Любовь Карамзина к истине и его откровенность остались неизменными во всех обстоятельствах. С мужеством древнего римлянина и настоящего свободного гражданина и патриота он не преставал совершенствовать русский язык и обогащать его слово, и когда недоброжелатели его убедились, что со стороны политических мнений задеть его нет возможности, то задумали достичь своей цели другим способом: стали унижать достоинство его сочинений и подвергать сомнению самый его талант. Между прочим, упрекали его в том, что он изменяет русский язык и ослабляет силу его выражений, что он вводит в него несвойственные ему обороты речи и новые слова, отчего русский язык так же мало походить будет на свой коренной, славянский, как нынешний изнеженный итальянский язык мало походит на латинский Цицерона, Ливия и Тацита. На все эти обвинения Карамзин не отвечал ничего и похвальным словом Екатерине II доказал, что он не нуждается в оправданиях. Но закоренелая вражда непримирима. Многие, почитающие себя ветеранами русской литературы, не могут простить Карам-

---

[1] Примерно (*франц.*).

зину, что он в таких молодых летах успел приобресть такую славу, что современники почитают его любимейшим своим писателем».

Засим Гейдеке объясняет, что он не излагает собственного мнения о сочинениях Карамзина, потому что по чувствам особенного уважения, которые он питает к сочинителю как к человеку высокой души и благороднейших свойств, суждения его могли бы показаться пристрастными, а ограничивается только несколькими выписками из критик и рецензий на Карамзина (напечатанных в 8-й книжке «Северного вестника» 1804 года, издаваемого г. Мартыновым, стр. 111), из которых ясно, без всяких комментарий усмотреть можно, какая из двух партий справедливее в своих суждениях о Карамзине: доброжелательствующая ему или враждебная. Эти выписки могут в то же время служить примером, как доселе еще в России неосновательны положения критики в отношении к словесным наукам.

Гейдеке прибавляет, «что если издателя «Северного вестника» и нельзя прямо назвать врагом Карамзина, то уже ни в каком случае нельзя считать его в числе людей, ему благоприятствующих. Кроме того, что издатель поместил в своем журнале критику на Карамзина, написанную в тоне весьма насмешливом, он еще присовокупил к ней собственное примечание, в котором говорит, «что почитает приятнейшею обязанностью засвидетельствовать искреннюю благодарность любезному сочинителю этой критики». Следовательно, он вполне разделяет с ним мнение, в критике изложенное, а между тем этот любезный сочинитель, обозревая все рецензии, которые напечатаны были в «Московском журнале» в 1791—1792 годах, издаваемом Карамзиным, не позаботился даже узнать, которая из них написана самим Карамзиным и которая нет, и все их приписывает Карамзину потому только, что журнал издавался под его именем».

В заключение Гейдеке предлагает свои выписки, о которых распространяться не буду, потому что «le secret d'ennuyer est celui de tout dire» [1], и упомяну только о замечательном окончании статьи его. Вот оно: «Но если б г. Карамзин захотел обращать внимание на отзывы этих партий, если б вздумал дорожить хвалою

[1] «Средство наскучить — говорить все» (*франц.*).

непризванных ценителей его таланта или ставить во что-нибудь хулу своих завистников и если б, сверх чаяния, современники его оказались неблагодарными к его заслугам, то пусть удастся ему получить то же, чего так желал и что, наконец, получил Овидий: „Si tamen a memori posteritate legar“ [1]».

5 февраля,
понедельник.

Охота пуще неволи, говорит пословица, а я скажу: неволя пуще охоты. В субботу плясал до упаду, и все с такими дамами, которые без меня просидели бы целый вечер на одном месте: их никто не ангажировал. Как весело!

Бал огромный, но совсем не такой великолепный, как того ожидали: все запросто, точно большой семейный вечер. Дом старинный. Пропасть картин, статуй, японских ваз и бог знает чего-чего нет! Но все как-то не на виду. Могучий хозяин сидел в углу передней гостиной с некоторыми почетными гостями и распивал с ними чай и какие-то напитки. Все они очень были веселы, громко хохотали и, кажется, что-то друг другу рассказывали. Возле хозяина сидели Сергей Алексеевич Всеволожский и Мятлев, женатый на графине Салтыковой.

Ужин, кувертов на двести, изобильный, но не пышный: на одном столе сервиз серебряный, на другом и третьем, за которым мы сидели,— фарфоровый. Услуга проворная. За большим столом служили все почти старики, а около нас суетились официанты второго разряда. Молодая хозяйка почти не садилась и заботилась о дамах. О нашей братье, слава богу, никто не заботился, зато мы сами о себе заботились вдвое. После ужина, который кончился в одиннадцать часов, граф приказал музыкантам играть русскую песню «Я по цветикам ходила» и заставил графиню плясать по-русски. Танцмейстер Балашов, учивший ее русским пляскам, находился тут же на бале, для всякого случая: иногда граф заставляет и его плясать вместе с дочерью; для этого у них есть пребогатейшие русские костюмы, но на этот раз они

[1] «Лишь бы читало меня памятливое потомство» (*лат.*).

вместе не плясали. В других же танцах почти постоянными кавалерами графини были губернский предводитель Дашков, очень тучный, но чрезвычайно легкий на ногу, и молодой человек Козлов [1], танцующие точно мастерски. В половине второго часа граф остановил танцы, закричав: «Пора по домам!» Музыка замолкла, и все стали подходить прощаться с ним. Коротко знакомых дам он иных обнимал, у других целовал руки, третьих дружески трепал по плечу и говорил им не иначе как «ты».

Очень удивлялись, отчего градоначальник не был на бале, и выводили из того разные заключения; но говорят, что матушка Москва выводит заключения из всего; так что ж? в том худого нет: всякий будет жить осторожнее.

Сказывали, что у толстого Дашкова есть какие-то датские собаки, чрезвычайно складные, необыкновенно красивой шерсти и такого огромного роста, что англичане предлагали ему за них большие суммы. Разумеется, Дашков предложения не принял и велел отвечать, что «русский барин собаками не торгует».

8 февраля, четверг.

Ездил к ректору просить о выдаче аттестата. Он сердечно рад отпустить меня скорее и советовал похлопотать у Антонского. Застал у него шестичувственного Брянцева, которого наши забавники прозвали так потому, что добрый профессор как-то однажды на лекции объяснял, что некоторые известные ученые не без основания признают в человеке вместо пяти чувств шесть и это шестое чувство называют вожделением. Насмешникам только попадись на зубки, а между тем лучше быть шестичувственным, нежели совсем бесчувственным, как большая часть всех зубоскалов.

Брянцев сказывал, что новое издание гражданской печатью «Четвероевангелия» покойного Харитона Андреевича скоро поступит в продажу по 4 р. 50 к. за экземпляр. Говоря об этом издании, удивлялись огромному

[1] Впоследствии автор «Чернеца», слепец и расслабленный.

труду Чеботарева, труду почтенному и бескорыстному, обратившему на себя внимание не только всей религиозной публики, но и таких учителей церковных, каков преосвященнейший митрополит Платон и др. Страхов, между прочим, подтвердил, что Чеботарев действительно три раза переделывал свой свод, покамест не добился до точного и непогрешительного порядка в повествовании евангельских происшествий. Какова добросовестность и каково терпение!

Далеко сынку до батюшки! Наш Андрюша с своей «Фелицией Вильмар» (пустым романом Бланшара), с своими открытиями да воздушными шарами сам скоро обратится в мыльный пузырь. Зато Софья Харитоновна [1] — дело другое: ум серьезный, учености бездна и в двадцать лет, кроме древних языков, знает столько наук и знает так основательно, что впору было бы иному профессору: это Паскаль в юбке. Зато уж и дурна собою — ах, боже мой, как дурна! Видно, природа в дарах своих всегда соблюдает равенство и заменяет одни другими.

Вот как иностранцы толкуют о Чеботареве:

«Ректор Московского университета г. Чеботарев издал духовное сочинение, которое не перестает обращать на себя внимание ученых теологов: мы говорим о Своде четырех евангелистов. Это в высшей степени занимательное творение напечатано было в синодальной типографии и теперь должно скоро появиться напечатанным в типографии университетской и в другом формате. Чрезвычайно любопытно появление такого важного творения, принадлежащего по существу своему к области высших теологических наук и написанного лицом, не принадлежащим к духовенству, творения, требовавшего стольких экзегетических, герменевтических знаний и критических исследований, из которых автор, к удивлению всех, вышел с такой честью, так что, несмотря на превосходство существовавших прежде сочинений в этом роде и глубокие исследования новейших истолкователей, он не токмо сравнился с ними, но и превзошел их. Впрочем, почему же и не ожидать было этого от настоящего ученого, который хотя занимался и посторонним для своей части предметом, но занимался долгое время, с любовью и неутомимым прилежани-

---

[1] Бывшая впоследствии замужем за известным доктором Мудровым.

ем. И говоря об этом ученом муже, почему не отвечать людям, которые, судя по свойствам его простодушного характера, сомневались прежде в его таланте и удивляются теперь успешному окончанию предпринятого им огромного труда, изречением самого Евангелия, которое так изучил он в продолжение полувекового почти труда своего: „Аще у человек невозможна, у бога вся возможна суть“».

9 февраля,
пятница.

Очень любопытна сравнительная ведомость о ценах некоторых жизненных припасов в Иркутске и Москве в продолжение января прошлого года. В Москве, кроме дров, все дешевле, а между тем утверждают, что в Сибири жить очень дешево, разве потому, что кроме насыщения желудка нет других случаев к издержкам. Я воображаю, как весело мало-мальски образованному человеку проводить жизнь в таком краю, в котором единственным наслаждением его может быть удовлетворение только скотских побуждений: аппетита, жажды и прочего, хотя о прочем там и помину нет. Генерал Маркловский, маленький, кругленький старичок, которого иногда встречаю я у моих знакомых, рассказывал, что в бытность его губернатором в Тобольске единственным его рассеянием были карты и охота, когда дозволяла погода; прекрасные занятия для губернатора! Он мог бы найти и другое рассеяние, несколько полезнее.

Этот Маркловский величайший охотник до легавых собак и создал (видно, от безделья) какую-то особенную их породу, которая очень уважается охотниками.

Название припасов	Цены в Иркутске	Цены в Москве
Ржаная мука, куль	10 р.— к.	5 р. 40 к.
Овес, четверть	10 — 30 —	4—50—
Пшеничная, пуд	1—50—	1—20—
Сено	— —50—	— —25—
Пшено	2—50—	1—10—
Гречневая крупа	2—40—	1———
Горох	2———	1———
Масло коровье	12——— лучшее	11———
Говядина	5——— лучшая	5—50—

Ветчина	8———		3—40—
Свечи сальные, пуд	6———		6—50—
Сахар	60———		8———
Кофе	60———		11———
Ведро простого вина	5———		5—50—
Ведро плохого виноградного вина, красного или белого	20———		6———
Ведро кизлярской водки	65———		5—80—
Мерзлые лимоны, штука по	1———	свежие	——10—
Сажень березовых дров	1—50—		6———
Сажень еловых	1—30—		5—15—
Аршин сукна	12———		4———
Аршин холстины	1———	одной доброты	——40—
Десть писчей бумаги	——50—		——15—
Круглая шляпа	18———	одинако-	3—50—
Трехугольная	22———	вой доб-	4—25—
Пара сапогов	15———	роты и качества	3———
Корова (очень малого роста)	25———	порядочная	20———
Теленок	5———		4———
Серебряный рубль	2———		1—29—

11 февраля, воскресенье.

Наш рязанский атаман Л. Д. Измайлов отправляется завтра в Петербург. Я был у него по приказанию отца, который, не знаю почему, видит в нем какого-то феномена в роде человеческом, но я, грешный студент, вижу в нем только избалованного льстецами барича, совершенного неуча, который не только не покровительствует просвещению, как бы то ему следовало по его званию и богатству, но еще не пропускает ни малейшего случая, чтоб не издеваться с какою-то язвительностью не только над науками, но и над всеми, которые себя им посвятили и носят на себе благородный отпечаток образованности. Для этого Измайлова ничего нет достойного уважения, даже, кажется, и жизни человеческой. В книге его деяний есть такие страницы, от которых захватывает дух и дыбятся волосы. Он некогда был неизменным участником афинских вечеров графа Валериана Александровича Зубова, который иногда любил попировать и покуликать на славу, и воображает, что похож на Зубова, потому что охотник бражничать. Но какая разни-

ца! Зубов знал во всем меру, был человек отличных свойств, необыкновенно умен и такой сердечной доброты, что невольно привлекал к себе любовь всех его знавших. И не даром Державин в то время, когда Зубов впал в опалу и возвращен из Персии, написал к нему одну из прелестнейших своих од, в которой встречаются такие глубокомысленные и доказывающие необыкновенное знание человеческого сердца стихи, как, например:

О! вспомни в том, как восхищенье
Пророча, я тебя хвалил:
«Смотри,— я рек,— триумф минуту,
А добродетель век живет».
Сбылось! Игру днесь счастья люту
И как оно к тебе хребет
Свой с грозным смехом повернуло —
Ты видишь, видишь, как мечты
Сиянье вкруг тебя заснуло,
Прошло, остался только ты.

Остался ты! и та прекрасна
Душа почтенна будет в век,
С которой ты внимал несчастна
И был в вельможе человек,
Который с сердцем откровенным
Своих и чуждых принимал,
Старейших вкруг себя надменным
Воззрением не огорчал.
Ты был что есть, и не страшися
Объятия друзей твоих:
Приди ты к ним! и проч.

Вот каков был Зубов; а вот Измайлов: подарить вновь избранному исправнику тройку лошадей с дрожками, дать ему полюбоваться этим подарком и после, когда тот в восхищении вздумал узнать лета лошадей своих и посмотреть им в зубы,— приказать тройку отложить, снять с коренной хомут и надеть его на исправника, запречь его самого в дрожки и заставить отвезти их в каретный сарай под прихлестом арапника, с приговоркою, что даровому коню в зубы не смотрят; или напоить мертвецки пьяными человек пятнадцать небогатых дворян-соседей, посадить их еле живых в большую лодку на колесах, привязав к обоим концам лодки по живому медведю, и в таком виде спустить лодку с горы в реку, или проиграть тысячу рублей приверженцу своему Шиловскому, вспылить на него за какое-то без умысла сказанное слово, бросить проигранную сумму мелкими деньгами на пол и заставить подбирать его эти деньги под опасением быть выброшенным за окош-

ко! Каприз, один только безотчетный каприз — стихия этого человека. К сожалению, находятся еще люди, которые ищут в нем, и невзирая на все унижение, которому он их подвергает, они смотрят ему в глаза, как жрецы далай-ламы своему идолу. Исправник лошадей все-таки взял, соседи проспались и так же продолжали безвыездно пользоваться его гостеприимством, а депутат Шиловский разбросанные на полу денежки все подобрал и опять по временам мечет ему банк, как будто между ними ничего и не происходило. O tempora! [1]

13 февраля, вторник.

Бывший наш учитель французского языка в пансионе Ронка́, Лаво, с таким же учителем Алларом намерены основать обширную торговлю французскими книгами и завести в центре города, на Лубянке, книжную лавку. Библиографических знаний у них достанет, но достанет ли капитала — это вопрос. Утверждают, что они могут поддержать себя, подобно другим, оборотами кредита, но это все ненадолго: à la longue [2] этот кредит и задушит их.

А право, желательно, чтоб в Москве хотя французская книжная торговля развилась и процвела, если уж русская не развивается и не процветает. Все вообще жалуются на недостаток учебных пособий и средств к высшему образованию: специальных и технических книг вовсе здесь не сыщешь, надобно выписывать их из Петербурга. Русские книгопродавцы не могут понять, что для книжной торговли необходимы сведения библиографические, зато и в каком закоснелом невежестве они находятся! Ни один из них не решится предпринять ни одного издания новой книги на свой счет, потому что не сумеет оценить ее достоинства. Уверяют, что известнейшие московские книгопродавцы все хорошие люди, но какая в том прибыль литературе и литераторам? Ни в Мее и Грачеве, ни в Акохове, Немове и Козыреве нет даже глазуновской сметливости, чтоб кормить ти-

---

[1] О, времена! (*Лат.*)
[2] Со временем (*франц.*).

пографии изданием хотя «Оракулов» и «Сонников», а Клаудий сделался типографщиком. О прочих не стоит и упоминать: просто мелкие букинисты. Впрочем, не много доброго сказать можно и об иностранных книгопродавцах: ни одного в Москве из них нет, которого можно было бы сравнить с каким-нибудь Гарткнохом, Рейхом или Николаи, а цены за книги назначают баснословные: опытные люди утверждают, что втрое дороже, нежели они стоят за границею, да и то промышляют большею частью всяким хламом текущей литературы. Французские книги еще можно найти у Riss et Saucet. С тех пор как завелся здесь французский театр, они выписывают много драматических новинок, но итальянских и английских книг не сыщешь ни в одной лавке; старейший из здешних книгопродавцов, Ридигер, бывал некогда богат книгами классической литературы, но теперь жалуются на его бездействие. Люби, Гари и Попов не что иное, как обыкновенные содержатели типографии без всякой предприимчивости: отстали от века. Куртенер сдал торговлю зятю своему, Готье, и еще неизвестно, что будет. У Горна много старых немецких книг, большею частью педагогических, но о пополнении своей лавки новыми он, кажется, вовсе не думает. Теперь выступает на сцену Лангнер с собственным своим изданием отрывков иностранной литературы. Будет ли в нем прок — увидим. Что же касается книжной торговли во внутренних губерниях России, то пастор Гейдеке, который всегда так уморителен в своих уподоблениях и сравнениях, говорит, что она походит на осла, играющего на лютне («gleicht immer einem Esel, auf der Laute spielt»). Этот немецкий Witz [1] иным покажется не очень понятным, но в сущности так. Вот в Костроме какой-то закоренелый раскольник с давних лет ведет обширную торговлю книгами, а между тем почитает смертным грехом прикоснуться сам к книге, напечатанной гражданской печатью.

---

[1] Острота (*нем.*).

15 февраля,
четверг.

Наконец получил я сегодня аттестат свой, подписанный вчера Страховым, и окончательно распростился как с ним, так с Антонским и со всеми профессорами, кроме Мерзлякова, с которым прощусь 18 числа, в день моего рождения, у нас на пирушке. Не думал я так скоро оставить университет и оставить его таким олухом, в каком-то нравственном расслаблении; а каким молодцом, с какими энергическими надеждами, с какою самоуверенностью в непременных успехах я вступал в него! Вот тебе и успехи! Прежде болезнь, а потом Липецк уходили меня в притчу: да не похвалится всяка плоть пред богом.

Впрочем, все к лучшему! С самого детства я так привык верить в промысл, что теперь, не будучи ни ханжою, ни суевером, ни изувером, ни лицемером, без всякого опасения и предосторожности пускаюсь в житейское море, предаваясь какому-то особому безотчетному путеводному чувству. Знаю, что человек посылается в этот пестрый мир не для того только, чтоб покоиться на розах; но знаю также, что он и не осужден целую жизнь жариться на решетке св. Лаврентия. Если бог продлит веку, придется отведать всего: и горького, и сладкого, но я убежден в одном, что если мера горестей превзойдет меру радостей, то последние, в замену, будут сильнее и живее, и наоборот, а потому:

Смелее с жизнью в бой! advienne que pourra[1].
Ура! Ура!

16 февраля,
пятница.

Граф Растопчин даже и в отставке не пропускает ни одного случая, чтоб словом или делом не содействовать славе отечества. Теперь одаряет всех знакомых своих выгравированным и отпечатанным на счет его портретом прапорщика Емельянова, который в 1799 г., будучи простым солдатом, в сражении под Цюрихом был ранен, взят в плен и в плену умел сохранить спасенное им зна-

---

[1] Будь что будет (*франц.*).

мя, которое после и возвратил генералу Спренгпортену по размене им пленных. Вот что бы Измайлову с его богатством не подражать графу, вместо того чтоб швырять деньги на удовлетворение мелочного губернского тщеславия и безумных прихотей во вкусе времен феодальных!

В Английском клубе делаются большие приготовления к принятию князя Багратиона, которого на днях ожидают. Сказывали, что стихи заказаны П. И. Кутузову и Николаеву: мало одного стихотворца, надобно двух. Не знаю, почему не составили уже полного парнасского триумвирата, присоединив к ним и графа Хвостова? Решено, что обед будет с музыкою, а после обеда будут петь песенники и цыгане попеременно. Не знаю, удастся ли мне попасть на этот праздник, в число избранных пятидесяти человек гостей, но во всяком случае постараюсь. Та беда, что желающих слишком много, и дело не обойдется без затруднений, а признаюсь, очень хочется поближе увидеть этого витязя, который сделался так дорог сердцу каждого русского.

19 февраля,
понедельник.

Вчерашняя пирушка наша не похожа была на прошлогоднюю: обед и ужин были еще изобильнее и вакховых даров всякого разбора и качества вдоволь, но както все сбивалось на заупокойную трапезу. За обедом

Холодный царствовал рассудок,
Сухих приличий важный тон,—

а после, за ужином, хотя гости несколько и поразвеселились, однако ж без настоящего увлечения. Напитки уничтожались, но вино претворилось в воду, и хмель, по выражению Буринского, благословенное чадо беспечности, отказывался споспешествовать общей веселости.

«А знаете ли, господа, отчего мы сегодня сидим повесив носы?» — сказал Злов, который запел было «mihi est propositum» [1] и остановился, видя, что никто ему не подтягивает. «А это оттого, Петр Васильич, что мы их не вздернули»,— отвечал Буринский. Все засмеялись.

---

[1] «Мне предложено» (*лат.*).

«Не угадал, любезный,— возразил Злов,— это оттого, что мы чересчур жеманимся».— «А так как жеманство есть вывеска пошлой посредственности,— сказал Мерзляков,— следовательно, мы сегодня, по мнению вашему, люди посредственные: consequentia valet» [1].— «И сегодня и завтра, Алексей Федорыч, если захотите быть не тем, что вы есть; я запеваю вам одну из любимых ваших песен, и никто из вас не думает подтянуть мне: этого не бывало и я недоволен вами».— «Часто бываешь недоволен другими оттого, что недоволен самим собою, Петр Васильич».— «Буринский, состри за меня: это по твоей части, а я, видишь, дополняю гостям стаканы — тружусь».— «Оттого-то Алексей Федорыч и не в духе, что праздные не любят трудолюбивых».— «Ай да умная голова!» — вскричал Злов. «Десяток умных голов не стоит одной веселой,— подхватил Мерзляков,— все умны по-своему».— «Я желал бы быть умным по-вашему,— сказал Федор Павлович,— и тогда бы я был счастлив»— «За доброе слово спасибо, Федор Павлыч. Мы старые приятели, но предположение твое ошибочно».— «Как ошибочно? а талант, а слава!» — «Твое восклицание годилось бы в заказную речь для пансионского акта, а за приятельским ужином оно не у места: талант, любезный, не проложит пути к счастию, а славу надобно выстрадать».— «Не всегда, Алексей Федорыч,— возразил дотоле молчавший скромный Василий Иванович,— не всегда: большею частью талант сопровождается общим уважением и рано или поздно зависть и недоброжелательство должны заплатить дань истинному достоинству и смириться пред ним».— «А до тех пор, почтеннейший отче, можно десять раз умереть с голоду. Но, впрочем, говоря о счастье, я понимал его так, как привыкли понимать его в свете, и повторяю, что счастье и талант — несогласимые противоречия. Дело другое в отношении духовном: и я постигаю, что настоящее счастие состоит в одном только исполнении своих обязанностей к богу и ближним, каких бы оно самопожертвований ни требовало».— «Но другого счастия на земле и нет, любезнейший Алексей Федорыч; все прочее, что называют счастием, есть не что иное, как только удовлетворение страстей».— «Согласен, Василий Иваныч, очень согласен с вами, но для того чтоб находить

---

[1] Вывод правилен (*лат.*).

счастье в самопожертвовании, надобно возродиться духовно, а покамест мы не удостоились сей благодати, страсти останутся солью жизни и без них она будет безвкусна...»

Мы расстались поздно, и все невеселы.

20 февраля,
вторник.

Помещик Д. В. Улыбышев рассказывал в клубе, что в числе умерших в запрошлом году в Нижегородской губернии 31 000 с чем-то душ находилось до 25 человек, имевших от 100 до 120 лет, но что такое долголетие довольно обыкновенно в России, и особенно в Сибирском краю, в котором люди замечательны крепостью телосложения и отличаются умеренностью в жизни, но что ему однажды удалось видеть пример такой долговечности, какого, вероятно, никто и нигде не встречал. Наследовав после отца небольшое имение в Рязанской губернии, он ездил осмотреть его, и так как в нем не было господской усадьбы, то ему и отвели у одного зажиточного крестьянина, по прозвищу Генварева, простую светелку. У самой квартиры встретили его два старика, седые как лунь, но еще довольно бодрые, судя по их летам, и, по обычаю, пали на колени и, кланяясь в землю, просили принять хлеб-соль. «Я,— продолжал Улыбышев,— удивился почтенной наружности и благообразию этих стариков и тотчас начал с ними ласковый разговор: «Вы здешние хозяева?» — «Да, кормилец».— «А велико у вас семейство?» — «Да всех-то душ с пятьдесят будет».— «И живете нераздельно?» — «Нераздельно, отец родной».— «Как же вы это умещаетесь?» — «Да вон в трех избах, а четвертая — светлица, для свадебок».— «Много ли ж тебе лет, старик?» — «Кому, государь, мне или сынку-то?» — «А это разве сынок твой?» — «А как же, кормилец; вишь, ему только восьмидесятый с петрова дня пошел».— «Да тебе-то сколько ж?» — «Без двух годков сто будет».— «Хорошо, старина, благодари бога, что сподобил пожить столько. Если в семье старший есть, так и порядок есть и дело спорится».— «Вестимо, родимый, без старшего какой уряд? Вот и я остался после родителя-батюшки чуть не малолетный, годков тридцати, и кабы не дедушка —

дай бог ему здравствовать,— то проку было бы немного».— «А дедушка-то долго жил?» — «Да он и теперь еще здравствует, только ноги плохо двигаются, все больше на палатях пребывает». Я обомлел и поскорее вошел в избу, в которой жило семейство этих Мафусаилов. «Здорово, дедушка,— сказал я, входя в избу, довольно громко,— как поживаешь?» — «А ты кто такой?» — откликнулся с палатей голос, довольно зычный. «Вишь, молодой барин приехал,— сказал ему внук,— у нас в светлице стоять будет».— «Ну що ж, на здоровье,— проговорил старик.— Надо барана зарезать али птицу какую, да выломать медку».— «Все есть,— отвечал я,— не тревожься, старик. Да скажи, не помешал ли я тебе, а если нет, так вот хотел бы спросить тебя кой о чем».— «Ну що ж, почему и не спросить: лет с десять ничего уж не делаю, на одном месте лежу».— «А много лет тебе?» — «Да господь ведает. Как наряжали под подводы государю Петру Алексеевичу, как в Воронеж ехал, в ту пору было годков шестьдесят».— «И ты видел государя и помнишь его?» — «Ну, как не помнить? Такой был дюжий да здоровенный, а уж любопытный какой — и, господи упаси! Чего сам не спрошает, так другим спрошать велит. Вишь, проведал, что нам было наказано отмалчиваться перед ним, так, бывало, через других и норовит о чем-нибудь у нас допытаться...»

Я после справился по ревизской сказке о летах этого старика: ему показано было 142 года, но все думают, что в сущности он был старее. У меня недостало духа поближе взглянуть на эту развалину человеческую».

Обжегся на молоке, будешь дуть и на воду, говорит пословица. Поверив рассказам о рыбьем сукне и домашнем шампанском, я, прежде чем поверить рассказу о долговечном крестьянине, справился кой у кого о самом рассказчике — общий голос в его пользу: 25 лет известен в Москве за скромнейшего и правдивейшего человека, который, что называется, лишнего слова не выпустит на ветер.

21 февраля,
среда.

Сегодня приехал генерал-адъютант государя, Уваров, а на днях прибудет и князь Багратион. Ждут также Александра Львовича Нарышкина для окончательного устройства и принятия театра в ведение императорской дирекции. Надобно видеть, в каком восхищении актеры, и особенно те, которые доселе были крепостными. Пора была подумать об участи этих бедных людей. Директором, говорят, назначен будет Всеволод Андреевич Всеволожский. Нельзя было сделать лучшего выбора, богат, живет на роскошную ногу, знаком с целой Москвой, гостеприимен и приветлив, имеет свой отличный оркестр — словом, настоящий директор императорского театра. Думают, что это звание введет его в большие издержки, но что ж в том худого, если богатый человек употребит в пользу службы свои избытки? Это похвальнее, чем живиться и крохоборничать от службы, как то делают многие.

23 февраля,
пятница.

Над нашей Катериной Ивановной Яковлевой учреждается опекунство; только не такое нежное опекунство, под каким была она у маменьки и дядюшек до своего совершеннолетия — нет, это опекунство будет тягостное, стеснительное, жестокое, и стражем интересов доброй ветреницы назначается строгий и расчетливый генерал Струговщиков. Увы! ее разлучают с магазинами и магазинщицами, с мадам Шалме, Дюпаре и прочими отъявленными разбойницами, запрещают забирать в долг на Кузнецком мосту всякое тряпье и подписывать счеты разных усердных услужников, не взглянув на итог. Увы! увы! А между тем имя и звание искателя приключений, увозившего ее, сделалось известным: это какой-то пожилой полковник или генерал Дембровский.

Князь Д. А. Хилков, не только не знакомый с Катериною Ивановною, но и никогда ее не видавший, однажды, играя в бостон у тетки ее, М. И. Суровщиковой, услышал, что приехала какая-то дама и в другой ком-

нате громко разговаривает и поминутно хохочет, вдруг, положив карты на стол, сказал: «Ах, боже мой, какие у этой дамы или барышни прекрасные зубы!» — «А почему вы так заключаете?» — спросил Жеребцов. «Да все хохочет,— отвечал Хилков,— а не имея прекрасных зубов, женщина хохотать не станет». И в самом деле, у ней зубы что твои перлы, и рыжий князь Волконский уверяет, что он дал бы за каждый по мужику. Бедный князь, видно его собственные плохо жуют!

Говорят, что эта перлозубая ветреница чуть ли не выходит замуж за какого-то Шереметева. Пора, пора!

25 февраля,
воскресенье.

Вчера вечером у князя Сибирского

Я познакомился с одною
Распрепочтенною княжною
Елизаветой Трубецкою,—

которая с будущего года намерена издавать модный журнал для женщин под названием «Амур». Не знаю, кто мог надоумить сиятельную издательницу просить у меня совета насчет эпиграфа к будущему ее журналу, только она выбрала советника невпопад. Я сказал ей, что к такому журналу, который называется Амур и будет издаваться дамою, приискать эпиграф очень нелегко и что, по мнению моему, для полного успеха в столь важном деле ей следует обратиться за советом к князю Шаликову как лучшему специалисту в столице по части эпиграфов, мадригалов и всего, что касается до амурной литературы. Княжна осталась очень довольна моим указанием на князя Шаликова и хотела непременно посоветоваться с ним при первой встрече — на Пресненских прудах! В добрый час!

При сем случае я узнал, что князь Юрий Трубецкой, переводчик с французского небольшой комедии под заглавием «Платье без галунов»,— близкий родственник будущей издательнице «Амура». Видно, таланты наследственны в этой фамилии.

Вот и еще одна дама, г-жа фон Фрейтаг (Мария Франциска Регина, урожденная Pfundheller), переводчица комедии Гингера «Наш пострел везде поспел» и

знаменитой Иффландовой драмы «Охотники» (скорее, стрелки — die Jäger), разрешилась оригинальною драмою в пяти действиях «Великодушная женщина». Мне случилось прочитать ее — и грешный человек! полагаю, что зрители слишком будут великодушны, если при представлении досидят до окончания первого действия.

26 февраля,
понедельник.

Вот роман, так роман, которым снабдил меня добрый Платон Петрович Бекетов. Во-первых, одно имя героя уже приводит в трепет: Дон Коррадо де Геррера! А эпиграф? Посмотрите, посмотрите! Все законы света нарушены, узы природы прерваны, древняя вражда из ада возникла! У-у! у-у! так мороз и подирает по коже! и однако ж этот роман — сочинение очень доброго, миролюбивого и умного человека, бывшего нашего студента — Гнедича. Некогда в университете его называли l'étudiant aux échasses [1] или просто ходульником, потому что он любил говорить свысока и всякому незначительному обстоятельству и случаю придавал какую-то важность. Между прочим, он замечателен был неутомимым своим прилежанием и терпением, любовью к древним языкам и страстью к некоторым трагедиям Шекспира и Шиллера, из которых наиболее восхищался «Гамлетом» и «Заговором Фиеско». Х. А. Чеботарев очень уважал его, и когда, во избежание припадков подагры или хирargры, должен был, по предписанию врачей, решаться на сильный моцион, то одного только Гнедича приглашал с собою играть в бабки. В «Гамлете» особенно нравилась Гнедичу сцена привидения, а в «Фиеско» — монолог Веррины, в котором этот беспощадный заговорщик (карикатура на Катона) говорит, что он «готов распороть себе брюхо, вымотать кишки, свить из них веревку и на ней удавиться!». Небось не верится? Не угодно ли взглянуть? Трагедия напечатана у старого знакомца нашего Гари в 1803 г. и продается по цене неслыханной. И вот результатом этой страсти к

[1] Студент на ходулях (*франц.*).

«Гамлету» и «Фиеско» появился «Дон Коррадо де Геррера, или Дух мщения и варварства испанцев»!

А Бородулин тут как тут: вышел роман, как обойтись без эпиграммы:

Коррадо говорит,
Что штуку он такую сотворит,
Что лопнет ад со смеху.
Он сделает потеху:
Все грешники лишатся ада,
Кроме читателей Коррада.

Натянул, злодей, крепко натянул, да как быть? подчас обмолвишься и вместо умной глупости скажешь глупость и пошлую.

Гнедич, который увлекался всем, что выходило из обыкновенного порядка вещей, который три раза прочитал «Телемахиду» от доски до доски и даже находил в ней бесподобные стихи, предпринял было сочинение какой-то драмы в 15 действиях, но не успел по случаю отъезда своего в Петербург. Когда приятели его, в особенности сметливый Алексей Юшневский, стали издеваться над его намерением, он доказал, что большие пьесы, в которых сюжет разделяется на несколько суток, совсем не диковина, что, не говоря уже о народных немецких представлениях, каковы, например, «Русалка» и проч., состоящих из трех и более частей, есть у Шиллера трагедия «Валленштейн» в двух частях, так же как и у Шекспира «Король Генрих» в трех; а наконец, в подтверждение своей мысли, он откопал в какой-то старой, завалявшейся книге, что в Италии (помнится, в Генуе) была представлена пьеса «Генрих IV» в 15 действиях и 3 частях; ее давали по три дня сряду и каждую часть под особым названием: 1) «Генрих, король наваррский, при французском дворе», 2) «Генрих в лагере, или Сражение при Иври» и 3) «Генрих IV на престоле, или Торжественное вступление его в Париж».

А для чего вся эта театральная эрудиция, если не для извинения безрассудного литературного предприятия?

27 февраля,
вторник.

Бывший тамбовский губернатор Александр Борисович Палицын, с сыном которого я учился в пансионе Ронка, затащил меня к себе, по старому знакомству

с тамбовскими моими родными. Преинтересный старик! Он кой-что пописывал и во время своего губернаторства, а теперь сделался литератором не на шутку: ни на час без дела и занимается переводами сочинений большею частью серьезных. Перевел и издал: Макартнея, Делилев «Дифирамб на бессмертие души», творение Жирардена о составлении ландшафтов и «Новую Элоизу» Руссо. Кроме того, я видел у него в манускриптах почти уже изготовленные к изданию поэмы «Времена года» Ст. Ламбера и «Сады» аббата Делиля, и еще очень любопытное «Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых российских писателях его времени». Вот каков! Кажется, этот экс-губернатор с большею пользою употребляет свое время, чем экс-губернатор добрейший Маркловский, составитель новой собачьей породы.

У Палицына встретился я с Алексеем Дурновым, родным племянником земляка твоего Александра Воейкова, который задает такие славные литературные вечера и попойки Мерзлякову, Жуковскому, Измайлову, Мартынову, Сумарокову, Каченовскому и многим другим у себя в доме, на Девичьем поле. Дурнов, отлично играющий на скрипке и флейте и вообще величайший охотник до музыки, с энтузиазмом рассказывал об изобретении каким-то парижским часовщиком Лораном необыкновенной флейты из хрусталя, издающей такие очаровательные звуки, что, слушая их, какие бы кто крепкие нервы ни имел, а непременно разразится рыданьем. Но это изобретение ничто в сравнении с тем, о котором рассказывала возвратившаяся из чужих краев известная здешняя богачка Шепелева. В бытность ее в Париже выдумали и ввели в большую моду какие-то прозрачные рубашки, о которых путешественница отзывалась с восторгом таким образом: «Не можете представить себе, что это за прелестные сорочки: как наденешь на себя да осмотришься, ну так-таки все насквозь и виднехонько!»

28 февраля,
среда.

Утром заезжал к саратовскому откупщику Устинову, который иногда снабжает меня, по переводу отца, деньжонками,— почивает! Заезжал к нему во втором ча-

су — почивает! заезжал вечером — и ответ тот же, только во множественном числе: «почивают». Ах ты господи! Со мною чуть ли не делается то же, что с одним путешественником, который, приехав в Астрахань, тотчас отправился к тамошним индийцам смотреть их идолов. «Можно видеть пагоду?» — спрашивает он у привратника. «Нельзя,— отвечает привратник,— идолы почивают!» — «А когда же их видеть можно?» — «Когда проснутся».— «Когда же они проснутся?» — «А когда все в городе започивают».

На что же тут ученье, если надобно к разбогатевшему целовальнику ездить три раза в день из собственных своих ста пятидесяти рублей, а он все почивать будет?

Рассказывали об одном помещике Долгове, большом ревнивце, которому, по его мнению, изменила молодая жена. Сутки двои или трои разъезжал он по родным и знакомым своим рассказывать постигшее его бедствие и объяснять все подробности измены и случай, по которому он будто бы узнал о ней. Никакие увещания и представления этих родных и знакомых и все их доводы к извинению поступка жены — как, например, что он мог ошибиться, что не надобно принимать так горячо к сердцу маленького кокетства молодой женщины и проч.— не могли успокоить несчастного мужа, и он все оставался безутешен и хотел завести процесс, покамест не напал на Михайла Константиновича Редкина, очень хладнокровного, очень доброго и чрезвычайно здравомыслящего и начитанного старика с сократовской физиономией. «А вот, изволишь видеть, мой любезный друг,— говорил Редкин Долгову,— если и в самом деле приключение такое с тобой последовало и тебя не обманули глаза, так, по мнению моему, все-таки печалиться очень не имеется достаточной причины. Случалось ли тебе читать «Премудрость Соломоню», сиречь его «Притчи»? Если не случалось, так вот прочитай, что он, величайший из всех мудрецов прошедших, настоящих и будущих, глаголет в главе 30, стихи 18—20. «Трие ми суть невозможная уразумети и четвертаго не вем: следа орла паряща по воздуху и пути змия ползуща по камени и стези корабля пловуща по морю и путей мужа в юности его. Таков путь жены блудницы: яже егда сотворит, и измывшися, ничто же, рече, содеях нелепо». Следовательно, уж если великий Соломон почитает невозможным у р а з у м е т ь подлинность содеянной неверности,

потому что она не оставляет по себе следа, так уж нам-то с тобою и подавно нечего искать, с позволения сказать, пустого места».

Вот что значит настоящее красноречие и кстати приведенный пример из древних писателей! Муж подумал, утешился и теперь опять разъезжает по знакомым, но только для того, чтоб каяться пред ними в слишком поспешном и напрасном обвинении жены своей.

2 марта,
пятница.

Вчера изъездил пол-Москвы с поздравлениями именинниц и насилу сегодня отдохнул. Будь это не по обязанности, изъездил бы всю Москву и, конечно бы, вовсе не устал. Таков человек! Кончил день у Авдотьи Петровны Карамышевой, в надежде встретить Петра Степановича Молчанова, которого хозяйка завербовала к себе в племянники, но вместо этого любезного человека встретил братца ее, известного кащея Василья Петровича Нестерова, и несколько других вовсе невзрачных рож, которые только и толковали что о доходах да о количестве принадлежащих им душ (вероятно, des véritables âmes en peine[1]). Тетушка очень сетовала на племянничка: говорила прежде какими-то обиняками, а наконец перед ужином разразилась прямым и очень ясным упреком: «Нынче, батюшка, случайные родные неслучайных родных знать не хотят. Вот и наш обер-прокурор не удостоил нас своим посещением». Нечего сказать, превеселый вечер! Да и поделом, не умничай, и если тебе хорошо, то не ищи лучшего. Отвечерял бы на Поварской, у Небольсиной, так нет; мы, видишь ты, прозираем в будущее!

Получил письмо из Петербурга: просьба моя с аттестатом представлены в Иностранную коллегию, и я вскорости определен буду. Зять Лабата, лейб-хирург Иван Петрович Эйнбродт, просил министра Будберга, который дал приказание не медлить определением. Альбини же пишут, что они в конце апреля будут в Москве и надеются, что я провожу их в Липецк, а за то, по оконча-

[1] Подлинно осужденных на адские муки (*франц.*).

нии сезона вод, они проводят меня в Петербург. Schwester Dorchen от себя прибавляет, что по принятым мерам я, несмотря на определение в службу, могу до осени пожить на свободе, под предлогом пользования липецкими минеральными водами. Кажется, все улаживается по желанию, как нельзя лучше.

Благодаря покровителям моим я попал в число гостей на завтрашний обед в Английском клубе; следовательно, увижу героя Багратиона лицом к лицу, а праздник должен быть на славу; у садовников Лебедева и Соколова подряжено одних цветов для уборки лестницы и померанцевых деревьев для украшения стола на двести рублей.

4 марта,
воскресенье.

Гость. — Благодарю за угощенье,
За ласку и за все про все.
(В сторону)
Мысль хороша, но исполненье,
Мне кажется, ни то ни се.

(Из оперы «Откупщик-хлебосол»)

Конечно, князь Багратион не только сказать, но и подумать этого не может. Прием торжественный, радушие необыкновенное, энтузиазм неподдельный, а угощение подлинно на славу — вот что вчера встретил желанный гость в Английском клубе.

Стол накрыт был кувертов на 300, то есть на все число наличных членов клуба и 50 человек гостей, убранство великолепное, о провизии нечего и говорить: все, что только можно было отыскать лучшего и редчайшего из мяс, рыб, зелени, вин и плодов,— все было отыскано и куплено за дорогую цену, а те предметы, которых, по раннему времени года, у торговцев в продаже не было, доставлены богатыми владельцами из подмосковных оранжерей бесплатно: все наперерыв старались оказать чем-нибудь свое усердие и участие в угощении.

Ровно в два часа пополудни, обыкновенное время обедов в клубе, приехали князь Багратион, градоначальник и генерал-адъютант Уваров и вместе вошли в большую гостиную. Члены клуба, жадничая видеть ближе героя, так столпились вокруг его и в дверях, что старшины, предшествовавшие ему и градоначальнику

по обязанности, в качестве хозяев, насилу могли проложить им дорогу. Князь Багратион имеет физиономию чисто грузинскую: большой с горбиною нос, брови дугою, глаза очень умные и быстрые, но в телодвижениях он показался мне не очень ловким.

Лишь только отворили двери в столовую, оркестр заиграл тот же вечный польский, которым всегда начинаются танцы в Благородном собрании: «Гром победы раздавайся!», а старшины поднесли князю на серебряном подносе приветные стихи и тотчас же потом начали раздавать или, вернее, совать их в руки прочим присутствующим. Мне досталось три экземпляра этого высокопарного произведения Николева, в котором, разумеется, не обошлось без Тита, Цезаря, Алкида и прочих нехристей. Вот последние стихи:

Славь тако Александра век
И охраняй нам Тита на престоле,
Будь купно страшный вождь и добрый человек,
Рифей в отечестве, а Цесарь в бранном поле:
    Да счастливый Наполеон,
Познав чрез опыты, каков Багратион,
Не смеет утруждать Алкидов российских боле.

За обедом князь сидел между двумя Александрами: А. А. Беклешовым и А. Л. Нарышкиным, а против них двое старшин, для угощения. За Нарышкиным особенно ухаживали князья Цицианов и Грузинский и В. А. Всеволожский, потчевая его то тем, то другим, и надобно отдать ему справедливость, что он не обижал их отказом. С Уваровым не расставался красавец генерал князь Андрей Иванович Горчаков, племянник Суворова, командующий здесь каким-то полком (чуть ли не нашенбургским).

С третьего блюда начались тосты, и когда дежурный старшина, бригадир граф Толстой, встав, провозгласил: «Здоровье государя императора!» — все, начиная с градоначальника, встали с мест своих и собрание разразилось таким громогласным «ура», что, кажется, встрепенулся бы и мертвый, если б в толпе этих людей, одушевленных такою живою любовью к государю и отечеству, мог находиться мертвец. За сим последовал тост в честь князя Багратиона, и такое же громкое «ура» трижды опять огласило залу. Но вместе с этим «ура» грянул хор певчих, и вот раздалась, наконец, кантата Павла Ивановича Кутузова:

Тщетны россам все препоны:
Храбрость есть побед залог.
Есть у нас Багратионы:
Будут все враги у ног!

В продолжение пения этих кам плетцов, как называл их умный циник З. Н. Посников (вместо куплетцев), сочинитель поминутно выскакивал из-за стола, подбегал то к градоначальнику, то к князю Багратиону и к другим почетным лицам и оделял всех, кто только попадался под руку, экземплярами своей кантаты. Простодушный старик Бабенов, которому достался также экземпляр этой кантаты, прочитывая ее несколько раз, никак не мог вразумиться, кому именно принадлежат эти ноги, у которых будут враги, упоминаемые в последнем куплете, и адресовался ко многим с просьбою разрешить его недоумение. «Тут нечего и думать,— преважно заметил ему красноносый весельчак Дружинин,— смысл этого стиха «Будут все враги у ног» есть тот, что все враги будут побеждены нами, то есть русскими. Конечно, автор мог бы сказать это яснее: «будет враг у наших ног», но как быть! в пылу поэтического вдохновения не мудрено ошибиться выражением». Ай да толки! Вот что называется пересыпать из пустого в порожнее!

Между тем тосты продолжались: сперва в честь почтенного начальника Александра Андреевича, А. Л. Нарышкина и генерал-адъютанта Уварова, потом некоторых почетных москвичей: князя Долгорукого, Апраксина, Валуева и многих других и, наконец, старшин клуба и всех его членов. Эти тосты были причиною, что многие нечувствительно понаклюкались. По окончании обеда гости перешли в гостиную, и там старшины объявили князю Багратиону, что он единогласно и без баллотировки избран членом клуба в воспоминание того дня, в который он осчастливил клуб своим посещением. Этой церемонии я не видал, потому что в гостиную попасть не мог — et pour cause [1].

Многие утверждали, что генерал Уваров прислан от государя с секретным поручением: узнать мнение московской публики насчет несчастного аустерлицкого сражения и делаемых приготовлений к новой войне с фран-

[1] И не без причины (*франц.*).

цузами. Не думаю: это просто пустые разглагольствия. Государь, вероятно, знает и без того, что мнение Москвы состоит единственно в том, чтоб не иметь никакого мнения, а делать только угодное государю, в полной к нему доверенности.

7 марта,
среда.

Нейком написал прелестную музыку на две небольшие комические интермедии сочинения Гунниуса: «Der Schauspiel-Director» и «Ehestand Wehestand». Какой разнообразный и вместе какой трудолюбивый талант этот Нейком! Не проходит недели, чтобы он не попотчевал публику чем-нибудь новым; то сочинит сонату, то симфонию, то квартет, и вот, pour changer [1], написал в одно почти время две интермедии! Теперь оканчивает хоры для элегическо-драматического представления, которое будет дано в воспоминание усопшего Штейнсберга. Это «Elegischdramatische Vorstellung» [2] сочинил Гейдеке. Начало не слишком поэтическое:

Auch hieher jagt das ruhelose Herz
Verfolgend unbesiegbar mit herbem Schmerz [3],—

то есть, как водится у немцев: где Herz, тут и Schmerz;

Ehtflohne Lust
Aus Freundes Brust [4],—

и опять, разумеется, где Lust, тут и Brust; однако ж умный пробст скоро поправляется:

Der Liebe Thränen,
Der Freundschaft Sehnen,
ist alles nicht genug die Vorsicht zu versöhnen,
Den Menschen Werth durch Menschen Todt verhöhnen? [5]

Но дело не в стихах, а в музыке. Я слышал некоторые хоры — прелесть! Перед пьесою исполнен будет неболь-

---

[1] Для перемены (*франц.*).

[2] «Элегически-драматическое представление» (*нем.*).

[3] Сюда тоже стремится беспокойное сердце, непрерывно преследуемое жестоким страданием (*нем.*).

[4] Улетевшая из груди друга радость (*нем.*).

[5] Слезы любви, тоска дружбы — неужели всего этого недостаточно, чтобы упросить судьбу не оскорблять человеческого достоинства человеческой смертью? (*Нем.*).

шой реквием, сочинения также Нейкома: есть аккорды, раздирающие душу.

По смерти Штейнсберга как-то пропадает охота ездить к немцам. Ни скромная прелестница Шредер, ни болтливая кокетка Кафка одни не в состоянии поддержать тех пьес, в которых играли они с Штейнсбергом; устоят разве одни только большие оперы по милости Соломони, Гальтенгофа и Гунниуса.

В два с небольшим года Штейнсберг «Русалками», «Чертовою мельницею» и «Духовидцем» («Das neue Sonntagskind») приобрел тысяч до 20 рублей, которые оставил жене своей, доброй, но бесталанной немочке. Будет ли она уметь сохранить их? Едва ли. Чудное дело! Кажется, вдова Штейнсберга должна была в своем кругу внушать к себе уважение, а между тем этого вовсе нет. Вот уж она и сбирается в Петербург вместе с Кистером. Добрый путь, милая Anastasia! Мы не забудем вашего супруга, а Снегирь-Nemo не забудет вас и вашей полновесной пощечины.

8 марта,
четверг.

Штейнсберг был не только отличный актер, но и отличный поэт, хотя поэзия его, как поэзия и всех немецких студентов, воспитывавшихся под влиянием Кантовой философии, несколько отвлеченна и туманна, но зато недостаток этот искупается необыкновенною энергиею мыслей и выражений. Рифмы Штейнсбергу нипочем и нисколько его не затрудняют. Как хороши его октавы, к которым прибран им так счастливо эпиграф:

Si male nunc, non olim sic erit [1].
Der Gegenwart will sich den Geist entschwingen! [2]

Все стихотворение от начала до конца выдержано мастерски, а окончание его в особенности превосходно. На днях спишу его непременно целиком, на досуге переведу и посвящу Мерзлякову. Это, во-первых, будет посильная дань моей к нему благодарности, а во-вторых, небольшой косвенный упрек за то, что он не любит немецких поэтов.

---

[1] Если плохо теперь, не всегда так будет (*лат.*).
[2] Над настоящим хочет дух подняться! (*Нем.*)

10 марта,
суббота.

После клубного обеда князю Багратиону и после частных угощений, которыми Москва чествовала дорогого гостя и других петербургских приезжих, она отдыхает. Пора! Надобно же веселой старушке Москве переварить все съеденные ею стерляди и выпитое шампанское. Теперь настоящий пост: тихо и смирно, ни обедов, ни новостей.

Говорят, что обязанности скучны, но я начинаю находить, что скучно и без обязанностей. Решился опять таскаться по лекциям, что очень утешает моего Петра Ивановича, а между тем продолжается переписка насчет моего определения в службу. Не знаю, как благодарить моих добрых покровителей за все хлопоты, которые они на себя по сему случаю принимают.

У князя Ивана Сергеевича Гагарина встретил я знаменитого живописца Тончи. Он женат на старшей дочери князя. Сед как лунь. Судя по виду, ему должно быть лет около шестидесяти, но, по живости разговора, нельзя дать ему и сорока. Он занимал всю беседу. Удивительный человек! кажется, живописец, а стоит любого профессора: все знает, все видел, всему учился. Толковал о политике, науках, современных открытиях, рассказывал разные анекдоты, один другого занимательнее. Я слушал разиня рот и не видал, как пролетело время. Между прочим, он сказывал, что когда в Лукке захотели образовать муниципалитет, то один остряк из слова municipalitá сделал прекрасную анаграмму, которая может идти за эпиграмму: Capi mal uniti [1]. Рассуждая о сходстве латинского и итальянского языков, он рассказал следующий анекдот. Некоторые богатые жители в Вероне, построив часовню богоматери, захотели украсить ее приличною надписью, но вышло затруднение: одна половина строителей желала, чтоб надпись сделана была на латинском языке, а другая настаивала, чтоб она была на итальянском. Долго продолжался спор, покамест один находчивый академик не помирил обе стороны, сделав следующую надпись:

In mare, in terra, in subita procella
Invoquo te, Maria, benigna Stella [2].

---

[1] Неудачно объединенные головы (*итал.*).
[2] На море, на земле, под внезапной бурей я взываю к тебе, Мария, благосклонная звезда (*лат. и итал.*).

Все были удовлетворены: для одних надпись была латинская, для других итальянская. В пример необыкновенной гибкости латинского языка, Тончи написал одну фразу, которую читай как хочешь, с начала или с конца, буква в букву, и она сохраняет свой смысл:

In girum imus noctu ut consumimur igni [1].

Что за любезный человек и с каким многосложным образованием этот Тончи! После всего, что я слышал о нем и от него, не удивляюсь, что русская княжна вышла за итальянского живописца. Он страстно любит литературу и сам пишет стихи: Микель-Анджело и Сальватор Роза были также поэты; в альбоме одной из его своячениц я читал написанные им стихи: не ручаюсь, чтоб они были его сочинения, но, во всяком случае, выбор делает честь его вкусу.

Il passato non è, ma se lo finge
La vana rimembranza.
Il futoro non è, ma se lo pinge
L'indomita speranza.
Il presente sol è, ma in un baleno
Passa del nulla in seno.
Dunque, la vita è appunto
Una memoria, una speranza, un punto [2].

Тончи теперь мало занимается живописью и пишет иногда только портреты с родных жены своей. Портрет, написанный им с старого князя,— произведение образцовое: кроме необычайного сходства, какая работа и какой колорит! Точно живой, так и выходит из полотна; но говорят, что этот портрет, как он ни превосходен, ничто в сравнении с портретом Державина, писанным в Петербурге. Тончи ни за что не хотел представить поэта в парике, а Державин не соглашался писать себя плешивым, и потому художник придумал надеть на него русскую соболью шапку. Сказывают, что это верх совершенства.

---

[1] Мы ночью входим в круг, чтобы сгореть в огне (*лат.*).

[2] Прошедшего нет, но тщетная память хранит его у себя.
Будущего нет, но непокорная надежда рисует себе его.
Есть лишь одно настоящее, но оно мгновенно уходит в лоно небытия.
Итак, жизнь есть, действительно, воспоминание,
надежда, мгновение (*итал.*).

14 марта,
среда.

Здешний губернский предводитель, князь Дашков, сын знаменитой княгини Екатерины Романовны, получил александровскую ленту. По сему случаю князь, несмотря на великий пост, хотел дать огромный бал и пировать на славу, но главнокомандующий отсоветовал; говорит: «Неприлично; лучше дай обед или подожди до пасхи». Князь согласился с радостью, а между тем берет четырех сирот из бедных дворян на свое воспитание. Добряк!

А. С. Черепанов рассказывал, что соседи его, здешние откупщики, по-простонародному «компанейщики», перессорились между собою из пустяков. Приехав вечером с какого-то обеда на заседание в контору, один из трех присутствовавших расхвастался пред товарищами об услугах его общему делу, утверждая, что если б не он, то не миновать бы убытков и вся бы компания к черту. Это задело за живое твоего beau-frère [1]. Прокофья Михайловича Семенова, который не без основания полагал себя посмышленее, и вот он, приосанившись, отвечал: «Может быть, и так, Петр Тимофеич. Конечно, ты мудрен, очень мудрен, а все-таки загадки моей не разгадаешь».— «Ну-ка, попробуй загадать, так увидишь, что разгадаю».— «Нет, не разгадаешь».— «Да уж разгадаю»,— живо отвечал Бородин. «Ну, слушай, Петр Тимофеич, да слушай обеими, эйн, цвей, дрей — что это такое?» Бородин призадумался, понасупился и вспыхнул. «Ну, слушай же ты меня, Прошка! этой загадки, конечно, я не разгадаю, да уж и обиды такой тебе не спущу: откуп лопни хоть сейчас, а я тебе не дольщик!» С этими словами он вскочил с кресла — и был таков! На другой только день хромой Соловой успел помирить товарищей.

24 марта,
лазарева суббота.

Гулянье на славу! Погода прекрасная. Небольшой мороз осушил площадь. Щегольских экипажей множество. Были кавалькады, в которых отличался князь

[1] Зятя (*франц.*).

Касаткин и Зотов: первый на каком-то арабском или турецком жеребце, который все прыгал под своим всадником. Седло и сбруя турецкие, облитые золотом и украшенные драгоценными каменьями — очень картинно, но было бы еще картиннее, если б всадник сам был в турецком костюме, а то убранство лошади не согласовалось с синим фраком и черным спенсером: точно как будто и седло и мундштук взяты были напрокат у Лухманова. Другой выехал настоящим английским джентльменом: на рыжем жеребце с проточиною во весь лоб; сбруя новенькая, только что из мастерской Шульца, легонький мундштук с серебряными удилами. Сам всадник в черном фраке и сапогах с отворотами: просто, красиво и нарядно. Княжны Щербатовы из новой зеленой кареты своей глаз с него не спускали, да видишь, не то время!

Обедал у Катерины Александровны и, к великому моему удовольствию, встретил, наконец, почтенного Якова Ивановича Булгакова, которого так давно мне хотелось увидеть поближе. Он живет неподалеку от Катерины Александровны и называет ее милой соседушкой. Яков Иванович находился в дружеских связях с покойным ее мужем, и оба были близки к князю Потемкину. Булгаков имеет замечательную наружность: лицо умное и серьезное, однако ж не без приятности: довольно тучен, но в движениях свободен и ловок, говорит, как книга. Где он не был, чего не видал и чего не испытал в своей жизни! Трудолюбие — отличительное его качество. Говорят, что он не может ни минуты оставаться праздным: не пишет, так читает. П. И. Страхов сказывал, что он подарил ему свой перевод первой части «Анахарсиса» и склонил его переводить последние. Непостижимо, как этот человек, при деятельности ума своего, живет без службы! Очень любит Москву. Он утверждал, что для людей, окончивших почему бы то ни было служебное поприще, нет лучшего приюта в мире, как Москва. При этих словах мне пришли на память прекрасные стихи Карамзина:

Кто в мире и любви умеет жить с собою,
Тот радость и любовь во всех странах найдет;

а Булгаков, кажется, находил это счастие повсюду, даже и в Семибашенном замке, куда он заточен был турецким правительством: оставаясь там в заключении более двух лет, он умел не соскучиться и перевел «Все-

мирного путешествователя», первую книгу гражданской печати, которую я читал в моем детстве. Я думаю, оттого-то я с таким любопытством смотрел на Булгакова и слушал его с такой жадностью.

4 апреля,
среда святой недели.

Христос воскресе.

Праздничные визиты мои кончены: я обрыскал весь город. Мне показалось, что некоторые из самых близких моих знакомых как будто на меня дуются. Не знаю причины, что я им сделал. Не за то ли, что редко у них бываю? Да что им во мне? Чувствую, что с каждым днем я становлюсь ничтожнее и скучнее. Они называют меня, как будто в шутку, немцем, но это не шутка, а намек, который я понимаю, хотя и безотчетно. Чтоб отомстить им, я и в самом деле отправился к немцам. Милая малютка Шредер в первый раз играла после тяжкой своей болезни. Мать была так рада ее выздоровлению, что все представление проплакала от удовольствия. Эта чувствительность меня тронула, да и со времени пропетой ею мне русской песни почти у самого смертного одра бедного Штейнсберга я как-то очень полюбил эту хорошенькую женщину, несмотря на то что она актриса, которых я не великий поклонник. В управлении немецкого театра заметна большая перемена: по всему видно, что Штейнсберга нет, умного доброго Штейнсберга, которого обыкновенная поговорка была:

Ein jeder lerne seine Lektion,
So wird es wohl im Hause flohn [1].

Теперь всякий делает что хочет. Не худо бы А. Муромцеву заняться попристальнее своим делом, иначе оно идти не может и ему предстоит худой конец: закрытие театра, чего очень опасаются актеры. Куда им деваться? Не все имеют талант мамзель Штейн, вышедшей замуж за Гебгарда и тотчас же определенной на театр петербургский. Впрочем, для меня теперь все равно: я и сам скоро уеду, но жаль старых знакомцев: разбредутся

[1] Пусть каждый учит свой урок —
тогда и в доме будет прок (нем.).

бог весть куда. Сказывали, что Арресто уехал в Вену и что роль маркиза Позы в «Дон-Карлосе» играет теперь Кудич, который его не стоит.

7 апреля,
суббота.

Пишут из Петербурга, что непременно скоро определен буду. Дай бог! Столько молодых людей, не старее меня летами, давным-давно не только определены, но, по какому-то слепому счастию, имеют уже и чины: кто переводчик, кто коллежский асессор, а есть некто, Горяинов, который еще в пансионе у Ронка был надворным советником. Не знаю, как это делается, только, признаюсь, хотелось бы того же и мне, да видно, не всякому на роду написано быть тем, чем кто хочет, а только тем, чем бог велит. Так будь же его святая воля! Дарья Егоровна приписывает:

Weine nicht, es ist vergebens,
Iede Freude dieses Lebens
Ist ein Traum der Phantasie.
Mühe dich es zu vergessen
Das du einst ein Glüch besessen;
Denke, du besasst es nie [1].

Это легко сказать, но трудно выполнить.

Года два назад генерал Чесменский завел прекрасную фабрику разных машин и орудий земледельческих. Теперь вошло в моду ездить на обозрение этой фабрики, и если бы дорога была лучше, то вся Москва поскакала бы любоваться заведением. Устройство на английский манер и много рабочих людей из англичан. Скептик Демидов утверждает, что москвичи ездят на фабрику не смотреть и не учиться, а сытно пообедать и попить хорошего вина. Это легко может быть, да зачем же придумывать все в худую сторону?

Соученик мой, Николай Федорович Грамматин, получивший золотую медаль и остающийся еще в пансионе для получения степени кандидата, задумал состя-

---

[1] Не плачь — это напрасно, каждая радость в здешней жизни —
греза воображения. Постарайся забыть,
что ты когда-то был счастлив; думай,
что этого никогда не было (*нем.*).

заться с профессором своим И. А. Геймом в издании французско-русского лексикона. Нет сомнения, что Грамматин знает по-русски лучше Гейма, но зато чрезвычайно смешон с своими логическими выводами. Напр[имер], слово «accoucheur» он переводит словом «повивальный дед». «Да почему же accoucheur повивальный дед?» — спрашивал его Проташинский. «А потому, что если есть повивальная бабка, так почему же не быть и повивальному деду? Ведь ремесло одно и то же». Ну как не вспомнить Эмина:

Коль есть в планетах раки,
Так почему ж не быть там и моей Собаке?

11 апреля,
среда.

С нынешнего дня русский театр поступил в казенное ведомство, и в первый раз актеры играли под названием актеров императорских. Давали драму «Бедность и благородство души» и комедию «Слуга двух господ». Каждый из действующих лиц вырос на пол-аршина, кроме Плавильщикова и Сандуновых, которые некогда уже были придворными актерами. Впрочем, как эти господа ни скрывают свое удовольствие, а оно написано на лицах их. Безделица! им зачитают все время бытности их при частном театре для получения пенсионов, но для некоторых других это событие еще важнее: они приобретают желанную букву «г» к своим фамилиям, и, сколько я заметить мог, Кураев, Волков, Лисицыны и tutti quanti [1] с театров Столыпина и кн. Волконского ходят уже с возвышенными главами, а некоторые даже и с отяжелевшими. Лисицын на радости беспрестанно пел из какой-то оперы, в которой он играет роль слуги-дурака:

У нас деревня близ Китая,
Где очень, очень много чая!

«Слава богу, что нет рому,— сказал ему Злов,— а то бы ты с чаем-то разом его выпил». Наш Петр Васильевич очень смешон: за словом в карман не полезет. Гр. Растопчин очень любит Злова и приглашает его иногда к себе.

---

[1] Все подобные (*итал.*).

15 апреля,
воскресенье.

Обедал у Антонского с Страховым, протоиереем Малиновским, Мерзляковым, Буле, Двигубским, Буринским и Петром Ивановичем, которому он поручил непременно привезти меня. «Своего-та привезите,— сказал он Петру Ивановичу,— мы с ним жили-та не в большом ладу, надобно помириться-та». Сверх чаяния моего, обед был очень веселый и очень сытный. Говорили большею частью о новых университетах: Харьковском и Казанском, открытых в прошедшем году; хвалили очень выбор кураторов: графа Потоцкого и Румовского. Страхов утверждал, что они отлично знают свое дело. Превозносили государя, который так печется о распространении просвещения, и удивлялись, как в такое беспокойное военное время он успевает всем заниматься.

Страхов спрашивал Буле и Двигубского, готовят ли они что-нибудь к торжественному акту. Буле отвечал, что он намерен написать диссертацию о лучшем способе сочинить историю народов, населявших Россию прежде IX века, а Двигубский объявил, что будет говорить о нынешнем состоянии земной поверхности. Слава богу! это уже не прежние сухие рассуждения, никого не интересующие, следовательно, на акте будут говорить и слушать дельное. Отец Феодор сказывал, что и он на старости лет хочет произнести, может быть, в последний раз написанное уже им слово о том, что милость есть главная обязанность, достойная человека, и вместе собственное его благополучие. Пили за здоровье государя, министра просвещения, куратора и Страхова как ректора университета, а при конце обеда хозяин предложил выпить и заупокойную чашу в воспоминание почтенного Харитона Андреевича, скончавшегося в начале прошлого года. Между прочим, Страхов объявил, что мы, наконец, будем иметь краткую историю университета, которою занимается Павел Афанасьевич Сохацкий, по давнему желанию куратора М. Н. Муравьева.

18 апреля,
среда.

Наши опять будут жить летом в Липецке и поручили мне закупить запас вина. Я не очень рад этой комиссии, потому что вина вздорожали. Я боюсь сделать им пренеприятный сюрприз: они не ожидают таких цен. Говорят, что еще будет дороже с возвышением курса на серебро и золото. Серебряный рубль ходит уже 1 р. 31 к., империал — 13 р. 30 к. и червонец 3 р. 98 к. Цена вину лучших сортов следующая: шампанское 3 р. 50 к. бут., венгерское 3 руб., рейнвейн 2 р. 50 к., малага 1 р. 25 к., мадера 1 р. 50 к., медок ведро 9 руб., францвейн 8 руб., водка бордоская 3 р. 50 к. штоф. Но пусть уже это вина французские, и возвышение на них цены может иметь причину в возвышении курса на золото и серебро, да за что же вина и водки русские также в ценах возвышаются? Например, бутылка горского стоит 1 р. 50 к., цимлянского 1 руб. и кизлярской водки штоф 2 руб. Очень неприятно, а между тем делать нечего и купить надобно.

Если определение мое в службу замедлится, то я и сам уеду в Липецк, и тогда снабди меня одним из Дураков моих. Впрочем, все должно решиться недели через две. В первых числах мая Альбини будут проездом в Москве, и я достоверно узнаю, чего мне ожидать должно.

22 апреля,
воскресенье.

Сегодня на немецком театре «Das neue Sonntagskind», а на русском «Крестьянин маркиз, или Колбасники» Паэзиелло. Меня подмывало и туда и сюда, но я решился изменить немцам для Сандуновой и Волкова — и раскаялся: в немецком театре проболтал бы, по крайней мере, за кулисами с немецкими чечетками и похохотал над уморительным Коропом в роли нашего брата, недоученного студента, а то просидел три часа на партерной лавке с каким-то купцом, который не давал мне слушать музыки своими вопросами, примечаниями и замечаниями: выйдет ли на сцену Сандунова — вопрос: «Ведь это, батюшка, Сандуниха?» — «Да-с».— «Вишь

какая здоровенькая!» — «Да-с». Появится ли Волков: «Ведь это, батюшка, тот, что Тарабара-то представляет?» — «Да-с».— «Вишь какой красноносый! А зачем же, батюшка, он в парике?» — «Так надо-с».— «А отчего же, батюшка, он как будто по-собачьи лает?»— «Так надобно-с».— «Этакий Маркобрун! А позвольте спросить, мой отец, ведь это комедия, что ли?» — «Нет-с, опера».— «Так-с!» Словом, душу вытянул, злодей, надоел до смерти!

Сказывали, что цены на ложи и кресла будут прибавлены, но партер останется в прежней цене.

При выходе из театра встретил генерала Петра Семеновича Муравьева, приехавшего из деревни нарочно для скачек, которые начнутся с 6 мая. Он привел трех скакунов для состязания с лошадьми графа Орлова и говорит, что надеется обскакать их. Не мудрено: в прошлом году выиграл жеребец его Травлер; правда, что он был выписной, а лошади графа Орлова и других охотников — доморощенные. Петр Семенович обещался свозить меня на Донское поле посмотреть на приготовление лошадей его к скачке. Не знаю, сдержит ли слово, но, признаюсь, поехал бы с ним с величайшим удовольствием. Он дал мне печатное объявление об этих скачках, с которого вот и список.

«Назначаются на Донском поле скачки по 500 руб. каждая, с подпискою за каждую лошадь по 100 руб. Каждая скачка с перескачкою.

	Для лошадей	Дистанция	Вес	
6 мая	5 лет	6 верст	3 пуд.	15 фун.
14 —	4 —	4 —	3 —	6 —
21 —	5 —	6 —	3 —	15 —
27 —	3 —	2 —	3 —	6 —
3 июня	3 —	2 —	3 —	6 —
10 —	4 —	6 —	3 —	15 —
17 —	4 —	4 —	3 —	6 —
25 —	5 —	6 —	3 —	15 —
	6 —	—	3 —	19 —
	7 —	—	3 —	23 —

Если трехлетки поскачут с старшими лошадьми, то им иметь 2 п. 20 ф.».

27 апреля,
пятница.

По случаю помолвки Луизы Эренталь с майором Бессоновым пастор Гейдеке послал ей черный вуаль при прекрасных стихах. Перевожу их буквально прозою: чем богат, тем и рад.

«К грешнице

Как бывает сладостно сердцу, когда случается встретить такое доброе и милое существо, как ты, Луиза, хотя доселе и была ты опутана страстями! Но если бог милосердствует к бедным грешникам, если прощает бог, то как смеет не простить человек?

Не отчаивайся ты, слабая дева: в искренности покаяния твоего заключается твое искупление. Тому, кто прибегает к раскаянию, всемогущий внезапно ниспосылает лучший из даров своих: святую, многожеланную надежду.

А я, твой верный, почти отживший уже друг, посылаю тебе печальное покрывало покаяния: прикрой им все твое прошедшее, все бедственные случайности твоей жизни».

Разумеется, что это слабая копия с прекрасного оригинала. Гейдеке из всякого случая всегда выведет поэтическое и вместе христианское заключение.

Был у Всеволожских. Сказывали, что будто бы в Москву назначается другой губернатор и что сам Александр Андреевич просится в отставку. Не думают, однако ж, чтоб его отпустили, а разве дадут другое назначение.

Обер-прокурор Боборыкин рассказывал, что он определил к себе в канцелярию одного приезжего из Орла, бедного гимназиста, вот по какому случаю. Этот гимназист, Корнильев, сын какого-то орловского канцеляриста, по приезде остановился у известного стряпчего Григорьева, великого поклонника Бахусу, который начал его образование тем, что повел в Кремль взглянуть на Ивана-великого, царь-пушку и большой колокол. Проходя по Тверской мимо трактира мадам Шню, Григорьев приказал Корнильеву подождать его на улице, а сам забежал в трактир выпить рюмку водки. По возвращении Григорьева юноша спросил его, что это за

дом, куда заходил он. «Дом сумасшедших»,— отвечал Григорьев. «Дом сумасшедших,— возразил без запинки Корнильев,— да как же это вас оттуда выпустили?» Боборыкин узнал об остром ответе мальчика и взял его на свое попечение. Бедняк удачным словом проложил себе дорогу, а то, может быть, и долго прошатался бы без определения на службу.

2 мая,
среда.

Вчера прошатался целый день на гулянье в Сокольниках и видел почти всех знакомых. Что-то многие опять начинают толковать о войне, а некоторые и нетерпеливо ее желают. В палатке главнокомандующего было пропасть гостей, но сам он не был, по случаю нездоровья. Поезд графа Орлова так же был наряден, как и в прошлом году, но в нынешний раз он не сделал на меня такого уже впечатления: люди одни и те же, один и тот же порядок и то же убранство; самые лошади те же; впрочем, ко всему присмотреться можно, даже со временем и к жизни. Nil admirari [1]. Это, может быть, и очень покойно, но чтоб весело было — не думаю.

В палатке Е. Е. Ренкевича дым коромыслом: весь город, начиная от губернатора и обер-полицеймейстера до вральмана Бородулина. Кушают мороженое, пьют шампанское и закусывают бисквитами. Не токмо всякому приходящему, но и мимо идущему предлагается чашка чаю, рюмка вина или какое-нибудь лакомство. Палатка Ренкевича точно приемная трапеза какого-нибудь древнего болярина: милости просим всякого без разбора.

Ренкевич сказывал, что тесть его, Пашков, великий охотник до разных редких птиц, получил недавно из Англии пару черных лебедей, которые в самой Англии считаются еще редкостью; они привезены чуть ли не из Австралии, а теперь плавают по садовому пруду против дома Пашкова на Моховой, где всякий день можно их видеть. Завтра непременно взгляну на них.

Мамзель Соломони-старшая, которая так хорошо играет на скрипке, выходит замуж за известного ка-

---

[1] Ничему не удивляться (*лат.*).

ретника купца Петрова, который получил недавно золотую медаль на голубой ленте, мимо всех медалей низшего класса. Что сделал этот Петров и какие оказал услуги — это для меня покрыто мраком неизвестности, но знаю только, что он будет иметь хорошенькую, умную и талантливую жену и что я буду пировать у него на свадьбе, потому что все Соломони меня приглашали. Младшей я не советовал бы выходить замуж, чтоб не потерять прекрасный, редкий талант, который требует еще развития, а оно едва ли возможно при домашних хлопотах и заботах супружеской жизни.

Я уверен, что старшую сестрицу через год мы не узнаем: забудет скрипку и фортепьяно, обопьется чаю, растолстеет, обленится — и мамзель Соломони поминай как звали! Итальянская Сильфида превратится в жирную купчиху.

6 мая,
воскресенье.

Сейчас со скачки. Скакали восемь лошадей; выиграл рыжий жеребец Витязь, принадлежащий Мосоловым и собственного их завода. Славная лошадь, от Юби. По окончании первого гита, когда стали взвешивать ездока и обтирать лошадь, граф Орлов сходил с эстрады и долго любовался победителем. После перескачки, которую Витязь опять выиграл легко, граф Орлов подозвал к себе Мосоловых и поздравлял их. Сказывали, что он только с ними держит заклады на деньги, с другими же охотниками бьется на одни калачи. Братья Мосоловы очень умные люди, знающие охотники и ведут дела свои аккуратно. И в этот раз цыгане также пели и плясали, а напоследок был и кулачный бой. Победителем явился курятник из Охотного ряда Сычов, с трех ударов уничтоживший своего противника. Ему накидали денег чуть не полную шляпу и поили вином, но и побежденный не был забыт: достались и ему пригоршни две серебряных рублей. Князь Хилков, секретарь скачек, сказывал, что цыгане записаны были прежде крепостными крестьянами графа Орлова и единственно его попечению обязаны тем, чем теперь сделались, а до того времени были, как и все кочующие цыгане, просто гадки. Граф, по возвращении уже из чужих краев, даровал им свободу и записал в мещане.

8 мая,
вторник.

Нынешнею ночью был такой мороз, что хоть бы в октябре. Думаю, что пострадают все фруктовые деревья и Москва останется без яблок, груш и вишен.

Вчера ездил в русский театр. Давали «Наталью, боярскую дочь» Глинки. Я скучал и зевал: никак не могу привыкнуть к этим драмам, взятым из повестей Карамзина. Эти повести сами по себе восхитительны, а на сцене до крайности утомительны и скучны. Отчего же? — право, не понимаю. Кроме неискусства переделывателей должна быть и еще какая-нибудь другая причина. И «Лиза» Федорова скучна, а «Наталья», помоему, еще скучнее. Персонажи все на ходулях, несут такую пошлость, что мочи нет. Какой-то острослов попотчевал автора эпиграммою, которую повторяют все, хотя она вовсе не задорна:

«Наталью» видел ли? — Изрядная новинка.
— Фарфор или фаянс? — О, нет, простая глинка.

Я не большой охотник до эпиграмм, но не люблю и ничего неестественного и напыщенного, не люблю этих сценических проповедей, которые никого не трогают и не исправляют. Вот, например, так драма «Отец семейства», в которой так превосходен Померанцев. Нравоучение проистекает из действия и потому трогает и врезывается в душу; морализовать на сцене бесполезно: не будешь моралистом лучше Соломона и Сираха. Кто захочет учиться, тот будет читать их, и нашим драматургам и во сне не мечталось такого знания сердца человеческого.

14 мая,
понедельник.

Сегодня опять скачка. Как ни хочется видеть ее, но я не поеду. Петербургские гости мои прибыли и завтра отправляются в Липецк, а сегодня повезу их в немецкий театр, на котором дают маленькую оперу «Der Schatzgräber». После спектакля иллюминация в саду, воксал и бал.

Иван Николаевич проехал на днях, а длинный Иван Кузьмич давно уже распоряжается на водах. Я выеду

дней через десять в деревню, а оттуда вместе с своими в Липецк. Альбини сказывал, что определение мое последует непременно чрез месяц, а много недель чрез шесть. Эйнбродт хлопочет, и тесть его, почтенный гасконец Лабат, не дает ему покоя. Добрые люди! К 10-му будущего месяца пришли мне в Липецк одного Дурака, какого хочешь — для меня все равно, а за это вот тебе вчерашний анекдот.

Алябьев, поссорившись за картами с Яковлевым, вызвал его на дуэль. «А на чем ты хочешь драться?» — спросил последний. «Разумеется, на саблях»,— отвечал Алябьев.— «Не могу».— «Почему же не можешь? Я обижен и имею право назначать оружие».— «Воля твоя, не могу».— «Ну так на шпагах».— «О, ни за что не могу! Я наследовал от короля Иакова I, от имени которого фамилия моя происходит, врожденную антипатию к обнаженному оружию и не могу смотреть на него». Все засмеялись, Алябьев также и шампанское примирило противников.

18 мая,
пятница.

Вот последнее мое донесение и последние сплетни из Москвы. Не хотелось и пера брать в руки, а пришло время ложиться спать, так и потянуло к конторке написать тебе несколько строк. Альбини сказывали, что в Петербурге только и разговоров что о войне, и думают, что фельдмаршал граф Каменский будет начальствовать войсками. В петербургском обществе господствует самый воинственный дух и явное нерасположение к французам. Это заметно, кажется, еще более здесь. Те охотники до новостей, которые не разъехались еще по деревням, бегают, рыщут и толкуют о каком-то проекте для составления многочисленной армии. Я слышал, что все отставные генералы и офицеры, бывшие некогда в походах и сражениях, будут приглашены вступить опять в службу. И. И. Дмитриев утверждает, что государь не допустит Россию до унижения и во что бы то ни стало начнет новую борьбу с Наполеоном, но, впрочем, говорит: «Заботиться не о чем: нужна только доверенность к правительству». Он советовал мне заняться в деревне чем-нибудь серь-

езным. Я сам давно об этом думал и решился приступить к сочинению трагедии. Сюжет у меня есть: из истории древних персов. Имя героя громкое — «Артабан». Иной насмешник превратит его в барабан, но к этому готовиться должно, и насмешек не избежишь. Впрочем, надобно точно написать что-нибудь путное, чтоб было с чем приехать в Петербург. Рекомендательных писем у меня будет немного, и те, которые на них вызывались прежде, вероятно, откажутся, когда придется приняться за перо. Но пусть будет что будет: во всяком случае, лучше надеяться на себя. Петр Иванович радуется моей решимости и уверяет, что трагедия выйдет превосходная. Добрая душа! Он не может привыкнуть к мысли, что мы скоро расстанемся, и в случае если б я должен был ехать в Петербург один, то непременно хочет проводить меня и пожить со мною хотя недельку в новом городе.

Был в Иславском у И. П. Архарова: веселый приют! Что за добрейшее семейство! Радушно, приветливо, ласково, а о гостеприимстве нечего и толковать. Кокошкин снаряжает у них домашний спектакль — драму «Ненависть к людям и раскаяние» и сам играть будет Мейнау. Предлагали мне роль простяка Петрушки, да мне не до того; речь идет о подмостках другого рода. Славное село подмосковное Иславское! Во-первых, на реке, сад боярский, аллеи с трех концов, оранжереи и пропасть разных затей. Иван Петрович обещал мне дать несколько рекомендательных писем к некоторым петербургским своим знакомым: надеюсь, что они не будут заключать в себе такой же рекомендации, какою снабдил он одного своего соседа. Вот она:

«Любезный друг, Петр Степанович! доброго соседа моего И. А. А. сын Николай отправляется для определения в статскую службу. Он большой простофиля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою, любезный друг, на моем дураке, запиши его в свою канцелярию и, при случае, не оставь наградить чинком или двумя, если захочешь,— мы за это не рассердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому что он его не стоит, да и отец его богат, а будет и еще богаче, потому что живет свиньей».

Вследствие этой рекомендации юноша был определен и в течение трех лет получил три чина.

23 мая,
среда.

О высылке Дурака я к тебе писал, но совсем забыл упомянуть о ружье: снабди меня своим широкодульным старбусом.

«В продолжение шести недель мы виделись с Дарьею Егоровною ежедневно,— говорил Граве,— вместе играли, резвились, шутили, болтали всякий вздор, а я ни разу не заметил, чтоб она когда-нибудь покраснела».— «И не мудрено,— отвечал старик Редкин,— она до сих пор едва ли знает, когда ей краснеть должно».

Сказано умно и справедливо: для невинной души все невинно.

Завтра выезжаю, и к сожалению, один. Прошлогодние товарищи мои сбились с толку: Литхенс публиковал свой отъезд в чужие края, да я уверен, что он не поедет,

Потому что очарован
И к ногам ее прикован; —

а на Федора Павловича нашла страсть заниматься в своей экспедиции. «Mais de quoi s'occupe t'on chez vous?» — спросил его Затрапезный.— «Mais on ne fait rien, ou on fait des riens» [1],— отвечал Граве, и это, кажется, сущая правда. Спасибо, что не умничает, подобно другим, которые, переписав какую-нибудь бумагу, думают, что они уже пределовые люди, на которых должно быть обращено внимание целой России.

29 мая,
вторник, Тула.

Тула городок — Москвы уголок. Это так же справедливо, как справедливы, большею частью, и все народные замечания и поговорки. Тула может точно назваться Замоскворечьем, по своим каменным зданиям, красивым улицам, по движению на них народа, по своей торговле и промышленности; один оружей-

[1] «Чем же занимаются у вас?» — «А ничего не делают или занимаются пустяками» (*франц.*, игра слов: *rien* — ничего, *des riens* — пустяки).

ный завод стоит иного города. Я ходил взглянуть на этот завод. Начальник его, генерал Чичерин, ласковый и приветливый, дал мне в проводники заводского пристава, Капитона Карловича Шультена, который все показал мне в подробности и обстоятельно, старался меня вразумить в заводское производство. На заводе встретил и директора П. Г. Цвиленева. Он, между прочим, сказывал, что мастеровые, работающие на этом заводе, составляют какую-то особенную касту, так что всякого из них всегда отличить можно от других мастеровых по ухваткам, походке и по образу изъяснения. Цвиленев утверждал, что тульские оружейники отличаются неимоверною бойкостью в поведении и смышленостью в своем деле, необыкновенно понятливы и переимчивы: им стоит один раз только взглянуть на какую бы то ни было вещь, чтоб ее сделать, но зато с ними надобно уметь ладить и держать ухо востро, иначе тотчас сядут тебе на голову. «Конечно,— присовокупил Цвиленев,— они не дошли еще до степени плутовства вошанских ямщиков [1], однако ж есть из них такие, которые, как говорится, в одно ухо влезут, а в другое вылезут, так что и не услышишь; так поэтому не даром один проезжий, выведенный, видно, из терпения медлительною починкою своего экипажа и вынужденною за нее огромною платою, написал к ним на стене общественного трактира, где я останавливался, следующие вирши:

О вы, мастеровые Тулы!
Вы настоящие акулы:
Мне с вами времени и деньги лишь изъян.
Все молодцы вы на посулы,
А только смотрите в карман.

В. Б-ъ.

Желал бы я знать, что этот «В. Б-ъ», и подозреваю близкого соседа.

Некоторые купцы, давно знакомые с нашим домом, приглашали меня к себе, и между прочим, знаменитый некогда торговец лошадьми и поставщик их ко двору, старик Гаврила Рожков, которого я посетил с удовольствием, пил у него чай и пуншевал с ним; «в благодар-

---

[1] Село Вошаны, близ Тулы, известное в тогдашнее время удалыми и плутоватыми своими ямщиками. (*Позднейшее примеч.*)

ность за компанию», как он выразился, «и в воспоминание моего детства» подарил он мне прекрасную старинную голландскую картину, изображающую конный завод, и заставил старшего сына Ивана тряхнуть стариной, то есть спеть несколько русских песен. Этот сын его, Иван, проживавший прежде по торговле своей в Петербурге, был славен в свое время прекрасным голосом. Он до такой степени был мастер петь русские песни, что вошел в пословицу: «поет, как Рожков», говорили про певца, которого похвалить хотели. По этому случаю многие знатные особы приглашали его на афинейские вечера; он бывал еженедельно у князя Безбородко или у приятельницы его, которая после выдана была за статского советника Ефремова. Но дар песен был только второстепенным качеством Рожкова, а главным были необыкновенные удальство и смелость, которые доставили ему покровительство тогдашних знаменитых гуляк, графа В. А. Зубова и Л. Д. Измайлова. Они держали за него известный огромный заклад, в тысячу рублей, состоящий в том, что Рожков верхом на сибирском своем иноходце взъедет в четвертый этаж одного дома в Мещанской, к славной в то время прелестнице Танюше,— и Рожков не только взъехал к ней, но, выпив залпом бутылку шампанского, не слезая с лошади, тою же лестницею съехал обратно на улицу. Тысяча выигранных рублей были наградою Рожкову. Бедный Иван Гаврилович не может забыть этого подвига и, несмотря на свои 45 лет и почти лысую голову, с таким энтузиазмом описывает прелести гостеприимной Аспазии, что невольно возбуждает в вас любопытство. «Девица рослая,— говорит он,— дородная, белая, румяная, что называется, кровь с молоком; глаза навыкате, так тебя съесть и хотят; а волосы, волосы чуть не до самых пят. Когда я взъехал к ней в фатеру, окружили меня гости, особ до десяти будет, да и кричат: „Браво Рожков! шампанского!“ И вот ливрейный лакей подает мне на подносе налитую рюмку, но барышня сама схватила эту рюмку и выпила, не поморщась, примолвив: „Это за твое здоровье, а тебе подадут целую бутылку“».

Здешний губернатор Н. П. Иванов человек преобходительный, и его очень любят, а прокурор Василий Петрович Гурьев человек чрезвычайно светский и большой остряк. У него жена красавица, очень образованна

и, кажется, большая кокетка. Генерал Чичерин признанный ее чичисбей. Мне случалось обедать с ними у губернского предводителя князя Петра Сергеевича Вадбольского, тестя Александра Матвеевича Муромцева, содержателя нынешней в Москве немецкой труппы: предобрый и прекрасный человек, очень сожалеет, что зять его взялся не за свое дело.

4 июня,
понедельник. С. Ивановское.

Сижу себе на балконе да почитываю рассуждение Шлецера «О причинах беспрерывно возрастающей в России дороговизны на произведения сельского хозяйства и о средствах к ограничению возвышения на них ценности». Вот, думаю, если б я прочитал это рассуждение до покупки своих винных запасов, то не спрашивал бы, отчего русское вино возвысилось в цене наравне с французским. Причины, изложенные профессором, по-моему, основательны, но справедливы ли предлагаемые способы к отвращению возвышения цен на наши продукты — этого решить не умею. Я слышал, что министр коммерции граф Румянцев не того мнения, чтоб изыскивать средства к уменьшению ценности на произведения сельского хозяйства, а, напротив, радуется, если цены на них возвышаются, потому что тогда, говорит он, оплачивается труд сельского хозяина, помещика или крестьянина — все равно, а сверх того, возвышается и цена на земли. П. С. Молчанов отзывается о графе Румянцеве как о необыкновенно умном и просвещенном человеке и, сверх того, настоящем патриоте.

У нас дым коромыслом от сборов в Липецк. Один обоз отправили, другой отправляется завтра, а сами выедем 8 или 9 числа. Если б не совестно было оставить домашних, я бы полетел сейчас.

Есть у нас соседка Пелагея Петровна Владыгина, мать моего соученика, который отличался в пансионе талантом рисования. Она из крепостных девок, но такая хозяйка, каких не скоро встретить можно. Доходы получает огромные, а между тем крестьяне в наилучшем положении, и сама живет барынею, не скряжничая. Я удивился, когда взглянул на ее хозяйство; при

мне загоняли птицу: веренице гусей нет конца, уток стада, а индеек и кур, право, столько же, сколько на гумне воробьев. Есть у ней про доброго гостя и бутылка хорошего вина, и московское пивцо, и домашнее шампанское из смородины — словом, все есть в лучшем виде, а едва ли она знает грамоте. Мне приходит иногда в голову: на что же эта грамота?

14 июня,
четверг. Липецк.

Как ни хотелось мне скорее быть в Липецке, но я въехал в него с каким-то стеснением сердца. Мы остановились по-прежнему в доме Вишневских, и я попрежнему занял ту же прошлогоднюю свою камору, только на этот раз один и не так уже радостен:

Нет ни Литхенса, ни Граве,
Да и сам я весь не свой:
Все мечтается о славе,
Путь к бессмертью предо мной.
Голова моя в тумане;
Мысль одна: об «Артабане».

Кроме шуток, я желал бы написать что-нибудь путное, но едва ли удастся, потому что предвижу развлечения беспрерывные. Впрочем, увидим: труд не пойдет на лад, так мы его и бросим.

Ежедневное наше общество составляют И. Н. Новосильцев с неотлучным своим Иваном Кузьмичом, который так же комплиментирует по-прошлогоднему; Ф. Ф. Керн, один из героев прагского штурма; прекрасный человек, умный оригинал, с сократовской физиономией М. К. Редкин, Ив. Егор. Штейн, И. Н. Лодыгин и Альбини. Домашние мои утром ездят к водам, но я не езжу, зато вечером являюсь в галерею на отдых от борьбы с персидским моим пострелом и на болтовню с милыми знакомками.

20 июня,
среда.

Мы только что возвратились с Штейном с охоты. Трое суток прорыскали в поле верст за 20 от Липецка за крупною полевою дичью: стрепетами, драхвами, ди-

кими гусями и журавлями. Брали с собою больших ястребов, которые чрезвычайно нас тешили. Привезли всякой птицы чуть не целый воз — словом, веселились напропалую.

А между тем и «Артабан» мой помаленьку подвигается вперед. Остов готов, надобно облекать его в тело и кожу. И с этим надеюсь сладить, но буду ли уметь вдохнуть в него душу — это дело другое.

Приехавший губернатор Д. Р. Кошелев получил известия из Петербурга, что там все продолжают толковать о войне и что приготовления к ней делаются в огромных размерах. Ему дают чувствовать, чтоб он был деятельнее и на всякий случай предупредил помещиков своей губернии, от которых, вероятно, потребуются, по важности случая, многие пожертвования. Все это не новость, потому что и в Москве только о том и толку, и все желают войны, но жаль одного, что Москва, кажется, лишится доброго своего начальника, который решительно просит увольнения. Если это случится, то последуют и другие перемены во властях, которые для ней чувствительны быть могут.

25 июня,
понедельник.

Губернатору дан был в галерее великолепный обед по подписке. Общий угодник Приори распоряжался мастерски, и ни в чем не было недостатка. Мы заплатили по 5 рублей с персоны и проводили почетного гостя с честью. Он поехал в Лебедянский уезд осматривать деревню, которую купить намерен, сельцо Кузьминку, принадлежащее Петру Петровичу Бибикову; оно будет продано с аукциона за долги. Имение устроенное и отличное во всех отношениях. Я бывал в Кузьминке еще в детстве и помню прекрасное ее местоположение и барский дом.

Жду не дождусь своего определения в службу. Альбини утверждает, что непременно все скоро сделается и чтоб я не тревожился, но, зная, что man versucht in der Welt so manches und es gelingt einem nicht [1], не

[1] На свете пробуют разное, но не всякому удается (*нем.*).

могу не тревожиться. Хорошо, что есть еще добрые люди, которые пекутся обо мне, как родные, и почитают великим счастием, что еду в Петербург не один, а с Альбини, и что есть уже у меня там знакомое семейство старика Лабата, а то, пожалуй, пришлось бы сказать вместе с Бородулиным:

Приехал в город новый:
Ну, точно лес сосновый,
И запах неприятный.
Какой народ невнятный!

Я встретил старика Созонова, который коротко был знаком с преосвященным Тихоном задонским. Он много рассказывал о подвигах святителя, о его трудах, смирении, кротости и милосердии. Созонов говорил, что преосвященный был простосердечен как дитя и что он не допускал мысли, чтоб кто-нибудь мог обмануть его или солгать перед ним. Живя в Задонске на покое, он не имел никаких доходов и был беден, однако ж никто из нищей просящей братии не отходил от него, не получив чего-нибудь: если не имел денег, то давал просвиру, ломоть хлеба, лоскут холстины или сукна, а однажды зимою отдал одному юродивому свое полукафтанье, чтоб сколько-нибудь согреть бедняка. Преосвященный Симон рязанский был другом Тихона и нередко снабжал его многими вещами для раздачи бедным. Таков подобаше нам архиерей!

30 июня,
суббота.

Вот пример дружбы в прежнее время. В 1771 г. двадцатитрехлетний майор красавец Александров женился по любви и против воли родителей своих на дочери небогатого помещика Чурикова. Молодые супруги жили счастливо целый год, то есть до тех пор, покамест было чем жить; но небольшие средства их скоро истощились; наступило время жестокой нужды, тяжких забот и лишений всякого рода; а между тем бог даровал им дочь, и недостаток в потребностях жизни стал еще ощутительнее. Горе овладело юною четою, а от сильного горя до тяжкой болезни — один шаг. Молодая женщина занемогла, муж не знал, что делать,

писал к отцу и матери, умолял их о пособии, но письма оставались без ответа. К кому прибегнуть и на что решиться в такой крайности? Вступить опять в службу — не было случая, да и мог ли служить он, вовсе не зная службы? Чины получал он, живучи дома: будучи еще в пеленках, записан сержантом гвардии в Преображенский полк, лет через восьмнадцать произведен в прапорщики и тотчас выпущен в армию капитаном, а через год уволен от службы с чином секунд-майора. Делать он ничего не умел, а женитьба против воли родителей лишила его уважения и всякого доверия в целой губернии — словом, положение Александрова было безвыходное и ужасное.

Но вот бывший школьный его товарищ и друг Нетунахин, служивший в Петербурге в генерал-прокурорской канцелярии и очень любимый начальством за свою грамотность, расторопность по службе и незазорное поведение, узнав о бедственном состоянии Александрова, выпросил себе кратковременный отпуск и отправился в Тамбовскую губернию навестить своего друга. Он нашел его в отчаянии, а жену — изнемогавшую от изнурительной болезни. «Милые друзья мои,— сказал он им,— не время рассуждать нам о причинах бедственного вашего положения: прошедшее невозвратимо, но вспомните, что отчаяние — смертный грех и что у бога милости много! Вот несколько сотен рублей, скопленных мною на деятельной службе. Ты, Петр, начни с того, чтоб поскорее добыть все нужное для больной жены твоей и бедной малютки: эти хлопоты тебя рассеят. А вы, сударыня, вместо того чтоб день и ночь крушиться и плакать, займитесь, хотя через силу, маленьким хозяйством н а ш и м: устройте так, чтоб мы в свое время пили чай, обедали и ужинали, а там, недельки через две, когда бог порадует меня вашим спокойствием, я предложу вам средство избавиться навсегда от зависимости нужд и всех скорбей, которые неразлучны с ними. Итак, за дело! Что было, то прошло, что будет — увидим!»

Сказано — сделано. На деньги, данные Нетунахиным, муж исправил все домашние потребы, а жена слегка озаботилась хозяйством. Прошло несколько дней — и надежда оживила увядшие лица молодой четы: она стала спокойнее. Время проходило в дружеских беседах; когда иссякли разговоры о прошед-

шем, стали толковать о будущем и делали разные предположения. Муж хотел идти в управители к какому-нибудь богатому помещику другой губернии, не имея ни малейшего понятия о сельском хозяйстве. Жена его советовала лучше искать какой-нибудь губернской должности. Нетунахин молчал и давал волю их предположениям, а между тем тайно написал письмо к родителям Александрова, в котором, изложив все бедственное положение их сына, заключил тем, что хотя между родителями и детьми может быть судьею один только бог, но что он, руководимый человеколюбием, принял на себя обязанность ходатайствовать перед ними за провинившегося сына, что всякому гневу есть предел и что в этом отношении не худо вспомнить выражение священного писания, которым обещается суд без милости несотворшему милости. В ожидании же ответа на свое письмо он продолжал жить с друзьями своими попрежнему и скоро имел несказанное удовольствие замечать иногда улыбку на лицах молодых страдальцев и решительное, хотя и постепенное возвращение здоровья молодой женщины.

Наконец ожидаемый ответ получен. Старики Александровы решительно объявили, что они не хотят слышать об ослушном сыне и что он может почитать себя счастливым, если дотоле они не предали его проклятию за неблагодарность и ослушание. Такая жестокость очень огорчила Нетунахина, но он скрыл огорчение от друзей своих и на другой же день за чаем объявил им, что он составил план будущей их жизни: что они должны ехать с ним вместе в Петербург, где он найдет им занятие, и хотя для майорского чина нелегко найти соответственную должность, но что он надеется чрез свои покровителей уладить все к лучшему, а до тех пор они будут жить с ним вместе. Ахнули бедные супруги от такого решения их друга! Ехать в Петербург! но как, с чем и зачем? «Это не ваше дело, мои милые,— возразил Нетунахин,— тот, кто внушил мне мысль приехать сюда к вам, внушит мне и средства устроить вас. В Петербурге или в Америке — все равно, только я твердо верю, что добрые намерения не остаются без исполнения. Будьте покойны и сбирайтесь в дорогу».

Сборы были непродолжительны: старый чемодан с платьем, небольшой ларец с бельем и узел с дорож-

ными припасами составляли весь скарб семейства эмигрантов. Они отправились в простой ямской повозке. Мать, с дочерью на руках, сидела внутри, а молодые люди расположились по облучкам. Так ехали они всю дорогу до Петербурга, в который прибыли после пятинедельного путешествия.

Первым делом Нетунахина по возвращении в Петербург было явиться к своему начальнику и откровенно объяснить ему несчастное положение своего друга. «А что же он думает делать?» — спросил его начальник. «Искать какой-нибудь должности»,— отвечал Нетунахин. «Должности? Но человека в его чине, который нигде не служил, куда определить можно?» Нетунахин молчал. «Если б он по крайней мере был мало-мальски расторопен, то конечно нашлась бы ему должность, но, сколько я из слов твоих понять мог, он едва ли на что другое способен, как только обниматься с женою, и потому я едва ли буду уметь придумать, куда и как приютить его». Нетунахин молчал. «Разве в директоры экономии, если он человек честный?» Нетунахин все молчал. «А ручаешься ли ты за его честность?» — «О! что касается честности,— подхватил Нетунахин,— то я за него ручаюсь, как сам за себя».— «Ну, хорошо, ступай с богом и прикажи своему приятелю читать все узаконения и постановления, касающиеся должности директора экономии. После увидим».

Словом, Александров вскоре был определен в должность директора экономии, которую, при содействии Нетунахина, исправлял семь лет в Тамбовской губернии, к полному удовольствию начальства. Успехи его по службе обратили к нему сердца престарелых его родителей, которые не только простили его, но и отдали ему все принадлежащее им имение. Он вышел в отставку, а чтоб не сидеть поджавши руки, вошел в откупа, разбогател, нажил в короткое время огромное состояние, из которого половину отдал своему другу, который, служа верой и правдой, с бескорыстием примерным, достиг до звания сенатора, но, в заботах о чужих делах, забыл собственные свои и ровно имел столько, чтобы не умереть с голоду. Вот копия с дарственной записи, подаренная мне стариком М. К. Редкиным, который коротко знал обоих друзей и рассказывал мне их историю.

4 июля,
среда.

Петр Иванович порадовал меня письмом в два листа. Уведомляет, что публичное торжество в университете было самое блистательное и что все диссертации и речи необыкновенно любопытны; обещается доставить мне их тотчас по напечатании и чрезвычайно хвалит слово Малиновского, которым торжество было открыто. Страхов остается ректором и на следующий год. Слава богу! После Харитона Андреевича назначение всякого другого ректором было бы чувствительно для всего университета, для студентов, для профессоров. Между прочим, мой Петр Иванович ни с того ни с другого вдруг вздумал без меня ездить в театр и 22 июня был в «Русалке», которую играла Насова. Пишет, что ее физиономия ему очень приглянулась и что, смотря на нее, он вспоминал обо мне. Вот он каков, наш целомудренный Иосиф! Пишу к нему, что напрасно он лучше не съездил, в мое воспоминание, в немецкий театр; пошел бы за кулисы и поболтал с мадам Шредер или с Кафкою: тогда бы на опыте увидели стоицизм его.

9 июля,
понедельник.

Вот прекрасные стихи, присланные из Петербурга молодым Эллизеном к сестре. Он пишет, что актер Кудич говорил их на сцене и произвел восторг неописанный:

Für seinen König muss das Volk sich opfern,
Das ist das Schicksal und Gesetz der Welt,
Nichts würdig ist die Nation, die nicht
Ihr alles freudig setzt an ihre Ehre! [1]

Этот восторг доказывает общее желание борьбы с западным исполином. А вот игра в вопросы и ответы, которая в некоторых петербургских обществах входит

[1] Ради своего короля народ должен приносить себя в жертву — так гласит судьба и таковы законы мира; ничего не стоит народ, который ради своей чести не готов с радостью отдать все, что имеет! (*Нем.*)

в моду. Она производится таким образом, что одна половина участвующих в ней лиц пишет на лоскутках бумаги вопросы, а другая ответы, по произволу. Эти вопросы и ответы скатываются и кладутся каждые в особый ящик, корзинку, хоть, пожалуй, в стакан — все равно. Затем все поочередно вынимают прежде вопрос, а после ответ и читают их вслух. Нынче обыкновенно назначают большею частью вопросы и ответы политические. Эллизен пишет, что на вечеринке у придворного доктора Торсберга играли в эту игру, и некоторые ответы изумительно согласовались с нынешними обстоятельствами. Он приводит несколько примеров, которые я перевел для своих.

1

Вопрос: кто будет победителем в предстоящей войне?
Ответ: тот, кто добрее.

2

Вопрос: кто будет союзником нашего государя?
Ответ: мужество и терпение.

3

Вопрос: много ли нам нужно войск для победы?
Ответ: Россия.

4

Вопрос: Можем ли мы твердо надеяться на своих соседей?
Ответ: наша сила в боге.

А знаешь ли, что сделал твой или, вернее, наш Дурак? Вчера, видно от скуки, ушел один к озеру и, завидев посредине стадо уток, отправился за ними вплавь. Лодыгинские люди, заметив, что фаворит их поплыл (Дурак — общий фаворит в Липецке) один, вышли на берег ожидать результата этой проделки. Что ж? Дурак, распугав старых уток, которые с криком улетели, давай гоняться за молодыми позднышами и, передушив их несколько штук, благополучно возвратился на берег с одною парою в зубах, которую и принес домой, торжественно провожаемый и превозносимый людьми Лодыгина. Что-то делает у тебя его братец?

13 июля,
пятница.

Кажется, Буало сказал, что писать стихи должно в городе, а не в деревне, и я начинаю чувствовать справедливость слов угрюмого сатирика. Два действия «Артабана» почти готовы, а прочитать их некому и не с кем разменяться мыслями. Я попробовал было прочитать их старшей сестре, да невпопад: «Охота тебе, братец, душиться в твоей каморе и заниматься пустяками, когда на дворе такая прекрасная погода! Лучше бы поехал прокатиться с Дарьей Егоровной верхом. А вот и Михайло Константиныч говорит: „Над чем это ваш философ коптит так пристально? Этак он и с ума спятит“». Одолжила, голубушка! А чуть ли она не права: в лучшее время года сидеть взаперти и низать рифмы, может быть, для того только, чтоб после служить посмешищем людям,— прекрасная будущность! Впрочем, без билета в маскарад не пускают, а мой «Артабан» должен мне служить билетом для входа в маскарад света; после, пожалуй, его хоть в печку — туда и дорога!

Сказывали, что сюда прибудет на днях труппа актеров, принадлежащих лебедянскому помещику Танееву. Если это именно та, которую я видел некогда в моем детстве на лебедянской ярмарке, то сердечно рад буду взглянуть на нее и сравнить тогдашние мои ощущения с нынешними. Эта труппа давала тогда в Лебедяне оперу «Добрые солдаты», и я до сих пор не могу забыть музыки одного хора:

Мы тебя любим сердечно,
Будь нам начальником вечно,
Наши зажег ты сердца,
Видим в тебе мы отца.

Стишки как будто нашего изделия! Les beaux esprits se rencontrent [1].

Пишут из Москвы, что московский французский театр с будущего ноября причислен будет, так же как и русский, к дирекции театральных зрелищ. Актеры получат название «императорских», и труппа будет пополнена. Некоторые сюжеты уже приехали, и между

[1] Мысли умных людей сходятся (*франц.*).

прочим, какой-то monsieur Lanneau, который имеет репутацию хорошего актера. Но мне кажется, что не в актерах дело, а в актрисах. До сих пор на московской французской сцене мы видели только преужасные женские хари, с которыми никакая пьеса не могла иметь настоящего успеха. Дарование дарованием, но в женщине красота или, по крайней мере, приятная физиономия не последнее дело на сцене. Какая может быть иллюзия, когда вдруг какую-нибудь Агнессу играет сорокалетнее и красноносое пугало? Уж, конечно, лучше видеть бездарную, но хорошенькую мадам Кремон и слушать, как пропищит она:

Lorsque dans une tour obscure [1],

или

Jeunes filles qu'on marie [2],—

чем видеть и слышать беззубую старуху Lavandaise в роли кокетки Селимены или рыжую madame Duparai в роли Нанины.

Кстати, о безобразии женщин. Раз как-то в театре молодой Тютчев сделал очень смешное замечание. Он уверял, что из пожилых женщин всех наций старые француженки самые безобразные. «Возьмите,— говорил он,— нашу русскую старуху, немку, англичанку, голландку, итальянку: все более или менее имеют вид не отвратительный; старые же француженки, напротив, всякая похожа на бабу-ягу или посредницу; разумеется, есть исключения, но они редки». Поди ты с ним!

17 июля,
вторник.

Вчера у отца протопопа пил я чай с одним стариком, купцом Силиным, который был прежде крестьянином Нарышкина, но внес за себя 5000 рублей, получил увольнение от помещика, записался в купцы и теперь торгует лесами, скотом и салом на полмильона. Это человек очень здравомыслящий, но чрезвычайно оригинальный в своих объяснениях. Как бы предмет

---

[1] Когда в темнице (*франц.*).

[2] Девушки, которых выдают замуж (*франц.*).

разговора ни был серьезен, он не может удержаться, чтоб не пересыпать его разными прибаутками на виршах своего изделия. Рассуждая о торговле, он утверждал, что для русского малограмотного человека внутренняя торговля, и особенно сельскими хозяйственными произведениями, есть самая благонадежная. «Если от ней,— говорит он,— не будешь миллионщиком в один год, то не будешь тотчас и банкрутом, то есть плутом. Торговать же с немцами у порта все равно что ловить за хвост черта. Немцы торговлю свою ведут по газетам да по приметам, а нам нет прибыли в этом». Я спросил его, не помешает ли война нашей торговле и не ожидает ли он себе убытков? «Ничего, батюшка,— отвечал он,— что война, что мир, а купцу все пир. Вот изволишь видеть, сударик ты мой, убытки-то нашему брату не от войны, а оттого, что иные или не по силе забираются, или не по карману проживаются, на войну только ссылаются, а на поверку входит, что если купец не глупец, так не пуст и ларец». Очень также забавны выходки его против Наполеона, доказывающие, какая глубокая ненависть поселилась к нему во всех классах нашего народа. «На Москве,— говорит он,— народ больно ершиться стал: купцы в городе калякают, что мы-де лавки побросаем и все поголовно пойдем, а уж этого врага прицепим черту на рога». Нескладно, да ладно.

Отец протопоп сказывал, что он священствует около 40 лет и в продолжение долгого своего священства заметил, что во время военное бывает рождающихся более, чем в мирное, и, сверх того, менее больных и умирающих. «Это говорю я вам не облыжно,— прибавил он,— и намедни в проезд своей в Москву останавливавшийся у меня помещик из Конь-Колодезя, Г. И. Синявин, сказывал, что и он сделал такое же замечание. Отчего это происходит — господь один ведает, только событие не подвержено сомнению». Вот задача для физиологов, если только эти люди чувствуют себя способными разрешить тайны провидения. Но едва ли!

22 июля,
воскресенье.

Почтенный старик Н. А. Алферьев рассказывал, что известный по преданию так называемый Евин клуб никогда в Москве не существовал и что разгласка об нем сделана с намерением повредить франкмасонам, которых хотели выставить его учредителями на тот конец, чтобы с большим успехом обратить на них общее негодование и презрение, но между тем он признавался, что если не было никакого подобного тайного общества, то в молодых зажиточных людях, живших в Москве в совершенной праздности, было какое-то стремление к разврату всякого рода и что он сам вовлечен был этим потоком в непростительные шалости. «Как бог вынес из этой бездны, в которую мы погружались,— говорил старик,— я до сих пор постигнуть не могу. Кто поверит теперь, любезный, чтоб молодой человек, который не мог представить очевидного доказательства своей развращенности, был принимаем дурно или вовсе не принимаем в обществе своих товарищей и должен был ограничиться знакомством с одними пожилыми людьми, да и те иногда — прости им господи — бывало суются туда же! Кто не развратен был на деле, хвастал развратом и наклепывал на себя такие грехи, каким никогда и причастен быть не мог, а всему виною были праздность и французские учители. Да и как было не быть праздным? Молодой человек, записанный в пеленках в службу, в двадцать лет имел уже чин майора и даже бригадира, выходил в отставку, имел достаточные доходы, жил барином, привольно и заниматься, благодаря воспитанию, ничем не умел. Так поневоле приходила в голову какая-нибудь блажь». Алферьев рассказывал также много кой-чего о масонах и мартинистах того времени. «На них,— говорил он,— много лгали и взводили такие небылицы, какие им и в голову не приходили. Напротив, они были люди очень смирные. Их смешивали с иллюминатами-алхимиками, которых секта была действительно вредна, потому что состояла из явных обманщиков. Эти плуты под предлогом обогащения других наживались сами, разоряя вконец своих адептов. Иллюминаты-алхимики употребляли многие непозволительные способы для достижения своих целей: они прибегали к разным оду-

ряющим курениям и напиткам и заклинаниям духов, для того чтоб успешнее действовать на слабоумие вверившихся их руководству; но что всего хуже и опаснее было: они умели привлекать к себе молодых людей обольщением разврата, а стариков возбуждением страстей и средствами к тайному их удовлетворению. Для этих людей ничего не было невозможного, потому что не было ничего священного, и они не гнушались никакими средствами, как бы они преступны ни были, чтоб исполнить свои преднамерения. Главою этих гнусных и, к счастью, немногочисленных в Москве людей был француз Перрен, мужчина лет сорока, видный собою, ловкий, вкрадчивый, мастер говорить и выдававший себя каким-то баярдом, великодушным, щедрым, сострадательным и готовым на всякое доброе дело; но это был лицемер первого разряда, развративший не одно доброе семейство и погубивший многих молодых людей из лучших фамилий. Я был с ним знаком и помню, что никто громче его не кричал против масонов и мартинистов, приписывая им те самые действия, которых он с своей шайкой был виновником. Этот молодец квартировал на Мясницкой в доме Левашова, но только для виду, а настоящее его логовище было за Москвою-рекою, в Кожевниках, в доме Мартынова, или Мартьянова, куда собирались к нему адепты обоего пола. Однако ж Перрен не более двух или трех лет мог продолжать свои операции и — благодаря ревнивому характеру одного богатого мужа, следившего за своею женою,— мошенничества его были наконец открыты: лицемера изобличили, уличили и спровадили за границу со всеми его соумышленниками и помощниками: Мезером, Курбе, Гофманом, мадам Пике и мамзель Шевато. Странное дело! нашлись люди, которые об этих подлецах сожалели и даже хлопотали, чтоб оставить их в Москве».

Но это сказание слишком пространно, и я сообщу его когда-нибудь после, потому что теперь зовет меня к себе «Артабан». Свой своему поневоле друг.

26 июля,
четверг.

Пресмешное происшествие! Ф. Г. Вишневскому собака откусила нос! Это приключение составляет теперь предмет разговоров целого Липецка и всех его окрестностей.

Ф. Г. Вишневский, московский барин, добрый, прекрасный, гостеприимный старик, имеет страсть щупать все, что ни увидит и что ни попадется ему под руку: идет ли по улице мимо какого-нибудь нового дома, он ощупает все его углы и стены; войдет ли в дом, ощупает все мебели; увидит люстру или на окнах гардины — подставит стул и полезет щупать гардины и люстру. Но с этой страстью щупать вещи неодушевленные он соединяет другую в отношении к людям и животным: он их щупает и целует. Мужчины и пожилые дамы не сердятся на него за эту привычку, но девицы бегают его как чумы. Чуть только зазевается какая-нибудь барышня, Ф. Г. тут как тут: обхватит пальцами шейку и тотчас чмок в затылок или в плечо. Что же касается кошек и собак, то сколько бы их ему не встретилось, он перещупает и перецелует всех, от первой до последней. Не проходит дня, чтоб жена его, старуха светская и умная, не напоминала ему о неприличии таких поступков и чтоб дочери его, девицы чрезвычайно образованные, не упрашивали его быть осторожнее и не заставлять их краснеть за него,— не тут-то было: они еще не успеют кончить нравоучения, а Ф. Г-ч смотри и спроказит что-нибудь.

Третьего дня в галерее собралось пропасть посетителей. Ф. Г-ч, по обыкновению, расхаживал и щупал все, что ни попало; ощупав галерейную мебель, забрался в буфет и щупал всю посуду; вышел в сад — ощупал все деревья и все камешки и кирпичи, приготовленные для садовых дорожек; перещупал и перецеловал всех лошадей, привезших материалы для некоторых построек,— словом, он был в необыкновенном припадке щупанья; наконец, попалась ему мордашка И. А. Лихонина, прекрасивая, но и презлая собачонка, купленная им с медвежьей травли и очень привязанная к своему хозяину. Ну как же Ф. Г-чу обойтись без того, чтоб не пощупать и не поцеловать такое сокровище? Вот он и начал ухаживать за нею. «Мось-

ка, моська, сюда, сюда!» Мордашка ни с места, но Ф. Г-ч не плох: набрал в буфете бисквитов и давай приманивать мордашку бисквитами; бросил ей один — съела, бросил другой — проглотила, третьим приманил к себе и дал ей съесть его из рук. Вот, кажется, и познакомились. Ф. Г-ч погладил мордашку — терпит; за такое снисхождение еще бисквит; он взял ее на руки, сел с нею на стул — мордашка расположилась на коленях и опять получила бисквит. Дело идет совсем на лад; остается только пощупать шейку да поцеловать в мордочку и — подвиг кончен. Ф. Г-ч обхватил шею и уже нагнулся, чтоб поцеловать мордашку, но последняя операция не удалась: неблагодарная вдруг всею пастью впилась ему в нос и, как пиявка, повисла на нем. Кровь брызнула фонтаном. Ф. Г-ч заревел белугой, и все бывшие на галерее бросились на помощь к пациенту. Лихонин схватил графин воды и ну отливать свою мордашку — словом, шум и гам, кончившиеся тем, что бедного щупателя или щупальщика ни живого ни мертвого посадили в карету с истерзанным носом и отправили домой в сопровождении встревоженного его семейства. Удивительный оригинал! Меньшая дочь его утверждает, что это происшествие нисколько не отучит ее папеньку от несчастной страсти к щупанью и поцелуям. Прекрасная перспектива!

30 июля, понедельник.

Вот продолжение истории о Перрене. Не подумай, чтоб это был вымысел,— нет; это настоящее событие, о котором, по свидетельству многих, немало говорено было в свое время. Я только сократил и выпустил некоторые грязные подробности рассказа Алферьева, иначе пришлось бы исписать целую десть бумаги.

Некто Глебов, очень богатый человек, будучи бездетным вдовцом немолодых лет, скучал своим одиночеством. В карты играть он не любил, псовым охотником не был, в вине не находил никакого вкуса, а умственные занятия были не по его способностям; следовательно, он, естественно, должен был умирать со скуки. В тогдашнее время публичных развлечений было не много: представления на театре были редки, маскарады

еще реже, да и новый содержатель театральной труппы Н. С. Титов (1776) не умел еще приманить публику в Головинский театр свой, стоящий на конце города: не всякому охота была тащиться такую даль и по таким скверным дорогам, какие в то время существовали, чтоб позевать на плохих актеров.

Итак, Глебов скучал. Перрен узнал, что такой-то богатый барин сильно скучает, и на этом основании тотчас же задумал построить здание своего благосостояния.

В этом намерении он чрез приятеля своего, молодого князя, знакомится с Глебовым и при первом свидании очаровывает его своею любезностью, рассказывает ему свои путешествия, смешит разными анекдотами и заставляет его удивляться таким событиям и принимать участие в таких приключениях, в которых не было ни на волос истины.

После двух или трех посещений проворный француз сделался почти необходимым Глебову. Последний прежде скучал, а теперь вдвое стал скучать без Перрена — словом, по прошествии нескольких недель, Перрен совершенно овладел Глебовым, но зато Глебов перестал скучать и, по совету своего друга, решился вступить в супружество.

Но на ком жениться Глебову? Пожилой невесты он взять за себя на захочет, а молодая не будет любить его. «Мсье Перрен, как помочь горю?» — «Мсье Глебов, вы должны жениться на девушке молодой, прекрасной собою, образованной и, главное, на сироте, чтоб не навязывать родных жены вашей себе на шею. Такая девушка есть: вы ее несколько раз видели и говорили с нею у мадам Пике, когда мы с вами вместе пили у ней чай. Скажу более: по ее вопросам и расспросам о вас я заметил, что вы ей приглянулись и, как я после слышал от мадам Пике, она точно к вам неравнодушна. Чего же лучше? От вас зависит быть счастливым».

Глебов развесил уши. Девушка была точно хороша собою и хотя была иностранка, но могла объясняться несколько по-русски, а иностранное произношение придавало разговору ее особенную приятность. «Но она не нашего вероисповедания»,— заметил Глебов. «Она так расположена к вам, что завтра же, если захотите, примет вашу религию»,— отвечал Перрен. Глебов задумался. «Мсье Перрен, я ревнив. Будучи еще молодым

человеком, я ревновал жену свою ко всем знакомым, но, женившись теперь, я могу сделаться турком! Мсье Саррен, я чувствую, что буду любить жену свою потому, что она мила, а любовь без ревности не существует».— «И хорошо сделаете, мсье Глебов. Любите жену вашу и ревнуйте ее сколько хотите: это придаст разнообразие вашей жизни и вы не впадете в апатию. Ревность молодит человека».

Чрез неделю после этого разговора Глебов поехал предложить руку мамзель Рабо, 19-летней сироте, уроженке марсельской и крестнице мадам Пике. Разумеется, эта рука с 40 000 руб. годового дохода была принята с одним только условием, чтоб обращение в православную веру мамзель Рабо оставалось для всех тайною, а венчание происходило в какой-нибудь деревенской церкви, в которой, кроме священника и церковнослужителей, других присутствующих при браке никого не было. Причиною такого требования была необыкновенная стыдливость невесты, которая прежде не могла без ужаса и отвращения помыслить о браке, и если теперь победила этот ужас и отвращение, то единственно по какому-то невольному влечению сердца. К этому требованию была еще просьба: оставить у ней в услужении ее горничную, мамзель Шевато, к которой она так привыкла, что не могла равнодушно подумать о разлуке с нею.

Глебов согласился на все условия, а чтоб еще более угодить своей невесте, принял к себе в должность дворецкого француза Курбе, рекомендованного ему Перреном. По крайней мере, думал он, в первое время нашего супружества жена моя будет иметь человека, с которым объясниться может.

Брак состоялся: мамзель Рабо обращена в Марью Петровну Глебову. Она была весела, довольна, счастлива, обнимала и целовала беспрестанно своего мужа, не сходила у него с колен, трепала его по щечкам, называла его самыми нежными именами: mon tout, mon choux, mon bijou, mon âme, mon ange[1] и проч. и проч.— словом, забыла о своей застенчивости. Муж был в восторге, но этот восторг продолжался недолго: на четвертый же день брака он сделался, в свою оче-

[1] Мое все, моя сладость, мое сокровище, моя душа, мой ангел (*франц.*).

редь, застенчив, задумчив, молчалив и даже равнодушен к ласкам жены своей. Мсье Перрен и мадам Пике посещали молодых почти ежедневно, но Глебов принимал их не с таким уже удовольствием, как прежде, и видимо избегал какого-то с ними объяснения, хотя оно, казалось, готово было сорваться у него с языка.

Тем временем многочисленные знакомые Глебова, узнав о неожиданном его браке, беспрестанно приезжали к нему, но, под предлогом болезни мадам Глебовой, одни не были принимаемы, другие принимаемы на короткое время и не очень охотно, так что любопытство москвичей видеть молодую и узнать о подробностях брака не могло быть вполне удовлетворено. Из этого, разумеется, произошли толки, из толков развились предположения и заключения, а из этих последних, как водится, родились сплетни, которые чуть-чуть не остановились на том, что Глебов женился непременно на уроде и стыдится показать его своим знакомым; но Перрен опровергал эти слухи. «Помилуйте,— говорил он,— кто мог принудить Глебова жениться на безобразной женщине? Напротив, это ангел красоты и нежности. А как умна, как образованна, как привлекательна и как любит своего мужа! К несчастью, этот муж слишком ревнив, слишком самолюбив и себялюбив и хочет наслаждаться своим счастьем в тишине уединения один и даже меня, своего друга, допускает к себе редко, и то на минуту, как будто я в состоянии был похитить его сокровище!» Вот Москва и загудела: Глебов ревнивец, Глебов тиран, он держит взаперти красавицу-жену, на которой женился по взаимной любви, что это настоящее истязание для молодой женщины и что Глебова надобно принудить жить открытнее или отдать в опеку.

А между тем, пока Москва гудела, на сердце Глебова лежала глубокая тайна: страшное подозрение закралось в его душу и не давало ему покоя ни днем ни ночью; он беспрестанно вертел в руках записку, которую нашел в комнате жены своей, и как ни плохо разумел французский язык, но столько понять мог, что в этой записке заключались какие-то наставления и разные способы...

Сейчас принесли с почты пакет из С.-Петербурга. Добрый старик Лабат премилым письмом, в котором

столько же нежностей, сколько и грамматических ошибок, извещает, что 14 числа сего месяца я определен в коллегию, и приглашает приехать скорее в Петербург. Домашние мои в восторге, но есть и не домашние, которые, сверх чаяния моего, столько же радуются. Итак, студенчество мое, благодаря бога, кончилось. Завтра у нас большой обед для всего Липецка; скоро, может быть, отправят меня в Москву, откуда по-прежнему писать буду и доскажу окончание Перреновых плутней.

Умного Дурака отправят в твое Никольское сохранно. Прости.

Конец первой части

КОММЕНТАРИИ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР.
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).
Штр.— Жихарев С. П. Записки современника. В 2-х т. Ред., коммент. и вступ. статья С. Я. Штрайха. М.; Л., 1934.
Эйх.— Жихарев С. П. Записки современника. Ред., статьи и коммент. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1955.
Аксаков — Аксаков С. Т. Собр. соч. В 3-х т. М., 1986.
Алперс — Алперс Б. В. Актерское искусство в России. Т. 1. М.; Л., 1945.
Арапов — Летопись русского театра. Составил Пимен Арапов. Спб., 1861.
Благово — Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ея внуком Д. Благово. Спб., 1885.
Вигель — Записки Филипа Филиповича Вигеля. В 4-х ч. М., 1891—1892.
Всеволодский — Всеволодский (Гернгросс) В. Театр в России в эпоху Отечественной войны. Спб., 1912.
Глинка — Записки Сергея Николаевича Глинки. Спб., 1895.
Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1978—1980.
Данилов — Данилов С. С. Очерки по истории русского драматического театра. М.; Л., 1948.
Державин — Сочинения Державина. В 8-ми т. Спб., 1864—1880.
Дмитриев — Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти.— В кн.: Дмитриев М. А. Московские элегии. М., 1985.
История — История русского драматического театра. В 7-ми т. М., 1977—1987.
Краткий биограф. словарь заруб. композиторов — Краткий биографический словарь зарубежных композиторов. Составил М. Ю. Миркин. М., 1969.
Погожев — Погожев В. П. Столетие организации императорских московских театров. (Опыт исторического обзора). Вып. I. Кн. I. Спб., 1906.

Полн. собр. законов — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Спб., 1830, т. XXVIII, XXIX.
Поэты — Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971.
Рихтер — [*Рихтер И.*] Москва. Начертание. Перевод с немецкого. Спб., 1801.
Родина — *Родина Т. М.* Русское театральное искусство в начале XIX века. М., 1961.
Снегирев — Воспоминания И. М. Снегирева.— Русский архив, 1866, № 5.
Старая Москва — Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы М. И. Пыляева. М., 1891.
Старый Петербург — Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы М. И. Пыляева. Изд. 2-е. Спб., 1889.
Сушков — Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского благородного пансиона и Дружеского общества. Сочинение Н. В. Сушкова. М., 1858.
Сытин — *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. (Очерки). М., 1958.
Чаянова — *Чаянова Ольга.* Театр Маддокса в Москве. 1776—1805. М., 1927 (Труды Гос. театрального музея им. А. Бахрушина, т. 1).
Шильдер — *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1904, т. 2.

ИСТОРИЯ ТЕКСТА

«Записки современника» С. П. Жихарева состоят из двух частей: «Дневника студента», охватывающего события 1805—1806 гг. (впервые опубликован в журнале «Москвитянин» в 1853 г., № 3, 5—8 и 1854 г., № 1, 18—19; последнее исправленное прижизненное издание — Спб., 1859 г., отдельной книгой), и «Дневника чиновника», охватывающего 1806—1807 гг. (впервые: «Отечественные записки», 1855, № 4—5, 7—10). К ним примыкают «Воспоминания старого театрала» («Отечественные записки», 1854, № 10—11), затрагивающие хронологически почти тот же период. Неоднократные последующие переиздания мемуаров Жихарева основываются на этих прижизненных публикациях, так как автографов не сохранилось. Настоящее издание воспроизводит текст по книге: *С. П. Жихарев.* Записки современника. Редакция, статьи и комментарии Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1955 (серия «Литературные памятники»), где текстологической проблематике посвящена подробная статья: «Источники текста „Записок современника“ и „Воспоминаний старого театрала“» (см.: *Эйх.*, с. 672—690).

История «Записок современника» крайне запутана. «Дневник студента» и «Дневник чиновника» в своей основе представляют действительно дневниковые записи. Жихарев посылал их в качестве писем своему двоюродному брату князю С. С. Борятинскому. Письма хранились в семье князя и затем (после 1842 г.) были возвращены автору. Однако перед публикацией дневники подверглись, по свидетельству Жихарева, двойной обработке: во-первых, они были отредактированы С. С. Борятинским, который изъял и уничтожил ряд страниц (из чего следует, что замысел опубликовать записи возник

довольно рано), а затем уже самим автором при подготовке к печати.

Дневниковые записи, начатые Жихаревым 2 января 1805 г., были доведены им, по его признанию, до июня 1818 г., но публикация оборвалась на 31 мая 1807 г., и судьба остальной части дневника, равно как и рукописи опубликованного текста, до сих пор не ясна. Многочисленные попытки современников и исследователей отыскать утраченные рукописи успехом не увенчались. В 1934 г. С. Я. Штрайху удалось прибавить к своему изданию (см.: *Штр.*) лишь одну дневниковую запись — от 15 декабря 1809 г., которую Жихарев опубликовал отдельно в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1858, 16 марта).

«Воспоминания старого театрала» — очерк театральной жизни Петербурга конца 1800-х гг., написанный Жихаревым в 1850-х гг. на основе дневниковых записей,— своего рода «выжимка» театрального материала из «Дневника чиновника». Видимо, кроме стремления обрисовать картину театральной жизни, знатоком и ценителем которой был Жихарев, в появлении статьи сыграли роль и коммерческие соображения. Желание получить больший гонорар побудило его отдать статью не в «Москвитянин», где печатались его дневники, а в более щедрые на плату «Отечественные записки». Возникший на этой почве конфликт с издателем «Москвитянина» М. П. Погодиным привел к передаче дальнейших материалов «Дневника чиновника» также в «Отечественные записки».

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА

Степан Петрович Жихарев (1788—1860) родился в Данковском уезде Рязанской губернии (ныне — Липецкой обл.), в старинной дворянской семье. О его детстве мы почти ничего не знаем. Наши сведения ограничиваются немногими фразами из «Записок современника», где упоминается о патриархальном укладе разоряющейся дворянской усадьбы, о религиозности бабушки и матери, о полученном мальчиком церковном воспитании, а затем об обучении в Москве, в частном французском пансионе Луи Ронка. Более подробно сам Жихарев говорит о следующем периоде своей жизни — студенчестве. Собственно, его дневник и начинается с того момента, когда, надев новенький студенческий мундир, он отправляется со светскими визитами. Однако более внимательное изучение материала приводит к выводу, что студентом (в современном нам смысле этого слова) Жихарев не был. Видимо, после пансиона Ронка он поступил полупансионером в Благородный пансион при Московском университете. Там в декабре 1804 г. он сдал экзамен и получил звание студента, дававшее право наряду с занятиями в пансионе посещать университетские лекции.

Обучение длилось недолго. По традиции в восемнадцатилетнем возрасте дворянский юноша уже должен был служить, поэтому, получив чин XII класса (максимальный для прошедшего курс Благородного пансиона), Жихарев переезжает в Петербург. Здесь начинается его служебное поприще. Для дворянина считалась естественной служба в армии (для знатных и достаточных — в гвардии), но если молодой человек не мог вступить в военную службу, его старались определить в Коллегию иностранных дел — наиболее почетную из штатских мест. Надо полагать, что для определения

сына в гвардию у семьи не было средств, поэтому в 1806 г. Жихарев был зачислен в Коллегию иностранных дел актуариусом, т. е. на одну из низших должностей в канцелярии. Круг обязанностей актуариуса определил еще Петр I в «Генеральном регламенте»: регистрировать входящие и исходящие бумаги, а также иметь «надзирание и попечение о бумаге, перьях, чернилах, сургуче, воске, о дровах, свечах и прочем, что надлежит».

О дальнейших продвижениях по службе мы узнаем из формулярного списка С. П. Жихарева (ЦГИА, ф. 472, оп. 35, ед. хр. 37, л. 5—10). Карьера шла довольно гладко. В 1810 г. он достиг должности переводчика, в 1811 г.— секретаря. В мае 1812 г. перешел в канцелярию к статс-секретарю П. С. Молчанову «для занятия по Комитету Г. Г. Министров и Комиссии Прошений и сверх того был Производителем дел Театрального Комитета». Это было безусловным повышением, так как П. С. Молчанов был лицом, близким к императору. Поэтому не случайно в 1816—1818 гг., во время путешествий Александра I по России и Польше, Жихарев уже находился в свите и даже «один исправлял все по Собственной Его Величества Канцелярии дела». В 1817 г. он имел чин коллежского советника (VI класс) и был кавалером ордена св. Владимира IV степени. Однако в конце 1818 г. Жихарев ушел в отставку и женился на богатой дворянке Феодосии Дмитриевне Нечаевой.

Выход в отставку именно в эти годы был явлением достаточно распространенным в кругах передовой молодежи — будущих декабристов и близких к ним людей. Подобный шаг воспринимался в обществе как знак протеста против аракчеевской реакции и говорил об определенных политических убеждениях. Б. М. Эйхенбаум гипотетически связал неожиданный уход Жихарева со службы с этим движением, но фактов, подтверждающих свое предположение, привести не смог (кроме общих указаний на дружеские связи с декабристами Н. И. Тургеневым, М. Ф. Орловым и др.). Об общественно-политических взглядах Жихарева известно довольно мало, но то, что мы знаем о его личности, не дает, как нам кажется, права считать выход в отставку серьезным гражданским поступком. Не стоит, конечно, исключать и доли фрондерства, но главными, как представляется, были причины вполне личного характера: солидный по меркам эпохи возраст (30 лет), достаточный чин и расстроенное состояние вынуждали поторопиться с женитьбой.

Прожив около пяти лет в отставке, Жихарев вернулся на службу. В 1823 г. он стал губернским прокурором в Москве, к 1825 г. дослужился до действительного статского советника, т. е. до генеральского чина.

Карьера Жихарева продолжалась успешно и после 14 декабря 1825 г.: в 1827 г. он назначен обер-прокурором 8-го департамента сената. К этому времени относится одно из лучших дошедших до нас писем Жихарева к В. А. Жуковскому 11 ноября 1827 г., где он с болью пишет об упадке Московского университета, о бессмысленных полицейских преследованиях профессоров и студентов и предлагает себя на должность попечителя: «С радостию оставлю свое обер-прокурорство и если не сделаю пользы, то вреда не сделаю, а это в настоящем положении университета — много!» (РО ИРЛИ, Онегин. собр., № 28046, л. 19 об.). Встревоженный, сочувственный к судьбам российского просвещения тон письма заставляет предположить искреннее стремление автора послужить пользе своего университета, а также самому переменить род деятельности. Кто знает, как бы

сложилась судьба Жихарева, осуществись это желание. Но оно не осуществилось, и Жихарев продолжил «обер-прокурорство». В 1836 г. он получил чин тайного советника (III класс), в 1839 г. достиг звания сенатора, имел ордена и знаки отличия. Однако в начале 1830-х гг. он испортил свою служебную и общественную репутацию. На службе прослыл — и, видимо, не без оснований — взяточником (см.: *Штр.*, т. 1, с. 16), а в дружеском кругу запятнал себя денежным конфликтом с братьями Тургеневыми.

Давние приятели Жихарева братья Тургеневы находились в эти годы в крайне сложном положении. Еще в 1824 г. декабрист Николай Иванович и его старший брат Александр Иванович попали в опалу и вышли в отставку. В 1825 г. все братья (включая младшего, Сергея) уехали за границу, где их застали вести о декабрьском восстании, потом о смертном приговоре Николаю Тургеневу и замене его пожизненной каторгой. Пребывание за границей спасло его от Сибири, но превратилось в вечное изгнание. Кара, обрушившаяся на брата, так потрясла С. И. Тургенева, что он заболел психически и умер в 1827 г. в Париже. А. И. Тургенев лишь на короткое время приезжал в Россию, не желая покидать своих братьев. В этих условиях управление имениями и всеми денежными делами Тургеневых было поручено Жихареву. Вскоре А. И. Тургенев обвинил его в злоупотреблении доверием, а потом и в прямом воровстве.

До конца разобраться в истории финансовых отношений Жихарева с Тургеневыми очень сложно. Его оправдательные письма напечатаны С. Я. Штрайхом (*Штр.*, т. 2, с. 450—453), путаные и противоречивые объяснения дела содержатся и в неопубликованном письме к Жуковскому 1 октября 1831 г. (РО ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 454). Однако даже если не придерживаться крайнего взгляда, переданного в «Записках» Н. И. Греча, что Жихарев разорил Тургеневых, его некорректности в обращении с чужими деньгами отрицать нельзя (см.: *Штр.*, т. 2, с. 526—545). Доброжелательный В. А Жуковский в письме к А. И. Тургеневу в сентябре 1831 г. пытался разъяснить суть конфликта: «Не полагаю, чтобы Жихарев имел в самом деле намерение тебя ограбить; напротив, думаю, что он даже радовался мысли быть, так сказать, промыслом твоим и твоих братьев. Mais l'occasion fait le larron [Но обстоятельства делают человека вором]. Сначала он вздумал употребить твое в пользу свою, не во вред твоей пользе. Истратил деньги твои, с тем чтобы их тебе заплатить, то есть в надежде на будущее осмелился нарушить святыню вверенного залога. Обстоятельства запутались; необдуманная неосторожность сделалась просто похищением; а теперь уже из невольного похищения произошло произвольное плутовство и бесстыдство» (Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895, с. 259—260). Жуковский тонко вскрывает психологическую подоплеку проступков Жихарева: не будучи нравственно стойким человеком, он не смог противостоять искушениям. Этому способствовала общая деморализующая атмосфера последекабрьского общества и личные свойства Жихарева. Свое собственное состояние он окончательно расстроил игрой в карты и на скачках, имение жены было продано за долги. К концу жизни Жихарев был почти нищим — взятки и плутовство ему не помогли.

В 1840-е гг., казалось, наступил новый период в жизни Жихарева. В декабре 1843 г. он был назначен членом Комитета государственного коннозаводства, что вполне соответствовало его страстному увлечению лошадьми. Но служба длилась недолго: в 1847 г.

Жихарев был уволен сперва из Комитета, а потом вообще со службы и лишен пенсии — за неуплату долгов (см.: ЦГИА, ф. 472, оп. 35, ед. хр. 37, л. 3). Именно в это время на досуге и в поисках хоть каких-то источников дохода он начинает вплотную заниматься подготовкой к печати своих дневников-мемуаров.

Последняя должность, которую занимал Жихарев за свою долгую карьеру — председатель Театрально-литературного комитета (1858—1860 гг.). Казалось бы, здесь старый театрал будет на высоте. Но ни комитет (см.: *История*, т. 4, с. 40—41), ни его председатель не смогли принести ощутимой пользы русскому театру. В памяти современников сохранился лишь досадный эпизод, не без иронии описанный в дневнике А. В. Никитенко: присвоение Жихаревым чужого бриллиантового перстня, переданного ему на хранение как председателю комитета. Вскоре — 31 августа 1860 г.— С. П. Жихарев умер и был похоронен на казенные средства на Митрофаньевском кладбище в Петербурге. Так достаточно бесславно закончилось его служебное и жизненное поприще.

Однако в истории русской культуры, к счастью, запечатлелся не облик позднего Жихарева, а образ молодого человека, близкого друга актеров, музыкантов, литераторов, участника ведущих литературных обществ («Беседы любителей русского слова», «Вольного общества любителей российской словесности, наук и художеств», «Арзамаса»), чье имя с симпатией упоминают Державин, Батюшков, Жуковский, Гнедич и многие другие его современники. Таким он предстает перед нами и со страниц своих дневников-мемуаров.

МИР «ДНЕВНИКА СТУДЕНТА». МОСКОВСКИЕ ТЕАТРЫ В НАЧАЛЕ 1800-Х ГГ.

«Дневник студента» — замечательная хроника московской жизни 1805—1806 гг. Сразу после выхода в свет он оказался бесценным источником сведений о быте, укладе, событиях светской и театральной жизни Москвы. Им пользовался Л. Н. Толстой при создании «Войны и мира», а затем едва ли не все исследователи — историки, театроведы, музыковеды, литературоведы, писавшие об эпохе 1800-х гг.

«Дневник студента» охватывает, по сути, три пласта московской жизни: университет, литературно-театральный мир и светское общество.

Название дневника может вызвать у читателя ожидание подробного отчета об учебных занятиях, о событиях в жизни университета, об изучаемых дисциплинах и т. п. Между тем, кроме беглых упоминаний о трудностях с математикой и о публичных лекциях по физике, краткого и несколько иронического описания пансионерского экзамена, мы почти не встречаем записей, касающихся университета. Жихарев связан с некоторыми преподавателями взаимной приязнью и даже дружбой, он рад отметить в их кругу день своего рождения, но как друг среди друзей или как начинающий литератор в своем кружке. К университету Жихарев подходит с типично дворянским прагматизмом. Причастность к нему дает юноше определенный статус в светском обществе (не «недоросль» — студент), а впоследствии — аттестат, который позволит поступить в приличную службу. Жихарев явно дорожит положением человека «хорошего общества» и не хочет нарушать его законов. Между тем поглощенность дворянина учебными занятиями могла бы быть воспринята в этом обществе либо как

причуда педанта, либо как стремление к академической карьере. А это уже считалось для природного дворянина почти таким же «неприличием», как сделаться профессиональным актером.

Любопытно, что профессор и актер ставились светским обществом, так сказать, «на одну доску», хотя различия в их правовом положении были огромны. Профессор имел чин не ниже VII класса, и на него распространялись все права и привилегии потомственного дворянина (независимо от его происхождения). Актер был человеком как бы вне сословия, так как актерское звание только освобождало от податей и никаких правовых гарантий не давало. Дворяне утрачивали свои права, поступая на сцену, поэтому одна мысль, что дворянин станет актером, была способна привести в ужас. Уделом светских театралов оставалась лишь любительская сцена. Современник Жихарева С. Т. Аксаков вспоминал, как после его выступления в спектакле в доме А. С. Шишкова жена М. И. Кутузова изъявила ему «искреннее сожаление», что он «дворянин, что такой талант, уже много обработанный, не получит дальнейшего развития на сцене публичной» (*Аксаков*, т. 2, с. 262). Жихарев отнюдь не свободен от дворянских предрассудков. Тем не менее театральный мир властно притягивает к себе юношу и составляет центр его духовных интересов. Никакие увещевания добродетельных наставников не могут излечить юного студента от «глупой страсти к театру», как он сам называет свое увлечение в минуту раскаяния.

В Москве Жихарев посещает три театра: русский, немецкий, французский.

Русский театр в Москве находился до 1806 г. в частных руках. Его владельцем был Михаил Егорович (Майкл, Меккол) Маддокс (или Медокс), человек неясного происхождения и интересной судьбы. Современники считали его кто знатным англичанином, кто греком, кто евреем, полагали, что он приехал в Россию в 1760-х гг. в качестве учителя математики для вел. кн. Павла Петровича. Это обстоятельство не находит документального подтверждения. Достоверно известно, что он был превосходным механиком, и это помогло ему впоследствии поддерживать на высоком уровне сценическую машинерию в своем театре. Видимо, правы те, кто определял первоначальную профессию Медокса не очень уважительным на языке XVIII в. словом «фигляр», что теперь мы должны трактовать как «цирковой артист», «фокусник».

В 1776 г. Медокс становится компаньоном в театральной антрепризе кн. П. С. Урусова в Москве, а с 1780 г.— единоличным владельцем антрепризы, т. е. получает привилегию на устройство в Москве театральных зрелищ. В феврале 1780 г. сгорел так называемый Знаменский оперный дом, где происходили спектакли русской труппы. За пять месяцев архитектор Розберг построил на средства Медокса и, видимо, при его участии театральное здание — грандиозное, по масштабам тогдашней Москвы. Фасад его выходил на ул. Петровку, поэтому театр стал называться Петровским, или театром Медокса, по имени владельца. На этом месте впоследствии было построено нынешнее здание Большого театра.

Подробное описание-реконструкцию устройства Петровского театра, его историю и всесторонний анализ его репертуара дает в своей книге «Театр Маддокса в Москве» О. Чаянова. Исследовательница отмечает, что внешне здание театра Медокса не отличалось ни архитектурными достоинствами, ни красотой. Зато внутреннее устройство вполне соответствовало европейскому уровню и было под-

чинено идее удобства зрителя во время просмотра спектакля. Большая сцена, поднятая на два аршина, круто поднимающийся партер, три яруса лож и галерея для самого демократического зрителя (на галерею был отдельный вход, чтобы простонародный зритель не смешивался с публикой из «хорошего общества»). Сцена была прекрасно оборудована, декораторами и механиками Медоксова театра в XVIII в. являлись знаменитые Гонзаго, Гильфердинг, Валезини, Биббиена. К театру примыкала огромная маскарадная зала — круглая Ротонда — на две тысячи человек, которая считалась одной из достопримечательностей Москвы конца XVIII — начала XIX в.; там устраивались не только маскарады, балы, но и концерты.

Жихарев сделался завсегдатаем Петровского театра в тот момент, когда театр уже прошел лучшие этапы своей деятельности (периоды расцвета приходятся на 1780—1786 и 1791—1796 гг.). Материальные дела Медокса пошатнулись давно, и он проявлял удивительную находчивость и изворотливость, чтобы спасти свое детище от окончательного краха. Однако начало XIX в. нельзя считать временем упадка Петровского театра. Конечно, здание обветшало, оформление спектаклей уже сильно уступало петербургским постановкам (в чем убедился Жихарев, перебравшись в столицу). Лучшие актеры (П. А. Плавильщиков, В. П. Померанцев) по своей творческой манере принадлежали XVIII в., поэтому их игра на фоне петербургских образцов казалась несколько провинциальной и архаичной. Однако и в отношении репертуара, и по общему стилю театральных постановок Медоксов театр старался шагать в ногу со временем. Сам Медокс еще в 1796 г. потерял право единолично распоряжаться театром, но введенные им традиции организации театрального дела держались довольно прочно.

Рассмотрим теперь ряд особенностей театральной жизни начала XIX в., которые необходимо знать и иметь в виду при чтении мемуаров Жихарева.

Театральный сезон на рубеже XVIII и XIX вв. начинался в первых числах сентября и продолжался до конца мая, с перерывом на время Великого поста, когда спектакли были запрещены и помещение театра сдавалось внаем для концертов и «фокусов». Летом представления в Петровском театре шли спорадически («по требованию знатных особ», по желанию владельца и т. п.), зато с середины мая до сентября функционировал так называемый вокзал — специальное летнее помещение для увеселений знатной публики (название «вокзал» происходит от Waux-Hall, предместья Лондона, где им было положено начало). Вокзал театра Медокса находился около Таганской площади и представлял собой регулярный сад, где играла музыка, располагались буфеты, увеселительные павильоны. В вокзале устраивались фейерверки, иллюминации, маскарады, балы, ужины, давались и театральные представления на открытом воздухе, а в случае дождя — в специально выстроенном «комнатном театре» (см.: *Глинка,* с. 179—180). Играли там артисты Петровского театра; таким образом, спектакли труппы продолжались практически круглый год. В театре на Петровке давалось 75 абонементных спектаклей в год, но если прибавить к ним внеабонементные представления и вокзальный театр, то труппа должна была выдержать более сотни спектаклей. Это было серьезной проблемой.

Основной состав зрителей был стабильным. Театр на Петровке вмещал около восьмисот «благородных» зрителей, не считая посетителей галереи. Ложи (их было восемьдесят) абонировались обычно

целыми семьями на год — с января до января, что обходилось, по свидетельству современника, от 300 до 1000 рублей и более. Владельцы абонемента могли обставить ложу своей мебелью и даже оклеить обоями по своему вкусу (см.: *Рихтер*, с. 24). Таким образом, ложа превращалась в своего рода филиал домашней гостиной, а театр — в место светских встреч. Состоятельная часть несемейной мужской публики позволяла себе покупать дорогие места в креслах перед сценой (пять-шесть рядов), небогатые люди покупали билеты в партер, где надо было стоять. Посещение театра входило почти как обязательная часть в распорядок дня светского человека, поэтому в дни спектаклей в театре собирался один и тот же круг людей (представления давались с шести часов вечера по средам и воскресеньям, с 1 ноября еще по пятницам, а в разгар сезона и в другие дни). Повторять часто постановки в таких условиях было невозможно. В среднем одна пьеса могла идти два-три раза в сезон, наиболее популярные — семь-девять (рекорд побила опера «Днепровская русалка», шедшая одиннадцать раз), некоторые пьесы «упадали» после первого же представления. Положение осложнялось тем, что спектакль обычно состоял из двух пьес — большой и маленькой.

Таким образом, одна труппа, которая в 1805 г., по данным Жихарева (см. запись от 18 октября 1805 г.) состояла из двадцати шести человек, включая сюда драматических, оперных и балетных артистов, должна была одновременно держать в репертуаре несколько десятков пьес и постоянно разучивать новые. По подсчетам О. Чаяновой, с 1782 по 1805 г. театр Медокса поставил 425 пьес. Учитывая, что ведущий актерский состав за эти годы мало изменился, это значительная цифра. Времени на подготовку новых постановок в таких условиях у труппы оставалось мало.

По общим правилам в театрах конца XVIII — начала XIX в. полагалось не более трех репетиций одной пьесы. Режиссера в нынешнем смысле слова еще не существовало. Основная цель репетиций заключалась в том, чтобы артисты усвоили время и порядок своего выхода на сцену. Часто премьеры бывали столь неподготовленными, что актеры оказывались буквально прикованными к суфлерской будке. Далеко не всегда все участники спектакля понимали общий смысл пьесы и даже своей роли. На казенной сцене распределение ролей происходило согласно амплуа, перечень которых был взят из французского театра и не всегда подходил к русскому репертуару (см.: *Погожев*, с. 80—82), а порой игнорировало вкусы и наклонности артистов. Протестовать, отказаться от данной ему роли актер не мог под угрозой расторжения контракта или унизительного наказания. За малейшее ослушание, а иногда за простое проявление человеческого достоинства крепостных актеров — самых бесправных членов труппы — подвергали телесным наказаниям, а вольных лишали жалованья, сажали под арест, невзирая на заслуги. Так, в Петербурге в 1810 г. сидела под арестом сама великая трагическая актриса Е. С. Семенова (см.: *Всеволодский*, с. 106).

На этом фоне положение дел в театре Медокса выгодно отличалось демократизмом и профессионализмом. Один из близких к Петровскому театру конца XVIII — начала XIX в. людей, активный переводчик и драматург С. Н. Глинка, вспоминал о том, как происходил выбор пьес и их постановка: «Когда сочинители и переводчики приносили к Медоксу произведения свои, он приглашал актеров на совещание: принять пьесу или нет. Если принятие по прочтении предлагаемой пиесы утверждалось большинством голосов, тогда

содержатель удалялся, предоставляя каждому выбор своей роли. Потом, возвратясь на совещание с новым вопросом: во сколько времени принятая пьеса может быть выучена? срока на это нигде не убавлял он, но, смотря по пиесе, и прибавлял. Были тогда в Московском театре подле оркестра табуреты, занимаемые тогда, так сказать, присяжными любителями театра. У некоторых из них были и свои домашние театры. Содержатель приглашал и их, и сочинителей, и переводчиков на репетицию. Если приглашенные лица единодушно утверждали, что пьеса идет успешно и что каждый из актеров вник в душу роли своей, тогда назначалось главное представление. В противном случае отлагалось еще на время. Повторение так изощряло память, что суфлер почти вовсе был не нужен» (*Глинка*, с. 179). Конечно, следует иметь в виду, что С. Н. Глинка описывает, так сказать, идеальный вариант и что в жизни не всегда все шло так гладко, однако о Медоксе как отличном директоре театра говорит и Жихарев в «Воспоминаниях старого театрала».

Репертуар рубежа XVIII и XIX вв. характеризуется торжеством драмы. Еще в 1780-е гг. входят в репертуар Петровского театра и остаются в нем до конца (до 1805 г.) драмы Мерсье, «Отец семейства» Дидро («по расположению» Геммингена в переводе Н. Н. Сандунова), «Мисс Сара Сампсон», «Эмилия Галотти» Лессинга, но наивысшей популярности достигают многочисленные драмы Коцебу, наводнившие русскую сцену в 1790-е гг. Самыми значительными из них в Медоксовом театре были «Ненависть к людям и раскаяние» (и ее продолжение «Эйлалия Мейнау, или Следствия примирения» Ф.-В. Циглера), «Сын любви», «Попугай», «Гуситы под Наумбургом».

Имя Августа Коцебу, плодовитого немецкого писателя рубежа XVIII и XIX вв., долгие годы жившего в России, автора более двухсот произведений (в том числе 92 драм), дискредитировано его деятельностью в качестве агента русского правительства и «Священного союза» в Германии в 1810-е гг., за что он был убит в 1819 г. немецким студентом Зандом. Между тем в конце XVIII в. его пьесы с триумфом обошли все театры Европы. Успех им обеспечили актеры, поборники нового, эмоционального стиля игры. Они влили жизнь, наполнили высокой игрой страстей эти пошловатые пьесы — предшественницы позднейших мелодрам. Поэтому прав был театровед Б. В. Алперс, когда писал: «От драматургии Коцебу можно действительно отделаться несколькими фразами. Но историк театра сделает крупный промах, если пройдет мимо такой пьесы Коцебу, как «Ненависть к людям». В ней были созданы крупнейшими актерами русской сцены Яковлевым и Мочаловым образы необычайно сильные и значительные по своему социально-психологическому содержанию» (*Алперс*, с. 30).

В середине 1800-х гг. популярность драм Коцебу начала постепенно затухать. С легкой руки поэта Д. П. Горчакова они стали именоваться «коцебятиной». Жихарев уже относится к ним вполне спокойно, без заведомого восторга, порой высказываясь о них с одобрением, порой — весьма критически. Его реакция на русскую национальную драму, возникшую в начале XIX в. под влиянием пьес Коцебу, была еще более сдержанной. Московская публика принимала пьесы Н. И. Ильина, В. М. Федорова, С. Н. Глинки восторженно, юный студент считает их ходульными, скучными, пошлыми. Исключение он делает лишь для драмы Н. И. Ильина «Великодушие, или Рекрутский набор» (см. о ней: *Родина*, с. 40—48).

Как патриотически настроенный юноша он сам удивляется своему равнодушию к национальному репертуару, однако признается: «Что ни говори, а русскую оперу можно смотреть с большим удовольствием, чем русские трагедии и драмы». Однако вскоре на московской сцене появилась русская трагедия, которая покорила сердце автора «Дневника студента».

27 сентября 1805 г. в театре Медокса состоялась премьера «Эдипа в Афинах» В. А. Озерова. Это произошло почти через год после того, как пьеса прогремела в Петербурге (впервые поставлена 23 ноября 1804 г.) и менее чем за месяц до гибели самого Петровского театра, сгоревшего 22 октября 1805 г. В Москве уже были наслышаны о петербургском успехе трагедии Озерова, о внезапной громкой славе автора. Спектакль в Петровском театре прошел, по свидетельству Жихарева, при единодушном восторге публики. Сам автор «Дневника студента» восхищается пьесой, игрой П. А. Плавильщикова в главной роли, но критикует других исполнителей. Однако для Жихарева «эпоха Озерова» еще впереди. Переехав в 1806 г. в Петербург, он окажется свидетелем апогея озеровской славы. Трагедия «Димитрий Донской», на генеральной репетиции (13 января 1807 г.) и на премьере (14 января 1807 г.) которой присутствовал Жихарев, затмила успех «Эдипа в Афинах» и «Фингала» (1805 г). Тем не менее петербургские спектакли не изгладили из памяти мемуариста московской постановки «Эдипа», и в «Воспоминаниях старого театрала» Жихарев дал глубокий сравнительный анализ трактовки главной роли П. А. Плавильщиковым и Я. Е. Шушериным.

После пожара Петровского театра труппа Медокса давала спектакли в доме князя М. П. Волконского на Самотеке (с 12 ноября 1805 г.), потом в манеже дома Пашкова на Моховой (с 17 декабря 1805 г.), и ряд театральных впечатлений Жихарева связан как раз с последним зданием. Здесь 10 февраля 1806 г. состоялся последний спектакль частной труппы Медокса и 11 апреля 1806 г.— первое представление Императорской московской российской труппы, так как московский театр был взят в казенное управление и присоединен к Дирекции императорских театров. Современники, близко знавшие театральную жизнь, в их числе и Жихарев, придавали этому событию большое значение. Статус «императорских» обеспечивал артистам постоянный заработок и более или менее твердую гарантию получения пенсии. По положению 1786 г. пенсия за двадцатилетнюю выслугу назначалась в размере половины годового жалованья, с 1809 г.— полного (см.: *История*, т. 2, с. 37; правда, дирекция, чтобы не платить пенсии, могла в нужный момент не возобновить с актером контракта — *Погожев*, с. 84). Крепостным актерам принадлежность к императорской труппе давала право ставить перед своей фамилией букву «г.», т. е. «господин», что меняло их общественное положение и самоощущение.

На этой ноте обрывается рассказ Жихарева о русской театральной жизни Москвы. Сперва отъезд на лето в Липецк, а потом переезд в Петербург не дали ему возможности следить за дальнейшим развитием московского театра.

Напомним, что спектакли труппы Медокса были отнюдь не единственным источником московских театральных впечатлений Жихарева.

Немецкий театр. Автор «Дневника студента» являлся страстным поклонником немецкого театра, начавшего свои представления в

Москве в 1804 г. Он старался не пропускать немецких спектаклей, тщательно собирал сведения об актерах и истории труппы, и позднейшая театроведческая литература черпает свои сведения об этом театре почти исключительно из его дневников-мемуаров.

В записи от 18 октября 1805 г. Жихарев приводит список всех московских актеров (русской, французской и немецкой трупп) с перечислением их амплуа и иногда краткой характеристикой. В записях от 20 и 21 мая 1807 г. он излагает историю немецкой труппы. Б. М. Эйхенбаум сверил данные Жихарева со сведениями, помещавшимися на страницах рижского немецкого журнала «Russischer Merkur» («Русский Меркурий», 1805). С издателем журнала пастором Гейдеке Жихарев был знаком и часто пользовался его изданием как справочным и отправным для рассуждений (не всегда ссылаясь на источник, как установил Б. М. Эйхенбаум). Гейдеке приветствовал появление немецкого театра в Москве, хотя его оценки репертуара и игры актеров не совпадают с восторженными отзывами автора «Дневника студента» (см.: *Эйх.*, с. 668—669).

Московская немецкая труппа отделилась от петербургской немецкой труппы антрепренера Иосифа Мире и под руководством актера Карла Штейнсберга начала свою деятельность в помещении так называемого Головинского (или Демидовского) театра на Яузе. Состав актеров и зрителей здесь был демократическим. Значительную часть из проживавших тогда в Москве восьми тысяч немцев составляли врачи и ремесленники разных профессий, они же заполняли и театральный зал. Русская публика мало посещала немецкие спектакли, и Жихарев, гордившийся своим знанием немецкого языка, чувствовал себя вольготно и в зрительном зале, и за кулисами. В обществе хорошеньких немецких актрис он держался свободно и уверенно, чего ему порой не хватало в светских дворянских гостиных. Со Штейнсбергом Жихарев вел беседы о литературе и театре, суждения опытного актера вызывали у него неизменный интерес. Болезнь Штейнсберга очень опечалила юного студента, а его смерть он считал невосполнимой потерей для театра. Переход немецкой труппы к русскому антрепренеру А. Муромцеву в феврале 1806 г. привел к падению ее престижа.

Основное место в репертуаре театра, насколько можно судить, занимали оперы и музыкальные драмы. В записях Жихарева встречаются упоминания об операх Моцарта, Сальери; часто шла и «Русалка», пленившая зрителей начала XIX в. Видимо, музыкальная часть была на высоте: рассказывая о постановке моцартовского «Дон Жуана», Жихарев подчеркивает, что в театр съехались все московские любители музыки, а также высший свет (записи от 12 и 15 января 1806 г.). Кроме того, в немецком театре ставилось много комедий, важную роль в его репертуаре играли и популярные драмы Коцебу. Отсутствие педантизма, открытая установка на развлечение, раскованность в выборе репертуара — вот что привлекало Жихарева в этом театре. И вряд ли справедливы замечания желчного Ф. Ф. Вигеля, объяснявшего восхищение Жихарева немецким театром его низкопоклонством перед иностранным (см.: *Эйх.*, с. 669). К французскому театру, более престижному в глазах русского дворянства, автор «Дневника студента» относится совершенно иначе.

Французский театр. О французской труппе, начавшей свои спектакли в Москве в 1802 г., мы знаем очень мало. Видимо, это связано с тем, что талантами она не блистала и находилась на периферии московской театральной жизни. Своего помещения фран-

цузская труппа не имела и играла в здании Петровского театра в те дни, когда не было русских спектаклей.

Отзывы Жихарева о французском театре устойчиво негативны. Он обвиняет актеров в «шарлатанстве», т. е. в использовании пошлых трюков для привлечения публики, хотя признает талант актера Дюпаре, а иногда довольно снисходительно замечает, что та или иная пьеса «разыгрывается очень мило». Однако в целом необходимо признать, что большого внимания французскому театру Жихарев не уделял.

Положение московской французской труппы разительно отличалось от петербургской, где играли талантливые актеры. Столичная труппа пользовалась особым благоволением Дирекции императорских театров, спектакли часто посещал двор и сам император Александр I. В Москве же обстоятельства изменились лишь в 1809 г., по приезде труппы Армана Домерга, вдохнувшей новую жизнь в московский французский театр. Но Жихарев этого уже не застал.

Театральный материал занимает очень важное место в «Дневнике студента». Но все же не только театр был предметом внимания молодого человека. С заботливостью летописца он описывает знаменитые московские гулянья (на святой неделе, 1 мая), скачки, петушиные и гусиные бои, бега, а также балы, концерты, светские приемы. Радостно впитывая в себя впечатления бытия, Жихарев создал для нас, как уже говорилось, настоящую хронику московской жизни.

ПОЯСНЕНИЯ К ТЕКСТУ «ДНЕВНИКА СТУДЕНТА»

С. 30

От издателя — предисловие Жихарева к первому отдельному изданию «Записок современника» (1859), выпущенному им анонимно.

...князя Степана Степановича Борятинского... — двоюродный брат Жихарева по матери, личность незаурядная. В 1812 г.— доброволец в полку графа М. А. Дмитриева-Мамонова, затем участник заграничного похода. После войны близок к масонам круга доктора М. Я. Мудрова, последователя Н. И. Новикова. В 1817 г. вышел в отставку, не желая служить в эпоху реакции, поселился в своем имении в Рязанской губ., занимался хозяйством и улучшением состояния своих крестьян. Биографию и очерк личности см. в книге его пасынка: Князь Степан Степанович Борятинский. (Биографический очерк). Из воспоминаний В. Н. Бензенгра. Рязань, 1888.

С. 31

...неизменным Гриммом.— То есть обязательным корреспондентом. Ф.-М. Гримм вел в 1753—1782 гг. своеобразную рукописную газету — хронику парижских событий, которая распространялась в 15—16 экземплярах. Ее получали многие европейские монархи, в том числе Екатерина II, с которой Гримм переписывался с 1774 г. до ее смерти.

...не одна красненькая... —десятирублевая ассигнация.

...в синем мундире с малиновым воротником и при шпаге...— Подробное описание мундира «для Университета и подведомых ему училищ», определенного указом от 9 апреля 1804 г., см. в книге «История Московского университета, написанная... Степаном Шевыревым. 1755—1855» (М., 1855, с. 319).

С. 32.

...определиться в коллегию...— Коллегия иностранных дел, учрежденная Петром I и сохранившая свое название после министерской реформы 1802 г., хотя подчинявшаяся министру иностранных дел; находилась в Петербурге. Служба в ней открывала возможности для хорошей карьеры. Архив коллегии иностранных дел находился в Москве. В нем числились на службе (чаще всего сверх штата, без жалованья) отпрыски московских дворянских фамилий, с тем чтобы получать чины. Хотя по указу 1762-го и грамоте 1785 г. дворяне были освобождены от обязательной службы, для завоевания прочного положения в обществе и спокойных отношений с правительством необходимо было быть включенным в «Табель о рангах». Архив предоставлял эту возможность тем, кто не собирался делать большой карьеры. В Москве образовался целый круг «архивных юношей», из которых в 1820-е гг. вышли литераторы-«любомудры» — Д. В. Веневитинов, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев и др. (ср.: А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», гл. VI, строфа XIX; Ф. В. Булгарин «Иван Выжигин», гл. XVI). Остерман советует Жихареву делать карьеру.

С. 33

...Гарнеренево воздухоплавание...— полеты на воздушном шаре Андре-Жана Гарнерена.

...есть глубокий смысл.— Первые страницы «Дневника студента» дают прекрасное представление о господствующей в дворянском обществе внутренней иерархии. Фельдмаршал гр. М. Ф. Каменский отказывается принимать всерьез университетский мундир, так как для него единственным занятием, достойным дворянина, является военная служба. Вице-канцлер гр. И. А. Остерман также не склонен придавать серьезного значения обучению в университете, для него это лишь ступень к определению в службу. Юный студент Жихарев вынужден стоять в присутствии высоких сановников, что ущемляет его гордость. Старые екатерининские вельможи являются хранителями дворянских традиций, к которым поколение Жихарева относится с некоторой долей иронии, но которым все же следует неукоснительно. Характерно, что свои визиты к университетским профессорам Жихарев определяет стилистически сниженным словом «таскался». Его отношение к профессорам двойственно: он уважает их самоотверженный труд и согласен отдать им должное, но тем не менее в каждой фразе подчеркивает ту невидимую, но ощутимую грань, которая отделяет его, природного дворянина, от них — дворян по чину и званию. Недаром названо полностью только имя профессора Черепанова — оно сразу выдает его разночинское, семинарское происхождение (имена Страхова и Снегирева звучат нейтрально). Приведенный образчик стиля Черепанова служит той же цели: неуклюжий семинарский слог есть знак социальной принадлежности, хотя снисходительный Жихарев и согласен видеть в высказывании «глубокий смысл».

...на пансионском театре.— По сведениям Н. В. Сушкова, театр в Благородном пансионе существовал до 1812 г. (см.: *Сушков*, с. 41). Иногда на пансионерской сцене играли и его бывшие воспитанники. Например, в 1801 г. состоялась постановка антикрепостнической пьесы Н. Н. Сандунова «Солдатская школа», которая была осуществлена под руководством автора А. С. Кайсаровым и его друзьями (см. об этом и о пансионерском театре: *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени.— Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 63. Тарту, 1958, с. 87—93).

Жихарев тоже играл на сцене пансионерского театра, в частности исполнял роль Франца Моора в трагедии Шиллера «Разбойники», но, видимо, неудачно, так как вызвал неудовольствие переводчика — Н. Н. Сандунова.

...и Злова.— На обеде у известного театрала князя М. А. Долгорукова собрались лучшие актеры Петровского театра (см. о них: *История*, т. 2, с. 150—165; *Глинка*, с. 156, 180).

...но неуживчив.— Отмеченная Жихаревым «неуживчивость» была не просто свойством характера С. Н. Сандунова, но и результатом обостренного гражданского чувства, стремлением оградить достоинство актера от любых проявлений сановной спеси. Сам дворянин по происхождению (настоящая фамилия — Сандукели), образованный человек, он бросил карьеру чиновника, подчинившись актерскому призванию. Его конфликты с всесильным канцлером графом А. А. Безбородко, преследовавшим его невесту Е. С. Уранову (потом — Сандунову), затем с театральной дирекцией в 1790—1794 гг. получили большой общественный резонанс. В начале 1790-х гг. С. Н. Сандунов был близок к кружку И. А. Крылова. После вынужденного переезда в 1794 г. в Москву семья Сандуновых (вместе с братом — драматургом и профессором Н. Н. Сандуновым) становится одним из центров литературно-музыкальной жизни Москвы (см.: *Глинка*, с. 155—156, 177—178). Новый конфликт с театральным начальством в 1810 г. привел к демонстративной отставке С. Н. Сандунова от театра (см.: *Куликова К. Ф.* Труба, личина и кинжал. Л., 1972, с. 197—206; *Цинкович-Николаева В. А.* Сила Николаевич Сандунов. (Штрихи к портрету Сандунова — гражданина и актера).— В кн.: Русский театр и общественное движение (конец XVIII — начало XX века). Л., 1984, с. 88—96).

...Яковлев неуч.— Лучший трагический актер Петровского театра, драматург и театральный теоретик П. А. Плавильщиков прекрасно знал актерскую манеру Я. Е. Шушерина, с которым много играл вместе в Москве и Петербурге. Приверженец классической актерской манеры, он готов отдать предпочтение своему старому сопернику перед новой звездой русской сцены — А. С. Яковлевым, так как считал искреннюю игру последнего следствием неумения и отсутствия школы. О новаторстве Плавильщикова-теоретика и традиционности актера см.: *Алперс*, с. 74—75; см. также: *Кулакова Л. И.* П. А. Плавильщиков (1760—1812). М.; Л., 1952. О Шушерине и Яковлеве Жихарев будет еще много писать.

С. 34

...в магазин мадам Обер-Шальме — французский модный магазин на Кузнецком мосту. Он упомянут в «Войне и мире» (т. II, ч. 5, гл. VI). См. о нем: *Благово*, с. 153—154.

...дома Высоцкого.— Дом П. Е. Высоцкого, женатого на сестре князя Г. А. Потемкина-Таврического, стоял на левой стороне Новой Басманной ул. (см.: *Сытин*, с. 671).

...цуги, цуги и цуги — деталь, подчеркивающая, что на бал собрались высокопоставленные гости. Цугом, т. е. гуськом, запрягались шесть и более лошадей. Разъезжать в таких экипажах имели право только лица в чине выше полковника.

...по стакану пенника.— Раздача кучерам, ожидавшим своих господ много часов на морозе, по стакану крепкого хлебного вина (пенника) и калачу — тоже деталь, свидетельствующая о богатстве и вместе с тем барской щедрости хозяев дома.

...прекрасно! — Контрастом к роскошному балу у Высоцких служит описание скромной вечеринки у университетского профессора Мягкова. Видимо, помещение этих записей рядом не случайность, а литературный прием, раскрывающий «живую панораму» Москвы. Светской расточительности и многолюдству противопоставлены скромность трудового достатка и интимность домашнего кружка.

С. 35

Бард безымянный...— Процитирована первая строфа послания И. И. Дмитриева «К Г. Р. Державину» (1804 г.), написанного в ответ на стихотворение Державина «Лето» (1804 г.). Оба текста были опубликованы в «Вестнике Европы» (1805, № 18, 19). Заключительный текст стихотворной переписки — «Цыганская пляска» Державина (Вестник Европы, 1805, № 22, с. 134).

...о своей типографии.— В 1801 г. двоюродный брат И. И. Дмитриева П. П. Бекетов открыл в Москве типографию, где печатал сочинения русских авторов, часто за свой счет (см.: *Глинка*, с. 220—221). Характерно, что карамзинист И. И. Дмитриев не одобряет поощрения писателей лишь за патриотические чувства, независимо от таланта, считая, что такой путь не может способствовать развитию отечественной литературы.

Дождит на злыя и благия! — См.: Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 45.

...и 10 червонцев...— Империал — русская золотая монета достоинством в 10 рублей, червонец — 3 рубля.

...я перешел Рубикон.— 16—17 и 20 декабря 1804 г. Жихарев сдавал экзамены в Благородном пансионе при Московском университете и перешел из «большого возраста» в «вышние классы». На публичном акте 21 декабря 1804 г., где он получил два приза, было объявлено: «По успехам в Математических и Исторических Науках, в Нравственности, Логике и языках» (Московские ведомости, 1804, 24 дек., с. 1825). Как свидетельствует Н. В. Сушков, после декабрьского торжественного акта «лучшие в вышних классах [пансиона] производятся в студенты и получают право, независимо от занятий своих в Пансионе, слушать лекции в Университете» (*Сушков*, с. 51, примеч.). Ср.: «Воспитанники пансиона получали звание студента на пансионерском акте, который был всегда в конце декабря, и после этого допускались к слушанию лекций. Это продолжалось до декабрьского акта 1811 года» (*Дмитриев*, с. 255).

...пюсовый фрак...— буквально: цвета блохи (от франц. puce — блоха), т. е. фрак красновато-коричневого цвета.

С. 36

...во истине ходяща».— 3-е Соборное послание апостола Иоанна Богослова, ст. 4.

...этого желает.— Пожелание А. А. Прокоповича-Антонского осуществилось позже: Жуковский стал редактором «Вестника Европы» в 1808 г., а в 1809—1810 гг. издавал его вместе с М. Т. Каченовским.

С. 38

...дорогонько! — Обычные цены были на 50 копеек ниже.

С. 40

...получивший золотую медаль...— Ф. П. Граве получил золотую медаль «с именем и листом» на пансионерском акте 21 декабря 1804 г. (Московские ведомости, 1804, 24 дек., с. 1824).

С. 41

...но нет натуры...— Отзыв Жихарева об игре Е. С. Сандуновой не совпадает с репутацией актрисы, чье торжество «отмечено реалистическими тенденциями, стремлением к простоте и естественности игры» (*Данилов*, с. 131).

С. 42

...Юдифь отрубила голову.— Видимо, имеется в виду пьеса «Иудифь» (1674 г.), ставившаяся при дворе царя Алексея Михайловича.

...выговор особенного рода.— За пьянство и другие провинности крепостные актеры подвергались телесным наказаниям.

С. 43

Все родное как-то шевелит сердце...— Это рассуждение перекликается с идеями П. А. Плавильщикова, высказанными в его программной статье «Театр» (1792 г.): «Отечественность в театральном сочинении, кажется, должна быть первым предметом» и т. д. (Сочинения Петра Плавильщикова. Спб., 1816, т. 4, с. 29), с которыми Жихарев был, конечно, хорошо знаком по личным встречам и беседам.

Опера «Иван-царевич»...— Опера-сказка Екатерины II «Иван-царевич» (или «Храбрый витязь Ахридеич») была поставлена в Петровском театре по указанию Александра I (см.: *Арапов*, с. 116). Стихи для арий и хоров написал секретарь Екатерины А. В. Храповицкий, но для некоторых использовали стихи В. К. Тредиаковского, казавшиеся нелепыми и смешными (например, для первого хора взято стихотворение «Описание грозы, бывшия в Гааге»). Ария Ивана-царевича, которую цитирует Жихарев, написана, видимо, Храповицким.

С. 44

...à la Louis XIV.— Актеры, поднимая вверх Ле-Мера, пели «Марсельезу» («Сыны отечества, вперед!»). Сочетание революционного гимна с «монархической» прической Ле-Мера придавало сцене дополнительный комический эффект. Большая часть зрительного зала смотрела на театр лишь как на развлечение, театрал Жихарев видит в нем высокое искусство и потому осуждает все, что его недостойно («паясничанья» — разного рода уловки для привлечения публики).

С. 45

...«Потоп Змиин».— См.: *Сковорода Г.* Диалог. Имя ему: Потоп Змиин.— Сковорода Г. С. Собр. соч. Спб., 1912, т. 1, с. 493—530. См. также биографию Сковороды: Житие Сковороды, описанное другом его, М. И. Ковалинским. Киев, 1886.

С. 46

...не одно и то же.— В «Капище моего сердца. Сочинение князя И. М. Долгорукого» (Русский архив, 1890, № 2, прилож.) автор подробно и не без доли иронии рассказал историю своих отношений с Е. А. Улыбышевой, подчеркивая их платонический характер и чисто

литературную природу своих писем («начитавшись оба Colardeau и Дората, мы менялись самыми пылкими грамотками»). Муж Улыбышевой, перехвативший любовную переписку, публично дал Долгорукову пощечину. Дело было передано в суд, «определение» которого и читал Жихарев. Интересно, что автора «Дневника студента» совсем не шокирует вольномыслие Долгорукова в отношении семьи и брака (что возмутило судей и навлекло на незадачливого любовника неприятности), его волнуют стилистические проблемы любовной эпистолярии. Надо полагать, что Жихарев читал переписку сквозь призму сочинений Карамзина и находит письма недостойными карамзинской традиции: его коробит их выспренность, стилистическая невыдержанность.

С. 47

...с 11 часов...— Балы обычно начинались в 9 часов вечера.

...играли в банк.— Азартная игра, основанная на случайной удаче. Один из игроков — понтер — ставит какую-нибудь карту, другой — банкомет (тот, что «мечет банк») — раскладывает карты из новой, только что распечатанной колоды. Если поставленная понтером карта падает направо, он выигрывает, если налево — выигрывает банкомет. Выигрыши записывались мелом на зеленом сукне специального раскладного (ломберного) стола для карточных игр. Официально азартные игры были запрещены, но запрет не соблюдался.

С. 48

...гибель сия бысть? — См.: Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 8.

...Хр. Ив. Кейделя.— Жихарев собирается отметить день рождения в кругу своих учителей: Гаврила Иванович — Мягков, Андрей Анисимович — Сокольский, Афанасий Михайлович — Смирнов.

С. 49

...к обедне — то есть ездили и на утреннюю службу в церковь при больнице, построенной на средства знаменитого благотворителя и мецената князя Голицына (на Калужской ул., проект архитектора В. Баженова, постройка М. Казакова).

...у Никиты-мученика.— Хор певчих, крепостных помещика Колокольникова, пел в церкви св. Никиты-мученика на Старой Басманной (ныне ул. К. Маркса), построенной в 1751 г., предположительно Д. Ухтомским (см.: *Иконников А. В.* Каменная летопись Москвы. М., 1978, с. 217).

...осмелился зааплодировать.— В церкви великомученика Димитрия Солунского у Тверских ворот пел хор певчих помещика Бекетова. Эпизод с аплодисментами эмигранта, крещеного индуса Визапура, рассказан также в воспоминаниях Е. Ф. Тимковского (Киевская старина, 1894, № 4, с. 11). Подробнее см.: *Эйх.*, с. 695.

...подкопывают и крадут».— Жихарев по памяти цитирует Евангелие от Матфея (гл. 6, ст. 19).

...на бег графа А. Г. Орлова.— Знаменитый екатерининский вельможа граф А. Г. Орлов-Чесменский был одним из родоначальников отечественного коннозаводства. В своей усадьбе Нескучное за Калужской заставой он устраивал конские бега, очень популярные среди москвичей.

С. 50

Лаж на золото...— Лаж — «промен, ажио, приплата к одному

роду монеты при промене ее на другую, например бумажек на серебро, серебра на золото» (*Даль*, т. 2, с. 234).

...по Ильинке...— Ныне ул. Куйбышева.

...отличного цымлянского...— донское красное шипучее вино. Считалось одним из дешевых вин, покупка его ко дню рождения — свидетельство небольшого достатка.

...у Спаса-на-бору.— На утренней службе (обедне) Жихарев был в церкви Всех скорбящих радосте в Заиконоспасском монастыре на Никольской улице (ныне ул. 25 Октября), оттуда направился на молебен в Кремль в церковь Преображения Господня, что на Бору (Спас-на-бору), где находились мощи св. Стефана Пермского, имя которого он носил.

Щи с завитками...— Завиток — «место на груди у вола; одна из частей, на которые у мясников делится говяжья туша» (*Даль*, т. 1, с. 559, 364).

...маскарад в Петровском театре.— Устройство публичных маскарадов было привилегией театра. Они происходили в специально выстроенной Ротонде. В последние дни масленицы (недели перед Великим постом) маскарадов бывало особенно много, так как на время поста увеселения были запрещены.

...«Возлюбим друг друга!» — В последнее воскресенье накануне Великого поста (называемое прощеное) по обычаю люди просили друг у друга прощения за обиды и грехи и целовались троекратно в знак примирения. Влюбленный юноша надеется получить поцелуй кузины.

С. 51

...«от избытка сердца глаголят уста»...— Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 34.

...потягивал мадеру — крепкое дорогое виноградное вино.

С. 52

Немецкая масленица во всем разгаре.— Немцы в Москве праздновали пасху по новому (григорианскому) календарю, поэтому «немецкая масленица» (вторник за 47 дней до пасхи) приходилась на время православного Великого поста. Соблюдавший пост Жихарев не хочет нарушать его развлечениями и возвращает билеты.

С. 53

...говею ли я.— Говеть — готовиться к причастию, что означало усердное посещение церкви, строгое соблюдение поста, покаяние и исповедь.

...как легко переносит свое положение! — В молодости М. И. Невзоров был послан на учебу за границу стипендиатом кружка Н. И. Новикова. По возвращении в 1792 г. он был заключен в крепость, потом признан сумасшедшим и помещен в дом для умалишенных, где просидел до 1798 г. (см.: *Попов А. Н.* Новые документы по делу Новикова.— В кн.: Сборник Русского исторического общества. Спб., 1868, т. 2, с. 140—145). Ревностный масон Невзоров отличался редким бескорыстием, глубокой религиозностью и вместе с тем независимостью суждений в вопросах веры (см.: *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916, с. 275—277, 281—283).

«Довлеет дневи злоба его».— См.: Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 34.

...«близь есть и дни изочтени суть».— Исайя, гл. 14, ст. 1.

С. 54

...антифоны и проч.— Всенощная — торжественная вечерняя служба, состоящая из вечерни и утрени. Молебен — особое небольшое богослужение, содержащее просьбу о милости или благодарность за милость. Славословие (великое) — молитва, завершающая всенощную («Слава в вышних Богу...»). Кафизма — часть Псалтири; вся Псалтирь (150 псалмов) разделена на 20 кафизм. Паримия — избранное чтение из Ветхого, иногда из Нового завета. Ирмос, кондак — церковные песнопения в честь праздника или святого. Антифоны — песнопения, состоящие из стихов псалмов.

«Русское деревенское воспитание» дало Жихареву хорошее знание богослужебных текстов и Священного писания, которым он не раз пользуется в своих мемуарах.

...даруй ми, рабу твоему!» — Молитва препод. Ефрема Сирина («Господи и Владыко живота моего...»), читаемая Великим постом. Переложена А. С. Пушкиным в стихотворении «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836 г.).

...это дело от себя отклонил.— Директор императорских театров А. Л. Нарышкин особенно заботился о процветании французской труппы в Петербурге; ей покровительствовал и сам Александр I. Директор переманивал на петербургскую сцену хороших актеров из-за границы и из Москвы, назначая большие оклады и предоставляя различные льготы. Уход актера посреди сезона очень затруднял работу труппы, и она попыталась предотвратить некорректные действия дирекции. Характерно, что московский губернатор не пожелал вмешиваться в щекотливое дело и защищать актеров от действий сильного при дворе Нарышкина.

«Француз на дрожках...» — Исследователь В. Семенников установил, что автором этой стихотворной сатиры был масон и последователь Н. И. Новикова А. Ф. Лабзин (см.: Русский библиофил, 1914, № 4, с. 65). В 1805 г. она была выпущена отдельным изданием (см.: *Эйх.*, с. 696).

С. 55

«Четвероевангелие» — Серьезный труд проф. Х. А. Чеботарева, первый подобный в России, был издан гражданской печатью, посвящен Александру I: Четверо-Евагелие, то есть свод воедино всех четырех Евагелистов... М., 1803; повторение: М., 1805. Евангельские события излагались в хронологическом порядке, определенном Чеботаревым. По сведениям И. М. Остроглазова, «Четвероевангелие было запрещено к обращению и перепечатыванию» (Русский архив, 1892, № 12, с. 430).

...тихий бал назначен.— «Тихим» бал назван потому, что дается во время поста. Далее Жихарев иронически выявляет несоответствие между названием и содержанием. Поварская — ныне ул. Воровского.

С. 56

...о своей личности ни слова.— Ср.: «В избранных салонах был он (Растопчин.— *Л. К.*) душою общества. Он прекрасно владел даром слова, по-русски и по-французски. При нем охотникам говорить самим было мало простора. Да и невыгодно было бы вступать с ним в совместничество. 〈...〉 Разговор или, скорее, монолог его был разнообразен содержанием, богат красками и переливами оттенков. 〈...〉 То отчеканивались на ходу живые страницы минувшего, то рассыпа-

лись легкие, но бойкие заметки на людей и дела текущего дня» (*Вяземский П. А.* Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине.— Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского. Спб., 1882, т. 7, с. 508—509).

...и букетом живых незабудок.— Ср.: сюрприз в виде большого пирога (пастета) с начинкой из куропаток и другой дичи обыгрывается в комедии И. А. Крылова «Пирог» (1799—1801), которая шла в Петровском театре в 1804 г. в бенефис С. Н. Сандунова.

«Мотылек» — стихотворение Е. А. Колычева (см.: Санкт-петербургский журнал, 1798, ч. I, с. 209; *Эйх.*, с. 696—697).

С. 57

...отмстил своей противнице.— О буриме П. И. Голенищева-Кутузова — см. вступительную статью.

...другой секты в литературе.— В. Л. Пушкин был ревностным последователем Н. М. Карамзина, а П. И. Голенищев-Кутузов — ярым противником. Он даже писал на Карамзина доносы (см.: *Поэты*, с. 475—476, 651—653).

...комедию в русских нравах.— Имеется в виду комедия Ф. В. Растопчина «Вести, или Убитый живой» (изд. 1808 г.; см. также: Сочинения Растопчина (графа Федора Васильевича). Спб., 1853). Это единственная из его комедий, которая была поставлена в театре, но не имела успеха (см.: *Покровский К.* Граф Ф. В. Растопчин и его комедия «Вести, или Убитый живой».— Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1912, кн. I, отд. II, с. 1—26).

...на великого Дмитревского...— Об И. А. Дмитревском Жихарев подробно говорит в «Дневнике чиновника» и «Воспоминаниях старого театрала».

С. 58

...и даже плакал.— Ср.: «Офрен был чрезвычайно даровитый актер. Декламируя рассказ Терамена о смерти Ипполита, из Федры Расиновой, он плакал. Плакали и мы, несмотря на длинный и однообразный александрийский стих: в декламации Офрена простота и чувство слышались в выразительном его голосе» (*Глинка*, с. 99—100).

...говорит просто, ясно и увлекательно.— Профессор П. И. Страхов в 1803—1808 гг. читал в Московском университете публичные лекции по физике, имевшие большой успех (см.: Сочинения Карамзина. Спб., 1848, т. 3, с. 613—614; *Снегирев*, с. 746).

С. 59

...предлагает его убедительно.— Профессор П. А. Сохацкий, литератор карамзинистского направления, в своих лекциях опирался на передовые достижения европейской эстетики (см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959, с. 108).

...эпиграмму на журнал его...— Журнал Сохацкого «Новости русской литературы» (1802—1803 гг.) продолжал целую серию изданий карамзинистского направления 1790-х гг. Автором эпиграммы «Новости литературы» был И. И. Дмитриев (см.: *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1967, с. 351; впервые напечатана в 1867 г., текст несколько отличается от приведенного здесь). Видимо, Жихарев не знал об авторстве Дмитриева.

Я слышал эту Мару... — Г.-Е. Мара начала свою карьеру

в 1760-е гг. и быстро приобрела всеевропейскую известность. О ней упоминает Радищев (см.: Полн. собр. соч. М.; Л., 1941, т. 2, с. 52), Карамзин восторгался ее пением в Лондоне в 1790 г.: «Я плакал от восхищения, когда Мара пела арию» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984, с. 334). См.: *Ливанова Т.* Русская музыкальная культура XVIII века. М., 1953, т. 2, с. 349—353.

С. 60

...в Кусково гр. Шереметева...— Подмосковная усадьба Кусково — летняя резиденция графов Шереметевых — замечательный дворцово-парковый ансамбль XVIII в. Расцвета Кусково достигает в 1770—1780-е гг. при гр. П. Б. Шереметеве. Его сын, Н. П. Шереметев, женившийся в 1801 г. на своей бывшей крепостной актрисе П. И. Жемчуговой-Ковалевой, предпочитал другую усадьбу — Останкино, поэтому Кусково в конце 1790-х гг. приходит в упадок. Знаменитая Оранжерея, соединявшаяся с дворцом, была построена в 1761—1762 гг., предположительно по проекту Ф. С. Аргунова. Здесь содержалась известная коллекция цитрусовых деревьев (см.: *Старая Москва*, с. 163—184; *Глозман И. М., Тыдман Л. В.* Кусково. М., 1966).

...Н. А. Дурасову...— Н. А. Дурасов, дядя воспетой Пушкиным графини А. Ф. Закревской, славился своим гостепрнимством и «баснословной стерляжей ухой» (*Соллогуб В. А.* Воспоминания. М.; Л., 1931, с. 231; *Аксаков,* т. 1, с. 450—454).

С. 61 (сноска)

...биография Нейкома...— Жихарев ошибается: Нейком умер в Париже 3 апреля 1858 г. В 1807—1808 гг. он был дирижером немецкой оперной труппы в Петербурге. С 1809 г. служил пианистом у Талейрана в Париже, в 1816—1821 гг. был придворным музыкантом в Бразилии (см.: *Краткий биограф. словарь заруб. композиторов,* с. 147). Не исключено, что сведения для примечания Жихарев почерпнул в книге: *Neukomm S.* Esquises biographiques. Paris, 1859.

С. 62

...нельзя было не удивляться.— Князя Д. Е. Цицианова называли «поэтом лжи» и «русским Мюнхаузеном». Об «остроумных вымыслах» Д. Е. Цицианова как факте русской устной культуры начала XIX в. см.: *Курганов Е. Я.* Устный рассказ в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1986, с. 7—14.

...сад Армиды.— Армида — героиня поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». В своих волшебных садах она удерживала своего возлюбленного Ринальдо от участия в крестовых походах.

С. 63

...нашего амфитриона...— Амфитрион — в греческой мифологии внук Персея, муж Алкмены, матери Геракла. Учитель и потом соратник Геракла. В новой литературе, благодаря одноименной комедии Мольера, Амфитрион стал синонимом гостеприимного, хлебосольного хозяина.

...невиданный вольтижер...— Вольтижер — воздушный гимнаст, канатоходец (от франц. voltiger — плясать на канате). Во время Великого поста в Петровском театре давались представления разного рода фокусников. О гастролях Карла Транже сообщали «Московские

ведомости» (1805, 11 марта). Скептический отзыв Жихарева не совпадает с оценкой И. М. Долгорукова (*Эйх.*, с. 700).

...приличествовали бы масленичному балагану...— то есть годились для простонародного зрителя, посетителя зрелищ, которые устраивались на масленицу в легких временных постройках (балаганах).

С. 64

...на Лубянке — ныне ул. Дзержинского. Манеж — специальное здание или площадка для обучения верховой езде и тренировки верховых лошадей. Школа вольтижирования — школа верховой езды высокого класса, включающая упражнения в прыжках на лошадь и с лошади на скаку.

...любители немецкой ученой музыки.— По семейному преданию, Моцарт посвятил Е. А. Муромцевой (урожд. Волковой) одну из своих сонат, которая потом была утрачена (*Эйх.*, с. 700).

...старик Геслер.—И. Геслер приехал в Россию в 1792 г., с 1794 г. жил в Москве, концертировал и давал уроки игры на фортепьяно. Как композитор испытал влияние венской школы, в ряде пьес использовал мелодии русских народных песен, написал оду «Мир» на слова Карамзина (см.: *Краткий биограф. словарь заруб. композиторов*, с. 57).

С. 65

...на Пречистенке...— Ныне Кропоткинская ул.

Ламар — П. Роде, игру которого высоко ценил Бетховен, в 1803—1808 гг. был солистом оркестра в Петербурге (см.: *Краткий биограф. словарь заруб. композиторов*, с. 182). Скрипач Ф. Бальо и виолончелист Ламар гастролировали в России в 1805—1808 гг.

С. 66

...затевается большая карусель...— Карусель — аристократическая спортивная игра-зрелище. Дворяне в роскошных маскарадных костюмах под музыку демонстрировали искусство верховой езды, на всем скаку метали копья и т. д. Карусели были любимым развлечением французского дворянства во времена Людовика XIV, в России появились при Екатерине II (см.: *Всеволодский*, с. 20; *Пушкин В. Л.* О каруселях.— В кн.: Сочинения В. Л. Пушкина. Спб., 1893, с. 130—135). Ср.: «В манеже его (гр. А. Г. Орлова.— *Л. К.*) «Нескучного» постоянно устраивались карусели, и не только вся аристократическая молодежь, но и дочь его, графиня Анна Алексеевна, со своими сверстницами участвовала в них. Она изумляла зрителей, выдергивая на всем скаку ввернутые в стены манежа кольца, а также срубая картонные головы с надетыми на них чалмами и рыцарскими шлемами» (*Старая Москва*, с. 194).

С. 67

...на страстной...— Страстная — седьмая неделя Великого поста, последняя перед пасхой, называется так потому, что в четверг церковь вспоминает страдания и смерть на кресте Иисуса Христа.

...гулянье на вербах...— Суббота на шестой (вербной) неделе Великого поста называется Лазарева (в память воскрешения Христом Лазаря.— Евангелие от Иоанна, гл. II) или вербная, так как это канун вербного воскресенья — праздника Входа Господня в Иерусалим. Вербы — символическая замена тех пальмовых ветвей,

которыми жители Иерусалима приветствовали Христа. Продажа верб происходила на специальных вербных базарах. Ср.: «Прекрасное гулянье было в Лазареву субботу, на Красной площади в Кремле. По Волхонке, мимо Василия Блаженного к Иверским воротам, кареты тянутся бывало на несколько верст; едешь, едешь — конца нет. Вдоль кремлевской стены, напротив гостиных рядов, расставлены палатки и столы, вроде ярмарки; торговали вербами, детскими игрушками и красным товаром. Это было больше детское гулянье» (*Благово*, с. 215). Для дворян гулянье — это катание в нарядных экипажах.

...на святой неделе.— Святая неделя — первая неделя после пасхи.

С. 69

...имя ему Иоанн».— Евангелие от Иоанна, гл I, ст. 6.

...память праведного с похвалами — начало тропаря Крестителю Иоанну.

...старый Немврод...— Нимврод (Немврод) в ветхозаветной мифологии — богатырь и охотник (Бытие, гл. 10, ст. 9—10).

С. 70

...на умовение ног...— Театрализованный обряд, инсценирующий евангельский рассказ о том, как Христос на Тайной вечере умыл ноги своим ученикам (Евангелие от Иоанна, гл. 13, ст. 1—20). В России обряд утвердился в XVI—XVII вв. Роль Христа исполняет архиерей, апостолов — 12 священников (см.: *Данилов*, с. 47).

С. 71

...дня восстания провозвестница.— Жихарев по памяти цитирует VII песнь Пасхального канона Иоанна Дамаскина.

С. 72

...в нового облеклися.— Жихарев цитирует Послание к Ефесянам св. апостола Павла (гл. 4, ст. 22, 24). Князь Д. П. Горчаков и Ф. Г. Карин имели репутацию атеистов. Жихарев полагает, что посещение пасхальной заутрени привело бы их к вере. Б. М. Эйхенбаум считает, что это позднейшая вставка. Карин, умерший в 1800 г., упоминается здесь как живой: в 1805 г. Жихарев не сделал бы такой ошибки (см.: *Эйх.*, с. 701).

С. 73

Гулянье под Новинским...— Ср.: «Среди всех развлечений эпохи 〈...〉 наиболее объединяющими все слои общества были знаменитые гулянья, гулянья с их нарядными кавалькадами, экипажами, ледяными горами, качелями, каруселями, «воксалами», балаганами, театрами и т. д. и т. д.» (*Всеволодский*, с. 11). Традиционное гулянье на святой неделе устраивалось под Новинским монастырем, упраздненным в XVIII в. (т. е. между современной пл. Восстания и Проточным пер.). Описания Новинского гулянья см.: *Рихтер*, с. 42—43; *Старая Москва*, с. 106.

С. 74

Гулянье под Девичьим...— Другое гулянье на святой неделе устраивалось на Девичьем поле (пространство от современных Плющихи и Зубовской ул. до Новодевичьего монастыря).

Английский клуб — закрытое привилегированное мужское общество, основанное в Москве в начале 1770-х гг. Членами клуба становились по строгой баллотировке, платя высокий вступительный, а потом членский взнос. До 1812 г. клуб помещался на Страстном бульваре. Там можно было пообедать, поужинать, сыграть партию в карты, узнать светские новости, обсудить политические события.

С. 75

...не совсем острую эпиграмму...— По «Дневнику студента» анонимная эпиграмма перепечатана в кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975, с. 410. Между тем эпиграмма не могла появиться ранее 1806 г., так как первый роман М. Е. Извековой «Эмилия, или Следствия безрассудной любви» (ч. I—IV, более 650 стр.) вышел в Москве в 1806 г. Жихарев явно позднее вставил эпиграмму в удобный для себя контекст, не считаясь с датами. Надо отметить также, что во всех изданиях приводится ошибочная дата рождения писательницы — 1794 г., со ссылкой на «Петербургский некрополь» (Спб., 1912, ч. I, с. 171). На основании этой даты С. Я. Штрайх даже назвал Извекову «вундеркиндом начала XIX столетия» (*Штр.*, т. 1, с. 439), считая, что она начала печататься «11 лет от роду». Однако никто не обратил внимания на заявление самой писательницы в предисловии к ее второму роману — «Торжествующая добродетель над коварством и злобою» (Спб., 1809) — о том, что первый роман был написан ею «на шестнадцатом году возраста» (ч. I, б. с.). Таким образом, дата ее рождения предположительно — 1791 г.

...гуронскими дикарями...— Гуроны — индейское племя в Северной Америке, почти полностью погибшее в XVII в. В литературе XVIII — начала XIX в. гурон — символ дикаря. В балаганах на ярмарках в числе разных «чудес» демонстрировали «гуронских дикарей», конечно не настоящих.

С. 78

...На ее могиле...— По «Дневнику студента» элегия З. А. Буринского перепечатана в кн.: *Поэты*, с. 314—315.

С. 81

...к гулянью 1 мая.— О происхождении гулянья 1 мая в Сокольниках см.: *Рихтер*, с. 33—35.

С. 84

...пели и плясали цыгане...— Цыганский хор гр. А. Г. Орлова славился своим искусством (см. запись Жихарева от 6 мая 1806 г.). Орлов отпустил цыган на волю, и некоторые даже поступили в 1812 г. в ополчение (см.: *Старый Петербург*, с. 424).

...Р и Ч*...*— Исследователи раскрывают эти криптонимы по-разному: М. Н. Лонгинов — Ч.— Чоблуков; С. Я. Штрайх — Чугунков и Рюмин Гаврило Васильевич (*Эйх.*, с. 702).

С. 85

Он в колеснице...— неточная цитата из оды Г. Р. Державина «Афинейскому витязю» (1796 г.), обращенной к гр. А. Г. Орлову: «Он, колесницы с гор бедрой /Своей препнув склоненье, /Минерву удержал в паденье». По свидетельству автора, имеется в виду

случай, когда Орлов спас Екатерину II от смерти, остановив мчавшуюся с деревянной горы коляску (*Державин*, т. 3, с. 668—669). Ода была впервые опубликована в 1808 г., поэтому либо Жихарев знал ее в рукописи, либо цитата — результат позднейшей вставки.

С. 86

...это — Немецкая слобода... — «Немецкая слобода, наименованная по названию жителей. Она расположена по восточной стороне Москвы, и имеет трех улиц: Покровка, и старая и новая Басманная. Не все жители оной немцы, но большая часть и русских имеет здесь свои домы» (*Рихтер*, с. 13).

С. 87

Выйду я на реченьку... — стихотворение Ю. А. Нелединского-Мелецкого (см.: Поэты XVIII века. Л., 1972, т. 2, с. 283—284).

...провести лето в Липецке... — Липецк был в начале XIX в. популярным курортом.

С. 89

...как ангел Товии... — Ветхозаветный Товия, сын Товита, странствует в сопровождении ангела Рафаила, который помогает ему преодолеть все трудности (Товит, гл. 5—12).

С. 91

...назначен за перевод бенефис. — Бенефисы были введены в русский театральный обиход в 1783 г. как дополнительное вознаграждение актеру, а в конце XVIII — начале XIX в. — «как одна из форм авторского вознаграждения» (*История*, т. 2, с. 44). Этим последним обусловлен бенефис Краснопольского. Сбор с бенефисного спектакля поступал в пользу бенефицианта, однако он обязан был поставить спектакль за свой счет и взять пьесу, не бывшую еще в репертуаре театра. Многие авторы и переводчики по дружбе к бенефициантам уступали свои пьесы даром, и они попадали в репертуар без всякого расхода для дирекции.

...судя по времени, это и невероятно)... — Лучшим временем для бенефисов считалась первая половина сезона (до Великого поста). В мае, когда дворянская публика уже разъезжалась на лето, театр редко делал полные сборы. Поэтому для актеров, имевших право на ежегодный бенефис, их очередность устанавливалась в начале года и строго соблюдалась. Получив бенефис в лучшую пору, актер на следующий год уже должен был довольствоваться менее удачным временем. В данном случае речь идет о внеочередном бенефисе.

С. 92

...на бывших некогда подьячих. — Н. И. Греч утверждал, что прототипом Клима Гавриловича Поборина — героя драмы Н. И. Ильина «Великодушие, или Рекрутский набор» послужил экспедитор К. Г. Голиков.

С. 93

«Учиться никогда не поздно!» — Запись о С. А. Тучкове — плод какого-то недоразумения. Тучков писал стихи с двенадцати лет, с 1780-х гг. сотрудничал в журналах, был членом ряда литературных обществ. В 1797 г. в Москве вышел его поэтический сборник «Собрание сочинений и переводов в стихах» (см.: *Поэты*, с. 161—167).

Таким образом, к 1805 г. генерал С. А. Тучков был вполне зрелым поэтом и не нуждался в уроках версификации.

С. 95

Ватраховловы — ловцы лягушек (от греч. «батрахос» — лягушка).

...во время известного бала...— 28 апреля 1791 г. в Таврическом дворце в Петербурге князь Г. А. Потемкин устроил грандиозный праздник в честь взятия Измаила. Гостей было более трех тысяч. Лучшие мастера и художники были заняты в оформлении праздника. Тексты для хоров писал Г. Р. Державин, он же составил описание торжества.

С. 97

...русалочный польский...— полонез из оперы «Русалка». Немецкая волшебная опера «Фея Дуная» («Das Donauweibchen», 1798 г.) композитора Куера в русской переделке Н. С. Краснопольского была разделена на четыре части: I — «Русалка» (вставные номера композитора С. И. Давыдова), впервые поставлена в Петербурге 26 октября 1803 г.; II — «Днепровская русалка» (вставные номера композитора К. А. Кавоса), впервые поставлена в Петербурге 5 мая 1804 г.; III — «Леста, Днепровская русалка» (музыка С. И. Давыдова), премьера в Петербурге 25 октября 1805 г.; IV — «Русалка», автор текста князь А. А. Шаховской, премьера в Петербурге 10 сентября 1807 г. (см.: *Арапов*, с. 164—166, 172, 182). Успех «Русалки» в начале XIX в. был беспрецедентным. Она не сходила со сцены до 1832 г. (*Всеволодский*, с. 111—112), хотя ее содержание всеми оценивалось как «нелепое».

С. 98

Блажен не тот...— начало стихотворения Н. М. Карамзина «Гимн глупцам» (1802 г.), имевшего острый политический смысл (см.: *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966, с. 286, 400). Жихарев не подразумевал карамзинского подтекста.

...уступивший жену свою...— Жихарев имеет в виду известный светский скандал, разразившийся в Москве в 1802 г. «Князь Александр Николаевич Голицын ⟨...⟩ мот, картежник и светский шалопай, проиграл свою жену, княгиню Марию Григорьевну (урожденную Вяземскую) одному из самых ярких московских бар — графу Льву Кирилловичу Разумовскому, известному в свете как le comte Léon, сыну гетмана, масону, меценату, чьи празднества в доме на Тверской и Петровском-Разумовском были притчей всей Москвы. Последовавшие за этим развод княгини с мужем и второе замужество придали скандалу громкий характер» (*Лотман Ю. М.* Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века.— Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 365. Тарту, 1975, с. 122). А. Н. Голицын промотал свое огромное состояние не только карточной игрой, но и эксцентричными выходками (см.: *Старая Москва*, с. 256—258). Хотя Жихарев весьма сдержанно упоминает о скандале, цензура не пропускала его сообщения до 1890 г.

Лабат де Виванс — О П. Я. Лабате де Виванс см.: *Вигель*, ч. 1, с. 146. По свидетельству Вигеля, Лабат вступил в русскую военную службу еще до Великой французской революции, был смотрителем Таврического дворца, при Павле — кастеляном Михайловского замка. Женился на дочери французского парикмахера Мармиона.

С. 99

Петербургский доктор А. А. Альбини...— А. А. Альбини составил в 1804 г. записку о состоянии Липецка, о минеральных источниках и мерах по улучшению курорта (см.: *Эйх.*, с. 705).

«Бурцов, йора, забияка» — Бурцов Алексей Петрович — адресат посланий Д. В. Давыдова, троюродный брат поэта С. Н. Марина, дядя историка П. И. Бертенева. О его разгульной жизни слагались легенды (см.: *Давыдов Д.* Стихотворения. Л., 1984, с. 197). Имя Бурцова стало символом гусарского удальства.

С. 100

...где Хариты? — Не совсем точно цитируется стихотворение Г. Р. Державина «Зима», написанное в 1805 г. в форме диалога Поэта и Музы; опубликовано в 1808 г. У Державина: «Вельяминов, лир любитель, /Богатырь, певец в кругу, /Беззаботный света житель, /Согнут скорбями в дугу».

...его разные пьесы...— Из драматургического наследия Н. Н. Сандунова были хорошо известны: перевод-переделка драмы Д. Д ро (по «расположению» Геммингена) «Отец семейства» (М., 1794), перевод «Разбойников» Шиллера и оригинальная драма «Солдатская школа» (опубликована в кн.: Детский театр, или Собрание пиэс, представленных Воспитанниками в Университетском Благородном Пансионе. Ч. II. М., 1802). Остальные пьесы не публиковались и были известны лишь узкому кругу. См.: *Переселенков С. А.* Затерявшиеся пьесы Н. Н. Сандунова.— Бирюч петроградских гос. театров. Сб. II. Пг., 1920; *Кряжимская И.* Рукописное наследие Н. Сандунова.— Русская литература, 1960, № 3; *Платонова И. Ф.* Неизданные комедии Н. Н. Сандунова.— В кн.: Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 4. Л., 1980.

С. 101

...«зримый свет в лицах»...— См.: *Хмельницкий И. П.* Свет зримый в лицах... Спб., 1773. Краткое описание см.: *Эйх.*, с. 706—707.

...автор комедии «Знатоки»...— Автором комедии «Знатоки» (1788 г.) был сын Ф. А. Эмина Н. Ф. Эмин, служивший в Петрозаводске в период губернаторства Державина.

С. 109

Пелеринаж — от франц. pelerin (паломник) — путешествие, паломничество. Жихарев ездил к гробу святителя Тихона, епископа Воронежского, задонского чудотворца.

С. 112

Сегодня разгавливаются яблоками.— 6 августа — праздник Преображения, называемый второй, или яблочный, спас, так как в этот день происходит освящение плодов и первый раз в году разрешается есть яблоки.

С. 116

...князя Гаврила Федорыча Борятинского...— О князе Г. Ф. Борятинском Жихарев рассказывает в своем очерке, напечатанном в «Журнале коннозаводства и охоты» (1842, № 2, с. 63—78).

С. 117

...новые усилия — не совсем точная цитата из Именного указа,

данного Сенату 1 сентября 1805 г. (см.: *Полн. собр. законов*, т. XXVIII, с. 1201).

Не на словах... — цитата из оды Г. Р. Державина «На восшествие на престол императора Александра I» (1801 г.).

С. 118

...он сочиняет какую-то оперу... — Речь идет, видимо, о пьесе Г. Р. Державина «Добрыня, театральное представление с музыкою в пяти действиях» (1804 г.).

С. 119

...прилагательными; существительною же... — Обыгрываются слова Митрофанушки в сцене экзамена (Д. И. Фонвизин. «Недоросль», д. IV, явл. VIII).

С. 120

...государь назначил быть в Пулаве... — Александр I прибыл в имение Пулавы 17 сентября 1805 г. О политическом смысле визита см.: *Шильдер*, с. 125—129.

С. 121

...отправляюсь к Троице завтра... — Жихарев отправился в Троице-Сергиеву лавру (ныне в г. Загорске Московской обл.) в день памяти ее основателя — св. Сергия Радонежского.

...съездить в Вифанию... — Спасо-Вифанский монастырь в трех верстах от лавры, основанный в 1783 г. митрополитом Платоном Левшиным, которого видел Жихарев.

...какой-то Кашинский. — Полеты на воздушном шаре штаб-лекаря И. Г. Кашинского в Нескучном саду продолжались с 19 августа по 1 ноября 1805 г., о чем неоднократно писали «Московские ведомости» (подробнее см.: *Эйх.*, с. 707—708).

...с самим Гарнеренем... — О французском воздухоплавателе Гарнерене писал «Журнал различных предметов словесности» (1805, кн. III, с. 28—44). Выдержки из него см.: *Эйх.*, с. 708—710. Современники оценивали воздухоплавательные опыты достаточно сложно, с интересом следя за научным прогрессом, с досадой порицая шарлатанские и рекламные трюки некоторых пилотов, пытаясь философски осмыслить перспективы овладения воздушным пространством. В 1810—1812 гг. Ф. Н. Глинка, рассуждая на эту тему, писал: «Овладев новою стихией, воздухом, люди, конечно, не преминули бы сделать и ее вместилищем своих раздоров и кровавых битв. К земным и морским разбойникам прибавились еще разбойники воздушные. 〈...〉 Тогда не уцелели б и народы, огражденные морями. 〈...〉 Нет, нет! воскликнули мы: не к чему изобретать способ летания по воздуху...» (*Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. Спб., 1815, ч. 2, с. 155).

С. 122

Хвосты есть у лисиц... — Этот экспромт приписывается разным авторам (Г. Р. Державину, А. Ф. Воейкову). См.: *Эйх.*, с. 710.

С. 123

...поучает — яко власть имеяй. — Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 29.

С. 126.

Tu proverai...— «Божественная комедия» Данте («Рай», песнь XVII, ст. 58—59).

С. 128

Речешь — и двигнется полсвета...— стих из оды И. И. Дмитриева «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794 г.).

С. 129

...горит Петровский театр...— Жихарев приводит неверную дату пожара Петровского театра, сгоревшего 22 октября 1805 г. С. Я. Штрайх предположил, что ошибка произошла оттого, что при компоновке записей был перепутан порядок листов.

Сегодня льстит надежда...— не совсем точная цитата из 8-й строфы стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779 г.). У Державина: «А завтра: где ты, человек?»

С. 131

...а камергер принц Бирон.— Жихарев довольно точен в своем сообщении. Ср.: *Шильдер*, с. 125.

С. 132

...взвесить смел...— цитата из 44-й строфы оды Г. Р. Державина «Водопад» (1791—1794 гг.), написанной на смерть Г. А. Потемкина. У Державина в четвертой строке: «на те стремнины».

С. 133

Коль с невинных...— цитата из заключительной строфы стихотворения Г. Р. Державина «Время» (1804 г., напеч. в 1808 г.). Третья строка в оригинале: «Коль утер сиротски слезы».

...как будто спросонья.— Тот же эпизод со слов И. И. Дмитриева его племянник передает несколько иначе. Ср.: *Дмитриев*, с. 164.

С. 134

...командует генерал Кутузов.— Эта запись, как и многие другие записи Жихарева о войне, показывает, что истинная подоплека событий оставалась ему неизвестной. Ср.: «В действительности Кутузов являлся главнокомандующим только по имени, у него отнято было самостоятельное начальство над армиею. ⟨...⟩ Австрийский генерал-квартирмейстер Вейротер сделался главным советником Александра» (*Шильдер*, с. 134).

...высечена розгами.— Актриса Лисицына была крепостной помещика А. Е. Столыпина, прадеда М. Ю. Лермонтова.

С. 135

...играть гримов...— Здесь грим — роль, основанная на внешнем перевоплощении.

С. 138

Государь пробыл в Берлине...— Александр I прибыл в Берлин 13 октября 1805 г. Его переговоры с прусским королем Вильгельмом III в Потсдаме длились до 22 октября, когда была подписана Потсдамская конвенция. Фактически Александр I проиграл на этих переговорах, так как присоединение Пруссии к антинаполеоновской

коалиции было чисто условным, а Россия приняла на себя по отношению к ней дополнительные обязательства (см.: *Шильдер*, с. 131—132). В Веймаре у своей сестры император был с 27 до 29 октября.

...на Мясницкой...— Ныне ул. Кирова.

С. 139

...прочитав в какой-то иностранной газете...— Б. М. Эйхенбаум указал, что подробная заметка об изобретении парижских механиков появилась в «Московских ведомостях» 11 ноября 1805 г., где содержалось и изложение их отчета в журнале «Le Publiciste» (см.: *Эйх.*, с. 711—712).

...Таскался с поздравлениями по именинникам.— 26 октября — день св. великомученика Димитрия Солунского. Газетный пер. — ул. Огарева.

С. 140

...калмычка Чума...— В XVIII в. в богатых барских домах была мода держать слуг-калмыков. Речь идет о калмычке, принадлежавшей семье Долгоруковых.

С. 141

...дурака Савельича...— Иван Савельевич Сальников, из крепостных. Был шутом у князя В. А. Хованского, был вхож во все аристократические дома. Упомянут А. С. Пушкиным в письме к С. А. Соболевскому в феврале 1828 г. См. о нем в примечаниях Б. Л. Модзалевского: *Пушкин.* Письма. М.; Л., 1928, т. 2, с. 280—283.

...за Тверскую заставу на садку...— За Тверской заставой на Ходынском поле была так называемая садка зайцев — травля собаками заранее пойманных для этой цели животных.

С. 143

...«Московский зритель»...— Журнал «Московский зритель» издавался в 1806 г. эпигоном Карамзина князем П. И. Шаликовым.

С. 144

...на Самотеке...— район современной Самотечной площади. Огромные владения князей Волконских помещались на месте нынешних Волконских переулков (см.: *Сытин*, с. 638).

С. 145

...не узнает об этих виршах.— Стихотворный пасквиль Н. И. Кондратьева, видимо, дошел до Державина. См. текст и комментарий Я. Грота в кн.: *Державин*, т. 8, с. 837—841.

...Степана Степановича Кроткова...— Подробнее о С. С. Кроткове, его обогащении и о его сыне Степане Степановиче см.: *Благово*, с. 326—331.

С. 146

...об издании «Дамского журнала»...— «Дамский журнал» издавался в 1806 г. ревностным карамзинистом М. Н. Макаровым.

С. 147

...парнасским люстихом.— Люстих — от немецкого lustig (веселый) — шутник (подробнее см.: *Эйх.*, с. 712—713).

С. 148

...сразиться с французами.— В то время, когда Александр I выехал из Дрездена (начало ноября 1805 г.), русская армия уже давно вела тяжелые арьергардные бои, совершая исторический маневр от реки Инн до Брюнна (Брно). 30 октября — победа под Кремсом, 4 ноября — знаменитое Шенграбенское сражение. Что же касается представления о царящем в армии «порядке», то необходимо помнить, что фактически «войска голодали, не имели сапог; проявнлся упадок духа» (*Шильдер*, с. 134), и «обожаемый», по мнению Жихарева, Александр I был, по свидетельству очевидцев, встречен в армии 6 ноября 1805 г. крайне холодно.

С. 151

Защитник строгого...— Жихарев не совсем точно цитирует первые строки оды В. Петрова «Его сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову Генваря 25 1771» (Поэты XVIII века. Л., 1972, т. 1, с. 342).

С. 153

...к сему одному предмету обращены».— Л. Н. Толстой воспользовался этим текстом в «Войне и мире» (т. 1, ч. 3, гл. 2).

С. 160

...о Жарновике и помешанном Дице.— О Жарновике (Иван Ярнович) см.: *Краткий биограф. словарь заруб. композиторов*, с. 265; о Ф. Дице — там же, с. 74; см. также: *Державин*, т. 3, с. 375.

Непостоянство — доля смертных...— цитата из VI строфы стихотворения Г. Р. Державина «К первому соседу» (1780 г.).

...Москва уныла...— цитата из IV строфы стихотворения И. И. Дмитриева «Освобождение Москвы» (1795 г.).

С. 161

...много именинников...— 30 ноября — день апостола Андрея Первозванного.

...«лепя, лепя и облепишься»...— Эту поговорку применительно к аустерлицкому поражению использовал Л. Н. Толстой в «Войне и мире» (т. II, ч. I, гл. 2), заимствовав ее из «Дневника студента».

...сколько немцы...— Ср.: «В сражении под Аустерлицем союзники потеряли около 27 тысяч человек (21 тысячу русских, около 6 тысяч австрийцев)» (*Окунь С. Б.* История СССР. (Лекции). Ч. 1. Конец XVIII — начало XIX века. Л., 1974, с. 171).

...яшася бегу...— распространенное в Священном писании выражение. См.: Бытие, 14:10, Навин, 7:4; Псалтирь, 47:6; Иеремия, 49 : 24.

...о подвигах князя Багратиона...— Имеется в виду Шенграбенское сражение, когда семитысячный отряд под командованием Багратиона целый день 4 ноября 1805 г. удерживал натиск пятидесятитысячной французской армии под командованием лучших генералов Наполеона — Ланна, Сульта, Мюрата. Багратион сумел задержать наступление французов, чем спас русскую армию от гибели, и присоединиться с остатками своего отряда к Кутузову.

С. 163

...к Николе-на-курьих-ножках...— В Москве издавна была ярко выражена традиция добавлять к названию церкви обозначение ее

местонахождения или какого-нибудь характерного признака, чтобы отличить друг от друга храмы в честь одного и того же святого или праздника. Жихарев удачно обыгрывает наименования Никольских церквей. Их перечисление несет не столько информативную, сколько стилистическую нагрузку. Большинство приведенных Жихаревым церквей отмечены по их местоположению: на Щепах (за Смоленскими воротами), в Столпах, в Кошелях, в Воробине (на Гостиной горе), на ул. Болвановке, в Котелках, в Хамовниках. Никола в Драчах «называется так потому, что тут издревле были кулашные бои или драки» (Историческое известие о всех церквах столичного города Москвы... М., 1796, с. 138—139). Но встречаются и названия иного происхождения: Явленный, Большой Крест (знаменитый памятник московского барокко на Ильинке). Церковь Николы «на курьих ножках» находилась в Поварской слободе, по соседству от Жихарева. М. И. Пыляев так объясняет происхождение ее названия: царь Алексей Михайлович пожаловал своим поварам грамоту на часовню Николы при курином дворе, где выхаживались куры для его стола. Ножки — старинная земляная мера. Часовня была там, «где от того двора ножки», с той поры и прослыло то урочище Никола на Курьих ножках» (*Старая Москва*, с. 403).

...приезжего из Петербурга...— «Приезжего» здесь значит «приехавшего», так как Д. Х. Стратинович был цензором в Москве. С. Н. Глинка, который учился у него французскому языку в Кадетском корпусе, называет его «одним из просвещеннейших греков» (*Глинка*, с. 51). По свидетельству Глинки, Стратинович владел древними и несколькими новыми языками, обладал прекрасной памятью и был человеком независимых взглядов (см.: Там же, с. 50—52).

...послом в Китай.— О гр. Ю. А. Головкине и о посольстве в Китай см. в «Записках» Ф. Ф. Вигеля и *Эйх.*, с. 715.

С. 164

...называть «Folie» глупостью? — Франц. folie — многозначное слово, может быть переведено по-русски: сумасшествие, помешательство, безумие, безрассудство, сумасбродство, глупость, неблагоразумие, страсть, шалость, дурачество, нелепость. Жихарев полагает, что в данном контексте необходимо было избрать другой перевод — видимо, «шалость».

С. 166

...«сей нареченный и святой день» — цитата из VIII песни Пасхального канона И. Дамаскина. Эти слова говорят о воскресении Христа, и относить их к дню рождения императора для религиозного человека — кощунство. Однако сознание русского дворянина начала XIX в. было столь секуляризированным, что даже гордящийся своим церковным воспитанием Жихарев не замечает этого.

...священный огонь в груди у Баранчеевой.— Журнал «Северный вестник» (1804, ч. 1) защищал Баранчееву от нападок критики, напоминая, что она крепостная актриса. Именно крепостное состояние, по мнению журнала, не дает возможности развиваться ее способностям.

С. 168

...только знак 4-й степени».— Жихарев почти точно цитирует

ответ Александра I на «Доклад Думы ордена Св. Георгия, с прошением к Государю Императору о возложении на Себя I степени ордена Св. Георгия» (см.: *Полн. собр. законов*, т. XXVIII, с. 1300—1301).

С. 169

«Игралище сует...» — цитата из стихотворения В. А. Жуковского «К человеку» (1801). Первая строка подлинника: «Игралище судьбы...»

С. 170

...беспечный мой Буринский... — Захар Алексеевич Буринский — талантливый, рано умерший поэт из кружка А. Ф. Мерзлякова. Сын священника, в 1806 г. блестяще окончил Московский университет со степенью магистра, готовился к академической карьере. Жил в бедности (см.: *Поэты*, с. 307—315). Видимо, Буринский обитал в комнате, которую когда-то занимал Е. Костров, большой поэт XVIII в. и горький пьяница.

...судебное действие Горюшкина... — Преподаватель практического законоведения З. А. Горюшкин, а после проф. Н. Н. Сандунов приносили из присутственных мест реальные судебные дела и разбирали их с учениками, распределяя между ними роли судебных чиновников и разыгрывая заседание суда (см.: *Сушков*, с. 41; *Снегирев*, с. 759).

...читали «Благость» Мерзлякова... — Стихотворение А. Ф. Мерзлякова «Благость» напечатано в «Вестнике Европы» (1811, № 17, с. 12).

...приехавший в отпуск Александр Тургенев... — В январе 1805 г. А. И. Тургенев вернулся в Россию после обучения в Геттингенском университете и научного путешествия с А. С. Кайсаровым по славянским землям. Он поступил на службу в канцелярию Новосильцева в Петербурге, откуда и приехал в отпуск.

С. 171

...все это кончилось. — См. описание выпускного торжественного акта в пансионе: Московские ведомости, 1805, 27 дек., с. 2494—2496. Ср.: *Сушков*, с. 49—50, 78—88.

...начальству пансионскому? — Уже говорилось, что лучшие из старших учеников пансиона производились в действительные студенты и наряду с занятиями в пансионе слушали лекции в университете. Н. В. Сушков вспоминал: «Отеческая заботливость Антона Антоновича Прокоповича-Антонского и тут их не покидала: он требовал от каждого всякий день отчетных записок о всем, что было преподаваемо с той или другой кафедры» (*Сушков*, с. 51). Этим порядком и недоволен Жихарев.

...вступили в пансион полупансионерами... — Ср.: «Плата за полупансионеров, т. е. за приходящих в Пансион с утра и уходящих до полдника (до 6 часов вечера.— *Л. К.*), равнялась, обыкновенно, двум третям годового взноса за полного пансионера» (*Сушков*, с. 37).

...с нами бог! — слова пророка Исайи (Исайя, гл. 8, ст. 8 и далее: ст. 12—14; гл. 9, ст. 6—7), которые читаются на великом повечерии Рождества.

...жезл из корене Иессеова... — слова из первого рождественского канона (ирмос IV).

...эти богородичные и синаксари... — Богородичны — церковные

песнопения в честь Богоматери. Синаксари (от греч. «собирать», «сокращать») — краткое изложение содержания службы, читаются в особо знаменательные праздники после VI песни канона. Составлены в XIV в. греческим историком Никифором Ксанфопуло.

С. 173

...писать не решится...— Дело не в «нерешительности» Мерзлякова. Официальные заказы были как раз тяжкой обузой для поэта. Как университетский профессор он обязан был откликаться на «торжественные случаи», и это писание «на заказ» выливалось в «казенное лиропение» (по выражению В. Г. Белинского). См.: *Мерзляков А. Ф.* Стихотворения. Л., 1958, с. 41.

С. 174

...в фантасмагорию и кинетозографию...— Б. М. Эйхенбаум приводит объявления Робертсона в «Московских ведомостях» о его представлениях (см.: *Эйх.*, с. 717) и считает, что Жихарев соединил под одной датой два разных представления. Кинетозография — демонстрация так называемых движущихся картин, а фантасмагория — показ фантастических картин и фигур, получаемых при помощи различных оптических приспособлений.

С. 175

...о приезде Ивана Александровича Загряжского...— И. А. Загряжский — один из любимцев князя Потемкина — был известен буйством и неподчинением никаким властям. Он был дедом Н. Н. Пушкиной-Гончаровой по матери, и будущая жена поэта родилась в родовом имении Загряжских Кариан (Знаменское) в Тамбовской губ. О необузданности характера И. А. Загряжского свидетельствуют семейные предания о рождении Н. И. Гончаровой-Загряжской, матери Н. Н. Пушкиной (см.: *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1978, с. 63, 261).

С. 176

...о Льве Александровиче Нарышкине...— О Л. А. Нарышкине, одном из влиятельных вельмож, выполнявшем при дворе Екатерины II роль потешника, шута, ходило множество анекдотов. Ср. некоторые из них: *Глинка*, с. 123—124.

С. 179

...со строптивыми развратишися».— Псалтирь, 17, ст. 26—27.

С. 180

Duex coqs vivaient en paix...— начало басни Л. Лафонтена «Два петуха».

С. 182

...в твоем «Чужом толке»! — Сатира И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794 г.) была направлена против одописцев. Некоторые строки из приведенной Жихаревым курьезной оды кажутся взятыми из этой сатиры.

«Лучше даяти, чем принимати»...— Деяния апостолов, гл. 20, ст. 35.

...исполните всяку правду».— Евангелие от Матфея, гл. 3, ст. 15.

Не от «Терезы же и Фальдони»...— роман французского писателя Леонарда в переводе М. Т. Каченовского «Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живших в Лионе» (Спб., 1804). Б. М. Эйхенбаум установил, что Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (Лион, марта... 1790) пересказал сюжет этого романа и затем упомянул о нем в балладе «Алина» (см.: *Эйх.*, с. 718—719).

С. 183

...(у них сочевника нет).— Сочевник (или сочельник) — канун праздников Рождества Христова и Богоявления (Крещения), т. е. 24 декабря и 5 января. Здесь имеется в виду Богоявленский сочельник. У немцев, в силу разницы календаря, праздник уже прошел.

На что; с любезной расставаясь...— Романс Д. А. Кавелина по тексту «Дневника студента» был использован Л. Н. Толстым в «Войне и мире» (т. 1, ч. 1, гл. XVII).

С. 184

...ездил на иордан...— прорубь во льду водоема, обычно в форме креста, в которой в день Богоявления совершалось великое освящение воды, описанное далее Жихаревым. Название происходит от реки, где крестился Христос.

«Во Иордане крещающуся тебе, господи»...— начальные слова тропаря Богоявлению.

С. 186

...поклоняться рязанскому Аману.— О рязанском помещике-самодуре Л. Д. Измайлове см.: *Словутинский С. Т.* Генерал Измайлов и его дворня. Отрывки из воспоминаний. М.; Л., 1937. Аман — приближенный царя Артаксеркса, требовавший поклонения себе и поплатившийся за это жизнью (Есфирь, гл. 3—7).

...критиковал его в своем журнале...— Как установил Б. М. Эйхенбаум, пастор Гейдеке отрицательно отозвался об игре Штейнсберга в пьесе А. Коцебу «Безумие», а также о пьесе Штейсберга «Хорошее настроение» (Русский Меркурий, 1805, кн. 2). См.: *Эйх.*, с. 719.

С. 189

...удалось мне побывать у Походяшина...— Г. М. Походяшин — сын богатого уральского заводчика, пожертвовал 50 тыс. рублей на помощь голодающим крестьянам, организованную Н. И. Новиковым в 1787 г. Он был вкладчиком Типографической компании и взял на себя ее долги после разгрома. Он же был распорядителем имущества Новикова после его ареста (см.: *Западов А.* Новиков. М., 1968, с. 153, 177). В результате Походяшин потерял все свое огромное состояние и умер нищим, благословляя память Новикова и час своего знакомства с ним.

С. 190

...яко голубие.— См.: Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 16.

С. 191

...в заем богови.— Псалтирь, 73, ст. 21.

Петр Иванович испугался...— Испуг Богданова был связан с

тем, что Походяшин, замешанный в дело Новикова, продолжал считаться лицом неблагонадежным.

С. 192

...рыжая Арисия! — героиня трагедии Расина «Федра».

С. 193

...Поэзия, с тобой... — не совсем точный текст стихотворения В. А. Жуковского «К поэзии» (1805 г.). У Жуковского: «И скорбь, и нищета, и мрачное изганье /Теряют ужас свой!»; «В убогой хижине своей»; «И дымный свой шалаш, и хлад, и шум морей».

«Раздался звук вечевого колокола... — начало повести Н. М. Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода» (1803 г.).

Безмолвные дубравы, тихие долины... — первые строки повести В. А. Жуковского «Вадим Новгородский» (1803 г.).

...и „Иисуса Сираха"». — Перечисляются книги, входящие в состав Ветхого завета: Пророки (Исайя, Иеремия и др.), Притчи Соломоновы, Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

С. 194

...угадавшей гений Державина. — Е. Р. Дашкова напечатала оду Г. Р. Державина «Фелица», принесшую поэту славу, в журнале «Собеседник любителей российского слова» (1783, № 1), который она редактировала.

С. 195 .

...К нему с штыком Бог-рати-он. — Четверостишие Г. Р. Державина «На Багратиона» было впервые напечатано в 1806 г. на отдельных листах.

С. 196

Хочу к бессмертью... — Шуточная ода А. С. Хвостова была напечатана в «Собеседнике любителей российского слова» (1783, № 10). Провинциал принял известного метромана, сенатора графа Д. И. Хвостова, за его однофамильца.

С. 200

...статьею любезного пастора Гейдеке... — Статья пастора Гейдеке «Карамзин» (Русский Меркурий, 1805, кн. 2, с. 49—64) была полемическим откликом на статью в «Северном вестнике» И. И. Мартынова (1804, № 8).

С. 201

...упрекали его в том... — упрек в адрес языковой реформы Карамзина, выдвинутый в книге А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803 г.).

...похвальным словом Екатерине II... — «Историческое похвальное слово императрице Екатерине II» (1802 г.) Н. М. Карамзина.

Могучий хозяин... — граф А. Г. Орлов-Чесменский.

...заставил графиню плясать по-русски. — О пляске гр. А. А. Орловой, об отношениях между отцом и дочерью и о ее последующей судьбе см.: *Герцен А. И.* Екатерина Романовна Дашкова.— В кн.: Дашкова Е. Записки. 1743—1810. Л., 1985, с. 251—253; *Старая Москва*, с. 194—200.

С. 204

Ездил к ректору...— Ректором в 1806 г. был профессор физики П. И. Страхов. См. о нем: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855, т. 2, с. 442—466.

...покойного Харитона Андреевича...— Жихарев ошибочно называет профессора X. А. Чеботарева «покойным», тогда как он умер в 1815 г. Эта ошибка — результат позднейших переделок текста.

С. 205

...(пустым романом Бланшара)...— А. X. Чеботарев перевел 1-ю часть романа французского писателя Пьера Бланшара «Фелиция Вильмар, или Изображение человеческой жизни» (М., 1805). Подробнее см.: *Эйх.*, с. 721.

С. 206

...у бога вся возможна суть — Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 26. Как установил Б. М. Эйхенбаум, мнение «иностранцев» о X. А. Чеботареве было почерпнуто из «Русского Меркурия» (1805, кн. 3, с. 165). См.: *Эйх.*, с. 721.

...сравнительная ведомость о ценах...— Источником этой таблицы также является, как показал Б. М. Эйхенбаум, «Русский Меркурий» (кн. 2, с. 159).

С. 208

...написал к нему одну из прелестнейших своих од...— Ода Г. Р. Державина «На возвращение графа Зубова из Персии», впервые опубликованная в 1804 г., была написана в 1797 г. в сложных обстоятельствах. Брат фаворита Екатерины II гр. В. А. Зубов находился в это время в опале. Вступив на престол, Павел I отозвал из похода русские войска, направлявшиеся в Персию под командованием Зубова. Державин, ранее прославивший Зубова в оде «На взятие Дербента», обратился к опальному вельможе с одной из лучших своих од, отстояв свою позицию независимого поэта. Жихарев цитирует строфы 10—12.

С. 210

...но в сущности так.— Как установил Б. М. Эйхенбаум, запись от 13 февраля представляет собой почти дословный перевод заметки пастора Гейдеке о книжной торговле в России (Русский Меркурий, 1805, кн. 2, с. 163). См.: *Эйх.*, с. 722.

С. 211

...да не похвалится всяка плоть перед богом.— 1-е Послание к коринфянам, гл. I, ст. 29.

...на решетке св. Лаврентия.— Римский архидиакон св. Лаврентий был сожжен на железной решетке в 258 г.

...портретом прапорщика Емельянова.— Ф. В. Растопчин рассылал портреты Емельянова уже в октябре 1804 г. Жихарев пишет об этом, опираясь не на личные впечатления, а на сообщения пастора Гейдеке (Русский Меркурий, 1805, кн. 2, с. 166). См.: *Эйх.*, с. 722.

С. 212

...и графа Хвостова? — Упоминание Д. И. Хвостова свидетельствует о том, что Жихарев скептически относится к творчеству не только П. И. Голенищева-Кутузова, но и Н. П. Николева, писательский авторитет которого в конце XVIII в. был достаточно высок. Показательно, что для литераторов 1800-х гг. творчество средних писателей предшествующего поколения кажется устаревшим.

С. 217

...за какого-то Шереметева.— М. Н. Лонгинов указал, что это был гр. Николай Алексеевич Шереметев (см.: *Эйх.*, с. 722).

...в этой фамилии.— С. Я. Штрайх и Б. М. Эйхенбаум считали, что эта запись, как и ряд других, содержит в себе путаницу фактов. Журнал «Амур» как продолжение «Журнала для милых» (1804 г.) М. Н. Макарова и И. В. Смирнова должен был появиться в 1805 г. (а не в 1807 г., по Жихареву). М. Н. Макаров в 1830 г. писал, что его сотрудницей была хорватка Елизавета Трубесска и подпись под объявлением в «Московских ведомостях» вызвала скандал. Ср. также свидетельство М. А. Дмитриева: «Журнал [для милых»] не мог, однако, продолжаться. Тогда издатели уговорили одну из сотрудниц издавать другой от своего имени.— Она не задумалась и немедленно объявила в газетах о новом журнале *Амур* и перевела свою фамилию по-русски, т. е. вместо кн. *Е. Трубеска* подписалась под программой: княжна Елизавета *Трубецкая*.— Княжна такого имени и фамилии была известна в Москве в большом свете: можно себе вообразить, сколько хлопот стоило это бедному Макарову! — Журнал не состоялся» (*Дмитриев*, с. 194—195). Вместе с тем существовала и княжна Е. Трубецкая, которая занималась литературой и в 1804—1807 гг. выступила с рядом публикаций (сообщение В. П. Степанова). Видимо, в памяти Жихарева две эти личности совместились.

С. 218

...окончания первого действия.— Здесь Жихарев полемизирует с сочувственным отзывом пастора Гейдеке о пьесе Фрейтаг «Великодушная женщина» (Русский Меркурий, 1805, кн. 2). См.: *Эйх.*, с. 723.

...Гнедича.— Роман Н. И. Гнедича «Дон Коррадо де Геррера, или Дух мщения и гордости Гишпанцев. Российское сочинение» (в 2-х ч. М., 1803) был напечатан в типографии П. П. Бекетова. М. А. Дмитриев вспоминал о нем: «Он написан в роде тех *ужасных* романов, которые были тогда в моде, но не в подражание г-же Радклиф, а более в роде романов немецких» (*Дмитриев*, с. 276). «Дон Каррадо» имел политический подтекст: борьба с самовластием. В предисловии автор проводит параллель между «страшными делами» Коррадо и «злодействами» испанского короля Филиппа II и его фаворита герцога Альбы. В кружке Мерзлякова, к которому был близок Жихарев, роман был предметом пристального внимания сразу после выхода. Вот что писал З. А. Буринский Гнедичу в 1803 г.: «Досадую на себя, что не читал еще Вашего Дон-Коррадо... 〈...〉 Это творение, которое покажет немцам, что не у них одних писали порой Мейснеры, Лессинги и Шиллеры. Слава нам и языку русскому!» (цит. по кн.: *Мерзляков А. Ф.* Стихотворения. Л., 1958, с. 41). Не исключено, что Жихарев, который был моложе по возрасту и поэтому обратился к роману позже, сделал это под влиянием Буринского, но его отношение уже было сдержанно-ироническим.

С. 219

...и на ней удавиться!» — Тяга к фантастике и бурным проявлениям страстей, которая кажется Жихареву чудачеством Гнедича, была характерна для радикально настроенных московских литераторов начала XIX в.— Андрея Тургенева, А. С. Кайсарова, А. Ф. Мерзлякова. Для них это был путь к народности в литературе. Перевод «Заговора Фиеско в Генуе» Шиллера, изданный в 1803 г., был выполнен Н. И. Гнедичем и С. И. Аллером.

...три раза прочитал «Телемахиду»... — Интерес к творчеству В. К. Тредиаковского и особенно к «Тилемахиде» появился у Гнедича, как и у А. Ф. Мерзлякова, А. Х. Востокова, далеко не случайно и был связан с их собственными метрическими экспериментами: стремлением обновить русский стих, желанием найти наиболее адекватные русские размеры для передачи античного стиха. В «Тилемахиде» был создан русский гекзаметр, и значение этого открытия подчеркивал еще А. Н. Радищев. Впоследствии опыт Тредиаковского помог Гнедичу в переводе «Илиады».

...сочинение какой-то драмы... — Драматургические поиски Н. И. Гнедича имели глубоко новаторский характер. Попытки создания грандиозных драм-мистерий предпринимались потом в декабристской литературе А. С. Грибоедовым и В. К. Кюхельбекером.

...в двух частях... — Трагедия Ф. Шиллера «Валленштейн» содержит три части: «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна».

...вступление его в Париж».—«Генрих IV», драматическая трилогия Фармен де Розуа (см. указатель пьес). Б. М. Эйхенбаум полагает, что в записи Жихарева отразилось сообщение «Московских ведомостей» (1805, 11 окт., с. 2153) о том, что в Генуе «представлена была недавно одна театральная пиэса в 15 действиях, и именно в три разные вечера, в каждый по 5 действий; она называется: Шарлотта оклеветанная; Шарлотта, приговоренная к смерти; Шарлотта отомщенная, или — Лейпцигская мамзель».

С. 220

...Макартнея...— Имеется в виду книга «Путешествие во внутренность Китая и Тартарию, учиненное в 1792-м, 1793-м, 1794-м годах лордом Макартнеем...» (ч. I—IV. М., 1804—1805). Перевод выполнен И. К. Борном по заказу генерала А. Б. Палицына. О последнем обстоятельстве писал пастор Гейдеке (Русский Меркурий, 1805, кн. 2, с. 162), откуда Жихарев и почерпнул свои сведения. Подробнее см.: *Эйх.*, с. 724—725.

...писателях его времени».— Перечисленные переводы Делиля, Жирардена, Руссо, Сен-Ламбера и оригинальное «Послание к Привете» принадлежат перу харьковского помещика и литератора Александра Александровича Палицына (о нем см.: *Поэты*, с. 745—780, 873—883). Б. М. Эйхенбаум справедливо предположил, что, «желая сделать свою запись об А. Б. Палицыне более содержательной, Жихарев воспользовался книжной «росписью» Смирдина (1828 г.), где указаны переводы и произведения Александра Палицына» (*Эйх.*, с. 725). Перерабатывая свои записи, мемуарист приписал труды харьковского литератора своему знакомому тамбовскому губернатору. Упоминание о «манускриптах» появилось потому, что «Времена года» и «Сады» вышли в 1814 г., и Жихарев пытался так скрыть свою уловку.

...все насквозь и виднехонько!» — Это простодушный отзыв о французских модах 1790-х — начала 1800-х гг., о женских платьях стиля ампир, делавшихся из тонких, почти прозрачных белых тканей и имитировавших античные туники (ср.: «прелестные сорочки»).

С. 222

...прозираем в будущее! — Жихарев надеется приобрести покровительство влиятельного лица — обер-прокурора, вскоре статс-секретаря П. С. Молчанова (под начальством которого действительно служил впоследствии).

С. 223

Запись от 4 марта 1806 г. послужила Л. Н. Толстому главным источником при описании приема Багратиона («Война и мир», т. II, ч. 1, гл. III). О некоторых фактических неточностях Л. Н. Толстого см.: *Эйх.*, с. 726.

С. 227

...прибран им так счастливо эпиграф...— Б. М. Эйхенбаум установил, что стихи, приписываемые Жихаревым Штейнсбергу, принадлежат пастору Гейдеке (Русский Меркурий, 1805, кн. 2, с. 115). См.: *Эйх.*, с. 726—727.

С. 229

...ничто в сравнении с портретом Державина...— Портрет Г. Р. Державина сидящим на снегу в шубе был создан итальянцем Сальваторо Тончи в 1801 г. по программе самого поэта. До смерти Державина картина находилась в его петербургском доме, а ныне — в Третьяковской галерее. Державин написал по поводу портрета стихотворение «Тончию» (см. обширный комментарий Я. Грота к этому тексту: *Державин*, т. 2, с. 397—404. Здесь же сведения о Тончи, в 1790-х гг. поселившемся в России).

С. 231

Кто в мире и любви...— строки из стихотворения Н. М. Карамзина «На разлуку с П[етровым]» (1791 г.).

С. 232

...перевел «Всемирного путешествователя»...— Я. И. Булгаков закончил перевод «Всемирного путешествователя» аббата де ла Порта (Спб., 1778—1794, в 27-ми ч.) будучи русским послом в Турции и находясь в заключении в крепости Едикуль («Семибашенный замок»), куда был посажен в 1787 г. после того, как Турция потребовала от России возвращения Крыма и пересмотра мирных договоров. Булгаков был освобожден в 1789 г. Упомянутый перевод «Путешествия молодого Анахарсиса по Греции» Бартелеми не был издан (сообщение В. П. Степанова). В записи от 16 октября 1806 г. Жихарев называет другое сочинение («Свет зримый в лицах» И. Хмельницкого) в качестве первой книги гражданской печати, прочитанной им в детстве.

С. 233

...был надворным советником.— Надворный советник — чин VII класса (равный подполковнику). Видимо, Горяинов с рождения по протекции был записан в службу и получал чины, находясь в «отпуску

до окончания наук». Подобная практика была обычной во второй половине XVIII в. (ср. в «Капитанской дочке»: «Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б.»).

...завел прекрасную фабрику...— А. А. Чесменский — побочный сын гр. А. Г. Орлова-Чесменского. Запись Жихарева о его фабрике, как установил Б. М. Эйхенбаум, имеет своим источником статью в «Русском Меркурии» (1805, кн. 5, с. 292—297): «Машинная фабрика А. Чесменского в Садках, в пяти верстах от Москвы», автором которой был сам владелец. См.: *Эйх.*, с. 727—728.

С. 234

...в издании французско-русского лексикона.— Н. Ф. Грамматин получил золотую медаль в пансионе в 1807 г. (см.: *Поэты*, с. 316). М. А. Дмитриев пишет о Грамматине: «Еще издал он (1808—1817) Английско-русский словарь» (*Дмитриев*, с. 280). См.: Новый английско-росский словарь, составленный по большому английско-французскому словарю Г. Робинета Имп. Московского ун-та кандидатом Николаем Грамматиным. Ч. I—IV. М., 1808—1816.

С. 235

...скончавшегося в начале прошлого года.— Повторена ошибка Жихарева относительно смерти Х. А. Чеботарева.

С. 236

...с возвышением курса на серебро и золото.— См. об этом запись от 4 июня.

С. 241

...простая глинка.— Анонимная эпиграмма на С. Н. Глинку перепечатана по «Дневнику студента» в кн.: Русская эпиграмма второй пол. XVII — нач. XX в. Л., 1975, с. 411.

С. 242

...врожденную антипатию к холодному оружию...— Шотландский король Иаков I (1424—1437) был заколот заговорщиками.

С. 243

...и пропасть разных затей.— Теперь от усадьбы Иславское (Одинцовский р-н Московской обл.) сохранилась только Спасская церковь (1799 г.). См.: Памятники архитектуры Московской области. М., 1975, т. 2, с. 88.

С. 247

...возвышения на них ценности».— Это рассуждение Х. Шлецера было напечатано в «Русском Меркурии» (1805, кн. 5, с. 169—234). См.: *Эйх.*, с. 730.

С. 252

...несотворшему милости.— Соборное послание апостола Иакова, гл. 2, ст. 13.

С. 253

Вот копия...— Обещанной копии нет ни в одном издании «Дневника студента».

С. 254

...наш целомудренный Иосиф! — Имеется в виду библейский Иосиф Прекрасный, сын Иакова и Рахили, отвергший притязания жены Потифара (Бытие, гл. 39, ст. 7—12).

С. 256

...оперу «Добрые солдаты»... — Комическая опера М. М. Хераскова, впервые поставлена в 1779 г., напечатана в 1782 г. в типографии Н. И. Новикова. Автор музыки — немецкий композитор и педагог Герман Раупах, живший в России в 1756—1762 и 1768—1778 гг. (см. о нем: *Краткий биограф. словарь заруб. композиторов*, с. 175).

С. 257

...кокетки Селимены... — роль в комической опере «Любовник-статуя».

...Нанины — роль в комедии Вольтера «Нанина».

С. 259

...повредить франкмасонам... — Евин клуб — общество развратников, по устойчивым легендам якобы существовавшее в Москве в конце XVIII в. Франкмасоны (или, по-русски, вольные каменщики) — члены религиозно-философского братства, ставившего своей целью нравственное совершенствование людей и исправление таким образом пороков общества. Масонские ложи возникли в Англии в начале XVIII в. и вскоре распространились по всей Европе. В России появились в 1730-е гг., расцвета достигли в 1770—1780-е гг. Важнейшим масонским центром в Москве был кружок Н. И. Новикова.

...из явных обманщиков. — В начале 1780-х гг. в русское масонство проникло увлечение «тайными науками» — алхимией, магией, с помощью которых русские мистики надеялись чудесным образом, мгновенно решить социальные проблемы. Алхимия, добившись превращения грубых металлов в золото, должна была избавить мир от бедности. Другая задача — создание совершенного человека, лишенного первородного греха,— должна была быть решена с помощью гомункула — искусственного человека, выведенного в колбе (см. об этом: *Лотман Ю. М.* «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу.— Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 139. 1963). Опыты масонов по изобретению философского камня и гомункула были покрыты глубокой тайной, которая накладывалась на и без того таинственные обряды и всю атмосферу лож. Непосвященным занятия масонов казались вздором или шарлатанством — отсюда многочисленные нападки на них в литературе (в частности, комедия Екатерины II «Обманщики» и др.) и в обществе. Однако случалось, что в масонскую среду проникали и настоящие обманщики, корыстолюбцы (например, Шредер в новиковском кружке), а иногда авантюристы выдавали себя за масонов. Отсюда и возникло расхожее представление об алхимиках (а порой вообще о масонах) как обманщиках и развратниках. Оно отразилось, например, в романе В. Т. Нарежного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1813—1814 гг., ч. III, гл. XIII—XVII).

Иллюминаты — члены ордена, организованного в 1776 г. в Баварии Адамом Вейсгауптом. В 1780 г. орден сблизился с масонскими ложами, в 1785 г. был запрещен. Более радикальная, чем масонство, организация, основанная на железной дисциплине, преследовавшая

кроме нравственно-филантропических также и политические цели (свержение монархии, установление республики).

С. 263

...Н. С. Титов (1776)...— Антреприза Н. С. Титова продолжалась в Москве с 1766 по 1769 г. Как указал С. Я. Штрайх, ошибка Жихарева произошла оттого, что он заимствовал сведения из статьи П. Н. Арапова «Очерк постепенного хода и усовершенствования театра» (1850 г.), где была допущена опечатка (см.: *Штр.*, т. 1, с. 460). Головинский театр находился в Лефортово.

СОДЕРЖАНИЕ

Жихарев С. П.

Ж75 Записки современника. Воспоминания старого театрала: В 2-х т.— Л.: Искусство, 1989.— 311 с., 8 л. ил., портр.

Талантливый мемуарист, С. П. Жихарев запечатлел в дневниках и записках свое время с удивительной достоверностью и вместе с тем живо и убедительно, представил многочисленные фигуры видных деятелей культуры эпохи: Г. Державина, И. Крылова, Н. Гнедича, И. Дмитревского, Е. Семеновой, А. Яковлева. Автор приводит уникальные факты и сведения, рассказывает о событиях, свидетелем которых ему довелось быть.

В первый том «Записок современника» вошел «Дневник студента», освещающий литературно-театральную жизнь Москвы самого начала прошлого века.

Издание снабжено вступительной статьей и комментариями, иллюстрировано гравюрами и рисунками начала XIX века.

Для широких кругов читателей.

Ж $\frac{4907000000\text{-}025}{025(01)\text{-}89}$ 102-88 ББК 85.443 (2)1

Степан Петрович Жихарев

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ТЕАТРАЛА

Редактор А. В. Лисицын. Художественный редактор М. С. Стернина. Технический редактор Л. Н. Смирнова. Корректор Л. Н. Борисова

ИБ № 2836. Сдано в набор 08.11.88. Подписано в печать 15.08.89. Формат издания $84 \times 108^1/_{32}$. Бум. типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,90. Усл. кр.-отт. 17,74. Уч.-изд. л. 17,83. Тираж 25 000. Изд. № 716. Зак. тип. № 1243. Цена 1 р. 80 к. Издательство «Искусство», Ленинградское отделение. 191186, Невский пр., 28. Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Государственного комитета СССР по печати. 198052, г. Ленинград, Измайловский пр., 29.